ГЖ I
П 2-4б

ПАРВУСЪ.

X

РОССІЯ и РЕВОЛЮЦІЯ.

Изданіе Н. ГЛАГОЛЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Библиотека Института В. К. Ленина

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

Г Ж1
П 246 Р

67377

Типографія Монтвида, Конная, ул., д. № 3—5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	5
Часть первая: Русскія финансы.	
1) Золотая валюта въ Россіи	9
2) Наши финансы	15
3) Состояніе финансовъ Россіи въ 1900 году	69
Часть вторая: Политическое развитіе Россіи и соціалдемократія.	
1) Капитализмъ и война	83
2) Паденіе самодержавія	96
3) Девять мѣсяцевъ войны	112
4) Самодержавіе и реформы	124
5) Что даетъ намъ 9-ое января.	134
6) Соціалдемократія и Государственная Дума	144
7) Въ чемъ мы расходимся.	150
8) Письмо къ Н. Ленину	177
9) Послѣ войны.	182
10) Наши задачи	198
11) Ходъ революціи.	207
12) Настоящее политическое положеніе и виды на будущее . . .	212
13) Реакція и бюрократическій либерализмъ	225
14) Декабрьскіе дни.—Рѣчь въ защиту II-го Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ Депутатовъ г. Петербурга. . . .	233

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящей книгѣ собраны мои финансовыя и политическія статьи относящіяся спеціально къ Россіи. Главную часть финансовой критики составляютъ главы трактующія о финансахъ изъ изданной мной и dr. Carl Ledeman'омъ книги „Das hungernde Russland“ — „Голодающая Россія“ Въ 1899 году мы вмѣстѣ объѣздили голодающія губерніи. Результатомъ нашихъ изслѣдованій и явилась вышеназванная книга. Кромѣ того, помѣщены двѣ статьи—„Золотая валюта“ и „Состояніе финансовъ въ 1900 г.“— изъ „Neue Zeit“

Въ 1899 году кредитъ Россіи заграницей достигъ своего высшаго пункта. Довѣріе биржи къ русскимъ финансамъ было почти безгранично. Мой анализъ финансоваго положенія Россіи для заграницы въ то время являлся диссонансомъ. Вскорѣ наступившій торговый кризисъ заставилъ, однако, даже ослѣпленнаго своею страстью къ наживѣ французскаго буржуа иначе взглянуть на вещи. А послѣдовавшая затѣмъ война показала политическую несостоятельность самодержавной Россіи.

Съ тѣхъ поръ измѣнились цифры русскаго государственнаго бюджета, но не измѣнился его характеръ. Къ тому, что я писалъ въ 1900 году, мнѣ, по существу, нечего прибавлять. Крестьянскія подати опять пришлось уменьшить, такъ какъ раззоренное крестьянство не въ состояніи платить. Ставки косвенныхъ налоговъ пришлось возвысить, точно также поднять цѣну на водку, хотя и тѣ и другая, какъ я указывалъ, гораздо выше, чѣмъ даже въ промышленной Германіи, и давно уже не только мѣшаютъ развитію потребленія, но даже абсолютно его понижаютъ. Желѣзныя дороги продолжаютъ давать дефицитъ. При этомъ желѣзнодорожное хозяйство приведено въ страшное разстройство. Золотой размѣнъ продолжаетъ держаться искусственнымъ накачиваніемъ золота отъ иностранныхъ займовъ и путемъ ограбленія государственныхъ сберегательныхъ кассъ. Балансъ Государственнаго Банка показываетъ ясно его платежную неспособность. Вся система только еще держится отсутствіемъ дѣйствительнаго контроля надъ

Институтъ В. И. Ленина

министерствомъ финансовъ и публичной отчетности. Въ тотъ моментъ, когда Государственная Дума разберетъ публично государственный бюджетъ страны, финансовое банкротство государства станетъ явнымъ. Не потому ли медлили ея созывомъ, пока былъ укрытъ отъ нея бюджетъ на 1906 годъ, распустили ее, когда предстояло внести на ея разсмотрѣніе бюджетъ на 1907 годъ и созываютъ снова только въ февралѣ, т. е. къ тому времени, когда и бюджетъ на 1907 годъ уже будетъ утвержденъ безъ нея?

Не кстати ли также, съ этой точки зрѣнія, для заинтересованныхъ лицъ убитъ проф. М. Я. Герценштейнъ, въ которомъ видѣли главнаго знатока финансовъ, выставленнаго Государственной Думой?..

Финансовое положеніе страны, конечно, отъ этого не улучшится.

* *
*

Политическія статьи, вошедшія въ эту книгу, въ особомъ поясненіи не нуждаются. Большая часть изъ нихъ (статьи о войнѣ, по поводу 9-го января, Государственной Думы и соціалдемократическихъ разногласій) были напечатаны первоначально въ заграничныхъ изданіяхъ, главнымъ образомъ, въ „Искрѣ“. Всѣ остальныя за исключеніемъ „Декабрьскихъ дней“, которая появляется здѣсь впервые, въ русскихъ „легальныхъ“ изданіяхъ.

РУССКІЕ ФИНАНСЫ.

Золотая валюта въ Россіи.

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ въ Россіи предстоитъ попытка перехода къ чистой золотой валютѣ. Министерство финансовъ заготовило уже соотвѣтственный проектъ. И такъ какъ въ Россіи обходятся безъ утвержденія законодательныхъ проектовъ парламентомъ, то осуществленіе упомянутаго проекта можно считатъ вполнѣ обезпеченнымъ, разъ только на этомъ согласились отдѣльныя министерства.

Номинально въ имперіи принята серебряная валюта, фактически же то, что называется бумажной валютой. Это значитъ, что въ обращеніи циркулируютъ разноцвѣтныя клочки бумаги, обозначающіе опредѣленную цѣнность, но отнюдь не гарантирующіе уплату этой цѣнности. Хотя на каждомъ бумажномъ рублѣ напечатано, что казначейство обязано обмѣнять его на серебряный рубль, но—по неволѣ---обѣщаніе это понимается такъ, что его не приходится выполнять---казначейство, производитъ уплату серебра отнюдь не выше, какъ по биржевому курсу дня. Это значитъ: если, напримѣръ, курсъ рубля стоитъ на 25% ниже номинальной цѣнности, то казначейство обязано произвести уплату по разсчету $^3/_4$ серебрянаго рубля за 1 рубль бумажный. Если курсъ рубля понижается еще ниже, казначейство уплачиваетъ еще меньше; становятся дѣла казначейства плохи, тогда оно вообще ничего не платитъ. Съ 1854 года фактически не существуетъ обязательнаго размѣна. Не всемогущее правительство, а биржа устанавливаетъ цѣнность рубля. Слово правительства имѣетъ силу лишь постольку, поскольку то допускаетъ биржа. Но затѣмъ каждый охотнѣе полагается на биржу, нежели на правительство. Кто не вполнѣ спокоенъ за свои бумажные рубли переводитъ ихъ въ марки или стерлинги, другими словами, помѣщаетъ свой капиталъ въ заграничные банки, или же покупаетъ на нихъ акціи, государственныя бумаги и пр., короче бумаги, не только пріятныя тѣмъ, что онѣ приносятъ проценты, но и тѣмъ, что эти проценты служатъ гарантіей ихъ цѣнности.

Русскій дѣловой міръ укрѣпился въ этой спекуляціи благодаря одному особенному обстоятельству, на которое мы спеціально обращаемъ вниманіе стоящихъ за биметаллизмъ аграріевъ. Паденія цѣны серебра привело къ тому, что овеществленная въ серебряномъ рублѣ цѣнность стала меньше биржевого курса бумажнаго рубля. Въ одномъ серебрянномъ рублѣ находятся 18 грамовъ чистаго серебра. По теперешнему биржевому курсу рубля эти 18 грамовъ стоятъ около 80 копеекъ, слѣдовательно только $^{8}/_{10}$ рубля. Своей серебрянной валютой Россія достигла, такимъ образомъ, того, что не серебряный рубль опредѣляетъ болѣе цѣнность бумажнаго рубля, а наоборотъ курсъ рубля удерживаетъ серебряный рубль выше его цѣнности. Серебряныя деньги превратились всецѣло въ разиѣнныя монеты, чѣмъ издавна были мѣдныя и никелевыя деньги.

Такимъ образомъ, ничѣмъ не обезпеченный, курсъ рубля колеблется въ спокойное время въ зависимости отъ колебаній рынка. Въ тревожное время онъ является игрушкой экономическихъ и политическихъ конъюнктуръ. Во всякое же время рубль служитъ прекраснымъ объектомъ биржевого ажіотажа.

Вполнѣ понятно поэтому желаніе русскаго правительства избѣжать господства биржевиковъ. Послѣ продѣланныхъ съ серебромъ опытовъ никто въ Россіи не сомнѣвается, что единственный путь къ тому золотая валюта. Но какъ ввести ее? Какъ покрыть золотомъ огромную сумму кредитныхъ рублей? Откуда взять золота.

Рѣшеніе этой трудной задачи русское министерство финансовъ начинаетъ попросту съ поддѣлки монеты. Вмѣсто того, чтобы поднять курсъ рубля до номинальной цѣнности посредствомъ золотого покрытія, онъ кладетъ существующій курсъ въ основу своихъ операцій. Такъ какъ русская золотая монета, полуимперіалъ, номинальная цѣнность котораго 5 р., стоитъ въ настоящее время по курсу 7 р. 50 коп., то отнынѣ изъ каждаго такого полуимперіала велятъ сдѣлать полтора полуимперіала. По этому образцу должны производиться новыя чеканки и перечеканиваться старыя монеты. При помощи такого фокуса залотой запасъ государственнаго банка изъ 700 милліоновъ рублей превращается въ 1050 милліоновъ. Измѣненіе, само собой разумѣется, только номинальное. Лажъ на золото устраняется тѣмъ, что за прежнюю цѣну даютъ меньшія монеты. Фокусъ не новый. И если бы курсъ рубля былъ еще ниже, если бы полуимперіалъ стоялъ близко къ 10 кредитнымъ рублямъ, тогда эти 700 милліоновъ золотыхъ рублей можно было бы превратить даже въ 1400 милліоновъ!

Русское министерство финансовъ думаетъ, что такимъ путемъ оно будетъ въ состояніи произвести покрытіе кредитныхъ билетовъ 93 процентами золота. На моментъ это ему дѣйствительно удастся. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что вѣдь девальвація проектировалась по курсу дня. Вопросъ въ томъ, какъ долго сохранится это отношеніе?

Чтобы устранить колебаніе курса, необходимо ввести свободный размѣнъ на золото. Это основное правило золотой валюты. Русское правительство хочетъ взять на себя обязательство размѣна бумажныхъ рублей по ихъ номинальной цѣнности въ золотѣ, само собой разумѣется, новаго чекана. Но тутъ сейчасъ напрашивается вопросъ: остается-ли золотая монета навсегда того же самаго вѣса? Вопросъ вполнѣ умѣстенъ. Россія начинаетъ вѣдь свою денежную реформу съ того, что уменьшаетъ золотую монету — кто поручится, что монета снова не будетъ уменьшена, если уменьшится золотой запасъ государственнаго банка и курсъ рубля заграницей упадетъ? Для конституціонныхъ государствъ гарантія заключается въ невозможности подобнаго измѣненія безъ согласія парламента. Въ Россіи же отсутствуютъ политическія гарантіи валюты. Въ виду того, что здѣсь рѣчь можетъ итти только о цѣлесообразности, особенно важно изслѣдовать, на сколько Россія способна была бы преодолѣть финансовыя затрудненія, могущія встрѣтиться ей при введеніи золотой валюты.

Тотъ же самый фокусъ, посредствомъ котораго русское министерство финансовъ изъ ничего создаетъ милліарды золота, увеличиваетъ номинальную золотую цѣнность русскаго государственнаго долга и ежегодно уплачиваемыхъ процентовъ на 50 процентовъ. Это во-первыхъ. Часть долга заключена въ золотѣ. Соотвѣтственно измѣненному вѣсу золотой монеты долгъ заключенный въ золотѣ будетъ разсчитываться по $1^1/2$ рубля за 1 рубль. Но и въ томъ случаѣ, когда долгъ и проценты исчисляются въ кредитныхъ рубляхъ, ихъ цѣнность въ переводѣ на золото съ уменьшеніемъ монеты, само собой понятно, возрастетъ въ той же степени. Отливъ золота вслѣдствіе уплаты процентовъ и погашенія государственныхъ долговъ, возрастетъ слѣдовательно, на 50 процентовъ. То же самое имѣетъ мѣсто и въ примѣненіи къ частнымъ платежамъ, поскольку они производятся золотомъ. Короче, съ номинальнымъ повышеніемъ цѣнности золотого запаса въ той же мѣрѣ возрастетъ номинально и нужда въ золотой монетѣ. Формальное измѣненіе и слѣдствіе производитъ только фор-

мальное. Платежеспособность государственнаго банка ни на одну копейку не возрастетъ оттого, что переименуютъ его золотой запасъ.

Чѣмъ больше отливъ золота изъ государственнаго банка, тѣмъ меньше остающійся золотой запасъ, тѣмъ неблагопріятнѣе устанавливается отношеніе между количествомъ обращающихся бумажныхъ денегъ и золотымъ покрытіемъ банка.

Но пусть на минуту золотой запасъ русскаго государственнаго банка будетъ достаточно великъ, все же онъ одинъ далеко не въ состояніи обезпечить курсъ бумажнаго рубля. Въ Россіи въ настоящее время находится въ обращеніи очень мало золота. Почти все оно собрано въ государственномъ банкѣ, отчего его запасъ и кажется такимъ большимъ. Съ введеніемъ золотой валюты часть золота изъ государственнаго банка должна будетъ уйти въ торговлю; значительныя суммы отойдутъ къ частнымъ банкамъ, другія будутъ удержаны для текущихъ оборотовъ. Ясно, что въ той же мѣрѣ уменьшится золотое покрытіе государственнаго банка. А priori можно сказать, что въ случаѣ денежной паники въ распоряженіи государственнаго банка будетъ слѣдовательно не 93 процента покрытія, какъ разсчитываютъ теперь министерство финансовъ, а значительно менѣе. Что частныя банки, не несущіе никакихъ обязательствъ, поудержатъ въ этомъ случаѣ свое золото въ своихъ кассахъ—разумѣется само собой.

Но идемъ дальше. Если вслѣдствіе неблагопріятной торговой конъюнктуры или въ силу политическихъ осложненій или по какой-либо другой причинѣ будетъ поколеблено и безъ того очень слабое довѣріе къ устойчивости русской золотой валюты и курсъ бумажнаго рубля упадетъ, то кредитные билеты изъ внутренняго обращенія прильютъ къ кассамъ государственнаго банка. Государственный банкъ уплачиваетъ по нимъ золотомъ. Но въ то же время онъ долженъ постараться снова вернуть кредитные билеты въ обращеніе, такъ какъ у государственнаго банка имѣются вѣдь и помимо этого платежи. Онъ долженъ имѣть широкій кредитъ, иначе онъ не можетъ существовать какъ банкъ. Наступаетъ уплата процентовъ, погашеніе займовъ и пр. и банкъ производитъ ихъ или золотомъ и такимъ путемъ опустошаетъ свои кассы или кредитными рублями, банкнотами, которые тотчасъ же возвращаются изъ обращенія обратно, чтобы обмѣняться на золото. При паденіи курса имѣетъ мѣсто, слѣдовательно, продолжительный отливъ золота изъ кассъ государственнаго банка и одновременный приливъ кредитныхъ билетовъ, которые банкъ опять отгоняетъ отъ себя и которые снова возвращаются въ его кассы для обмѣна на золото. Ясно, что при такомъ обращеніи банкъ

неизбѣжно долженъ лопнуть, хотя бы его золотой запасъ былъ еще достаточно великъ. Банкъ будетъ форменно опустошенъ.

Бумажные деньги покоятся всегда на кредитѣ къ государству со стороны дѣлового міра. Но для устойчивости этого кредита кромѣ золотого покрытія необходимы публичная отчетность въ веденіи финансоваго хозяйства и довѣріе къ финансовымъ операціямъ государства. Какъ обстоитъ въ этомъ отношеніи дѣло съ русскимъ абсолютизмомъ? Лишь самыя общія цифры государственнаго бюджета публикуются во всеобщее свѣдѣніе, такъ что ихъ трудно контролировать. Доходы и расходы проставляются правительствомъ по своему усмотрѣнію и никто ничего не долженъ возражать. Займы могутъ быть заключаемы въ любой суммѣ, для чего не требуется ни предварительнаго согласія какой-либо корпораціи, ни даже отчетности post factum. Нѣтъ даже достаточныхъ гарантій для контроля количества выпускаемыхъ кредитныхъ билетовъ. Существуетъ, правда, при государственномъ банкѣ, такъ называемая, „контрольная комиссія“, но полномочія ея сводятся къ нулю! Система налоговъ запутана, доходы неопредѣленны, организація взиманія налоговъ дорога и ненадежна. Недоимки накопляются десятилѣтіями. Изъ плательщиковъ налоговъ выжато все до послѣдней капли. Дефицитъ хроническій. Единственнымъ опорнымъ пунктомъ среди финансоваго произвола, фискальнаго истощенія, хозяйственной запущенности, граничащей съ банкротствомъ задолженности, является золотое покрытіе въ 1050 милліоновъ — при нахожденіи въ обращеніи гораздо больше милліарда кредитныхъ билетовъ. Но и оно въ значительной части фиктивно. Какой глупецъ при такихъ условіяхъ сталъ бы питать довѣріе къ русской золотой валютѣ?

Въ концѣ концовъ его не питаетъ и само русское министерство финансовъ! Положеніе вещей попросту таково: русское бумажно-денежное хозяйство настолько уже скомпрометировано, что казначейство не можетъ болѣе отпечатать почти ни одного рубля, не рискуя вызвать стремительное паденіе курса. Азіатская хитрость, однако, находитъ выходъ и изъ этого рокового положенія. Право выпуска бумажныхъ денегъ отнимается у „казначейства“ и передается теперь государственному банку съ тѣмъ, чтобы до милліарда выпускъ билетовъ обезпечивался 50 процентами, а сверхъ того полнымъ золотымъ покрытіемъ. Но вѣдь даже при полномъ покрытіи съ каждымъ золотымъ рублемъ банкъ выбрасываетъ въ обращеніе и рубль бумажный. Каждый золотой рубль имѣетъ за собой свою бумажную тѣнь. Такимъ-то образомъ, снова можетъ

быть пущенъ въ ходъ печатный станокъ. „Золотая валюта“ ничто иное какъ фокусъ, продѣлываемый передъ публикой для отвода глазъ.

Но какая выгода русскому правительству оттого, что государственный банкъ станетъ выпускать билеты? „Казначейство“ въ такомъ случаѣ не можетъ, какъ уже сказано, выпускать кредитные билеты. Это, однако, означаетъ только то, что министерство финансовъ не можетъ болѣе получать безъ околичностей деньги изъ кассъ банка. Но что мѣшаетъ государственному банку употреблять свои билеты на покупку государственныхъ обязательствъ, облигацій Сибирской желѣзной дороги и пр.!

Quod erat demonstrandum.

А что же съ курсомъ рубля? Ахъ, да курсъ... Если положеніе рынка благопріятно, онъ поднимается, но то, сейчасъ же падаетъ. А свободный размѣнъ? Э-ва! вся исторія русскихъ денегъ есть ничто иное, какъ рядъ обмановъ и поддѣлокъ монетъ.

Какъ только свободный размѣнъ станетъ непріятенъ, онъ тотчасъ же будетъ отмѣненъ указомъ, или же только что урѣзанная золотая монета будетъ уменьшена вдвое. Кто можетъ этому помѣшать? Кто можетъ запретить? Надъ всѣмъ господствуетъ абсолютная воля самодержавнаго правительства.

Вотъ почему только тогда установится и въ Россіи прочный денежный курсъ, когда для него создастся политическая гарантія, а таковой является исключительно конституціонное правленіе.

Наши финансы.

Что извѣстно о русскомъ государственномъ бюджетѣ? — Государственные доходы Россіи.— Сельскохозяйственные налоги. — Питейный акцизъ и винная монополія.— Быстрое уменьшеніе потребленія водки.— Передача въ собственность государства революціоннымъ путемъ. — Грабежъ общинныхъ кассъ.—Несуществующіе винокуренные заводы, дающіе высокіе доходы.— Отчаянная финансовая мѣра.— „Общества попеченія о народной трезвости“.— Акцизъ на табакъ и потребленіе табаку.— Сахарный акцизъ, сахарный синдикатъ и цѣны на сахаръ.— Керосинъ.— Пошлины.— Русскія казенныя желѣзныя дороги.— Приносятъ русскія казенныя желѣзныя дороги доходъ или нѣтъ? — Сомнительная цѣнность офиціальныхъ цифръ. — Безпрерывно растущій дефицитъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. — Голодовки и желѣзныя дороги. — Какимъ способомъ получились до 1896 г. „благопріятные“ результаты первыхъ лѣтъ перехода въ казну желѣзныхъ дорогъ.— Какимъ способомъ дефицитъ превращаютъ въ прибыль.—Экономическія условія русскихъ желѣзныхъ дорогъ и ихъ низкая доходность.— Заключительныя разсужденія о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ.—Доходность Сибирской желѣзной дороги.—Финансовыя послѣдствія голода 1897 и 1898 гг.— Таинственный запасный фондъ и его судьбы.— Русская денежная реформа: какъ она проведена и каковы ея результы. — Государственный банкъ и государственное казначейство.—Русская финансовая политика. — Веденіе хозяйства посредствомъ займовъ.— Будущее русскихъ финансовъ.

Наша задача— анализъ связи между упадкомъ русскаго сельскаго хозяйства и русскимъ государственнымъ бюджетомъ.

Въ конституціонныхъ государствахъ критика составляетъ главную работу парламентовъ. Составленіе бюджета, характеръ отдѣльныхъ его статей, способъ веденія счетовъ— все это предусмотрѣно закономъ. Не только отно-

сительно отдѣльныхъ статей бюджета, но и относительно составныхъ частей послѣднихъ даются опредѣленныя указанія, и эти исчисленія образуютъ толстые тома цифръ. Въ своей работѣ комиссіи проникаютъ въ самыя мельчайшія детали доходовъ и расходовъ, и министры должны при полной гласности отвѣчать на дѣлаемые имъ запросы. Тѣмъ не менѣе врядъ-ли даже въ парламентскихъ странахъ кто-нибудь станетъ утверждать, что всегда существуетъ абсолютно ясное представленіе о финансовомъ положеніи государства. Представимъ же себѣ, что правительство представляетъ парламенту лишь общія цифры бюджета! Очевидно, что парламентъ откажется отъ всякаго разсмотрѣнія этихъ цифръ и заявитъ, что при такой росписи не можетъ взять на себя какой-бы то ни было отвѣтственности за финансовое хозяйство, и отложитъ разсмотрѣніе бюджета до тѣхъ поръ, пока ему не будутъ представлены необходимыя свѣдѣнія.

А русскій бюджетъ! Прежде всего, онъ даетъ только самыя общія статьи росписи. Какъ онѣ составляются остается тайной правительства. Что это значитъ при бюджетѣ, отдѣльныя статьи котораго часто доходятъ до милліоновъ, нѣтъ необходимости объяснять. Этого мало, бюджетъ содержитъ различныя расходныя статьи, назначеніе которыхъ совсѣмъ не указано—такъ напримѣръ, въ бюджетѣ на 1900 г. подъ одною только рубрикой „Разное“ въ смѣтахъ отдѣльныхъ министерствъ расходы опредѣлены въ суммѣ 19.457.933 рублей; кромѣ того 9.944.579 рублей ассигнованы подъ рубрикой „à conto слѣдующаго года“. Это еще отнюдь не все! Министерство финансовъ вноситъ для себя въ смѣту слѣдующіе расходы неопредѣленнаго характера:

Расходы à conto возврата	18.902.821	руб.
Расходы прошлаго времени и на основаніи существующихъ постановленій	3.588.000	„
Расходы различнаго рода.	5.215.578	„

Такъ какъ послѣдняя статья засчитана уже нами подъ рубрикой „разное“, то слѣдуетъ прибавить, такимъ образомъ, еще 22.490.821 р. Сверхъ того военное министерство отчисляетъ 9.838.861 руб. въ качествѣ „запаснаго кредита“, а въ концѣ обыкновеннаго бюджета указаны еще 12.000.000 руб., какъ „непредвидѣнные расходы!“ Это составляетъ всего 73.732.194 рубля ежегодныхъ расходовъ въ обыкновенномъ бюджетѣ, относительно характера которыхъ не дается никакихъ указаній! [1]).

---

[1]) Всѣ цифры взяты изъ опубликованнаго бюджета въ „Вѣстникѣ Финансовъ“, 1900 г., № 1.

Въ бюджетѣ, который, подобно русскому, весьма существенно опирается на государственное производство, подобныя смѣты дѣлаютъ почти невозможнымъ какой-бы то ни были контроль доходности этого послѣдняго.

Безпорядочность русскаго государственнаго управленія обнаруживается, разумѣется, и въ бюджетѣ. Такъ, въ бюджетѣ министерства финансовъ мы находимъ часть расходовъ по набору рекрутовъ; военное министерство беретъ на себя функціи министерства внутреннихъ дѣлъ—управленіе Туркестанскимъ генералъ-губернаторствомъ въ видѣ исключенія отнесено въ вѣдѣніе не послѣдняго, а перваго; министерство путей сообщенія включаетъ въ смѣту 12,8 милл. на шоссейныя дороги, а министерство финансовъ 5 милл. для „ссудъ на постройку дорогъ:“ часть расходовъ на культъ исчисляется министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и т. д.

Отдѣльныя статьи бюджета имѣютъ также ту особенность, что дѣлаютъ пропуски изъ одного отдѣла въ другой, исчезаютъ и снова появляются, увеличиваются и сжимаются. Такъ, въ бюджетъ 1900 г. встрѣчаются по сравненію съ бюджетомъ 1899 года измѣненія при вычисленіи 25 статей расходовъ. Поэтому цифры для 1899 года, приложенныя для сравненія къ бюджету 1900 году не сходятся съ цифрами, приведенными въ смѣтѣ 1899 года, изъ которой онѣ взяты.

Но самымъ главнымъ препятствіемъ для критики русскаго бюджета служитъ совершенно неопредѣленное отношеніе между казначействомъ и государственнымъ банкомъ, къ чему мы вернемся еще впослѣдствіи.

Если мы все такп приступаемъ къ анализу цифръ, приведенныхъ въ русской государственной росписи за 1900 годъ, — то мы это дѣлаемъ со всѣми возможными оговорками.

* * *

Установимъ прежде всего чистые доходы государства, такъ какъ роспись заключаетъ въ себѣ много проходящихъ статей, т. е. числящихся какъ въ доходѣ, такъ и въ расходѣ.

1. Желѣзныя дороги. Валовой доходъ съ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ [1]) опредѣляется суммой въ 330.944.420 р., издержки по производству въ 237.169.610 руб., отъ этихъ суммъ вычитаются „расходы на усиленіе и улучшеніе существующихъ желѣзныхъ дорогъ“ въ размѣрѣ 46.410.000 руб.,—статья, которая такъ же регулярно возвращается, какъ расходы по постройкѣ казармъ и по обмундированію въ военномъ вѣдом-

[1]) Всѣ данныя относятся къ росписи на 1900 годъ.

ствѣ. Остаются 47.364.810 р. чистаго дохода. Далѣе: платежи частныхъ желѣзныхъ дорогъ казнѣ—10.526.804 р., прибыли отъ участія казны въ доходахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ—1.848.000 руб., налогъ подорожный—10.526.804 руб. Процентовъ по уплатѣ желѣзно-дорожнаго долга и издержекъ по уплатѣ гарантій желѣзно-дорожнымъ обществамъ мы въ данномъ случаѣ въ расчетъ не принимаемъ. Итакъ, доходы казны отъ эксплуатаціи желѣзно-дорожныхъ предпріятій равняются 70.239.614 руб.

2. Винная монополія. Доходы равняются 118.102.000 руб. расходы—94.422.839 руб. Мы не имѣемъ однако никакой возможности провѣрить правильность этихъ данныхъ, такъ какъ министерство финансовъ, въ вѣдѣніи котораго находится винная монополія, заноситъ въ свою смѣту 21.648.850 руб. на „подготовительныя работы по распространенію казенной продажи питей“ и огромныя денежныя суммы на расходы неопредѣленнаго характера.

3. Почта, телеграфъ, телефонъ. Общій доходъ опредѣленъ въ 48.010.800 рублей. Нѣтъ никакой возможности опредѣлить издержки, основываясь на данныхъ бюджета. Эти отрасли относятся къ смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ ней мы находимъ лишь слѣдующія статьи, которыя имѣютъ несомнѣнное отношеніе къ почтѣ и телеграфу.

Пересылка корреспонденцій по почтово-телеграфной части.

Содержаніе почтовыхъ станцій.

Постройка и ремонтъ казенныхъ сооруженій по почтово-телеграфной части и распространеніе телеграфныхъ и телефонныхъ линій и проводовъ.

Но въ общіе расходы министра внутреннихъ дѣлъ включена большая часть личныхъ расходовъ; кромѣ того телеграфныя станціи, связанныя съ желѣзными дорогами, находятся въ вѣдѣніи министерства путей сообщенія. „Общая статистика русскаго государства“, изданная министерствомъ внутреннихъ дѣлъ приводитъ для 1895 года слѣдующія данныя о почтѣ и телеграфѣ:

Доходы	39.204.221 р.
Расходы	27.754.957 р.

Судя по росписи 1900 года доходы съ почты и телеграфа возросли на 23% по сравненію съ выше изложенными данными отъ 1896 года. Если предположить, что расходы за это время поднялись лишь на 20%, то мы имѣемъ за 1900 годъ круглымъ счетомъ расходовъ на сумму въ 33,3 милл. р. Чистый доходъ съ почты и телеграфа равнялся бы за этотъ годъ 14.710.800 руб.

4. Казенныя имущества и казенные заводы. Въ качествѣ доходовъ мы приводимъ здѣсь:

a) Арендная плата.

b) Лѣсной доходъ.

c) Казенные заводы, техническіе заведенія и склады.

Крайне затруднительно опредѣлить расходы. Единственнымъ указаніемъ для опредѣленія ихъ, намъ служитъ то, что всѣ эти отрасли подвѣдомственны министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Расходы этого министерства на сельско-хозяйственныя школы и опытныя станціи помѣщены особо, о его дѣятельности въ области земледѣлія помимо этого—ничего не извѣстно; поэтому мы можемъ съ большей или меньшей достовѣрностью отнести общіе расходы этого министерства за вычетомъ упомянутыхъ статей въ счетъ государственныхъ имуществъ. Частью они сами указываютъ на то, что это предположеніе правильно. Мы получаемъ сумму въ 38.765.911 р. Каковы суммы расходовъ, занесенныхъ въ смѣтахъ другихъ вѣдомствъ—установить невозможно. Остается, такимъ образомъ, чистый доходъ въ 38.069.667 руб.

5. Монетный доходъ—3.150.000 руб. Каковы издержки по производству монетъ—не указывается. О нихъ упоминается въ смѣтѣ министерства финансовъ въ болѣе обширной статьѣ на 12 милл. р., наряду съ строительными расходами, и расходами по найму зданій и тому подобнымъ. Мы не имѣемъ никакой возможности выдѣлить ихъ изъ общей суммы. Мы оставляемъ этотъ вопросъ не рѣшеннымъ.

Русскіе государственные доходы за 1900 г.

ОБЫКНОВЕННЫЕ ДОХОДЫ.

Налоги поземельные, съ недвижимыхъ имуществъ и подушная подать (§ 1 офиц. росп.)	45.123.317 р.	
Выкупные платежи (§ 28, 29, 30) .	77.717.000 „	
		122.840.317 р.
Сборы съ питей (§ 4).		292.951.600 „
Доходъ отъ казенной продажи питей (§ 20)		23.679.161 „
Табачный налогъ (§ 5)		37.640.000 „
Налогъ на спички (§ 8)		6.812.700 „
Налогъ на сахаръ (§ 6)		61.322.000 „

Налогъ на нефть (§ 7)		24.541.000 р.
Таможенныя пошлины (§ 9)		217.875.000 „
Пошлины (§ 10—15)		73.832.850 „
Налогъ на горное дѣло (§ 16)		4.425.000 „
Монетный доходъ (§ 17)		3.150.000 „
Почтовые и телеграфные доходы (§ 18—19). . . .		14.710.800 „
Желѣзныя дороги (§ 13, 23, 26, 31).		70.239.614 „
Казенныя имущества и казенные заводы (§ 21, 22, 24).		38.150.000 „
Доходы отъ продажи недвижимыхъ имуществъ (§ 27) .		578.139 „
Промысловый налогъ (§ 2) . . .	59.062.500 „	
Сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ (§ 3)	16.179.700 „	
		75.242.200 „
Военное вознагражденіе (§ 34)		3.400.000 „

Доходы, источники которыхъ не опредѣлены и которые поэтому не могутъ подвергнуться общественному контролю.

Прибыли отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операцій (§ 25)	13.227.425 „	
Возвратъ ссудъ и другихъ расходовъ (§ 32)	34.367.637 „	
Пособія государственному казначейству изъ постороннихъ источниковъ (§ 33)	18.646.577 „	
Разные мелкіе и случайные доходы (§ 35)	5.762.633 „	
		72.004.272 „
		1.142.864.653 р.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ДОХОДЫ.

Вклады въ государственный банкъ на вѣчное время (§ 36).	3.000.000 „
Изъ наличныхъ средствъ государственнаго казначейства.	160.641.423 „
	1.306.506.076 р.

Мы видимъ, что и этотъ отчетъ не отличается излишней ясностью. Въ смѣту обыкновенныхъ доходовъ внесено 72 милл. р., источникъ которыхъ не достовѣренъ, неопредѣленъ, проблематиченъ. Но разсмотримъ

главнѣйшіе доходы русскаго государства, прежде всего въ ихъ взаимоотношеніи къ крестьянству, въ ихъ развитіи и ихъ возможномъ будущемъ.

* * *

Въ первую очередь упомянемъ здѣсь о 122,8 милл. прямыхъ налоговъ, которые всей своей тяжестью ложатся на мужика. 77,7 милл. выкупныхъ платежей падаютъ сполна на крестьянство. Изъ 45,1 милліоновъ, отмѣченныхъ въ § 1, всего нѣсколько милліоновъ составляютъ налогъ на городскія недвижимости, остальная сумма распредѣляется между помѣщиками и крестьянами. Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ, которымъ мы уже неоднократно пользовались, опредѣляетъ для 1891 года сумму платимыхъ помѣщиками государственныхъ налоговъ въ 6.098.365 рублей. Недоимки доходили несмотря на низкое обложеніе до 2.259.302 р., составляя 37% всей суммы. 4.492 имѣнія были отобраны за недоимки, изъ нихъ 213 были проданы, причемъ выручка не покрыла суммы недоимокъ.

Мы знаемъ, какъ обстоятъ у крестьянъ дѣла съ уплатой податей. Съ нихъ уже больше нечего брать—это офиціально заявляется самимъ правительствомъ. Закономъ отъ 31 марта 1899 г. оно даетъ довольно продолжительную отсрочку для уплаты недоимокъ; предоставляется отсрочка и для взноса текущихъ податей послѣ предпринятаго податными чиновниками разслѣдованія (на основаніи этого постановленія во 2 половину 99 года съ плательщиковъ податей была сложена сумма въ размѣрѣ 540.000 р.). Но стоитъ только заглянуть въ цифровыя данныя о ростѣ крестьянскихъ недоимокъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что практическое значеніе этого мѣропріятія сводится къ нулю. То, чего добивались и не могли добиться въ 80-хъ годахъ уменьшеніемъ расходовъ болѣе чѣмъ на одну треть смѣты, этого конечно не достигнешь теперь, а тѣмъ болѣе ничтожными вычеркиваніями. Несмотря на болѣе высокую раскладку сумма недоимокъ была въ 80-хъ годахъ гораздо ниже, чѣмъ теперь; лишь съ быстрымъ паденіемъ крестьянскаго хозяйства она стала возрастать и достигла тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, до которыхъ она дошла въ настоящее время. Дальнѣйшее ея развитіе идетъ въ томъ же направленіи. По Бржескому сумма крестьянскихъ недоимокъ опредѣляется только по государственнымъ налогамъ за 1895 годъ въ 99.433.000 р.; по сообщенію министра финансовъ, приложенному къ бюджету 1900 года, эта сумма доходила 1 января 1899 г. уже до 116.000.000 р. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы предположить, что развитіе это приметъ въ будущемъ другое направленіе, развитіе, которое длится уже цѣлыхъ два десятилѣтія и которое нельзя было остановить никакими фискальными мѣ-

ропріятіями. Отдѣльные года могутъ даже принести излишекъ надъ суммой доходовъ, указанной въ смѣтѣ,—и мы знаемъ, какими средствами это достигается,—но эти сверхсмѣтные доходы не замедлятъ отразиться на быстромъ ростѣ недоимокъ. Вѣдь податная администрація сумѣла даже въ 1898 году выколотить сверхсмѣтный доходъ: а именно, по сообщеніямъ государственнаго контроля, выкупные платежи составляли 106,9% смѣты. самыя подати—100,5%,—но въ томъ же году по даннымъ министерства финансовъ были израсходованы 35,2 [1]) милл. рублей въ качествѣ пособія нуждающемуся населенію. На основаніи всего изложеннаго, мы можемъ сдѣлать лишь одинъ выводъ, поскольку вообще возможно предвидѣніе въ области фиска: доходы съ сельско-хозяйственныхъ налоговъ будутъ съ каждымъ годомъ уменьшаться.

* * *

Питейные сборы, включая чистый доходъ съ винной монополіи составляютъ 316.630.761 р. Это — главная доходная статья русскаго бюджета. Огромную часть питейныхъ сборовъ составляетъ налогъ на водку. За 1892—95 г. средній доходъ съ питейныхъ сборовъ составлялъ 281,3 милл. р., доходъ же съ одного водочнаго налога равнялся 251,1 милл. р.

Слѣдующая таблица [2]) приводитъ данныя относительно развитія водочнаго обложенія въ Россіи.

Годы.	Обложеніе ведра чист. алкоголя въ рубляхъ. Россія	Польша	Средній доходъ съ налоговъ въ милл. руб.	Абсолютное потребленіе чист. алкоголя въ гектолитрахъ.	Колич. потр. водки, прих. на душу нас. въ литрахъ чист. алког.
1863	4	—	106,3	4.444.571	5,85
64—66	5	—	110,7	3.288.013	4,27
67—69	5	2,5	121,4	3.540.150	4,37
70—73	6	4	154,6	3.709.346	4,36
74—75	7	5,5	174,6	3.482.340	3,89
76—81	7		186,9	3.576.818	3,74
82—85	8		217,9	3.381.094	3,25
86—87	9		219,3	3.035.931	2,78
88—91	9,25		235,9	2.960.919	2,59
92—95	10		251,1	2.832.159	2,35

[1]) Bulletin russe de statistique financière за 1898 г., стр. 807.

[2]) Составлена по официальнымъ даннымъ, приведеннымъ въ Bulletin de stat. financiere за 1900 годъ.

Повышеніе налоговаго обложенія вызываетъ почти соотвѣтствующій ему упадокъ въ потребленіи водки. Эта картина станетъ еще болѣе ясной, если мы отъ среднихъ чиселъ обратимся къ числамъ для каждаго года въ отдѣльности. Такія данныя мы имѣемъ о спиртѣ, производимомъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, т. е. о 98% всего производимаго спирта. Доходъ съ обложенія винокуренъ равнялся въ милл. руб.:

Въ	1883 г.	225,6
„	84 „	217,1
„	85 „	207,3
„	86 „	209,1

Его паденіе при неизмѣнившейся нормѣ обложенія послѣдовало очевидно благодаря тому, что сократилось потребленіе. Въ 87 году норма налоговаго обложенія повышается и мы имѣемъ слѣдующія цифры:

Въ	1887 г.	229,5
„	88 „	237,2
„	89 „	247
„	90 „	239,2
„	91 „	220,1

За нѣкоторымъ увеличеніемъ слѣдуетъ быстрое паденіе суммы доходовъ. Норма обложенія вторично повышается:

Въ	1892 г.	241,9
„	93 „	231,7
„	94 „	264,9
„	95 „	266,1
„	96 „	263,1
„	97 „	253,2

Несомнѣнно то, что начиная съ 96 года, сумма доходовъ идетъ снова къ упадку. Сокращеніе потребленія является, такимъ образомъ, опредѣляющимъ факторомъ; правительство при всякомъ пониженіи потребленія повышаетъ норму обложенія, что опять-таки вызываетъ паденіе потребленія.

На основаніи данныхъ, приведенныхъ въ выше помѣщенной таблицѣ, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: если бы норма обложенія и количество водки, приходящееся на душу населенія остались такими, какими были въ 1863 году, то общій доходъ съ обложенія составилъ бы при-

близительно ту же сумму, которая теперь получается при нормѣ, увеличенной въ 2½ раза. Разница въ абсолютномъ количествѣ доходовъ съ налоговаго обложенія была обусловлена почти сполна ростомъ населенія. Итакъ, механизмъ для выжиманія налоговъ оказывается совершенно негоднымъ.

Норма обложенія въ 10 руб. съ ведра равняется 175 маркамъ съ гектолитра чистаго алкоголя. Въ Германіи гектолитръ обладаетъ налогомъ въ 50—70 марокъ. 70 марокъ составляетъ высшій предѣлъ обложенія. Чтобы получить представленіе о величинѣ русскаго налога на спиртъ, нужно увеличить германскій налогъ, по крайней мѣрѣ, въ 2½ раза. За то въ Германіи на душу населенія приходится вдвое большее количество спирта, чѣмъ въ Россіи.

Правительство увидѣло, что повышая норму обложенія оно не можетъ возмѣстить убытки отъ пониженнаго потребленія, это и привело его къ мысли о введеніи винной монополіи. Голодъ 91—92 гг. обнаружилъ всю несостоятельность русской податной системы; но онъ самъ явился лишь какъ результатъ продолжительнаго развитія, которое находится въ связи съ общимъ упадкомъ всей крестьянской Россіи.

Русская винная монополія не есть переходъ винокуренъ въ вѣдѣніе казны; монополизирована лишь продажа и очистка спирта. Казна скупаетъ у винокуренъ весь произведенный ими продуктъ и сбываетъ его въ розницу. Экспропріація владѣльцевъ харчевенъ и трактировъ—такова финансовая основа этого предпріятія. Ихъ не вознаградили ни одной копѣйкой за убытки, понесенные ими благодаря потери доходовъ и капитала;—ихъ инвентарь совершенно обезцѣнился. Это настоящій грабежъ, предпринимаемый казной. Съ каждымъ годомъ монополія распространяется на новыя губерніи, и съ каждымъ новымъ шагомъ по пути распространенія она выбрасываетъ на улицу все новыя и новыя жертвы. Кабатчикъ нигдѣ не пользуется такой дурной славой, какъ въ Россіи, но въ отношеніи благосостоянія онъ далеко уступаетъ своимъ западно-европейскимъ коллегамъ.— Винная монополія экспропріируетъ доходы не только кабатчиковъ, но и доходы волостей и уѣздовъ. Патенты на содержаніе трактировъ составляли очень значительный источникъ доходовъ для земствъ и особенно для волостей; съ введеніемъ монополіи этотъ источникъ дохода отпадаетъ,—казна не выбираетъ никакихъ патентовъ. Только земствамъ и городамъ ежегодно выплачивается вознагражденіе въ размѣрѣ средней прибыли за пять лѣтъ. Причемъ при опредѣленіи суммы между земствами и казначействомъ всегда возникаютъ споры. Самарское губ. земство напр., требуетъ 20.851 р.

ежегоднаго вознагражденія, но получаетъ лишь 17.668 руб. Но эти убытки нельзя сравнить съ убытками, которые терпятъ волости. Большая часть этихъ доходовъ шла въ пользу сельскихъ обществъ; они же не получили ни копѣйки вознагражденія. Между документами, имѣющимися у насъ, находится напр., ходатайство новоузенскаго уѣзднаго земства, „о возмѣщеніи убытковъ, понесенныхъ сельскимъ обществомъ при введеніи винной монополіи". Въ этомъ ходатайствѣ земство ссылается на полное отсутствіе хотя бы начальныхъ школъ въ этомъ уѣздѣ; если бы правительство, говоритъ земство, возвратило сельскимъ обществамъ тѣ суммы, которыхъ онѣ лишились при введеніи винной монополіи, — эти суммы можно было-бы употребить на постройку народныхъ школъ. Земство опредѣляетъ ежегодные убытки сельскихъ обществъ для одного этого уѣзда въ 150.522 руб. Губернское земство присоединилось къ ходатайству уѣзднаго и оцѣнило потери всѣхъ сельскихъ обществъ Самарской губ. за 3 года 95—96—97 въ 3.150.000 р., т. е. ежегодно 1.050.000 р. монополія сократила, числомъ винныхъ лавокъ, чѣмъ была достигнута экономія въ издержкахъ по производству. Цѣна на водку была также повышена. Въ 1897 году издержки казны на производство каждаго ведра 40% водки исчислялся въ среднемъ въ 2,16 р., продажная цѣна равнялась 7,06 руб.; монопольное обложеніе составляло, такимъ образомъ, 4,90 руб., или болѣе 200% всей стоимости ведра водки. Самая высшая норма русскаго водочнаго налога, которая намъ извѣстна, доходила до 10 руб. съ ведра чистаго алкоголя, монополія повысила его въ среднемъ до 12,2 руб. на каждое ведро чистаго алкоголя. Какіе результаты дала винная монополія въ финансовомъ отношеніи—этого мы на основаніи официальныхъ донесеній министерства финансовъ съ точностью опредѣлить не можемъ.

Для 1897 года напр. у насъ имѣются 4 совершенно различныхъ ряда цифръ, а именно (въ 1000 руб.):

	По смѣтѣ 97 года [1]	по предвар. отчет. госуд. контроля [2]	по окончат. отчет. госуд. контроля [3]	по особо разработан. офиц. отч. [4]
Доходы.	63.183	52.468	52.448	53.475
Расходы.	49.309	?	?	35.725
	13.874			17.750

[1]) Bull. russe de st. fin. 97 г., стр. 713.
[2]) Bull. russe de st. fin. 98 г., стр. 153.
[3]) Bull. russe de st. fin. 98 г., стр. 493.
[4]) Bull. russe de st fin. 98 г., стр. 676.

Доходы за вычетомъ обложенія равны указаннымъ въ смѣтѣ и отчетахъ государственнаго контроля.

Итакъ, цифры повсюду различны; слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что спеціальный отчетъ, несмотря на сильно пониженную сумму доходовъ, умудряется высчитать гораздо болѣе высокую прибыль, чѣмъ указано смѣтой. По спеціальнымъ отчетамъ министерства финансовъ отъ 97 года чистая прибыль съ винной монополіи равнялась въ Самарской губ. 1.750.000 р. Мы знаемъ что экспропріація доходовъ сельскихъ обществъ дала 1.050.000 р. Остаются еще 700.000 руб. въ качествѣ чистой прибыли съ монополіи, причемъ въ эту сумму входятъ еще проценты на основной капиталъ. Ясно, что если бы мы къ этой суммѣ добавили расходы на распространеніе монополіи, то доходъ съ винной монополіи не покрылъ бы всѣхъ издержекъ. По смѣтѣ 1900 года доходъ съ винной монополіи равнялся 23,7 мил. р., расходы по распространенію монополіи достигали до 21,6 милл. Итакъ, поскольку винная монополія дѣйствуетъ какъ водочный налогъ, она не измѣняетъ направленія, въ которомъ развивается русское водочное обложеніе съ 63 г. напротивъ она только ускоряетъ этотъ процессъ. Результатомъ того, что винная монополія добываетъ свои доходы косвеннымъ путемъ изъ средствъ сельскихъ обществъ, является съ одной стороны еще большее обнищаніе и безъ того обнищавшаго сельскаго хозяйства, съ другой стороны — увеличеніе недоимокъ съ прямыхъ податей. Послѣднее признается даже офиціальными отчетами [1]).

* * *

Мы, впрочемъ нисколько не утверждаемъ, что министерство финансовъ предается особенно большимъ иллюзіямъ относительно винной монополіи.

Въ офиціальныхъ отчетахъ государственнаго контроля расходы помѣщены по отдѣльнымъ министерствамъ.

[1]) Насколько правильны офиціальныя сообщенія о результатахъ винокуреннаго производства, мы можемъ судить по слѣдующему странному донесенію: „для іюля и августа 99—00 гг, результаты винокуреннаго производства были неправильно опредѣлены, по ошибкѣ было занесено на 418.776 ведеръ больше, чѣмъ слѣдовало; для Ставрополя, Оренбурга и Терской области было указано очень значительное количество произведеннаго спирта въ то время какъ въ дѣйствительности за этотъ мѣсяцъ винокуренія тамъ вообще не происходило". „Вѣстникъ Финансовъ" 1900 г., № 12 стр. 583. Общее количество произведеннаго винокурнями спирта было обозначено въ 493.284 ведра; 8/10 были просто на просто присочинены чиновниками. Въ дѣйствительности оно ровнялось лишь 74.508 ведрамъ. „Вѣстникъ Финансовъ" 99 г., № 46, стр. 559

Она была и остается фискальной мѣрой, на которую правительство рѣшилось только въ виду безвыходнаго положенія. Чтобъ скрыть настоящую причину, побудившую правительство на этотъ шагъ, оно выдвинуло борьбу съ пьянствомъ въ качествѣ предлога для введенія винной монополіи. Подобная грубая мысль могла возникнуть только въ Россіи. Мы уже видѣли, что многократное повышеніе налога весьма замѣтно сократило потребленіе водки, но и это количество оказалось вдругъ для правительства слишкомъ значительнымъ, и оно, написавъ на своемъ знамени: „долой кабаки“ — устраиваетъ казенныя винныя лавки. Остается сдѣлать слѣдующій шагъ и перевести въ казну дома терпимости, для того, чтобы уничтожить безнравственность. „Борьба съ пьянствомъ“ является, конечно, очень удобнымъ предлогомъ для того, чтобы свести содержаніе алкоголя (спирта) въ водкѣ къ минимуму и, такимъ образомъ, приблизиться къ своей цѣли; **превратить налогъ на водку въ налогъ на ничто.** Уменьшеніе количества винныхъ лавокъ и запрещеніе пить въ самыхъ лавкахъ является **средствомъ для достиженія** той же цѣли. Въ Россіи теперь собственно кабаковъ нѣтъ, существуетъ только продажа на вынось. Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій получила сильное развитіе тайная продажа питей, о существованіи которой извѣстно, однако, всѣмъ. Полиція не рѣшается принять серьезныя мѣры для ея искорененія, такъ какъ 1) тайная продажа, увеличивая потребленіе водки, служитъ фискальнымъ интересамъ казны, 2) сама полиція заинтересована въ ея существованіи, такъ какъ не официально получаетъ доходы съ нея. Она облегчается и тѣмъ, что водку теперь пьютъ всегда на улицѣ, и по праздникамъ пьяные лежатъ у пороговъ казенныхъ винныхъ лавокъ. Этотъ фактъ констатируютъ даже официальныя донесенія.

Наконецъ русское правительство побѣждаетъ пьянство, устраивая чайныя, живыя картины и чтенія Свящ. Писанія. Съ этой цѣлью повсюду были устроены общества трезвости, задача которыхъ состояла въ томъ, чтобы при помощи этихъ средствъ, удерживать народъ отъ пьянства и развивать въ немъ интересъ къ болѣе культурнымъ развлеченіямъ. Мы уже видѣли, что именно винная монополія отняла у многихъ сельскихъ обществъ средства для устройства народныхъ школъ; трудно придумать болѣе ѣдкую сатиру на комедіантскую борьбу русскаго самодержавнаго правительства съ пьянствомъ.

Винная монополія создала такой безпорядокъ въ управленіи финансами, что устранила на много лѣтъ контроль надъ русскимъ водочнымъ налогомъ и дала возможность совершенно произвольно показывать высо-

кія прибыли. Но если монополія будетъ введена повсемѣстно, тогда конечно трудно будетъ скрыть ея дѣйствительные результаты.

* * *

Налогъ на табакъ развивался аналогичнымъ образомъ. Норма обложенія подвергалась неоднократно довольно значительнымъ повышеніямъ. Въ 92 году, когда голодъ сильно понизилъ потребленіе табака, и она также была повышена. Впрочемъ, общее количество, приходящееся на душу населенія, осталось безъ измѣненій съ 1863 года. Въ частностяхъ произошли слѣдующія измѣненія. Потребленіе сигаръ абсолютно упало съ 1.168.865 килогр. до 918.602 килогр., но зато мы замѣчаемъ повышеніе въ потребленіи табаку, 1 сорта и сигаретокъ; потребленіе табака 2 сорта абсолютно понизилось съ 6.088.369, килогр. до 5.677.038 килогр. количество же потребляемаго табака 3 сорта замѣтно увеличилось, наконецъ, потребленіе крестьянскаго табака,—махорки осталось въ общемъ безъ измѣненій и, слѣдовательно, относительно уменьшилось. Величина налога трудно опредѣлима въ виду сложности всей налоговой системы.

Общій доходъ съ пошлинъ и налога равнялся въ 1897 г. 36,7 милл. р., потреблялось круглымъ счетомъ 65 милл. килогр., обложеніе равно 55 коп. или 1,20 марки съ килограмма. При одинаковомъ способѣ вычисленія мы получаемъ для Германіи цифру въ 0,66 мар. Россія занимаетъ среди европейскихъ странъ послѣднее мѣсто по количеству потребляемаго табака; въ Россіи на душу населенія приходится $^1/_2$ килогр., въ то время какъ въ Германіи—около 2 килогр. Въ Германіи предъявляется наибольшій спросъ на сигары, въ Россіи—на махорку, коротко нарѣзанный табакъ домашняго производства, который по качеству стоитъ даже ниже пфальцскаго табака.

* * *

Русскій сахарный налогъ есть налогъ, оплачиваемый городомъ; количество сахара, потребляемое деревней, можно и не принимать въ разсчетъ въ виду его ничтожности. Чай потребляется повсемѣстно только въ городахъ.

Относительно самый сильный подъемъ русскаго сахарнаго производства относится къ первой половинѣ 80-хъ годовъ. Въ 1886—1887 г. наступилъ застой, который дошелъ до кульминаціоннаго пункта во время голода 1891—1892 гг. Въ 1893—1894 гг., съ оживленіемъ промышленности вообще, начинается новый подъемъ русскаго сахарнаго производства. Сред-

нее количество потребляемаго сахара невелико, на душу населенія приходится приблизительно 4 килограмма. Налогъ на сахаръ внутри страны составляетъ теперь 1,75 руб. съ пуда, или около 24 пфенниговъ съ килограмма (въ Германіи 18 пфенниговъ съ килограмма) къ этому присоединяется и то, что запретительная пошлина на сахаръ даетъ возможность сахарному тресту непомѣрно повышать цѣны на сахаръ внутри страны: такъ, напр., въ 1897 году 100 килогр. русскаго сахара стоили на внутреннемъ рынкѣ 62,5—76,5 франковъ, для вывоза его сбывали по 18,1—28 фр. (и въ томъ, и въ другомъ случаѣ бѣлый сахарный песокъ [1]). Высокая пошлина на сахаръ дѣйствуетъ одновременно какъ вывозная премія и какъ потребительный налогъ.

* * *

Всѣмъ извѣстенъ высокій подъемъ русской нефтяной добывающей промышленности. Русскій фискъ по ненасытности своей и сюда запустилъ свою руку. Послѣднее повышеніе налоговаго обложенія, а именно болѣе чѣмъ на 50%, послѣдовало опять непосредственно за голодомъ 1891—1892 гг. Налогъ доходитъ теперь до 2,8 руб. наличными (6,16 марокъ) за тонну нефти. Очевидно, что и въ этой области налоговое обложеніе доведено до крайнихъ предѣловъ. Въ то время какъ я пишу эти строки, въ газетахъ появилось извѣстіе объ ожидающихся крупныхъ повышеніяхъ цѣнъ на нефть, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщается и о томъ, что приволжскія пароходныя общества и нѣкоторые фабриканты, употребляющіе нефть какъ топливо, предъявили требованіе о запрещеніи вывоза керосина, чтобы этимъ повліять на цѣны на внутреннемъ рынкѣ.

* * *

Даже на такой предметъ, какъ спички, налогъ доведенъ до крайнихъ предѣловъ. Налогъ на спички былъ повышенъ въ 1892 г. на 100%, но добавочный доходъ увеличился благодаря этому всего на 27%.

* * *

Мы не будемъ останавливаться подробно на русскомъ таможенномъ тарифѣ, такъ какъ подробное разсмотрѣніе его невозможно безъ изслѣдованія развитія всей русской промышленности. Упомянемъ лишь о томъ, что пошлина на желѣзо, подымающая цѣны на сельско-хозяйственныя машины, составляетъ предметъ постоянныхъ жалобъ русскихъ помѣщиковъ.

* * *

---

[1]) Bull. russe etc. 1897, стр. 175.

Обратимся къ желѣзнымъ дорогамъ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ правительство открыто признало, что русскія желѣзныя дороги не даютъ дохода, т. е. что онѣ не покрываютъ расходуемаго на нихъ основного капитала, или другими словами, что чистый доходъ не достигаетъ даже величины процентовъ по уплатѣ желѣзно-дорожнаго долга. Однако, съ тѣхъ поръ какъ Витте занялъ постъ министра финансовъ, дѣло приняло иной видъ. Какъ извѣстно, Витте перевелъ много желѣзныхъ дорогъ въ казну, и построилъ много новыхъ желѣзныхъ дорогъ. И по мѣрѣ того, какъ счетоводство переходило изъ рукъ частныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ въ руки казны, дефициты начинали быстро исчезать и превращаться въ излишки. Въ парламентарныхъ странахъ министры не въ состояніи достигнуть такихъ чудодѣйственныхъ результатовъ, какихъ достигъ министръ Витте. Тѣмъ интереснѣе для насъ поближе присмотрѣться къ отчетамъ о желѣзныхъ дорогахъ, представленнымъ министромъ. Первымъ дѣломъ насъ поражаетъ свойство официальныхъ цифръ измѣняться: мы видимъ, что онѣ съ теченіемъ времени уменьшаются; такъ, напр., въ 1897 г. Bulletin russe заявляетъ, что желѣзныя дороги приносятъ чистый доходъ казнѣ [1]). Онъ исчисляетъ прибыль въ 1896 г. по даннымъ государственнаго контроля въ 34.771.045 р. Эта сумма получилась, благодаря тому, что къ чистой выручкѣ съ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ онъ прибавилъ платежи частныхъ обществъ казнѣ и вычелъ изъ этой суммы уплаченныя частнымъ обществамъ субвенціи. Эти данныя за 1896 годъ были въ то время не старше года.

Въ 1898 г. тотъ же „Bulletin“ снова дѣлаетъ обзоръ доходности желѣзно-дорожныхъ предпріятій за 1896 годъ, ссылаясь опять на данныя государственнаго контроля. Однако, здѣсь приводятся совершенно иныя числа. Чистый доходъ съ желѣзныхъ дорогъ становится на 6,4 милл. меньше, а именно 113.244.151 вмѣсто 119.666.619 р.; повторяю, что дѣло идетъ о томъ же 1896 годѣ. Разница въ цифрахъ объясняется тѣмъ, что въ первый разъ въ число казенныхъ желѣзныхъ дорогъ была включена частная Московско-Брестская желѣзная дорога; здѣсь мы имѣемъ слу-

---

[1]) Bull. russe de statistique financiere et de législation 1897, стр. 675 и 661, этотъ бюллетень выходитъ въ С.-Петербургѣ на французскомъ языкѣ и оплачивается русскимъ министерствомъ финансовъ. Оно имѣетъ цѣлью замѣнить иностраннымъ банкамъ отсутствіе парламентскаго обсужденія росписи. О критикѣ росписи не можетъ быть, конечно и рѣчи: этотъ еженедѣльникъ министерства получаетъ отъ него инструкціи. Съ 1900 года выходитъ и англійское изданіе.

чай аналогичный съ выше упомянутымъ, когда знакомыя намъ винокурни добывали изъ ничего 400.000 вещеръ. спирта.

Такимъ образомъ, получилась разница въ 6,1 милл. руб. Съ другой стороны, въ новомъ обзорѣ недостаетъ новыхъ сибирскихъ дорогъ; и вообще въ обоихъ отчетахъ мы не находимъ двухъ одинаковыхъ чиселъ. Во всякомъ случаѣ, если даже считать меньшую цифру правильною, т. е. считать чистую выручку съ желѣзнодорожныхъ предпріятій въ 113,2 милл., государство должно было получить за 1896 годъ прибыль въ 28 милл. р. Числа имѣютъ уже теперь двухлѣтнюю давность. Наконецъ, въ докладной запискѣ къ росписи 1900 года министръ финансовъ Витте разъясняетъ: убытокъ, который ежегодно приносила казнѣ эксплуатація какъ частныхъ, такъ и казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, постепенно уменьшаясь (за исключеніемъ 1892 года, когда онъ увеличился на 42,5 милл.) достигъ въ 1894 году суммы въ 4,1 милл. р.

Съ 1895 года казна начинаетъ получать съ желѣзныхъ дорогъ прибыль. Прибыль равнялась:

Въ 1895.	1,8	милл.	руб.
„ 1896.	11,3	„	„
„ 1897.	12,5	„	„
„ 1898.	12,1	„	„

Министръ финансовъ къ этому добавляетъ: „по даннымъ государственнаго контроля“, Сначала мы имѣли 34 милл., они упали до 28 милл., и наконецъ, отъ 28 милл. осталось всего 11,5 милл. руб. За это время данныя 1896 года достигли уже четырехлѣтней давности. Интересно знать, что станетъ съ этими числами въ послѣдующіе четыре года, если дѣло пойдетъ такимъ же образомъ.

До извѣстной степени мы можемъ вскрыть тотъ пріемъ, при помощи котораго бюллетень вычислилъ такую высокую прибыль съ желѣзныхъ дорогъ. Дѣло въ томъ, что на мѣсто процентовъ на основной капиталъ, онъ поставилъ проценты по уплатѣ желѣзнодорожнаго долга, который названъ въ росписи основнымъ капиталомъ. Для сооруженія нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ не было, однако, произведено спеціальнаго займа. Бюллетень только сообщаетъ о ихъ доходѣ, совершенно не упоминая о расходахъ по сооруженію. Это—очень удобный способъ для вычисленія прибыли изъ ничего.

Однако этотъ способъ тѣмъ болѣе заставляетъ призадуматься, что цитируемыя тѣмъ же бюллетенемъ, но въ другомъ мѣстѣ, вычисленія государственнаго контроля, принимаютъ въ расчетъ проценты на весь основной

капиталъ, за исключеніемъ разумѣется того, что было списано до 1896 года по погашенному долгу. Получается разница въ 9,4 милл. (110,6 и 101,2). Все же остается разница въ 7 милл., происхожденіе которой для насъ весьма загадочно. Быть можетъ намъ удастся выяснить ее въ послѣдующіе четыре года.

Какъ обстоитъ дѣло съ отчетомъ о желѣзныхъ дорогахъ въ 1900 году? Мы раньше опредѣлили чистый доходъ государства съ частныхъ и казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, включая подорожный налогъ—(Verkehrssteuer) въ 70,2 милл. р. Вычислимъ же величину процентовъ на основной капиталъ, вложенный въ казенныя желѣзныя дороги. Докладъ государственнаго контроля опредѣляетъ основной капиталъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ 2633,9 милл., проценты на него въ 110,6 милл. р. Въ послѣдующіе года затраченные на желѣзнодорожныя сооруженія капиталы распредѣляются соотвѣтствующими смѣтами слѣдующимъ образомъ:

Года.	Расходы на постройку сибирск. и друг. новыхъ желѣзн. дорогъ.	Расходы на пріобрѣтеніе подвижного состава для Сибирск. и др. жел дор.
1897 . . .	93.504.199 р.	35.607.997 р.
1898 . . .	64.730.545 „	49.234.145 „
1899 . . .	55.638.388 „	46.864.525 „
	213.873.132 р.	131.706.667 р.

Эти суммы составляютъ вмѣстѣ еще 345,5 милл. руб. Судя по вышеприведеннымъ даннымъ государственнаго контроля, капиталъ въ среднемъ оплачивался 4,17%. Такимъ образомъ, проценты на выданный въ 1897—1899 г.г. желѣзнодорожный капиталъ составляютъ 15 милл. руб. Кромѣ того въ обезпеченіе частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ значатся 5.880.000 руб. Весь счетъ прибылей и убытковъ государства представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Доходы.		Расходы.	
Чистый доходъ съ жел. дор. предпр.	47,4	Проценты на основной капиталъ каз. жел. дор. до 1897 г.	110,6
Платежи частн. жел. дор. госуд.	10,5	Проценты на новый основной капиталъ съ 1897—1899 г.г. . . .	15,0
Прибыль отъ участія въ частныхъ предпр. . .	1,8	Платежи въ обезпеченіе частн. жел. дор. общ. .	5,9
Подорожный налогъ . .	10,5		131,5
	70,2		

Дефицитъ въ 61,3 милл. р. на лицо. При этомъ мы еще не приняли въ разсчетъ расходы по сооруженіямъ, которыя предполагалось закончить въ 1900 г., несмотря на то, что въ смѣту, а слѣдовательно и въ полученную нами сумму чистаго дохода былъ внесенъ по приблизительной оцѣнкѣ и доходъ съ движенія на этихъ линіяхъ. Кромѣ того мы не отчислили ничего на государственный контроль, хотя въ исчисленіяхъ предназначенная на это сумма приведена особо отъ остальныхъ издержекъ по предпріятію (въ 1896 году сумма эта составляла 3,8 милл.) въ смѣтѣ 1900 года мы не могли найти соотвѣтствующаго расхода. Такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ дефицитъ гораздо выше. Полученный результатъ плохо гармонируетъ съ вышеприведеннымъ изложеніемъ дѣла въ докладной запискѣ министра финансовъ Витте къ росписи 1900 года. Можетъ ли быть, что дефицитъ въ 1900 году является лишь случайностью? Слѣдующая таблица даетъ возможность читателю разобраться въ этомъ.

Года.	Валовой доходъ съ каз. жел. дор.	Общіе расходы по предпріятію.	Расходы на усиленіе и улучшеніе жел. дор.	Сумма расходовъ.	Прибыль или убытокъ.
		Въ милліонахъ рублей.			
1888	22,3	15,6	13,8	29,4	— 7,1
1889	33,4	17,4	19,5	36,9	— 3,5
1890	49,3	31,7	29,5	61,2	— 11,9
1891	60,7	32,0	20,5	52,5	+ 8,2
1892	74,4	46,8	11,8	58,6	+ 15,8
1893	85,1	53,3	19,1	72,4	+ 31,8
1894	116,0	74,4	11,5	85,9	+ 30,1
1895	194,7	121,6	13,2	134,8	+ 59,9
1896	293,3	146,1	19,4	165,5	+ 127,8
1897	277,8	168,8	25,3	194,1	+ 83,7
1898	291,5	188,3	41,0	229,3	+ 62,2
1899	311,8	207,4	43,8	251,2	+ 60,6
1900	330,9	237,2	46,4	283,6	+ 47,3

За это время желѣзныя дороги перешли въ вѣдѣніе казны, слѣдствіемъ чего было абсолютное повышеніе чиселъ. Если разсмотрѣть таблицу съ точки зрѣнія общей доходности желѣзно-дорожныхъ предпріятій, то бросаются въ глаза два періода. Сначала прибыль увеличивается; въ 1896 году она достигаетъ кульминаціонной точки, а затѣмъ чистый доходъ съ такой же правильностью начинаетъ падать.

Какимъ образомъ казна справилась съ дефицитомъ 1888—1900 г.г.?

Наша таблица не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Мы очевидно имѣемъ дѣло съ сильнымъ пониженіемъ расходовъ по предпріятію. Мы видимъ, что въ 1891—1892 г.г., въ первые года, давшіе прибыль, сумма расходовъ по предпріятію была абсолютно ниже, чѣмъ въ 1890 г., несмотря на то, что съ расширеніемъ желѣзнодорожной сѣти доходъ повысился на 70%.

Во время голода 1891 и 1892 г.г. правительство проявило чрезвычайную бережливость, да иначе оно и не могло поступать въ виду шаткости бюджетныхъ поступленій, кромѣ того, государство должно было расходовать значительныя суммы на поддержку крестьянъ, которымъ грозила голодная смерть.

Особенно сильно были урѣзаны расходы по „улучшенію и усиленію (существующихъ) желѣзныхъ дорогъ“. Сюда относятся расходы по обновленію рельсъ и шпалъ, по починкѣ поврежденнаго желѣзнодорожнаго полотна и т. д. Разумѣется, до извѣстной степени можно сократить эти расходы, но всякое такое упущеніе вызываетъ несоразмѣрно большія поврежденія, которыя въ конечномъ счетѣ приходится возстановлять. Однако русское правительство еще многіе годы продолжало дѣйствовать такимъ же образомъ, подобно той акціонерной кампаніи, которая уменьшаетъ свои зачеты по обезцѣненію капитала, чтобы чисто бухгалтерскимъ путемъ высчитать дивидентъ, котораго въ дѣйствительности нѣтъ. Въ 1896 году былъ достигнутъ кульминаціонный пунктъ. Съ 1895 по 1896 г. валовой доходъ возросъ почти на 100 милл., въ то время какъ расходы увеличились только на 31 милл.; такое соотношеніе расходовъ и доходовъ можно встрѣтить развѣ только въ балансѣ стоящаго на краю банкротства торговаго общества, дѣлающаго послѣднюю попытку сохранить кредитъ. 1896 годъ далъ наивысшую прибыль. Въ 1897 году русское правительство вынуждено увеличить расходы на сумму, превышающую не только относительно, но и абсолютно повышеніе дохода и вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря абсолютному пониженію дохода, начинаетъ сходить на нѣтъ и излишекъ.

Изъ всего вышеизложеннаго мы можемъ сдѣлать слѣдующее заключеніе: повышеніе излишковъ до 96 года совершалось на счетъ капитала, оно было возможнымъ только благодаря тому, что предпріятія запускались, а желѣзнодорожный матеріалъ и сооруженія доводились до негодности.

Прибыль, полученную съ предпріятія, слѣдуетъ, какъ мы уже не разъ отмѣчали, сопоставить съ процентами на основной капиталъ. Если мы

произведемъ для трехъ предыдущихъ лѣтъ расчетъ подобный расчету для 1900 года, то мы получимъ слѣдующіе результаты (въ милл. руб.).

Года.	Приходъ [1]).	Расходъ [2]).	Дефицитъ.
1897	109,3	111,3	2,0
1898	85,8	117,1	31,3
1899	83,8	121,7	47,9
1900	70,2	126,5	56,3

Г. Витте, какъ уже указано, показываетъ излишки на 1897 и 1898 г.г. Но онъ самъ вноситъ слѣдующую поправку: „при составленіи смѣты на 1897 и 1898 г.г. не принята въ расчетъ находившаяся въ это время въ движеніи часть сибирской жел. дороги. Если же принять во вниманіе дѣятельность этой желѣзнодорожной линіи, то прибыль казны составляетъ въ 1897 г.—8 милл. р. (вмѣсто 12,5), а въ 1898 г.—1 милл. руб. (вмѣсто 12,1).

Русскій министръ финансовъ приходитъ къ столь блестящимъ выводамъ благодаря тому, что въ сумму издержекъ по предпріятію онъ вноситъ не всѣ расходы „по усиленію и улучшенію желѣзнодорожныхъ линій“, а лишь проценты съ этихъ расходовъ, что при 4% составляетъ всего $^1/_{25}$ всего годоваго расхода. Г. Витте смотритъ на этотъ расходъ какъ на увеличеніе основного капитала, а между тѣмъ это въ дѣйствительности есть лишь возмѣщеніе убытковъ. Разница обнаруживается уже въ томъ, что увеличеніе основного капитала при нормальныхъ условіяхъ ведетъ къ увеличенію дохода, въ то время какъ при замѣщеніи издержаннаго основного капитала лишь удается избѣжать убытки. Если стать на точку зрѣнія министра финансовъ, то придется признать, что платье тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ больше на немъ заплатъ, а цѣнность машины, расходы по пріобрѣтенію которой полностью списаны, вдвое больше ея покупной цѣны; долги слѣ-

---

[1]) Прибыль съ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, платежи частныхъ желѣзныхъ дорогъ государству, участіе въ прибыли частныхъ желѣзнодорожныхъ кампаній, подорожный налогъ.

[2]) Проценты на основной капиталъ, составляющіе до 1896 года включительно сумму въ 110,6 милл. р., далѣе проценты на концессіи на постройку жел. дор. сооруженій предыдущаго года (такимъ образомъ въ 1898 году обложены процентами расходы 1897 года, на 1897 годъ не вычислены проценты на новыя постройки, вслѣдствіе чего дефицитъ получается слишкомъ низкимъ) и наконецъ, издержки по уплатѣ гарантій жел. дор. обществамъ. Издержки на контроль и на этотъ разъ не включены въ сумму расходовъ.

дуетъ признать состояніемъ, а убытокъ—прибылью. Сомнѣваемся въ томъ, что коллеги министра Витте согласятся раздѣлить его взглядъ на этотъ счетъ.

По поводу своихъ чиселъ онъ замѣчаетъ, что матеріаломъ ему служили „данныя государственнаго контроля, при составленіи которыхъ принято въ расчетъ какъ издержки по предпріятію, такъ и проценты на капиталъ затраченный на „сооруженіе и усиленіе желѣзныхъ дорогъ“. Однако въ лежащихъ передъ нами вычисленіяхъ государственнаго контроля, опубликованныхъ по 1899 г. въ доступномъ для иностранной прессы „Bulletin russe“ расходы „по усиленію etc“ причислены какъ и нами полностью къ годовымъ расходамъ, вопреки увѣренію Витте, что принимаются въ разсчетъ только процентныя начисленія. Нужно сознаться, однако, что доходность желѣзныхъ дорогъ опредѣлена въ опубликованныхъ въ Bulletin russe отчетахъ государственнаго контроля не далѣе 1896 года. Дабы, снять съ министра финансовъ подозрѣніе въ томъ, что онъ въ своемъ отчетѣ царю произвольно измѣнилъ данныя государственнаго контроля, мы должны допустить, что съ 1897 года, когда излишки снова начинаютъ понижаться, государственный контроль измѣнилъ способъ вычисленія. Такимъ путемъ можно, конечно, многаго достичь? Только временно получается возможность сдѣлать благопріятный выводъ. Если къ издержкамъ по предпріятію отнести только проценты на эти расходы, то вся сумма расходовъ остается долгомъ. Проценты не исчезаютъ, а повторяются, съ каждымъ годомъ, при чемъ ихъ сумма увеличивается благодаря тому, что къ нимъ присоединяются проценты на новые расходы. Съ 1888 — 1900 годъ выдано, по нашему разсчету, круглымъ счетомъ 345,5 милл. руб. „на усиленіе и улучшеніе желѣзныхъ дорогъ“, при 4,17% — проценты на этотъ капиталъ составляютъ за годъ 15 милл.; — эта сумма и должна была бы при опредѣленной доходности желѣзныхъ дорогъ ежегодно вноситься въ смѣту расходовъ.

Предположимъ, что средній годовой расходъ „на усиленіе etc“ составляетъ отнынѣ 30 милл., процентныя начисленія должны въ такомъ случаѣ увеличиться на 1,25 милл. Въ 12 лѣтъ сумма снова доходитъ до 15 милл. и съ 1912 году расходъ, переложенный на проценты, такъ же составляетъ 30 милл. Оба способа исчисленій сравниваются въ этомъ году, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ ясно и то, что съ каждымъ послѣдующимъ годомъ мы будемъ имѣть обратное соотношеніе и проценты на издержки, считавшіяся основнымъ капиталомъ, будутъ больше, чѣмъ средній годовой расходъ.

Однако русскаго министра финансовъ такого рода рода соображенія не приводятъ въ смущеніе. Во-первыхъ, онъ на нѣкоторое время достигъ

своей непосредственной цѣли: ему удалось получить благопріятный выводъ; во-вторыхъ, ничего не препятствуетъ ему измѣнить въ будущемъ способъ вычисленій. Изъ всего вышеизложеннаго приходится сдѣлать заключеніе, что доклады русскаго министра финансовъ о желѣзныхъ дорогахъ еще очень долго не увидятъ слова, дефицитъ [1]). Однако каковъ бы ни былъ способъ вычисленій, то, что значится какъ расходъ—приходится уплачивать. Съ этимъ фактомъ не можетъ не считатся даже русскій министръ финансовъ. Въ 1899 году чистый бюджетный долгъ, т. е. фигурировавшій какъ таковой въ бюджетѣ, — желѣзнодорожный долгъ составлялъ

---

[1]) Русскій министръ финансовъ прибѣгаетъ при вычисленіи прибылей къ столь разнообразнымъ пріемамъ, что мы заранѣе отказываемся отъ детальнаго ихъ разслѣдованія. Приведемъ лишь еще одинъ примѣръ, касающійся такъ же желѣзныхъ дорогъ. По смѣтѣ на 1898 годъ предполагался валовой доходъ съ желѣзныхъ дорогъ на сумму въ 291,5 милл. рублей. По вычисленіямъ же государственнаго контроля (Вѣстникъ Финансовъ, тетрадь 13, стр. 626) получилось 348,2 милл. руб. можетъ показаться, что 56,7 милл. получены сверхъ смѣты. По сравненію съ предыдущимъ годомъ (277,8 по вычисленіямъ государственнаго контроля) доходъ возросъ даже на 70,4 милл. Результаты оказались бы въ такомъ случаѣ блестящими. Однако обратимся къ докладу самого государственнаго контроля: „Увеличеніе выручки съ движенія, читаемъ мы, на 70,4 милл. по сравненію съ 1897 годомъ, обусловлено различными причинами: различные счета прежнихъ лѣтъ на сумму въ 13 милл. были перенесены на 1898 годъ, желѣзныя дороги по Вислѣ и на Фастовъ перешли въ казну, было открыто движеніе по новымъ частямъ Сибирской желѣзной дорогѣ. Нѣкоторое значеніе имѣло естественное оживленіе движенія по другимъ желѣзнодорожнымъ линіямъ, что въ общемъ дало около 30 милл., и, наконецъ, въ 1897 г. былъ введенъ новый способъ передачи выручки съ желѣзныхъ дорогъ въ казну. Введеніе этого новаго способа пріостановило въ 1897 году на полмѣсяца (съ 1 — 15 октября) поступленія въ казну съ желѣзныхъ дорогъ, въ то время какъ въ 1898 году за это время выручка равнялась 14,7½ милл. Независимо отъ этой случайной причины, по новому способу поступленія съ желѣзныхъ дорогъ вносятся въ казну ранѣе другихъ доходовъ, такъ какъ по новымъ правиламъ вся выручка съ желѣзнодорожнаго движенія передается непосредственно въ Государственный Банкъ, въ то время какъ прежде часть ея вносилась въ видѣ вклада. Изъ всего здѣсь приведеннаго можно заключить, что немного изъ этихъ 70 милл. приходится на увеличеніе движенія; эти 70 милл. являются почти исключительно результатомъ измѣненія способа вычисленія, произведеннаго въ 1897 году, какъ разъ тогда, когда обнаружился отмѣченный нами упадокъ доходности предпріятій.

6.820 милл. франковъ [1]) или 2.557 милл. руб. при 4,17% начисленные на эту сумму проценты составляютъ ежегодно 106,6 милл. руб.

* * *

Чѣмъ объясняется, что русскія желѣзныя дороги не приносятъ дохода? Присмотримся къ статистикѣ желѣзнодорожнаго движенія. Въ 1896/97 году на 100 приблизительно километровъ или верстъ эксплуатаціонной длины приходилось [2]).

	Въ Германіи.	Въ Россіи.
Грузовъ, абсолютное число (въ милліонахъ килограмъ)	447	139
Грузовъ въ 1.000 тоны-километрахъ.	58.160	61.000
Валоваго дохода отъ желѣзно-дорожнаго движенія (въ 1.000 марокъ).	3.459	2.726
Издержекъ при желѣзнодорожномъ движеніи (въ 1.000 марокъ) .	1.922	1.701
Излишка при желѣзнодорожномъ движеніи (въ 1.000 марокъ) . .	1.537	1.025

Такимъ образомъ ежегодный излишекъ, даваемый желѣзными дорогами на каждые сто километровъ въ Германіи равняется 1½ милліонамъ марокъ, въ Россіи всего одному милліону. Причина заключается въ слишкомъ незначительномъ количествѣ грузовъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. На каждые сто километровъ желѣзной дороги количество грузовъ въ Россіи не достигаетъ даже одной трети нѣмецкаго обращенія. Считаясь съ этимъ, доходы русскихъ желѣзныхъ дорогъ кажутся даже слишкомъ высокими. Объясняется это тѣмъ, что среднее число километровъ, приходящееся на вѣсовую единицу клади, въ Россіи значительно больше, чѣмъ въ Германіи; поэтому-то относительное желѣзнодорожное движеніе грузовъ, число тоны-километровъ на каждые сто километровъ эксплуатаціонной длины, оказывается въ Россіи больше, чѣмъ въ Германіи. Въ Россіи въ 1896 году на каждый пудъ клади въ среднемъ приходилось 453 версты передвиженія, число безусловно очень высокое.

Въ Россіи небольшія количества товаровъ отправляются на большія разстоянія, въ Германіи большія количества товаровъ отправляются на короткія разстоянія. И это не случайность, а ре-

[1]) Bulletin Russe 1898, стр. 421.

[2]) По сообщеніямъ „Вѣстника Финансовъ“, 1899 г, № 12, стр. 563—576 и „Статистическаго Ежегодника“ для германскаго государства.

зультатъ разницы въ общей хозяйственной структурѣ обѣихъ странъ и прежде всего разницы въ отношеніи между городомъ и деревней.

	Въ Европ. Россіи [1]).	Въ Германіи [2]).
Число большихъ городовъ (100.000 жителей и больше)	20	28
Народонаселеніе большихъ городовъ (въ милліонахъ) . , . . .	5 1/2	7 1/4
На одинъ большой городъ приходится квадратныхъ километровъ всей плоскости	238.281	19.309
На квадратный километръ приходится жителей большого города.	1,15	13,45

Разница бросается въ глаза. По той причинѣ, что города расположены въ Россіи гораздо рѣже, они притягиваютъ къ себѣ товарное обращеніе съ большей округи, хотя количество товаровъ, которое они потребляютъ и меньше. Сношеніе съ заграницей еще болѣе того относится къ числу сношеній на далекое разстояніе; въ Россіи оно сравнительно больше чѣмъ въ Германіи, но все же играетъ подчиненную роль.

Желѣзнодорожное товарное обращеніе съ заграницей.

Въ Россіи. . . . . 30 процентовъ всего обращенія.
„ Германіи . . . . 14,4 процента „ „

Больше двухъ третей желѣзнорожнаго товарнаго обращенія совершается такимъ образомъ и въ Россіи внутри страны и состоитъ по преимуществу въ подвозѣ къ городамъ.

Присмотримся нѣсколько ближе къ передвиженію грузовъ въ Россіи.

Въ 1896 году имѣлось грузовъ въ милліонахъ килограммъ.

	Въ Германіи.	Въ Россіи.	
	По желѣзнымъ дор.	По желѣзнымъ дор.	По воднымъ путямъ.
Зернового хлѣба и муки.	11,610	9.380	2.608
Дровъ	4.372	2.338	3.877
Строевого лѣса . . .	7.148	3.280	9.161
Каменнаго угля (также и бураго угля) . , ,	88.938	7.298	82

1) Включая сюда Польшу, Прибалтійскій край и Кавказъ. По даннымъ общеимперской статистики. Томъ XL, за 1894 годъ.

2) По народной переписи 1895 г.

Поразительна разница между доставкой каменнаго угля въ Россіи и Германіи. Эта разница ясно подчеркиваетъ ничтожность развитія русской промышленности и русскихъ городовъ. Совершенно второстепенное значеніе имѣетъ при объясненіи этого явленія большее потребленіе дровъ въ Россіи. Если принять во вниманіе, что и въ Германіи большая часть дровъ доставляется воднымъ путемъ—къ сожалѣнію у насъ нѣтъ въ распоряженіи соотвѣтственныхъ чиселъ относительно товарнаго обращенія по нѣмецкимъ воднымъ путямъ—то придется признать, что передвиженіе дровъ и строевого лѣса въ Германіи въ абсолютныхъ числахъ отстаетъ отъ русскаго весьма немного [1]). Не меньше поражаютъ цифры по передвиженію зернового хлѣба: въ Германіи оно оказывается больше, чѣмъ въ Россіи—снова разительное вліяніе городского рынка. Зерновой хлѣбъ въ Россіи предназначается еще въ большей степени, чѣмъ всякіе другіе грузы русскихъ желѣзныхъ дорогъ, для дальней доставки. Въ среднемъ каждый пудъ зернового хлѣба, перевезеннаго въ 1896 году по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, совершилъ путешествіе въ 596 верстъ. Въ значительной долѣ это обусловливается тѣмъ, что зерновой хлѣбъ является главнымъ вывознымъ продуктомъ Россіи. Къ этому присоединяется еще то, что въ Россіи сохранилась перевозка зернового хлѣба на лошадяхъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, которыхъ давно уже не знаетъ Западная Европа. Съ этимъ явленіемъ мы познакомились въ Чистополѣ и Самарѣ. Чѣмъ оно объясняется? Недостаткомъ подвозныхъ путей? Не совсѣмъ, за нимъ скрывается нѣчто большее. Именно, если точнѣе разсчитать, то отдѣльному крестьянину дѣйствительно нѣтъ никакой выгоды отправлять свой хлѣбъ въ городъ, на рынокъ или на пристань, по желѣзной дорогѣ. Количество хлѣба, предназначаемое имъ для продажи, слишкомъ незначительно, чтобы окупить желѣзную дорогу. Плата за провозъ можетъ быть какъ угодно дешева, но крестьянину недостаточно отправить свой хлѣбъ на рынокъ, онъ долженъ быть при этомъ самъ, чтобы его продать. Если онъ отправитъ свой хлѣбъ по желѣзной дорогѣ, то ему придется еще оплачивать свой собственный проѣздъ туда и назадъ. Съ его точки зрѣнія оба расхода, и на накладную, и на личный билетъ, совершенно излишни. Правда, если онъ повезетъ зерной хлѣбъ въ телѣгѣ, онъ истратитъ только на прокормъ своихъ лошадей больше, чѣмъ бы ему стоила желѣзная дорога. Но вѣдь

1) Все это не даетъ еще, конечно, никакого представленія о потребленіи дровъ въ обѣихъ странахъ, такъ какъ въ Россіи большая часть дровъ не доставляется ни по желѣзнымъ дорогамъ, ни на судахъ, а потребляется тутъ же или въ ближайшихъ мѣстностяхъ.

лошадей приходится кормить и въ томъ случаѣ, когда они остаются въ конюшнѣ. Такимъ образомъ, отъ этихъ издержекъ желѣзная дорога его не избавляетъ и расходъ на нее поэтому представляется ему совершенно излишнимъ; понятно, что онъ стремиться по возможности его избѣгать [1]). Наконецъ, также и невѣжество крестьянина — вѣдь онъ не умѣетъ даже написать накладной—является однимъ изъ моментовъ, почему онъ избѣгаетъ посылать хлѣбъ по желѣзной дорогѣ.

Рядомъ съ названными имѣется еще одинъ очень важный родъ грузовъ, отправляемый какъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, такъ и по русскимъ воднымъ путямъ. Это—керосинъ и нефть. Эти продукты перевозятся ежегодно только по однимъ желѣзнимъ дорогамъ въ количествѣ 3000 милліоновъ килограммъ, число громадное по сравненію съ 755 милліонами въ Германіи. Вмѣстѣ всѣ перечисленные роды грузовъ составляютъ около трехъ пятыхъ русскаго товарнаго обращенія. Въ Германіи ко всѣмъ перечисленнымъ неоходимо прибавить еще, какъ очень значительный грузъ, камни свыше 17 милліоновъ килограммъ и прочіе матеріалы для городского строительнаго производства, также и желѣзо въ различныхъ видахъ.

Мы думаемъ, что послѣ всего сказаннаго, мы вправѣ сдѣлать слѣдующее заключеніе: незначительность товарнаго обращенія на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, его характеръ, какъ обращенія на далекое разстояніе, и въ связи

---

[1]) Этотъ безусловно правильный разсчетъ съ точки зрѣнія натуральнаго хозяйства, начинающаго переходить къ товарному производству, оказывается совершенно другимъ съ точки зрѣнія купца, скупающаго зерновой хлѣбъ у крестьянъ, Съ перваго взгляда кажется, будто крестьянинъ находится въ болѣе выгодномъ положеніи по сравненію съ купцомъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи телѣгу, ему не приходится платить за провозъ, между тѣмъ какъ торговецъ долженъ оплачивать все. На самомъ же дѣлѣ содержаніе лошадей даже и тогда, когда они не работаютъ, является съ точки зрѣнія капиталистическаго производства мертвымъ баластомъ, обременяющимъ крестьянина. Торговецъ платитъ за провозъ по желѣзнымъ дорогамъ меньше, чѣмъ сколько требуется крестьянину на содержаніе своихъ лошадей; и такъ какъ торговецъ ни чѣмъ не связанъ, то онъ извлекаетъ изъ своего положенія всю выгоду. Итакъ, въ расчетѣ крестьянина нѣтъ никакой ошибки; здѣсь обнаруживается лишь вся разница въ двухъ способахъ производства. Въ изумленіи видитъ крестьянинъ, что онъ побитъ, хотя по его расчетамъ—и онъ можетъ расчитывать съ какой угодно точностью—онъ долженъ былъ бы извлечь отсюда больше выгоды, чѣмъ торговецъ. Его разорителемъ является капиталистическій законъ стоимости.

со всѣми этими обстоятельствами незначительная доходность русскихъ желѣзныхъ дорогъ прежде всего зависятъ отъ малаго развитія русскихъ городовъ.

* * *

Всѣмъ извѣстно, съ какими трудностями связанъ переходъ желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства. На глазахъ у всего свѣта происходила борьба, которую пришлось въ теченіе многихъ лѣтъ вести Союзному Совѣту Швейцаріи съ желѣзнодорожными обществами. И только русскому министру финансовъ Витте удалось въ теченіе немногихъ лѣтъ, можно сказать почти сразу, сдѣлать желѣзныя дороги собственностью государства и притомъ къ величайшему удовольствію акціонеровъ и самого себя, какъ представителя интересовъ русскаго государства. Но пусть кто-нибудь не подумаетъ что при переходѣ желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства было поступлено съ той же революціонностью, какъ и при введеніи винной монополіи: о нѣтъ, биржа это такая сила, передъ которой склоняется и русскій абсолютизмъ. Акціи были скуплены не только по ихъ высшей стоимости, но и просто по спекуляціоннымъ цѣнамъ [1]). Съ другой стороны, безусловно приходится признать, что какъ разъ ничтож-

---

1) Напр. акціи главнаго русскаго желѣзнодорожнаго общества по сообщенію самого министра финансовъ были оплочены на 32 руб. выше ихъ стоимости. (Bulletin Russe 1895, I. стр. 109). За эту и за другія операціи по пріобрѣтенію государствомъ желѣзныхъ дорогъ господину Витте дѣлались самые горькіе упреки. Особенно постаралась въ этомъ отношеніи извѣстная сенсаціонная брошюрка г-на Е. Ціона „M. Vitte et les finances russes“. Однако, этимъ маленькимъ произведеніемъ можно пользоваться лишь съ большой осторожностью. Оно продиктовано чувствомъ личной мести, и это привело автора къ смѣтнымъ преувеличеніямъ. Г-нъ Витте между прочимъ оказывается въ немъ „крайнимъ соціалистомъ“, между тѣмъ какъ самъ авторъ съ величайшей назойливостью подчеркиваетъ свою глубокую преданность принципамъ автократіи. При всемъ томъ остается фактъ, что г-нъ Ціонъ долгое время былъ русскимъ правительственнымъ агентомъ во Франціи и служилъ посредникомъ при заключеніи займовъ; больше того, весьма удивительный разсказъ г-на Ціона о своей аудіенціи у императора Александра III въ Копенгагенѣ остался неопровергнутымъ, несмотря на попытку „Bulletin russe“ дать очень обстоятельное опроверженіе, при чемъ онъ договорился даже до орфографическихъ ошибокъ. Важнѣе, чѣмъ эти личности, является то, что различныя сообщенія г на Ціона или остались совершенно неопровергнутыми, или оспаривались только во второстепенныхъ частностяхъ. То же самое можно сказать и объ его утвержденіи относительно перехода желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства.

ная доходность русскихъ желѣзныхъ дорогъ существенно облегчила переходъ ихъ въ собственность государства. Но поэтому-то и не приходилось ожидать, чтобы государство смогло въ ближайшее время извлекать для себя изъ желѣзныхъ дорогъ какой-нибудь доходъ. Эта малая доходность обусловливалась различными моментами, между прочимъ также и относительной дороговизной желѣзнодорожныхъ сооруженій и, еще болѣе низкимъ качествомъ ихъ, что вызывало совершенно необычайныя ежегодныя ассигновки на ремонтъ — неоднократно повторявшаяся статья бюджета для укрѣпленія желѣзныхъ дорогъ“ [1]). Но главная причина малой доходности заключается, какъ мы уже указывали раньше, въ общихъ хозяйственныхъ условіяхъ. Россія безъ сомнѣнія сильно нуждается въ желѣзныхъ дорогахъ, но она не доросла еще до того, чтобъ оплачивать свои желѣзныя дороги. Со временемъ эти отношенія, конечно, измѣнятся, но такое развитіе измѣряется не годами, а десятилѣтіями. На этотъ же разъ, для болѣе или менѣе близкаго будущаго, попытка русскаго государства открыть себѣ въ желѣзныхъ дорогахъ новый источникъ дохода потерпѣла и должна была потерпѣть, неудачу.

Мы далеки отъ того, чтобъ отрицать хозяйственное значеніе великой сибирской желѣзной дороги, но это нисколько не мѣняетъ того, что и эта желѣзная дорога въ ближайшее время потребуетъ крупныхъ доплатъ изъ русской государственной кассы. Чѣмъ дальше будетъ проведена сибирская желѣзная дорога, тѣмъ меньше будетъ дѣлаться ея доходность: такъ, въ первые 11 мѣсяцевъ 1898-го года валовой доходъ этой желѣзной дороги при разстояніи въ 2.138 верстъ равнялся 4.135-ти рублямъ съ каждой версты, а въ такой же промежутокъ времени въ 1899 году при увеличившемся разстояніи 3.150 верстъ валовой доходъ равнялся лишь 3.609-ти рублямъ съ версты. И это вполнѣ понятно: чѣмъ дальше проникаетъ желѣзная дорога въ тѣ отдаленныя мѣста, тѣмъ рѣже становится населеніе, тѣмъ меньше товарное обращеніе.

При этомъ и въ Сибири примѣняется старая русская система постройки желѣзныхъ дорогъ. Прежде всего имѣется въ виду возможно скорѣе и съ возможно меньшими затратами построить большіе участки желѣзныхъ дорогъ. Газеты приносили намъ пышныя описанія поѣздовъ-экспрессовъ, совершающихъ курсы по Сибирской желѣзной дорогѣ. Но эти поѣзда бѣ-

---

1) При нашемъ путешествіи по Россіи намъ очень часто представлялась возможность убѣждаться въ жалкомъ состояніи русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

гаютъ по слишкомъ легкимъ рельсамъ и черезъ мосты, врядъ-ли могущіе оказать достаточное противодѣйствіе при половодьи; желѣзнодорожныя насыпи систематически размываются, такъ что рельсы остаются безъ поддержки; несмотря на ничтожное движеніе, не хватаетъ товарныхъ вагоновъ и т. д. и т. д.

Въ результатѣ, статья расхода „для укрѣпленія желѣзной дороги“ сильно увеличилась въ первыя же годы открытія желѣзнодорожнаго движенія. Уже официально признано, что открытыя для эксплуатаціи участки сибирской желѣзной дороги во всѣхъ отношеніяхъ не удовлетворяютъ требованіямъ желѣзнодорожнаго движенія. Было бы ошибочнымъ всю вину за это приписывать обычной неосновательности предпріятія. Все дѣло заключается въ системѣ, вытекающей изъ необходимости строить громадные участки желѣзной дороги съ малымъ количествомъ денегъ и безъ разсчетовъ на немедленную доходность.

Мы резюмируемъ: желѣзныя дороги являются для русскаго государства не предпріятіемъ, приносящимъ какой-либо доходъ, а наоборотъ, важной статьей расхода, для покрытія котораго приходится изыскивать средства изъ другихъ податныхъ источниковъ.

*

Чтобы покрыть финансовые убытки, вызванные голодовкой 1891/92 года, правительство было вынуждено повысить налоги на предметы первой необходимости; мы знали, что введеніе винной монополіи, а также и переходъ желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства произошли подъ давленіемъ этихъ обстоятельствъ. Когда разразился голодъ 1897 и 1898-го года, въ этихъ областяхъ нельзя уже было ничего добыть. Это ясно доказываютъ приведенныя нами цифры относительно пониженія потребленія и результатовъ желѣзнодорожнаго движенія. А такъ какъ прямое обложеніе крестьянъ уже въ восьмидесятыхъ годахъ отказывалось служить источникомъ дохода, то ничего другого не оставалось, какъ повысить промысловые налоги. Это и было сдѣлано уже въ іюнѣ 1898-го года.

Система обложенія промысловъ и торговли была въ Россіи, такъ же противорѣчива, спутанна, неравномѣрна, такъ же трудно поддавалась контролю, какъ и сельскохозяйственное обложеніе. Тѣмъ не менѣе въ ней не было произведено никакихъ измѣненій. Такимъ путемъ удалось повысить ежегодный доходъ на сумму около 20 милліоновъ рублей (налоговый доходъ съ промысловъ и торговли равнялся бюджету 1897-го года 57,9 мил-

ліоновъ, а въ 1900-мъ году 75,2 милліона). Этому обложенію содѣйствовало то, что оно совпало съ крупнымъ промышленнымъ расцвѣтомъ.

* * *

Послѣ этого обзора важнѣйшихъ финансовыхъ источниковъ русскаго государства, мы подходимъ къ „неподдающимся контролю доходамъ“, которое вмѣстѣ съ чрезвычайными доходами круглымъ счетомъ составляютъ 235 милліоновъ, 18 процентовъ всего исчисленнаго нами чистаго прихода. Присмотримся къ отдѣльнымъ статьямъ нашего обзора, чтобы убѣдиться, какъ ненадежно это обезпеченіе. Какъ легко можетъ случиться что „банковыя операціи“ не дадутъ ожидаемой прибыли, что выданныя „ссуды“ не поступятъ обратно въ желательномъ размѣрѣ. Тогда остаются только не упомянутые, „частные источники“, относительно которыхъ не можетъ быть извѣстно, насколько они надежны, и „небольшія и случайныя поступленія“. Въ концѣ концовъ „свободная наличность государственнаго казначейства“ является главнымъ опорнымъ пунктомъ всего. Обратимся же теперь къ ней.

Этотъ регулярно возвращающійся пунктъ въ русскихъ государственныхъ финансахъ столь же регулярно подвергался сомнѣнію въ западно-европейской печати. Особенно часто изощрялись въ своей критикѣ надъ нимъ „Times“ и лондонскій „Economist“. Конечно, для точной оцѣнки русскаго бюджета почти нѣтъ данныхъ, благодаря въ высшей степени недостаточной отчетности. Мы хотимъ ограничиться поэтому попыткой бросить нѣкоторый свѣтъ на разсчеты этого своеобразнаго резервнаго фонда за послѣдніе годы.

1-го января 1898-го года свободная наличность государственнаго казначейства равнялась 214,7 милліона рублей [1]). Предварительная смѣта на 1898-ой годъ заранѣе предусматривала, что изъ этого фонда придется взять 106,3 милліона [2]). Въ теченіе 1898-го года къ этому присоединились еще слѣдующіе, непредусмотрѣнные смѣтными назначеніями расходы: 1) 90 милліоновъ на броненосцы, 2) 10,2 милліона на присоединенный Квантунскій полуостровъ, 3) 35,2 милліона на расходы, вызванные голодомъ, 4) 88,3 милліона на конверсіи погашеніе долговъ, уплату процентовъ, 5) 75 милліоновъ платежей государственному банку для выкупа кре-

---

[1]) Сообщено въ объяснительной запискѣ министра финансовъ къ бюджету 1899-го года. Отпечатано въ Bulletin Russe, 1898, стр. 807.

[2]) Бюджетъ 1898, Bulletin Russe, 1897, стр. 714.

дитныхъ билетовъ (бумажныхъ рублей) [1]). Общая сумма сверхсмѣтныхъ расходовъ равняется 298,7 милліона. Вмѣстѣ съ вышеупомянутыми 106,3 милліонами это составляетъ круглую сумму въ 405 милліоновъ, для покрытія которыхъ бюджетъ 1898-го года имѣлъ въ своемъ распоряженіи „свободную наличность“ въ размѣрѣ неполныхъ 215 милліоновъ.

И все таки русскому министру финансовъ удалось не только покрыть этотъ громадный перерасходъ, но и оставить еще къ 1-му январю 1899-го года изъ 215 милліоновъ „свободной наличности“ 135 милліоновъ [2]). Какъ произошло такое чудо? Подсчетъ на 1898-ой годъ прежде всего показываетъ намъ превышеніе поступленій обыкновенныхъ доходовъ въ количествѣ 220,4 милліона рублей. Если уже такой ростъ обыкновенныхъ доходовъ, совершенно не предусмотрѣнный бюджетомъ, самъ по себѣ кажется страннымъ, то еще удивительнѣе является то, что наряду съ повышеніемъ доходовъ ничего не упоминается объ вызванномъ имъ увеличеніи обыкновенныхъ расходовъ: какъ будто 220 милліоновъ свалились съ неба и ничего не стоятъ. Но какъ же все таки составился этотъ излишекъ? Главная часть его образовалась изъ сверхмѣстнаго дохода съ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ въ размѣрѣ 56,7 милліона рублей. Но мы уже видѣли раньше, что какъ разъ въ 1898-мъ году государственный контроль примѣнилъ новый методъ къ исчисленію поступающихъ съ желѣзныхъ дорогъ доходовъ, въ результатѣ котораго эти доходы оказались на порядочную сумму выше. Разница больше, чѣмъ на 70 милліоновъ, по сравненію съ бюджетомъ 1897-го года самимъ государственнымъ контролемъ въ значительной степени объяснялась примѣненіемъ различныхъ способовъ исчисленія. И вотъ, предварительная смѣта на 1898-ой годъ составлялась по старому методу, подведеніе итоговъ произошло по новому методу, въ результатѣ—громадная разница. Только самая незначительная часть этой разницы обусловливалась увеличеніемъ желѣзнодорожнаго движенія и новыми переходами желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства, причемъ, однако, наряду съ этимъ необходимо должно было произойти и повышеніе желѣзнодорожныхъ расходовъ и ростъ государственнаго долга съ его платой процентовъ. И именно потому, что эти сверхсмѣтные доходы были главнымъ образомъ чисто спекулятивными, именно поэтому мы и не находимъ въ бюджетѣ никакихъ компенси-

---

[1]) Предисловіе къ бюджету 1899. Bulletin Russe, стр. 807.

[2]) Точно 134,9 милліона. Въ предисловіи къ бюджету 1900 г. Отпечатано въ 1-мъ номерѣ „Finanzbote“, стр. 4.

рующихъ ихъ расходовъ. Самое меньшее 40 милліоновъ изъ 56,7 являются фикціей, какъ слѣдуетъ изъ цитированнаго сообщенія государственнаго контроля. Дальнѣйшее сильное приращеніе доходовъ произошло на пошлинахъ, именно сверхъ смѣты получено 46,9 милліона; насколько и здѣсь сыграла роль ошибка въ разсчетѣ, мы не знаемъ. Распространеніе винной монополіи также дало излишекъ около 17 милліоновъ; но и этотъ излишекъ, какъ и при желѣзныхъ дорогахъ, является результатомъ увеличенія валового дохода, изъ котораго еще надо, поскольку вопросъ идетъ не о фиктивныхъ величинахъ, вычесть расходы по веденію дѣла. Изъ этихъ примѣровъ ясно, что изъ 220,4 милліона пришлось бы удалить очень значительную сумму, если бы была возможность детальнѣе разсмотрѣть всѣ поступленія.

Но вѣдь и этихъ 220,4 милліона все еще недостаточно, чтобы покрыть дефицитъ. Остается еще 184,6 милліона расходовъ, для покрытія которыхъ необходимо отыскать средства. Для дальнѣйшаго покрытія дефицита, по отчету государственнаго контроля, служатъ сверхсмѣтныя поступленія чрезвычайныхъ доходовъ въ размѣрѣ 84,5 милліона, изъ которыхъ 77,7 милліона получены путемъ продажи четырехпроцентной государственной ренты, слѣдовательно путемъ займа. Въ заключеніе 82,5 милліона были взяты изъ „свободной наличности“. При всемъ томъ 17 милліоновъ слишкомъ остались непокрытыми, и это по заявленію государственнаго контроля:

Остатокъ отъ бюджета 1898 г.	11.305.599	руб.
Остатокъ отъ прежнихъ лѣтъ.	5.781.575	„

Если бы весь расходъ за 1898 годъ былъ покрытъ средствами того же самаго года (слѣдовательно, также и остатокъ въ 17,1 милліона), если бы способъ исчисленія при государственныхъ желѣзныхъ дорогахъ не былъ измѣненъ (разница минимумъ въ 40 милліоновъ), то пришлось бы, не прибѣгая къ займамъ (77,7 милліона), взять изъ „свободной наличности государственнаго казначейства“ не 82,5, а 217,3 милліона, другими словами, „свободная наличность“, равнявшаяся къ началу года всего 215 милліонамъ, была бы совершенно исчерпана. Вмѣсто этого государственный контроль выставляетъ къ 1-му января 1899 года въ рубрикѣ „свободная наличность“ сумму въ 132,3 милліона [1]).

---

[1]) Это число отличается отъ раньше приведеннаго нами (135 милліоновъ). То число было взято изъ сообщеній министра финансовъ въ

Такъ былъ начатъ 1899 годъ. Бюджетъ на 1899 годъ заранѣе предусмотрѣлъ необходимость взять изъ „свободной наличности“ 98,6 милліона. Но сдѣлать это, какъ вытекаетъ изъ всего предыдущаго, было не такъ-то легко. Въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ 132 милліоновъ, оставшихся къ 1-му января 1899 года, заключались и тѣ 17 милліоновъ, которые нужны были для покрытія уже раньше сдѣланныхъ расходовъ и взятыхъ на себя обязательствъ, и тѣ 40 милліоновъ отъ желѣзныхъ дорогъ, которые нельзя было употребить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, не оторвавъ ихъ отъ основного желѣзнодорожнаго капитала. Но Господь, который заботится о птицахъ небесныхъ и одѣваетъ лиліи въ полѣ, никогда не покидаетъ русскаго министра финансовъ. Такимъ образомъ и въ 1899 году обыкновенныхъ доходовъ поступило на 204,5 милліона больше, чѣмъ предусматривалось смѣтными назначеніями. И какъ будто для того, чтобы доказать, что при этомъ дѣйствительно дѣйствовала рука провидѣнія, это превышеніе доходовъ произошло лишь въ послѣднюю четверть года. До 1-го октября 1899 года обыковенныя поступленія достигли всего 76,6 процента бюджета, въ послѣднюю же четверть года поступило больше, чѣмъ 37 процентовъ по отношенію къ бюджету и 32,7 процента по отношенію ко всей суммѣ обыкновенныхъ годичныхъ доходовъ. Особенно поражаетъ несоотвѣтствіе въ „выкупныхъ платежахъ“, вносимыхъ крестьянами: въ девять мѣсяцевъ до 1-го октября поступило $37^1/_2$ милліоновъ, въ три мѣсяца, начиная съ 1-го октября, 58 милліоновъ! Мы уже знаемъ, какимъ образомъ достигаются подобные результаты при взиманіи налоговъ съ крестьянъ. Знаемъ и то, куда это ведетъ. Едва удалось, плохо ли, хорошо ли, справиться съ голодомъ 1899 года, какъ русскій фискъ принялся подготовлять новый голодъ.

Къ концу 1899 года, несмотря на сильныя превышенія въ области чрезвычайныхъ расходовъ, господинъ Витте могъ похвастаться увеличеніемъ „свободной наличности государственнаго казначейства“ на 245 милліоновъ рублей, причемъ, конечно, опять не обошлось безъ займа, на этотъ разъ въ размѣрѣ 175,9 милліона.

Дѣло ясно: „свободная наличвость государственнаго казначейства“ поддерживается исключительно только займами и сверхсмѣтными поступленіями, издѣвающимися надъ всѣми предварительными разсчетами обыкновеннаго бюджета. Не будь этихъ источниковъ, свободная наличность

предисловіи къ бюджету 1900 года, это число взято изъ окончательнаго отчета контрольной комиссіи.

давно была бы исчерпана. Но не только займы, но и сверхсмѣтныя поступленія оказываются обычнымъ явленіемъ въ русскомъ финансовомъ хозяйствѣ. Только при министрѣ финансовъ Бунге положеніе дѣлъ было иное. Онъ занялъ постъ министра финансовъ въ маѣ 1881 года. Этотъ годъ принесъ еще превышеніе надъ смѣтными назначеніями обыкновенныхъ доходовъ въ размѣрѣ 36,3 милліона. Также и въ 1882 году было еще сверхсмѣтное поступленіе въ 30 милліоновъ. Но затѣмъ начались дефициты. Господинъ Бунге думалъ, что причина лежитъ въ общихъ условіяхъ и написалъ докладную записку, которая обнаруживала полное банкротство русской податной системы и русскаго государственнаго управленія. Въ результатѣ онъ былъ смѣщенъ. И вотъ: съ перемѣной министра тотчасъ же измѣнились и условія. 1-го января 1887 года господинъ Вышнеградскій занялъ постъ министра и въ томъ же самомъ году снова оказались сверхсмѣтныя поступленія въ размѣрѣ 33,3 милліона. Съ этого момента дѣла снова вступаютъ въ старую привычную колею. Только въ 1891 году обнаружилось недопоступленіе 9 милліоновъ по росписи обыкновенныхъ доходовъ, но уже въ слѣдующемъ году, несмотря на то, что въ 1892 году хозяйственная нужда достигла высшей степени, эти недобранные 9 милліоновъ съ избыткомъ покрылись сверхсмѣтнымъ поступленіемъ въ 83 милліона. Итакъ, превышеніе ли поступленій, или дефицитъ, отвѣтственнымъ за все является министръ финансовъ. Происходитъ перемѣна министра, и положеніе дѣлъ также мѣняется. Удивительно, что это средство помогаетъ только тамъ, гдѣ за отсутствіемъ парламентаризма не достаетъ общественнаго контроля надъ государственными финансами.

На повторявшіеся запросы заграничной печати, гдѣ же обрѣтается эта „свободная наличность“, русское министерство финансовъ могло давать только такой отвѣтъ, что „свободная наличность государственнаго казначейства“ есть лишь спекулятивная величина, составляющаяся изъ слѣдующихъ элементовъ: 1) изъ наличности денежныхъ кассъ казначействъ, звонкой монеты и т. д.; 2) изъ государственныхъ счетовъ въ русскомъ государственномъ банкѣ и въ заграничныхъ банкахъ; 3) изъ имѣющихся въ распоряженіи оборотныхъ средствъ [1]). Это означаетъ слѣдующее: государственное казначейство считаетъ себя въ правѣ въ случаѣ надобности взять изъ кассы государственнаго банка извѣстную

---

1) По даннымъ Bulletin Russe, 1895, томъ, I стр. 3. Между прочимъ, Bulletin Russe говоритъ: „рѣчь идетъ не о реальномъ предметѣ, а о результатѣ исчисленія“.

сумму, приблизительно равную той, которая отмѣчена въ бюджетѣ подъ рубрикой „свободная наличность“. Такъ вотъ гдѣ оказывается дѣйствительный источникъ этого прославленнаго резервнаго фонда — это кассы государственнаго банка. Другими словами русское государство заявляетъ, что если ему не хватитъ денегъ, то оно возьметъ ихъ въ государственномъ банкѣ. Но возможность сдѣлать это зависитъ не отъ желанія или даже рѣшенія русскаго государственнаго казначейства, а прежде всего отъ состоянія русскаго государственнаго банка.

* * *

Раньше чѣмъ двинуться въ нашемъ изслѣдованіи дальше, мы должны еще остановиться на русской золотой валютѣ.

6/19 мая 1900-го года, въ день рожденія царя, появился указъ царя уничтожить послѣдній остатокъ текущаго долга русскаго государственнаго казначейства государственному банку. Этотъ остатокъ равнялся 50 милліонамъ бумажныхъ рублей. Этимъ была офиціально завершена русская денежная реформа. Но уже въ концѣ 1897-го года въ своемъ личномъ докладѣ царю относительно бюджета на 1898-ой годъ министръ финансовъ Витте заявилъ, что золотая валюта обезпечена, денежныя отношенія урегулированы и онъ вполнѣ увѣренъ, что монетная система никогда больше не пошатнется, даже если бы страна подверглась тяжелымъ испытаніямъ.

Ни одно изъ мѣропріятій предпріимчиваго и разсчетливаго господина Витте не подвергалось столькимъ сомнѣніямъ, какъ его денежная реформа. Подозрѣвали даже, что все растущія громадныя суммы золотого обезпеченія, которыми хвалился русскій министръ финансовъ, существуютъ только на бумагѣ. Однако съ предупредительной убыбкой министерство финансовъ пригласило сомнѣвающихся осмотрѣть золотые запасы государственнаго банка. И когда со временемъ въ обращеніи стали появляться все большія и большія количества русскаго золота, то и величайшіе скептики принуждены были повѣрить.

Совершенно не трудно разрѣшить задачу золотыхъ запасовъ въ Россіи, если установить тотъ фактъ, что изъ года въ годъ Россія заключала заграницей громадные займы золотомъ. Вытекающіе изъ этихъ займовъ денежныя сдѣлки допускаютъ слѣдующія возможности:

I. Русское государство тратитъ занятыя за границей деньги на покрытіе своихъ заграничныхъ платежей. Въ этомъ случаѣ здѣсь и тамъ, въ Россіи и заграницей, не происходитъ никакой перемѣны въ средствахъ

обращенія. Вѣдь въ началѣ государственный заемъ выражается только въ формѣ свидѣтельства на полученіе денегъ изъ банковъ. Черезъ банки же производятся и платежи русскаго государства заграницей. Поэтому вся сдѣлка можетъ совершиться, теоретически, путемъ простого разсчета въ банкахъ, безъ того, чтобы одна единственная золотая монета попала въ Россію. Но если русское государство уплачиваетъ проценты за свои долги иностранными займами, то само собой разумѣется у него освобождается соотвѣтственная сумма изъ внутреннихъ поступленій, которую оно можетъ употреблять для другихъ цѣлей.

II. Русское государство можетъ перевести заемъ въ заграничной золотой монетѣ внутрь страны, обмѣнять его здѣсь въ банкахъ, считая въ томъ числѣ и государственный банкъ, на русскіе кредитные билеты и эти послѣдніе употребить на свои нужды. Заграничные платежи могутъ быть также произведены въ кредитныхъ рубляхъ. Здѣсь происходитъ сначала двойная перемѣна мѣстопребыванія средствъ обращенія: заграничное золото притекаетъ въ Россію, русскія бумажныя деньги отправляются заграницу. Но легко разглядѣть, что всеобщій торговый оборотъ опять перетянетъ иностранное золото изъ русскихъ банковъ черезъ границу, а большую часть русскихъ кредитныхъ билетовъ оттолкнетъ обратно на ихъ родину. Въ концѣ концовъ все останется по старому: заграница сохранитъ свое золото, Россія свои кредитныя деньги. Эти обѣ возможности допускаютъ различныя комбинаціи и видоизмѣненія. Часть займа можетъ быть покрыта простыми исчисленіями въ банкахъ, другая часть можетъ быть обмѣнена заграницей на русскія деньги, и дальнѣйшая уже часть можетъ быть переведена въ Россію, чтобы затѣмъ самимъ правительствомъ снова быть отправленной заграницу. Та или другая комбинація зависитъ отъ практическихъ потребностей даннаго момента.

III. Можетъ быть примѣненъ и другой способъ дѣйствія. Русское государство можетъ перевести иностранное золото внутрь страны, здѣсь оно можетъ перечеканить его въ золотыя монеты внутренняго обращенія и въ такомъ видѣ пустить его въ оборотъ. Также и свои заграничные платежи оно можетъ покрыть этою монетою. И если случится это послѣднее, то золото, хотя и возвращается обратно въ страну, изъ которой оно явилось, но совершенно въ другомъ видѣ, оно принимаетъ русскую внѣшность. Въ данномъ случаѣ въ средствахъ обращенія происходитъ измѣненіе: доля русскихъ золотыхъ монетъ въ міровомъ обращеніи увеличивается на счетъ монетъ другихъ странъ.

Кромѣ того Россія могла также покупать и перечеканивать золотые слитки. Для этого не требуется никакихъ особенныхъ денежныхъ источниковъ; достаточно имѣть или случайную возможность свободно дѣлать деньги, или краткосрочный кредитъ — съ момента закупки золота до той минуты, когда оно, какъ готовыя деньги, покидаетъ монетный дворъ.

И въ самомъ дѣлѣ, русскій монетный дворъ развернулъ въ послѣдніе годы совершенно небывалую дѣятельность: только въ 1897-мъ году было отчеканено свыше 300 милліоновъ рублей золотомъ; въ томъ числѣ громадную часть, повидимому, составили луидоры стараго достоинства, которые снова пошли въ плавку, чтобы затѣмъ быть выпущенными, какъ новорожденные, въ формѣ имперіаловъ.

Что означаетъ все это? Прежде всего то, что увеличеніе количества золотой монеты отнюдь не означаетъ еще перехода къ золотому обращенію.

Главный вопросъ русской денежной реформы заключался не въ накопленіи золота, а въ обезпеченіи прочнаго курса мѣновыхъ отношеній между золотомъ и бумажнымъ рублемъ. Курсъ бумажнаго рубля равнялся приблизительно двумъ третямъ своей номинальной стоимости. Соотвѣтственно этому имперіалъ, русская золотая монета въ 10 рублей, цѣнилась въ 15 кредитныхъ руб. Весь свѣтъ видѣлъ въ этомъ несоотвѣтствіи главную трудность къ урегулированію рускаго золотого обращенія, только господинъ Витте рѣшилъ эту задачу очень просто: „замѣнимъ на имперіалѣ число десять пятнадцатью и разница въ курсѣ исчезнетъ; слѣдовательно отчеканимъ изъ того же самого количества золота, три полуимперіала вмѣсто двухъ“. Во всякомъ случаѣ эта мысль была болѣе смѣла, чѣмъ оригинальна, такъ какъ подобное урѣзываніе монеты широко практиковалось всѣми князьями въ знаменитое время поддѣлки и переплавки монетъ. Но разъ курсъ не хотѣлъ примѣняться къ желаніямъ русскаго министра финансовъ, то этотъ послѣдній примѣнился къ курсу. Этимъ конечно была устранена трудность, какъ она устраняется для каждаго банкрота, который договаривается со своими кредиторами на $66^2/_3$ процента. Однако въ дѣйствительности русское государство не заплатило по своему текущему долгу ни единой копейки, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Первымъ пріятнымъ результатомъ поддѣлки русской монеты явилось то, что золотое обезпеченіе сразу и само собой возросло на громадную сумму. Это случилось въ 1897-мъ году. Еще раньше происходило описаннымъ нами выше способомъ постепенное и значительное увеличеніе

количества русской золотой монеты. Мы знаемъ также, что при отсутствіи какихъ-либо принятыхъ противъ этого мѣропріятій, это означаетъ общее возрастаніе количества русскихъ денежныхъ средствъ обращенія на міровомъ рынкѣ. Это можно доказать также и на числахъ. Къ 1-му январю 1895-го года общая сумма русскаго металлическаго обезпеченія— въ государственномъ банкѣ, въ государственномъ казначействѣ, на монетномъ дворѣ, въ обращеніи и въ заграничномъ кредитѣ—равнялась 645,7 милліона рублей золотомъ стараго достоинства [1]). По новой оцѣнкѣ, введенной въ 1897-мъ году, это составляетъ 968,6 милліна. Къ тому же самому моменту общая сумма кредитныхъ билетовъ исчислена въ 1121,1 милліона [2]). Такимъ образомъ сумма денежныхъ средствъ обращенія равнялась 2089,7 милліона. Дальнѣйшее развитіе обнаруживаютъ слѣдующія цифры, которыя мы беремъ изъ личнаго доклада министра финансовъ по бюджету [3]).

РУССКІЙ ДЕНЕЖНЫЙ ЗАПАСЪ.

Къ	1-му	январю	1895-го	года	2089,7	милліона	руб.	по новой оцѣнкѣ.
„	концу	1896	„	„	2487,8	„	„	„	„
„	„	1897	„	„	2631,0	„	„	„	„
„	„	1898	„	„	2506,0	„	„	„	„
„	„	1899	„	„	2416,9	„	„	„	„

Итакъ, отъ начала 1895-го года до конца 1897-го года количество русскихъ денежныхъ средствъ обращенія увеличилось больше, чѣмъ на полмилліарда рублей. Послѣдовавшее затѣмъ уменьшеніе вызвано было уничтоженіемъ бумажныхъ рублей.

До 1891-го года вывозъ золота въ Россіи перевѣшивалъ ввозъ. Начиная съ этого момента, Россія начинаетъ усиленно привлекать къ себѣ золото. Съ начала 1891-го года до конца 1897-го года превышеніе русскаго ввоза надъ вывозомъ равнялось 32888 пудамъ чистаго золота. Въ тотъ же самый промежутокъ времени монетный дворъ получилъ золота внутренняго производства 16620,3 пуда. Въ общей сложности русскій золотой запасъ увеличился на 49508,3 пуда стоимостью въ 2787,3 мил-

---

1) Bulletin Russe, 1895, томъ I, стр. 115.
2) Bulletin Russe, 1895, томъ I, стр. 39.
3) Регулярно печатается въ Bulletin Russe.

ліона франковъ [1]). Такимъ образомъ $^2/_3$ всей суммы были добыты изъ заграницы. Это доставленное изъ заграницы золото распадается на слитки и на монеты. Въ золотыхъ слиткахъ было 7830,1 пуда, въ золотыхъ монетахъ заграничнаго образца было 25057,9 пуда.

Нѣсколько труднѣе, чѣмъ вопросъ о добываніи золота, былъ другой, именно вопросъ о томъ, какъ сохранить это золото въ кассахъ государственнаго банка, задача объ увеличеніи золотыхъ запасовъ банка. Русское министерство финансовъ начало съ того, что повысило счета казначейства въ государственномъ банкѣ. Всѣ поступавшія деньги—вносимыя налоги, суммы по займамъ, доходы съ государственныхъ предпріятій—все это какъ можно скорѣй препровождалось въ государственный банкъ, и кассы провинціальныхъ казначействъ оставались опустошенными. Такимъ образомъ вклады государственнаго казначейства въ государственномъ банкѣ повысились съ 60 милліоновъ кредитныхъ рублей 1-го января 1887-го года до 478 милліоновъ кредитныхъ рублей 1-го января 1895-го года, слѣдовательно на 418 милліоновъ рублей. (Смотр. Bulletin Russe 1895-го года, томъ I, стр. 233 и 234). Это были какъ разъ годы самой крайней финансовой нужды—въ 1892-мъ году пришлось даже выпустить дальнѣйшіе 75 милліоновъ рублей кредитныхъ билетовъ—ясное доказательство, что вся эта операція являлась чисто спекулятивнымъ предпріятіемъ. Деньги, которыя государственное казначейство вносило на сохраненіе въ государственный банкъ, были ему нужны для покрытія текущихъ государственныхъ расходовъ: это была колеблющаяся денежная масса, которая то отливала на платежи государственнаго казначейства, то снова пополнялась новыми поступленіями. Продолжавшійся переходъ желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства, принося государству большія текущія поступленія, помогалъ министерству финансовъ въ его стремленіи поддерживать счета въ государственномъ банкѣ на возможно большей высотѣ [2]). Все это должно было привести къ увеличенію

---

[1]) Bulletin Russe, 1898, стр. 281.

[2]) Въ другой связи мы уже познакомились съ тѣмъ удивительнымъ явленіемъ, какъ измѣненіе въ способахъ исчисленія и болѣе быстрая передача доходовъ съ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ въ государственный банкъ, реформы, проведенныя въ 1897 г., сразу подняли доходы съ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ по крайней мѣрѣ на 40 милліоновъ. Этотъ новый пріемъ долженъ былъ одновременно привести къ повышенію на такую же сумму счетовъ государственнаго казначейства въ государственномъ банкѣ. Здѣсь мы имѣемъ конкретный примѣръ того, какъ это дѣлается.

количества золотой наличности въ государственномъ банкѣ. Разъ это было достигнуто, превращеніе бумажныхъ денегъ въ золото сдѣлалось простой банковой операціей. Такимъ образомъ „общій размѣнный фондъ“ государственнаго банка возросъ на 180,5 милліона рублей золотомъ, съ 210,3 милліона руб. 1-го января 1887-го года до 350,8 милліона руб. 1-го января 1895-го года. Сверхъ того къ этому же числу въ государственномъ банкѣ имѣлось еще 195,4 милліона руб. золотомъ въ слиткахъ и въ монетахъ, не причисленныхъ къ общему размѣнному фонду, а принадлежавшихъ государственному казначейству [1]). Къ январю 1897 г. общій обмѣнный фондъ былъ доведенъ до 500 милліоновъ.

1-го октября 1897-го года, во время провеленія денежной реформы, положеніе было таково:

Золотое обезпеченіе въ „общемъ обмѣнномъ фондѣ“ государственнаго банка равнялось 500 милліонамъ рублей старой оцѣнки. Количество выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ равнялось 1068,8 милліона рублей. Такимъ образомъ обезпеченіе составляло не полные 50 процентовъ и текущій долгъ равнялся 568,8 милліона. Сверхъ того государственное казначейство имѣло на храненіи въ государственномъ банкѣ 150 милліоновъ рублей золотомъ. Если присчитать и эту сумму, то золотое обезпеченіе подымется до 650 милліоновъ, а текущій долгъ будетъ равняться 418,8 милліона.

Законами 1897-го года выпускъ кредитныхъ билетовъ былъ перенесенъ на государственный банкъ. Особый счетъ государственнаго банка для кредитныхъ билетовъ и для ихъ покрытія, „размѣнный фондъ“ былъ устраненъ. Одновременно все золото было перечисленно въ имперіалы новой стоимости, которые, какъ уже упоминалось раньше, были на треть меньше прежнихъ. Ближайшимъ результатомъ всего этого явилось повышеніе номинальной стоимости золотой наличности на 50 процентовъ. Дальнѣйшимъ пріятнымъ слѣдствіемъ было то, что и собственные запасы золота государственнаго банка могли отнынѣ функціонировать, какъ золотое обезпеченіе. Такимъ образомъ въ результатѣ магическаго слова „денежная реформа“ въ кассахъ государственнаго банка оказался запасъ золота въ размѣрѣ 1153,2 милліона рублей. 500 милліоновъ прежняго размѣннаго фонда превратились въ 750 милліоновъ, вкладъ золотомъ государственнаго казначейства далъ 225 милліоновъ изъ 150 милліоновъ, далѣе 60,2 милліона, внесенныхъ какъ особая статья въ государственный банкъ, превра-

---

[1]) Bulletin Russe, 1897, стр. 152.

тились теперь въ 90,3 милліона, наконецъ 12 милліоновъ, которые государственный банкъ имѣлъ заграницей, и 69,5 милліона рублей новой чеканки, вотъ содержимое кассы государственнаго банка. Такимъ образомъ было достигнуто то, что золотое обезпеченіе стало больше, чѣмъ выпущенные кредитные билеты, получившіе отнынѣ названіе билетовъ государственнаго банка. Со скромностью, которой русское правительство вообще придерживается въ финансовыхъ дѣлахъ, оно все же вычеркнуло изъ своего текущаго долга всего 362,5 милліона, оставивъ такимъ образомъ въ остаткѣ 206,3 милліона. Но въ то же время возрасли путемъ новыхъ разсчетовъ его текущіе счета въ государственномъ банкѣ на 137 милліоновъ. Тѣмъ легче было наверстать пропущенное въ слѣдующіе годы: для этого слѣдовало только дѣлать по одному въ книгахъ государственнаго банка.

До начала денежной реформы русское денежное обращеніе состояло почти исключительно изъ бумагъ и ничтожной части серебра. Золото размѣннаго фонда никогда не покидало кассъ государственнаго банка. Количество находившихся въ обращеніи денегъ колебалось около одного милліарда кредитныхъ рублей [1]). Для того же, чтобы пустить въ обращеніе накопившееся въ государственномъ банкѣ золото, надо было изъять изъ обращенія соотвѣтственное по стоимости количество бумажныхъ денегъ. Но особенность кредитныхъ денегъ, а слѣдовательно и банковыхъ билетовъ состоитъ въ томъ, что они сохраняютъ свою стоимость только до тѣхъ поръ, пока они циркулируютъ внѣ того мѣста, которое ихъ выпустило. Послѣ своего возвращенія въ банкъ, они стоютъ ровно столько же сколько стоитъ вексель, уплаченный векселедателемъ, другими словами они ничего не стоютъ. Банковый билетъ въ кассѣ банка есть вексель на самаго себя: банкъ уплачиваетъ владѣльцу этого билета столько и столько-то, а владѣльцемъ на этотъ разъ оказывается самъ банкъ. Для государственнаго банка не имѣло ровно никакого смысла накоплять въ своихъ кассахъ сотни милліоновъ бумажныхъ рублей, такъ какъ эти милліоны только обременяли равномѣрно его активъ и пассивъ. Поэтому съ давнихъ поръ уже прибѣгали къ тому, чтобы время отъ времени уничтожать значительныя количества кредитныхъ билетовъ, накоплявшихся въ государственномъ банкѣ. Но когда относительно небольшія количества золота, какъ мы это

---

1) По докладу министра финансовъ относительно торговаго кризиса 1899 г. „Finanzbote“ 1899, № 13. Во французскомъ переводѣ появился въ Bulletin Russe, 1899.

видѣли, превратились путемъ урѣзыванія монетъ въ весьма значительныя количества золотыхъ монетъ, тогда началось уничтоженіе кредитныхъ билетовъ цѣлыми кипами. Съ большей торжественностью сожигалась макулатура ассигнацій къ великому удивленію несвѣдущей публики. Если бы только русскія рублевыя кредитки не возрождались снова, какъ птица фениксъ, изъ золы?! Объ этомъ мы поговоримъ еще ниже.

Чрезмѣрное накопленіе бумажныхъ денегъ въ кассахъ государственнаго банка безъ сомнѣнія повліяло бы неблагопріятно на курсъ русскихъ кредитныхъ билетовъ. Это было, такимъ образомъ, требованіемъ необходимости, когда русское правительство стремилось предотвратить это путемъ уничтоженія кредитныхъ билетовъ.

Что отношеніе золотого обезпеченія стало, благодаря уничтоженію бумажныхъ рублей, еще выше, ясно само собой.

Мы не останавливаемся на сложныхъ разсчетахъ, происходившихъ между государственнымъ банкомъ и государственнымъ казначействомъ по поводу денежной реформы. Сущность дѣла они нисколько не мѣняютъ, детальное же изслѣдованіе ихъ оказывается совершенно невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока все финансовое хозяйство русскаго государства предоставляетъ для общественной критики очень ничтожный, въ высшей степени общій матеріалъ и въ своихъ главныхъ частяхъ остается тайной отдѣльныхъ министерскихъ вѣдомствъ.

Основой русской денежной реформы была и остается поддѣлка монеты. Эта финансовая операція оказывалась тѣмъ болѣе выгодной, чѣмъ ниже стоялъ курсъ бумажнаго рубля. Если бы рѣшились приступить къ этому предпріятію нѣсколькими годами раньше, то достигли бы еще большаго золотого обезпеченія. Но все еще продолжала существовать надежда поднять курсъ кредитнаго билета приблизительно до его нормальной стоимости. И только съ отказомъ отъ этой надежды, съ официальнымъ признаніемъ, что деньги обезцѣнены, все остальное вытекло само собой. Изъятіе кредитныхъ билетовъ и чеканку золота, какъ уже упоминалось, русское государственное казначейство производило и раньше. Но то, что дѣлалось его предшественниками въ малыхъ размѣрахъ, то начало дѣлаться господиномъ Витте въ большихъ размѣрахъ и было возведено имъ въ систему. Тотъ фактъ, что ему удалось притянуть изъ заграницы такъ много золота, показываетъ только, что въ денежномъ обращеніи другихъ государствъ находилось большое количество золота, такъ какъ иностранный денежный рынокъ, повидимому, даже не почувствовалъ сильнаго русскаго кровопусканія. Или быть можетъ скопленіе золота въ русскомъ государ-

ственномъ банкѣ все же несетъ на себѣ часть вины за крайнюю нужду въ деньгахъ, которою давно уже характеризуется европейскій денежный рынокъ? Съ опредѣленностью здѣсь ничего нельзя утверждать.

Проведеніе денежной реформы отнюдь не является доказательствомъ благопріятнаго состоянія русскихъ финансовъ или благопріятнаго положенія русскаго торговаго рынка. Единственно о чемъ свидѣтельствуетъ эта денежная реформа, такъ это о томъ, съ какой смѣлостью можетъ проводить самыя широкія банковыя и денежныя операціи министръ финансовъ, когда его не связываетъ никакой парламентскій контроль.

Чтобы изслѣдовать вліяніе русской денежной реформы, надо прежде всего дать себѣ отчетъ въ томъ, что недостаточное золотое обезпеченіе создастъ лишь возможность колебаній курса; сами же колебанія должны быть вызваны другими причинами. Такъ, неустойчивое равновѣсіе флюгера обусловливаетъ его большую подвижность, но для того, чтобы привести его въ движеніе, необходимъ вѣтеръ. Колебанія курса русскихъ кредитныхъ билетовъ были показателемъ общей ситуаціи, которая являлась результатомъ какъ финансоваго положенія государства, такъ и торговаго оборота; послѣдній въ свою очередь въ земледѣльческой Россіи сильно зависѣлъ отъ урожая. Само собой разумѣется, что эти финансовополитическіе и народнохозяйственные моменты не могутъ быть устранены никакими монетными реформами; они не были бы устранены даже тогда, если бы мы совершенно изъяли изъ обращенія кредитные билеты: какъ бы крѣпко мы ни приколотили флюгеръ, вѣтеръ и буря все же останутся. Конечно, если бы въ обращеніи имѣлось только золото, то колебанія денежнаго курса должны были бы прекратиться, но финансовое и хозяйственное положеніе государства все же ясно бы проявилось въ учетномъ процентѣ, въ курсѣ государственныхъ займовъ и въ тысячахъ другихъ вещахъ. Чистое золото вообще далеко не играетъ уже той выдающейся роли въ обращеніи, какую оно играло въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Колоссальное развитіе банковъ и вексельныхъ операцій во вторую половину 19-го столѣтія произвело здѣсь настоящую революцію. Даже въ худшія времена колебаній курса русскихъ бумажныхъ денегъ находился выходъ въ томъ, что въ международныхъ торговыхъ оборотахъ разсчеты производились иностранной монетой, а также въ томъ, что русское государство предпринимало заемъ золотомъ и взимало пошлины также золотомъ. Но съ другой стороны, однако, когда процентъ учета русскихъ векселей растетъ, когда курсъ русскихъ акцій и государственныхъ займовъ падаетъ, то это является не меньшимъ тормазомъ для

торговыхъ оборотовъ, чѣмъ падающій курсъ кредитнаго билета. Вѣдь русскій государственный долгъ больше чѣмъ въ десять разъ превышаетъ количество его бумажныхъ денегъ!

Обезпеченъ ли по крайней мѣрѣ курсъ русскаго бумажнаго рубля? Опредѣленно можно сказать только одно: движенія курса вверхъ быть уже больше не можетъ. Послѣ 1890-го года случалось иногда, что въ Берлинѣ 100 рублей оплачивались 258-ю марками; теперь же русское правительство установило отношеніе при обмѣнѣ $216^1/_2$ марками; по легко понятнымъ причинамъ поднятіе курса выше этов нормы стало уже невозможнымъ.

До 1897-го года обращеніе золота въ Россіи было чрезвычайно ничтожно. Даже послѣ того, какъ въ 1897-мъ году появился законъ о монетахъ, приходилось буквально навязывать золото публикѣ, непривыкшей къ такого рода деньгамъ. Къ тому же произошелъ, какъ мы знаемъ, быстрый ростъ средствъ обращенія. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ запасъ золота въ государственномъ банкѣ былъ очень великъ. Къ концу 1897-го года министръ финансовъ Витте исчислялъ золотое обезпеченіе кредитныхъ билетовъ въ 131,6 процента. Но постепенно золото начало отливать.

Въ концѣ 1896-го года количество находившагося въ обращеніи золота равнялось 37,5 милліона рублей, въ концѣ 1897 г.—155 милліонамъ, въ концѣ 1898 г.—445 милліонамъ, въ концѣ 1899 г.—639,5 милліона. Но въ продолженіе этихъ лѣтъ были произведены въ широкихъ размѣрахъ изъятія кредитныхъ билетовъ и чеканка золотыхъ монетъ, такъ что отношеніе золотого обезпеченія мало измѣнилось. Теперь же это должно прекратиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ отливъ золота начнетъ пробивать въ „обезпеченіи“ все большія бреши.

Въ концѣ 1899-го года общее количество кредитныхъ билетовъ равнялось 630 милліонамъ рублей, изъ нихъ 517,3 милліона находились въ обращеніи. Золотое обезпеченіе государственнаго банка и казначейства равнялось 927-милліонамъ. Съ уничтоженіемъ послѣднихъ 50 милліоновъ текущаго долга сумма кредитныхъ билетовъ сократилась до 580 милліоновъ. Золото же между тѣмъ перешло въ обращеніе навѣрное еще больше. Все же можно считать золотое обезпеченіе въ 130 процентовъ. Это звучитъ даже очень успокоительно—если бы только бавковыя ассигнаціи не обладали непріятной особенностью постоянно возвращаться въ худыя времена обратно. Вещь извѣстная, что количество денегъ въ странѣ всегда стоитъ далеко позади количества совершающихся платежей. Именно, деньги это

средство обращенія, они непрерывно мѣняютъ мѣсто, чтобы содѣйствовать новымъ сдѣлкамъ. Отношеніе здѣсь подобно тому, которое существуетъ между вмѣстительностью кораблей и размѣрами торговаго оборота. Золотое обезпеченіе въ 130 процентовъ означаетъ только то, что государственный банкъ могъ бы одинъ разъ уплатить золотомъ за всю сумму кредитныхъ билетовъ, но уже во второй разъ золота у него хватило бы только для одной трети всего количества. И однако же денежные обороты государственнаго банка во много разъ превышаютъ имѣющееся количество денегъ. Если соотношеніе, въ которомъ золото и бумаги притекаютъ къ банку и отливаютъ отъ банка, остается внутри опредѣленной постоянной средней величины, то обращеніе идетъ гладко; но если происходитъ какая-нибудь заминка и золото начинаетъ непрерывно отливать, между тѣмъ какъ банковыя ассигнаціи выталкиваются изъ обращенія, то это движеніе, если оно не будетъ остановлено, неминуемо опустошитъ до основанія золотыя кассы банка. Скажутъ, что на извѣстномъ пунктѣ наступаетъ насыщеніе денежнаго рынка. Но во-первыхъ безпокойныя времена какъ разъ тѣмъ и характеризуется, что этотъ пунктъ насыщенія подымается очень высоко и при малѣйшемъ поводѣ передвигается все выше и выше, такъ что нужда въ деньгахъ кажется почти безграничной. Если вклады въ банкахъ уменьшаются, а векселя накопляются, то ихъ денежные запасы опустошаются и, между тѣмъ какъ вслѣдствіе этого количество циркулирующихъ денегъ увеличивается, со всѣхъ сторонъ подымаются жалобы на денежныя стѣсненія. А во-вторыхъ, гдѣ находятся границы денежнаго рынка? Для обращенія кредитныхъ билетовъ возможно еще установить до извѣстной степени политическія границы, золото же не знаетъ никакихъ государственныхъ границъ, оно знаетъ лишь общій международный денежный рынокъ. Русскія бумажныя деньги охотно отталкиваются изъ заграницы обратно на ихъ родину или въ лучшемъ случаѣ ихъ накопляютъ иногда въ цѣляхъ спекуляціи, русское золото не даетъ для этого никакого повода. Мы показали, какъ легко сравнительно добыла Россія нужное ей золото изъ международнаго обращенія—не менѣе легко можетъ теперь золото снова отхлынуть заграницу. Какъ получено, такъ и утеряно.

Но развѣ все это примѣнимо не къ каждому золотому обезпеченію, касается ли вопросъ Россіи, Германіи или какого-нибудь другого государства? Конечно, и это доказываетъ, что курсъ банковыхъ билетовъ находится еще въ зависимости и отъ другихъ моментовъ, кромѣ золотого обезпеченія. Курсъ билетовъ государственнаго банка находится въ

тѣсной связи съ общимъ финансовымъ хозяйствомъ и торговымъ положеніемъ государства; съ другой стороны, пусть будетъ и то, и другое въ какомъ угодно благопріятномъ положеніи, курсъ ассигнацій не гарантированъ отъ колебаній, если золотое обезпеченіе недостаточно. Итакъ одно золотое обезпеченіе еще не уничтожаетъ колебаній, оно дѣйствуетъ только при опредѣленныхъ предварительныхъ условіяхъ. Только въ такомъ государствѣ, гдѣ хронической дефицитъ устраняется смѣной министерства, можно было серьезно вѣрить въ то, что чеканкой золотыхъ монетъ удовлетворяются всѣ требованія обезпеченнаго денежнаго обращенія.

До сихъ поръ мы предполагали, что количество русскихъ кредитныхъ билетовъ остается при своемъ теперешнемъ низкомъ уровнѣ. Гдѣ гарантіи этому? Разсмотримъ законъ о монетахъ. Соотвѣтствующее законоположеніе гласитъ:

„Кредитные билеты выпускаются государственнымъ банкомъ въ количествѣ строго ограниченномъ дѣйствительными потребностями денежнаго рынка; гарантіей имъ должно служить золото въ количествѣ, равномъ половинѣ всѣхъ, находящихся въ обращеніи, суммъ, пока эти суммы не превысили 600 милліоновъ рублей. Для кредитныхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи сверхъ 600 милліоновъ рублей, должна быть представлена гарантія золотомъ въ размѣрѣ на каждый бумажный рубль minimum золотой рубль, такъ что на каждые 15 кредитныхъ рублей должна быть представлена соотвѣтствующая гарантія по меньшей мѣрѣ въ имперіалъ золотомъ“.

Врядъ ли найдется парламентъ на свѣтѣ, который бы согласился удовлетвориться при такихъ серьезныхъ обстоятельствахъ закономъ, изложеннымъ въ такихъ общихъ чертахъ и допускающимъ различныя толкованія. Что вытекаетъ съ ясностью изъ этого законоположенія, такъ только то, что государственный банкъ имѣлъ право уже въ 1899-мъ году, когда его золотой запасъ заключалъ въ себѣ свыше 900 милліоновъ, пустить въ обращеніе банковыхъ ассигнацій больше чѣмъ на 1,200 милліоновъ рублей, другими словами имѣлъ право выпустить новыхъ рублевыхъ кредитокъ среднимъ числомъ на 600 милліоновъ. Онъ былъ при этомъ связанъ только условіемъ „дѣйствительныхъ потребностей денежнаго рынка“. Но какъ отличить дѣйствительную потребность отъ фальшивой? Если въ государственный банкъ поступятъ большія денежныя требованія, такъ что его золотой запасъ уменьшается съ подозрительной быстротой, то онъ ни минуты не будетъ сомнѣваться, что дѣйствительная потребность въ увеличеніи количества банковыхъ билетовъ существуетъ. А что случится, если

онъ оставитъ это добавочное условіе безъ всякаго вниманія? Ничего не случится. Что случится, если обезпеченіе, существующее сегодня, вслѣдствіе значительнаго отлива золота, на слѣдующій день не будетъ больше удовлетворять законодательному предписанію? Ничего не случится. Германскій государственный банкъ, какъ извѣстно, долженъ платить налогъ за каждую банковую ассигнацію, которая находится въ обращеніи сверхъ строго установленнаго отношенія къ золотому обезпеченію; это побуждаетъ добиваться путемъ изъятія банковыхъ билетовъ и слѣдовательно накопленія золота нѣкотораго уравниванія. Въ русскомъ государственномъ банкѣ все предоставлено его доброй волѣ.

Свободной воли, какъ извѣстно, вообще не существуетъ, но меньше всего она можетъ быть у русскаго государственнаго банка. Государственный банкъ уже по одному тому находится въ зависимости отъ государства, что это послѣднее является его главнымъ довѣрителемъ. По балансу государственнаго банка отъ $^{16}/_{28}$ ноября 1899-го года текущій счетъ государства, правленій и казначействъ, въ банкѣ равнялся 609,7 милліона рублей при денежномъ запасѣ немногимъ больше 1-го милліарда рублей, въ числѣ которыхъ было $8^{3}/_{4}$ милліона золотомъ. Окажись государство въ положеніи, вынуждающемъ его сократить свой текущій счетъ, и сразу въ золотой наличности банка образуется крупный дефицитъ, если онъ именно не рѣшится на новый выпускъ кредитныхъ билетовъ. Интересно отношеніе между счетомъ государства и частными вкладами государственнаго банка. Къ тому же самому числу они равнялись, включая и текущій счетъ, 192,2 милліонамъ рублей, такимъ образомъ они не достигали даже одной трети государственнаго долга. Въ другихъ государствахъ это отношеніе совершенно обратное: въ англійскомъ банкѣ долгъ государства на немъ составляетъ отъ одной пятой до одной четверти частныхъ долговъ, во французскомъ банкѣ отъ 50 до 60 процентовъ. Такимъ образомъ ни въ одной странѣ нѣтъ такой громадной зависимости государственнаго банка отъ финансовой политики государства, какъ въ Россіи. Состояніе русскаго государственнаго банка прежде всего зависитъ отъ состоянія русскихъ государственныхъ финансовъ. Слѣдовательно отъ нихъ же зависитъ фактически и эмиссіонная дѣятельность банка.

Итакъ:

1. Русская денежная реформа вовсе не устранила пониженія цѣнности денегъ; наоборотъ, она основывается на немъ, возвела его въ законъ.

2. Высокое золотое обезпеченіе, временно достигнутое урѣзываніемъ монетъ, спекулятивнымъ вздуваніемъ денежныхъ запасовъ въ государствен-

номъ казначействѣ, перенесеніемъ текущихъ государственныхъ доходовъ въ государственный банкъ, уничтоженіемъ обезцѣненныхъ кредитныхъ билетовъ, быстро уменьшается путемъ отлива золота во внутреннее и иностранное денежное обращеніе.

3. Эмиссіонная дѣятельность новымъ законодательствомъ не только не ограничена, а наоборотъ, еще расширена. При своемъ теперешнемъ состояніи, обладая круглымъ счетомъ въ 900 милліоновъ золотымъ обезпеченіемъ, государственный банкъ имѣетъ право выпустить 1,200 милліоновъ рублей. Это золотое обезпеченіе составляетъ по старой оцѣнкѣ 600 милліоновъ. Непосредственно передъ денежной реформой стоимость выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ равнялась 1,069 милліонамъ, между тѣмъ какъ золотое обезпеченіе, если причислить сюда, какъ это теперь дѣлается, всю золотую наличность банка, равнялось свыше 750 милліоновъ. Если бы запасъ золота съ 1897 года сильно не понизился, государственный банкъ имѣлъ бы теперь право выпустить даже свыше 1,400 милліоновъ рублей кредитными билетами. Обезпеченіе въ 50 процентовъ, какъ того требуетъ законъ для для выпуска кредитныхъ билетовъ въ количествѣ до 600 милліоновъ, является, если пересчитать золото по старой оцѣнкѣ, лишь обезпеченіемъ въ 33$^1/_3$ процента.

4. Нѣтъ никакихъ гарантій, что государственный банкъ не перешагнетъ поставленныхъ ему слишкомъ широкихъ границъ.

5. Громадный текущій счетъ государственнаго казначейства въ государственномъ банкѣ дѣлаетъ то, что значительное паденіе государственныхъ доходовъ, вслѣдствіе неудачи какого-нибудь государственнаго займа, можетъ принудить къ выпуску кредитныхъ билетовъ.

6. Довѣріе къ русскимъ кредитнымъ билетамъ было уже такъ сильно подорвано, что государство не осмѣливалось предпринимать никакихъ выпусковъ ихъ въ болѣе значительномъ количествѣ. Цѣль денежной реформы собственно и заключалась въ томъ, чтобы создать почву, дѣлающую возможными новые выпуски кредитныхъ билетовъ.

* * *

Раньше мы видѣли, какую важную роль въ русскомъ бюджетѣ играетъ „свободная наличность государственнаго казначейства въ государственномъ банкѣ“—теперь обнаруживается, что государственный банкъ съ своей стороны, главнымъ образомъ, опирается на имѣющійся у него долгъ государственному казначейству. Какъ разъ денежная реформа устранила послѣдніе слѣды самостоятельности государственнаго банка. До нея госу-

дарственный банкъ имѣлъ не большее отношеніе къ денежному курсу, чѣмъ всякій другой банкъ. Онъ не былъ обязанъ выкупать кредитные билеты иначе, чѣмъ по курсу дня или на большую сумму, чѣмъ доставленный ему правительствомъ въ распоряженіе размѣнный фондъ. Ни наличность его кассы, ни его вклады не могли подвергаться вліянію со стороны денежнаго курса. Съ обязательствомъ же, которое онъ взялъ на себя теперь по отношенію къ государству, обязательствомъ принимать любое количество кредитныхъ билетовъ по твердо опредѣленному курсу, каково бы ни было положеніе рынка, государственный банкъ прежде всего подвергается опасности, что въ неспокойныя времена частныя лица будутъ вынимать свои вклады, такъ какъ въ такихъ случаяхъ они будутъ себѣ говорить, что имъ выгоднѣе, пока еще возможно, получить свои деньги изъ банка золотомъ, чѣмъ дожидаться того времени, когда имъ придется удовольствоваться банковыми билетами по пониженному курсу. Болѣе того, даже сохранность вкладовъ подвергается теперь опасности, такъ какъ банкъ отвѣчаетъ всей своей денежной наличностью, а слѣдовательно также и частными вкладами, за выпущенныя имъ билеты. Вся коммерческая дѣятельность банка нарушилась бы теперь колебаніемъ курса бумажнаго рубля. Чѣмъ больше опирается государственный банкъ на вклады государственнаго казначейства, тѣмъ тѣснѣе все его положеніе связывается съ общей финансовой дѣятельностью государства.

Статья, которая регулярно появляется въ русскомъ государственномъ бюджетѣ подъ названіемъ „свободная наличность въ государственномъ банкѣ“, не охватываетъ собой всего долга, имѣющагося у государственнаго казначейства въ государственномъ банкѣ. Но это отнюдь не означаетъ, что остатокъ предназначается для цѣлей государственнаго банка, вѣрнѣе въ немъ заключаются средства для покрытія текущихъ расходовъ государства, которыя представляютъ собою особенно подвижную и ненадежную часть кассы государственнаго банка.

Что за странныя отношенія: государственное казначейство опирается на государственный банкъ для покрытія могущаго быть дефицита, а государственный банкъ въ случаѣ денежныхъ стѣсненій прежде всего нуждается въ поддержкѣ государственнаго казначейства!

Такъ держатся эти государственныя учрежденія подобно тому, какъ держатся, повидимому, вопреки всякимъ законамъ равновѣсія, жалкія хаты голодающихъ русскихъ крестьянъ, получившія къ своимъ прогнившимъ стѣнамъ подпорки изъ досокъ, сорванныхъ съ ихъ же крышъ.

*
* *

Мы уже не разъ указывали на то, что точный и полный анализъ русскихъ финансовъ совершенно невозможенъ на основаніи того матеріала, который русское государство считаетъ возможнымъ предоставлять гласности. Въ бюджетѣ изслѣдованіе отдѣльныхъ статей, сравненіе доходовъ съ расходами связано съ величайшими трудностями; даже тамъ, гдѣ имѣются официальныя числа, они противорѣчатъ себѣ въ различныхъ источникахъ, статьи бюджета мѣняются совершенно произвольно, напримѣръ, разсчеты отдѣльныхъ вѣдомствъ и счета съ государственнымъ банкомъ; наконецъ, громадныя суммы совершенно ускользаютъ отъ всякаго контроля. Даже балансъ бюджета не даетъ общаго числа, соотвѣтствующаго доходамъ и расходамъ русскаго государства, благодаря регулярному превышенію статей росписи какъ въ доходахъ, такъ и въ расходахъ. Начиная съ 1863-го не было ни одного года безъ превышеній бюджета. Превышеніе бюджета въ размѣрѣ отъ 10 до 20 процентовъ является правиломъ. И это вполнѣ понятно. Въ самомъ дѣлѣ можно ли заранѣе знать, какъ сложится финансовый годъ въ странѣ, гдѣ бѣдственное состояніе никогда не изчезаетъ изъ порядка дня, гдѣ поступленіе налоговъ зависитъ отъ выжимательной дѣятельности полиціи, гдѣ самыя необходимыя потребности государства пренебрегаются изъ-за недостатка денегъ, гдѣ не сдѣлано даже точнаго исчисленія податныхъ поступленій, въ странѣ, въ которой каждое министерство дѣйствуетъ на свой страхъ и рискъ, въ которой администрація каждой отдѣльной губерніи чувствуетъ себя автономной, въ которой ежедневно простымъ указомъ царя могутъ быть предприняты расходы въ любомъ размѣрѣ? Предварительнымъ условіемъ парламентскаго бюджета прежде всего должна быть парламентская система.

Если запутанность финансовъ русскаго государства и не была вызвана съ умысломъ, то во всякомъ случаѣ эта запутанность великолѣпно содѣйствуетъ тому, чтобы сознательно затушевывать неблагопріятное состояніе этихъ финансовъ. Кто можетъ этому помѣшать? Члены государственнаго контроля, все одни чиновники, будутъ опасаться открытой критикой нанести ущербъ престижу государства и его кредиту. Впрочемъ для такой критики въ Россіи и не нашлось бы мѣста. Даже самому министру финансовъ, какъ это показалъ случай съ Бунге, приходится выбирать: или покинуть свой постъ, или добиться благопріятной сводки бюджета. Только этого отъ него и требуютъ, и въ этомъ одномъ и должно проявиться все его искусство. И русскому императору съ своей стороны до тѣхъ поръ, пока не будетъ народнаго представительства, не остается ничего другого, какъ дѣлать разныя пробы то съ однимъ министромъ финансовъ, то съ

другимъ. Русскіе министры находятся, вопреки или, скорѣе, именно благодаря своимъ слишкомъ большимъ полномочіямъ, въ гораздо менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ ихъ коллеги въ парламентской Европѣ. Министръ парламентской страны знаетъ, что онъ не несетъ никакой больше отвѣтственности, если онъ только представилъ ясную картину финасоваго положенія государства. Если оказывается дефицитъ, то виновнымъ скорѣе всего является парламентъ: почему онъ не утвердилъ больше налоговъ?! Какъ разъ въ такихъ случаяхъ министръ финансовъ торжествуетъ надъ народнымъ представительствомъ; нѣкоторые изъ нихъ идутъ поэтому дальше и обрисовываютъ финансовое положеніе хуже, чѣмъ оно есть для того чтобы получить больше. Для русскаго министра финансовъ такого положенія быть не можетъ. За дефицитъ отвѣтственнымъ является онъ, и онъ стоитъ передъ дилеммой, какъ передъ гладкой стѣной. Дефицита быть не должно! Но зато онъ можетъ хозяйничать, какъ ему угодно: его финансовые планы получатъ поддержку, болѣе или менѣе опредѣленную, со стороны государственнаго контроля; въ случаѣ надобности ихъ утвердитъ и, помимо государственнаго контроля, самъ царь, лишь бы министръ умѣлъ достать денегъ. Но какъ бы ни изворачивался министръ, перешагнуть черезъ извѣстныя объективныя обстоятельства онъ все же не можетъ. Начинается дѣло съ налоговъ. Налоги безпрерывно повышаются до тѣхъ поръ, пока повышеніе уже не оказываетъ больше никакого дѣйствія. Какъ намъ извѣстно, этотъ пунктъ въ Россіи для наиболѣе важныхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ давно уже перейденъ. Фискальное чутье у русскихъ министровъ финансовъ безпримѣрное. Стоитъ только въ странѣ шевельнуться какой-нибудь промышленной дѣятельности, чтобы тотчасъ же она была использована въ податныхъ цѣляхъ. Табачное производство, сахарное производство, нефтяное производство, всѣ они были очень быстро и въ возрастающей прогрессіи обложены налогами; такъ же и общій промышленный подъемъ послѣднихъ лѣтъ долженъ былъ заплатить свою дань въ формѣ удвоеннаго торгово промышленнаго налога. Разъ дѣло съ повышеніемъ налоговъ дальше не идетъ, приходится обратиться къ государственнымъ монополіямъ. Тѣмъ или другимъ способомъ, а деньги должны быть доставлены. Если никакимъ другимъ путемъ нельзя, то хотя бы путемъ ограбленія общественныхъ кассъ, какъ это имѣло мѣсто при винной монополіи. Дальнѣйшій шагъ ведетъ къ искусственному созданію избытковъ въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ. Тутъ уже финансовая политика переходитъ въ шарлатанство. Но что министру до этого, лишь бы достигнуть такимъ способомъ благополучной сводки бюджета еще на нѣсколько лѣтъ! Позднѣе

найдется, конечно, что-нибудь другое! А между тѣмъ дыры бюджета будутъ замаскированы путемъ передвиженія кассовыхъ суммъ, путемъ различныхъ подсчетовъ, путемъ запутыванія финансоваго управленія. Но прежде всего, и въ началѣ, и въ концѣ, и за все время, нужда стремиться заключать возможно болѣе крупные государственные займы. И здѣсь предпринимательскому духу русскихъ министровъ финансовъ не ставится никакихъ предѣловъ. Россія всегда готова предпринять новый государственный заемъ на какую угодно сумму — единственнымъ препятствіемъ является то, находятся-ли займодавцы. Заключеніе крупнаго государственнаго займа всегда ставится русскому министру финансовъ въ главную заслугу.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ кредитъ русскаго государства былъ почти исчерпанъ. Лондонъ, одинъ изъ главнѣйшихъ рынковъ для русскихъ государственныхъ займовъ, давно уже былъ закрытъ для русскихъ стоимостей, затѣмъ отказалъ и берлинскій слѣдовательно и германскій денежный рынокъ. Положеніе рынка для займовъ врядъ ли было благопріятнѣе для Россіи, чѣмъ для Турціи или Португаліи. Извѣстно, что эти обстоятельства измѣнились не вслѣдствіе переворота въ хозяйственныхъ финансовыхъ или политическихъ условіяхъ Россіи, а благодаря открытію французскаго денежнаго рынка, достигнутому ловкимъ использованіемъ дипломатическаго положенія. Но и здѣсь Россія не осмѣливалась сначала предпринимать новые займы, а должна была начать съ конверсіи. Впрочемъ французамъ нужно было только разогрѣться — положеніе дѣлъ стало тогда другимъ. Слѣдующія цифры показываютъ результаты:

Русскій государственный долгъ [1]).

1 января 1899 г.	. . . . .	6.109 милліоновъ руб.
1 января 1887 „	. . . . .	4 357 „ „
		Разница 1.752 милліона руб.

Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ долгъ увеличился свыше чѣмъ на $3^1/_2$ милліарда марокъ. Ежегодно долгъ увеличивался въ среднемъ на 146 милліоновъ рублей. Вотъ тайна изъ всѣхъ тайнъ русскаго финансоваго хозяйства!

Въ тотъ же самый промежутокъ времени, благодаря переходу желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства и новымъ постройкамъ, желѣзнодорожный долгъ русскаго государства возросъ на 1216 милліоновъ [2]).

[1]) Bulletin Russe, 1898, стр. 452—459.
[2]) Bulletin Russe, 1898, стр. 412 и 418.

Итакъ, оставивъ даже въ сторонѣ желѣзнодорожныя постройки, нужно было въ теченіе 127-ми лѣтъ покрыть дефицитъ въ 536 милліоновъ рублей или около 45 милліоновъ ежегодно. Вотъ они русскія превышенія бюджета.

Открытіе парижскаго денежнаго рынка для Россіи имѣло большое значеніе не только само по себѣ, но еще и тѣмъ, что оно повліяло на общее поднятіе русскаго государственнаго кредита, хотя необходимо замѣтить то, что берлинскій и особенно лондонскій денежныя рынки держались еще долгое время по отношенію къ русскимъ стоимостямъ весьма сдержанно. Безъ финансовой помощи французской республики русскій абсолютизмъ давно бы уже обанкротился.

Податные источники русскаго государства исчерпаны. Его желѣзные дороги требуютъ приплатъ и въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ ни къ какимъ другимъ результатамъ привести не могутъ. Будущее русскихъ государственныхъ финансовъ больше, чѣмъ когда-нибудь зависитъ отъ того, удастся ли министерству финансовъ заключить новый государственный заемъ. Въ худшемъ случаѣ, конечно, для русскаго министерства финансовъ сохранена еще возможность сдѣлать выпускъ новыхъ бумажныхъ рублей. Но поможетъ ли это?

Вотъ что можно сказать относительно русскихъ финансовъ на основаніи имѣющихся у насъ документовъ. Для того же, чтобы возможно было получить яркую картину во всѣхъ подробностяхъ, необходимо не только опубликованіе во всеобщее свѣдѣніе большого количества документовъ, не только приведеніе въ опредѣленныя нормы всѣхъ статей бюджета, но и прежде всего созданіе въ фискальныхъ и политическомъ управленіи страной порядка, соотвѣтствующаго требованіямъ современнаго государства. Это доступно только русскому парламенту. Но какъ разъ это обстоятельство можетъ быть и является величайшимъ препятствіемъ для парламентскаго управленія въ Россіи. Парламента боятся, потому что онъ прежде всего вскрылъ бы финансовое раззореніе страны. Является ли это дѣйствительнымъ средствомъ избѣжать банкротства? Финансовая исторія Франціи передъ великой революціей кажется именно этого не подтверждаетъ.

Состояніе финансовъ Россіи въ 1900 году [1]).

1. Отливъ золота изъ русскаго Государственнаго Банка.

Золотой запасъ русскаго государственнаго банка и государственнаго казначейства опустился уже ниже того уровня, на которомъ онъ стоялъ осенью 1892 г. —во время небывалаго голода. 8/21 декабря 1900 г. онъ достигалъ лишь 737,4 милліоновъ рублей въ новой валютѣ, когда какъ осенью 1892 г. золота было въ той же валютѣ на 905,5 милліоновъ рублей.

Накопленіе русскаго золотого фонда было дѣломъ многихъ лѣтъ. Начиная съ 1884 г., каждый годъ давалъ увеличеніе русскаго золотого запаса. Но особенно быстро стало возростать накопленіе русскаго золота съ 1887 г. съ началомъ конверсій, т. е. съ открытіемъ французскаго золотого рынка, достигнувъ высшаго предѣла къ концу 1897 г. Къ этому времени золотой запасъ кассъ—близнецовъ—государственнаго банка и государственнаго казначейства достигъ, по словамъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ Витте, 1315 милліоновъ рублей въ новой валютѣ. Сравнительно съ 1883 г. это означало увеличеніе на 1034 мил-

---

[1]) Статья эта написана до опубликованія русскаго бюджета на 1901 годъ. Всеподданнѣйшій докладъ Министра Финансовъ на этотъ разъ носитъ на себѣ явные слѣды замѣшательства. Онъ является просто личной защитой г. Витте, явно давая понять, что оппозиція противъ всемогущаго финансоваго фокусника сильно возрасла въ правительственныхъ, т. е. придворныхъ кругахъ,—въ Россіи эти понятія совпадаютъ. Министръ финансовъ указываетъ теперь на плохое состояніе государственныхъ финансовъ въ 1892 году, когда онъ взялъ на себя руководство дѣлами. Полупризнанія, которыя г. Витте, несмотря на всѣ свои вилянія, вынужденъ былъ, однако, сдѣлать на этотъ разъ, являются въ общемъ очень цѣннымъ матеріаломъ. Данныя настоящей статьи вполнѣ подтверждаются сообщеніями русскаго министра финансовъ.

ліона рублей. До того времени правительство держало свое золото въ кассахъ, расплачивалось-же кредитными билетами, втихомолку французскіе луидоры переплавляя въ русскіе имперіалы. Въ обращеніи находилось только 155 милліоновъ рублей золотомъ. Въ это время введена была законодательнымъ путемъ золотая валюта и трехъ лѣтъ, начиная съ 1897 года, было достаточно, чтобы поубавить золотое покрытіе почти на 600 милліоновъ рублей, не считая покупокъ золота съ 1897 года. По меньшей мѣрѣ 200 милліоновъ уходили ежегодно, чтобы никогда ужъ болѣе не вернуться! На долго ли хватитъ имѣющагося еще остатка въ 737 милліоновъ?

Въ основѣ русской золотой валюты лежитъ, какъ извѣстно, перекрапваніе монеты: изъ одного золотого рубля было сдѣлано полтора. Считая въ прежней валютѣ, имѣющійся въ наличности золотой запасъ выразился бы въ суммѣ только 491 милліона, тогда какъ кредитныхъ билетовъ находится въ обращеніи еще на сумму 630 милліоновъ. Это составило бы, слѣдовательно, новый неутвержденный долгъ — непокрытый выпускъ билетовъ—въ 139 милліоновъ. Теперешнее номинальное покрытіе на треть является фиктивнымъ.

Само собой разумѣется, что вмѣстѣ съ денежной реформой явилась забота объ уменьшеніи въ обращеніи бумажныхъ денегъ. Съ 1121 милліона сумма кредитныхъ билетовъ уменьшена до 630 милліоновъ, т. е. на 491 милліонъ. Эквивалентомъ —по даннымъ министра финансовъ—явились 362 милліона, полученные путемъ перечеканки золота въ новой валютѣ, путемъ перекрапванія монеты. Получится, очевидно, одинъ и тотъ же результатъ: отпечатать ли новыхъ бумажныхъ рублей на 362 милліона, или же изъ наличнаго золота начеканить монетъ больше на 362 милліона. Такимъ образомъ, при исчисленіи золота въ новой монетной единицѣ освобождались 362 милліона бумажныхъ рублей, которые могли быть уничтожены. Остальные 129 милліоновъ освобождались посредствомъ переводовъ между государственнымъ казначействомъ и государственнымъ банкомъ.

Отливъ золота изъ русскаго государственнаго банка давно уже превысилъ сумму кредитныхъ билетовъ, изъятыхъ изъ обращенія. По поводу международныхъ денежныхъ затрудненій осенью 1899 года русское министерство финансовъ официально даже обращало вниманіе на то, что количество денегъ, находящихся въ обращеніи, не уменьшилось, а, напротивъ, увеличилось: въ промежутокъ 1893/95 гг. ово составляло въ среднемъ 1095 милліоновъ, а затѣмъ, поднимаясь изъ года въ годъ, къ октябрю 1899 года достигло 1353 милліоновъ рублей. Кромѣ золота въ

обращеніе было пущено не малое количество серебра, а именно на 164 милліона къ концу 1899 года. По свѣдѣніямъ доклада къ государственной росписи на 1900 годъ къ концу 1899 находилось въ обращеніи золотой монеты на 639 милліоновъ рублей. Такъ какъ съ тѣхъ поръ золотое покрытіе уменьшилось на 190 милліоновъ рублей, не считая при этомъ чеканки 1900 года, то въ обращеніи должно теперь находиться по меньшей мѣрѣ 830 милліоновъ золота [1]), а вмѣстѣ съ серебромъ, слѣдовательно, вдвое больше количества уничтоженныхъ кредитныхъ билетовъ. Рѣчь идетъ поэтому не о покрытіи дефицита, но о постоянномъ процессѣ, опустошающемъ золотой запасъ государственнаго банка. Какъ мы видѣли, русское правительство собрало въ свои кассы громадное количество золота, но никакое пополненіе не помогаетъ больше, такъ какъ золото уносится изъ кассъ стремительнымъ потокомъ.

Непрерывному отливу золота соотвѣтствуетъ непрерывный же притокъ бумажныхъ денегъ къ кассамъ государственнаго банка. Кассы банка переполнены кредитными билетами такъ, какъ онѣ не были переполнены въ худшія времена принудительнаго курса кредитныхъ билетовъ. Это ясно видно изъ слѣдующей таблицы, сравнивающей цифры 1888 года наинизшаго курса рубля—и 1900 годовъ. Количество кредитныхъ билетовъ въ кассахъ русскаго государственнаго банка.

Мѣсяцы.	1888 г.		1900 г.	
	Въ милліонахъ.	Въ процентахъ ко всѣмъ кредит. бил.	Въ милліонахъ	Въ процентахъ ко всѣмъ кредит. бил.
1/14 Января	75	7,2	139	22
1/14 Февраля	89	8,6	136	21
1/14 Марта.	86	8,3	126	20
1/14 Апрѣля	95	9,1	118	19
1/14 Мая	68	6,6	115	18
1/14 Іюня	62	6,0	98	15

---

[1]) Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1901 годъ г. Витте опредѣляетъ золотое обращеніе внутренняго рынка въ 684,5 милліона, что вмѣстѣ съ 74,1 милліонами уплывшими заграницу, составитъ 758,6 милліона. Такъ какъ золотое покрытіе 8/21 декабря было на 70,4 милліона меньше, чѣмъ во время составленія всеподданнѣйшаго доклада, то слѣдовательно, въ этотъ день русское золотое обращеніе составляло по крайней мѣрѣ 839 милліоновъ.

Мѣсяцы.	1888 г. Въ милліонахъ.	1888 г. Въ процентахъ ко всѣмъ кредит. бил.	1900 г. Въ милліонахъ	1900 г. Въ процентахъ ко всѣмъ кредит. бил.
1/14 Іюля	67	6,6	84	13
1/14 Августа	67	6,6	68	11
1/14 Сентября.	47	4,6	58	9
1/14 Октября	15	1.4	59	9
1/14 Ноября	35	3,3	70 [1])	11 [1])
1/14 Декабря	62	6,0	80	12

Опираясь на собранные запасы золота, русское правительство думало что благодаря введенію свободнаго обмѣна кредитныхъ билетовъ на золото, мало-по-малу установится прочное соотношеніе между количествомъ золота и кредитныхъ билетовъ какъ въ Россіи, такъ и заграницей, и что, такимъ образомъ, опредѣленное количество кредитныхъ билетовъ будетъ поглощено обращеніемъ. Вмѣсто этого наша таблица показываетъ упорное возвращеніе въ кассу кредитныхъ билетовъ. Несмотря на уничтоженіе почти на полмилліарда кредитныхъ билетовъ, несмотря на то, что на рынокъ было выброшено золота на сотни милліоновъ, бумажныя деньги упорно возвращаются въ кассы государственнаго банка въ никогда невиданныхъ размѣрахъ,—золото же регулярно отливаетъ изъ кассъ. Какъ видно изъ нашей таблицы. въ государственномъ банкѣ часто собирается свыше 20 процентовъ всѣхъ выпущенныхъ билетовъ! 630 милліоновъ рублей бумажныхъ денегъ давятъ теперь на денежный рынокъ сильнѣе, чѣмъ прежде 1,100 милліоновъ. Понятно, пока государственный банкъ по первому требованію размѣниваетъ 100 кредитныхъ на 100 рублей золотомъ (= 216 маркамъ), до тѣхъ поръ курсъ рубля не можетъ сильно колебаться. Однако, это плохое утѣшеніе. Русское правительство, желая устранить паденіе курса бумажныхъ денегъ, достигло лишь того, что онѣ вообще теряютъ свою способность обращенія: на международномъ, какъ и на внутреннемъ рынкѣ никто не желаетъ больше имѣть бумажныя деньги, всѣ требуютъ золота и ничего кромѣ золота [2]), Чрезвычайно характерно въ политическомъ отношеніи абсолютное недовѣріе къ финансовымъ продѣлкамъ абсолютнаго правительства. Каждый хочетъ быть обезпеченнымъ на всякій случай и потому требуетъ отъ правительства гарантіи: золота!

---

[1]) Цифра относится къ 8/21 ноября.

[2]) Какъ уже упомянуто, въ 1899 году 74 милліона золота ушло заграницу, — фактъ, который даже г. Витте считаетъ внушающимъ опасенія.

Государственный банкъ, очевидно, не можетъ допустить отлива золота изъ своихъ кассъ до послѣдней монеты. Положеніе критическое. Коммерческій балансъ банка обнаруживаетъ такое напряженіе, какого не было никогда раньше. Учетъ векселей и выдача ссудъ возрастаютъ, вклады же уменьшаются, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Русскій государственный банкъ.

	Оклады (въ милліонахъ рублей).			Учетно-ссудная операція (въ милліонахъ рублей).		
	1899 г.	1900 г.	Умень-шеніе.	1899 г.	1900 г.	Увели-ченіе.
1/14 Сентября. . . . ,	689	546	— 143	283	363	+ 80
1/14 Октября	691	535	— 156	318	396	+ 78
1/14 Ноября	721	562	— 159	330	435	+ 105
1/14 Декабря	749	578	— 171	353	442	+ 89

Кредиторы банка берутъ свои вклады обратно, тогда какъ число его должниковъ возрастаетъ. При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что русскій государственный банкъ учитываетъ векселя на шесть и даже на девять и двѣнадцать мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ вклады вносятся почти исключительно на текущій счетъ и слѣдовательно могутъ быть во всякое время взяты обратно.

Какъ быть? Повысить учетный процентъ? Прекрасно, если бы только и другіе банки тотчасъ же не послѣдовали хорошему примѣру. Но какъ только повышеніе учетнаго процента дѣлается всеобщимъ, мѣра эта теряетъ для государственнаго банка свое первоначальное значеніе. Кромѣ того, легко сообразить, что кредитъ государственнаго банка невозможно поднять никакимъ способомъ. Стянуть къ своимъ кассамъ кредитные билеты? Но это совершается само собой. При томъ отношеніи, которое установилось у публики къ министерству финансовъ, подобная мѣра не оказала бы моральнаго воздѣйствія даже на короткое время. Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, наоборотъ, нужно увеличить выпускъ кредитныхъ билетовъ? По закону о выпускѣ кредитныхъ билетовъ государственный банкъ можетъ въ настоящее время выпустить еще на 400 милліоновъ рублей бумажныхъ денегъ. Это доставило бы, конечно, новыя платежныя средства. Но эта мѣра тотчасъ уничтожила бы золотую валюту и курсъ рубля упалъ бы такъ низко, какъ никогда раньше. Такимъ образомъ, остается только ждать, не измѣнятся ли обстоятельства сами собой, а если нѣтъ, то не произойдетъ ли чуда, которое уже не разъ выводило имперію изъ затруднительнаго положенія.

Что же дѣлаетъ правительство, чтобы помочь бѣдѣ, въ то время какъ дирекція государственнаго банка спокойно созерцаетъ, какъ ускользаетъ почва у этого важнѣйшаго финансоваго учрежденія имперіи?

2. Отливъ золота изъ русскаго государственнаго казначейства.

Русскій государственный бюджетъ на 1900 годъ сведенъ съ дефицитомъ въ 160.6 милліоновъ рублей. Дефицитъ этотъ покрылся—по излюбленной русскимъ министерствомъ финансовъ терминологіи—изъ „наличныхъ средствъ государственнаго казначейства“. Кто умѣлъ читать по-русски, понималъ, что при отсутствіи исключительныхъ обстоятельствъ подъ этимъ разумѣется ни что иное, какъ обычный внѣшній денежный заемъ.

Г. Министръ финансовъ Витте въ своемъ докладѣ о росписи доходовъ и расходовъ утверждалъ, правда, что свободныя средства государственнаго казначейства, т. е. наличность, къ 1-му января 1900 года „достигала“, во всякомъ случаѣ „не менѣе 245 милліоновъ рублей“ и, слѣдовательно превосходила исчисленный дефицитъ. При посредствѣ своихъ офиціозовъ онъ роспускалъ заграницей слухъ, что на этотъ разъ Россія не нуждается ни въ какихъ займахъ, въ то время какъ его агенты зондировали почву на всѣхъ денежныхъ рынкахъ о возможности заключенія займа. Разумѣется, напрасно!

Дальнѣйшія разочарованія принесли поступленія налоговъ. Таможенный доходъ къ 1/14 сентябрю 1900 г. понизился сравнительно съ доходомъ за тотъ же промежутокъ времени предыдущаго года на 9,2 милліона рублей, сахарный доходъ также далъ меньше на 6,7 милліона. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оба эти дохода окажутся ниже смѣтныхъ предположеній. Довольно неопредѣленно обстоитъ дѣло съ доходомъ отъ винной монополіи. По этой статьѣ, вслѣдствіе расширенія области дѣйствія монополіи, предвидѣлось повышеніе доходовъ. Доходъ отъ винной монополіи, какъ я документально показалъ это въ другомъ мѣстѣ, основывается въ значительной мѣрѣ на опустошеніи общественныхъ кассъ. Но несмотря на то. смѣтная цифра этого дохода будетъ достигнута на этотъ разъ съ величайшимъ трудомъ. Всего должно поступить 118.1 милліоновъ, а поступило въ первые восемь мѣсяцевъ только 74,4 милліона рублей. Сборы съ питей, правда, хотя и показываютъ для указаннаго промежутка времени увеличеніе на 10,5 милліоновъ, однако уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ наступило сокращеніе производства на 119,000 ве-

деръ. Это, очевидно, должно повліять на уменьшеніе поступленія доходовъ, если только къ концу кампаніи не будетъ наверстано сокращеніе выдѣлки спирта,—на что мало надежды, такъ какъ запасъ водки къ 1/14 Октября 1900 г. все еще превышалъ таковой прошлаго года на 5 милліоновъ ведеръ (въ 40 градусовъ).

Все это, конечно, не помѣшаетъ русскому министерству финансовъ высчитывать по желанію избытки поступленій доходовъ надъ расходами и въ 1900 году. Для русскаго министра финансовъ вообще не существуетъ слова: дефицитъ. Если онъ забудетъ вычеркнуть его изъ своего лексикона, онъ теряетъ свое мѣсто, какъ это въ свое время случилось съ Бунге. Поступленія смѣтныхъ доходовъ, имѣвшія мѣсто до сего времени, ясно показываютъ, что въ первую голову снова придется расплачиваться мужику. До 1/14 сентября 1900 года съ крестьянъ взыскано выкупныхъ денегъ въ круглыхъ цифрахъ 35 милліоновъ рублей,—на 8 1/2 милл., слѣдовательно на одну треть больше, чѣмъ за тотъ же срокъ въ предыдущемъ году. Между тѣмъ давно извѣстно, что, по крайней мѣрѣ, двѣ трети (въ 1899 году даже почти три четверти) податей, приходящихся съ русскихъ крестьянъ, поступаютъ въ казну лишь послѣ 1/14 сентября, т. е. по окончаніи уборки хлѣбовъ. Поэтому можно принять, что въ 1900 году съ крестьянъ будетъ выгнато, по крайней мѣрѣ, 100 милліоновъ рублей выкупныхъ денегъ, хотя въ смѣтѣ и проставлено 77,7 милліоновъ. Этотъ фактъ, если онъ будетъ имѣть мѣсто, явится свидѣтельствомъ отчаяннаго положенія фиска, такъ какъ само министерство финансовъ неоднократно публично заявляло, что крестьянство едва въ состояніи еще выносить налоговую тяжесть въ размѣрѣ смѣтныхъ предположеній, не говоря уже о превышеніи ихъ на 30 процентовъ. Но когда у крестьянина уводятъ лошадь или корову, онъ вынужденъ платить, хотя бы потомъ ему приходилось помирать съ голоду.

Далѣе, казенныя желѣзныя дороги служатъ прекраснымъ средствомъ для покрытія дефицита. Повышенъ же въ 1898 году, по сообщенію самого государственнаго контроля, валовой доходъ по смѣтѣ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ почти на 70 милліоновъ простымъ измѣненіемъ отчета. („Вѣстникъ финансовъ“, 1899 г., стр. 626). Для этого не нужно большого искусства, такъ какъ вѣдь публичности подлежатъ самыя общія цифры валового дохода, а что касается расходовъ — и того меньше. Регулярные отчеты государственнаго контроля показываютъ для каждаго вѣдомства только общую цифру „сдѣланныхъ и предстоящихъ во исполненіе росписи расходовъ“. Самое большее, слѣдовательно, можно узнать, предполагается ли превышеніе смѣты, но никогда нельзя узнать перерасхода отчетнаго года.

Вообще центръ тяжести русскаго финансоваго хозяйства лежитъ не въ доходахъ, а въ расходахъ. Доходы проставляются на бумагѣ, а бумага все стерпитъ, тогда какъ расходы должны быть уплачены и притомъ—съ введеніемъ золотой валюты полноцѣннымъ золотомъ. Разумѣется, если поставщики окажутъ кредитъ, платежи могутъ быть отсрочены. Въ какой мѣрѣ русское министерство финансовъ пользуется этимъ, можно судить по слѣдующему. Въ 1900 году до 1 сентября было уплачено на 160 милліоновъ рублей счетовъ предыдущаго года. Но этимъ еще дѣло не кончилось, такъ какъ къ 1 января 1900 года неоплаченные расходы должны были составить по меньшей мѣрѣ 340 милліоновъ. Какъ разъ именно къ началу новаго финансоваго года вкладъ государственнаго казначейства въ государственный банкъ равнялся 413 милліонамъ. Министерство финансовъ различаетъ въ этомъ вкладѣ „свободную наличность“ отъ связанной части. Связанность суммъ состоитъ въ томъ что онѣ должны служить для покрытія уже разрѣшенныхъ расходовъ [1]). Къ 1 января такими расходами являются всегда смѣтные расходы предыдущаго года. „Свободная наличность“ къ 1 января 1900 года составляла 257 милліоновъ, слѣдовательно оставалось еще 156 милліоновъ, предназначенныхъ для покрытія неуплаченныхъ смѣтныхъ расходовъ. Къ этому надо присоединить еще 144 милліона по спеціальнымъ счетамъ мѣстныхъ казначействъ въ государственномъ банкѣ, которые министерство финансовъ также не считаетъ болѣе свободными, чтобы включить въ смѣту на 1900 годъ. Итого 300 милліоновъ. Суммы, не фигурирующія въ отчетахъ государственнаго банка, ускользаютъ отъ вѣдѣнія общества. Итакъ, къ 1 сентября 1900 года оставались непогашенными еще цѣлыхъ 140 милліоновъ, которые должны были быть покрыты изъ доходовъ предыдущаго года. Частью это были неоплаченные счета за заказы, исполненные уже въ 1899 году, затѣмъ несомнѣнно оставались непогашенными нѣкоторые смѣтные расходы. Обыкновенно отъ этого больше всего страдаютъ казенныя желѣзныя дороги. По понятіямъ русскаго министерства финансовъ такіе расходы какъ на ремонтъ пути, на ремонтъ, не говоря уже объ увеличеніи подвижного состава, на содержаніе въ исправности вокзаловъ и т. п. легко могутъ быть отложены. Это бросаетъ своеобразный свѣтъ на выведенный государственнымъ контролемъ для 1899 года избытокъ доходовъ въ 84 милліона рублей.

Что же касается золотого покрытія государственнаго банка, то оно,

---

[1]) Въ этомъ можно вполнѣ убѣдиться изъ всеподданнѣйшаго доклада о росписи доходовъ и расходовъ на 1901 годъ.

очевидно, зависитъ прежде всего отъ устава банка. Золотой запасъ государственнаго банка къ 1 январю 1900 года равнялся 838 милліонамъ. Если изъ этой суммы въ теченіе года будетъ уплачено 340 милліоновъ, то для покрытія кредитныхъ билетовъ останется едва 500 милліоновъ рублей. Прибавьте къ этому ожидаемый министромъ финансовъ дефицитъ въ 160 милліоновъ рублей, который также долженъ быть покрытъ изъ кассъ государственнаго банка! И тогда наступитъ банкротство государственнаго банка. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ правительство должно всѣми средствами заботиться о томъ, чтобы не трогать золотой фондъ государственнаго банка. Такимъ образомъ, можно было заранѣе предвидѣть, что часть расходовъ 1899 года будетъ просто на просто покрыта изъ поступленій доходовъ 1900 года и что соотвѣтственная сумма смѣтныхъ расходовъ 1900 года и даже еще нѣкоторая доля расходовъ 1899 года должны быть перенесены непосредственно на 1901 годъ, а потомъ и на слѣдующіе годы. Такъ дѣло тянется уже много лѣтъ. Во всѣхъ частяхъ финансоваго управленія чувствуется недохватка, отдѣльныя вѣдомства залѣзаютъ въ самые тяжкіе долги; самые обыкновенные расходы русскаго государственнаго бюджета, дѣйствительно, скуднаго по сравненію съ европейскими государствами, остаются не покрытыми или покрываются только отчасти, и въ то самое время, когда министерство финансовъ парадируетъ постоянно возрастающими валовыми доходами, изъ года въ годъ растетъ сумма непогашенныхъ расходовъ. Постоянно накопляющіеся неоплаченные долги уже давно бы опрокинули все финансовое зданіе, если бы время отъ времени кассы не пополнялись займами.

На этотъ разъ, однако, несмотря на всѣ усилія, заемъ не состоялся Это для русскаго министерства финансовъ болѣе тяжелый ударъ, чѣмъ пониженіе поступленій налоговъ. Къ этому присоединились еще въ срединѣ лѣта огромные, непредвидѣнные—по крайней мѣрѣ, министерствомъ финансовъ—экстраординарные расходы въ Китаѣ! Это такъ обострило положеніе, что никакое замаскированіе, никакія отсрочки болѣе не помогали. На первый планъ выдвинулся вопросъ: гдѣ взять денегъ? И деньги взяты были—изъ кассъ государственнаго банка!

Счетъ государственнаго казначейства въ государственномъ банкѣ составлялъ (въ милліонахъ рублей):

1900 г.		1900 г.	
1 Января . . .	413	1 Мая	371
1 Февраля . . .	463	1 Іюня	277
1 Марта	440	1 Іюля	233
1 Апрѣля . . .	390	1 Августа . . .	245

1900 г.		1899 г.	
1 Сентября . .	256	1 Сентября. . .	318
1 Октября . . .	233	1 Октября . . .	372
8 Ноября . . .	254	8 Ноября . . .	362
8 Декабря . . .	263	8 Декабря . . .	406

8/21 декабря 1900 года счетъ былъ на 143 милліона меньше счета предыдущаго года. Такую сумму банкъ долженъ былъ уплатить чистоганомъ. Слѣдуй правительство и тутъ своему основному правилу—брать какъ можно меньше золота изъ кассъ банка, и несомнѣнно кредитные билеты вернулись бы въ кассы, чтобы вытѣснить золото. Въ дѣйствительности золотой фондъ государственнаго банка за тотъ же промежутокъ времени уменьшился на 132 милліона рублей. Но такъ какъ въ теченіе года чеканилась золотая монета, т. е. пріобрѣталось золото, то фактическій отливъ золота долженъ былъ бы быть значительно больше. Все равно: выпускаетъ ли правительство при неизмѣнномъ золотомъ покрытіи на 140 милліоновъ кредитныхъ билетовъ или уплачиваетъ изъ кассъ 140 милліоновъ рублей наличнымъ золотомъ.

Увеличеніе въ послѣдніе мѣсяцы банковаго счета государственнаго казначейства должно быть отнесено на счетъ выколачиванія крестьянскихъ податей. Затѣмъ слѣдуютъ послѣдніе за отчетный годъ доходы винной монополіи, которые точно также повышаютъ на короткое время банковые вклады [1]), но потомъ они падаютъ. Въ 1900 году банковый счетъ достигъ высшей цифры къ 1 февраля. Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени образовалась разница въ 200 милліоновъ рублей, которая не можетъ быть болѣе покрыта безъ займа. Правительство будетъ радо, если ему удастся остаться при теперешней разницѣ въ 140 милліоновъ руб. Сюда должны быть присоединены счеты прошлаго, позапрошлаго и т. д. годовъ, платежи по которымъ не могутъ быть болѣе отсрочены. Платежи по этимъ счетамъ будутъ не меньше, а больше чѣмъ въ 1900 году [2]). Какъ показываетъ наша табличка, вклады государственнаго казначейства съ 1 февраля по 1 іюля уменьшились на 230 милліоновъ рублей. Если для 1 февраля 1901 года принять вѣроятную цифру вкладовъ въ 320 мил-

---

[1]) Вотъ почему г. Витте можетъ исчислять золотой запасъ къ концу декабря 1900 г въ 807 милліоновъ рублей.

[2]) Это подтверждается вполнѣ всеподданнѣйшимъ докладомъ, изъ котораго явствуетъ, что только незначительная часть расходовъ по китайской экспедиціи отнесена на 1900 годъ.

ліоновъ рублей (выше цифры для $^{8}/_{21}$ декабря на 57 милліоновъ, какъ и въ прошломъ году), то къ срединѣ лѣта 1901 года она опуститься до 90 милліоновъ рублей. Въ то самое время золотое покрытіе государственнаго банка, только въ силу отвлеченія золота государственнымъ казначействомъ, опустится почти до 500 милліоновъ рублей въ новой валютѣ или почти до 385 милліоновъ рублей въ старой. Таковъ вполнѣ нормальный процессъ, причемъ не предполагается ни задержки въ поступленіи податей, ни усиленнаго погашенія старыхъ обязательствъ, но не предполагается также и новыхъ займовъ.

Финансовое положеніе Россіи снова также запутано, какъ и въ 1887 году. Вмѣсто того, чтобы выбирать золото изъ кассъ государственнаго банка, скоро будетъ уже выгоднѣй обратиться прямо къ выпуску кредитныхъ билетовъ, если только не найдется „свободный“ народъ, который своими деньгами выведетъ русскій абсолютизмъ изъ затруднительнаго положенія.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ РОСІСИ и СОЦІАЛ-ДЕМОКРАТІЯ.

Капитализмъ и война.

Русско-японская война — кровавая заря грядущихъ великихъ событій. Ея не ждали, а между тѣмъ она надвигалась закономѣрно и грозно, какъ неумолимый фатумъ. Она подготовлялась капиталистической эксплуатаціей, колоніальнымъ хищничествомъ, разбойнической политикой русскаго самодержавія, она подготовлялась въ Европѣ больше, чѣмъ въ Азіи, она подготовлялась въ Америкѣ; потребности капиталистическаго производства безпрерывно пожирающаго самого себя, дѣлающаго разрушеніе принципомъ своего существованія, конкуренція, разжигающая политическую вражду, ломка общественнаго уклада странъ съ докапиталистической культурой, англійскій имперіализмъ и нѣмецкій милитаризмъ, интересы аграріевъ въ Пруссіи и интересы сахарныхъ плантаторовъ на островѣ Кубѣ, американскій джингоизмъ и задолженность русскаго казначейства, развитіе Японіи и отсталость Турціи, идея реванша и борьба французской буржуазіи съ пролетаріатомъ, все это, и еще многое другое, вытекающее изъ экономическихъ и политическихъ противорѣчій капиталистическаго развитія, подготовляло войну, все это смѣшалось, перепуталось, связалось въ кровавый узелъ, требующій кровавой развязки.

Прусско-французская война 1870 г. завершила циклъ войнъ, начавшихся съ великой французской революціи и перекроившихъ карту Европы. Объединеніе Италіи и Германіи, сопровождавшееся ослабленіемъ Франціи, Австріи и Россіи (въ Крымскую кампанію), создало теперешнее политическое равновѣсіе Европы. Равновѣсіе очень шаткое, такъ какъ часть нѣмецкаго народа осталась за рубежемъ объединенной Германіи: Австрія, потерявъ связь съ большинствомъ нѣмецкой націи, стала страной парализующихъ другъ-друга національныхъ отрѣзковъ; Франція готовилась возратить себѣ обратно отнятыя у нея провинціи, а на Балканскомъ полуостровѣ выдѣленіе самостоятельной Греціи, ограниченной однако же клочкомъ земли, въ то время какъ значительная часть эллинской націи осталась подъ ту-

рецкимъ владычествомъ, только усложнило и безъ того запутанное положеніе; а надъ всѣмъ этимъ вѣчной угрозой миру нависло русское самодержавіе вѣчно стоящее на сторожѣ, всегда готовое урвать кусокъ, ненавидящее новые порядки Западной Европы, ту формальную свободу, которую завоевали себѣ народы, безпрерывно увеличивающіе свои военныя силы съ явной цѣлью подчинить Европу и весь міръ своему вліянію. Русско-турецкая война 1877 года сызнова напомнила Европѣ, насколько велика опасность со стороны русскаго правительства.

Политическое равновѣсіе чувствовалось настолько непрочнымъ, что Европа все это время съ лихорадочнымъ усердіемъ готовилась къ войнѣ. Образовались огромныя арміи, техника человѣкоубійства и разрушенія была усовершенствована до умопомрачающихъ тонкостей, военные запасы накоплялись и безпрерывно возобновлялись—получился „вооруженный миръ“ давившій народы своей неимовѣрной, все возрастающей, невыносимой тягостью. Въ тоже время демократизація государственной власти, носившая въ себѣ залогъ мира, пріостановилась. Съ тѣхъ поръ, какъ организованный пролетаріатъ вступилъ въ политическую жизнь парламентарныхъ странъ, буржуазія потеряла интересъ къ политической формѣ демократіи и становилась все болѣе реакціонной. Развитіе индустріи въ отдѣльныхъ странахъ создало конкуренцію капиталистическихъ націй на всемірномъ рынкѣ. Выросшій на землѣ, не знавшей еще ренты, американскій хлѣбъ сбилъ поземельную ренту европейскихъ землевладѣльцевъ—на этой почвѣ создались таможенныя системы Западной Европы. Пошлины стали экономическими преградами историческаго процесса культурнаго объединенія народовъ, онѣ увеличили политическую рознь государствъ и создали тьму новыхъ враждебныхъ интересовъ.

Капиталистическая конкуренція націй, политическая обособленность, милитаризмъ, реакціонныя тенденціи буржуазіи,—все вмѣстѣ вело къ усиленію правительственной власти, такъ что даже въ Германіи получился на конституціонной почвѣ новый расцвѣтъ монархизма. А чѣмъ болѣе усиливается власть правительствъ, тѣмъ легче становятся столкновенія между государствами.

Европейскій міръ держался шаткостью своего равновѣсія. Чувствовалось, что стоитъ его нарушить въ одномъ мѣстѣ, и пойдетъ общая ломка. Это перешло, наконецъ, въ общее сознаніе и стало, до нѣкоторой степени, руководящей нитью дипломатическихъ отношеній. Общественное мнѣніе буржуазіи, трусливое и легковѣрное, мелкой зыбью разбѣгающееся въ ширь,

но неспособное поднять глубины, успокоилось на самомъ фактѣ мира, а идеологи его, приспособляющіе свои историческіе взгляды къ моменту, пускающіе свою бумажную философію по вѣтру, какъ мальчишки бумажнаго змѣя, создали даже теорію невозможности войны. Теорія эта сводилась къ необыкновенной разрушительности современнаго оружія, къ необыкновенной огромности современныхъ войскъ, къ необозримой гибельности войны между современными индустріальными государствами. Мелкій и гибкій умъ разсуждалъ: такъ какъ чудовищность европейской войны превосходитъ всѣ предѣлы моего представленія, то слѣдовательно, ея и не можетъ быть.

Между тѣмъ капиталистическое развитіе продолжало свою разрушительную дѣятельность и подкапывалось подъ миръ Европы далеко за предѣлами ея—въ странахъ Тихаго океана.

Разразилась японско-китайская война. Она поразила своей неожиданностью, но еще болѣе тѣмъ, что война между монгольскими націями велась изъ-за капиталистическихъ интересовъ. Европа считала до тѣхъ поръ исключительно свой культурной миссіей распространять капиталистическую эксплуатацію по всему міру, даже какъ будто особымъ свойствомъ кавказской расы и чуть-ли не преимуществомъ христіанской религіи. Успѣшная торговая война Японіи свидѣтельствовала о промышленныхъ интересахъ, предполагающихъ значительную степень капиталистическаго развитія, и показала,—а это самое главное,—что въ Восточной Азіи образовалось самостоятельное государство со всѣмъ политическимъ и военнымъ аппаратомъ капитализма, вполнѣ по европейскому образцу. Это былъ новый факторъ въ исторіи Азіи, который долженъ былъ перемѣшать и обострить всѣ отношенія на Дальнемъ Востокѣ.

Второю неожиданностью была война Америки съ Испаніей. Индустріальное развитіе Соединенныхъ Штатовъ ни для кого не было тайной. Но и здѣсь буржуазная мысль только еле плелась за фактами и не была въ состояніи охватить ходъ развитія. Покуда буржуазія была революціонна, она умѣла заглядывать далеко впередъ, потому-что впереди ея лежала ея собственная историческая будущность, ея господство и торжество; въ настоящее время широкій захватъ мысли только мѣшаетъ буржуазіи, потому-что онъ показываетъ исторію ея паденія,—и вотъ буржуазная идеологія, которая можетъ строить свои умозрѣнія только въ той плоскости, на которой стоитъ ея классъ, непроизвольно сузила свои перспективы. Американско-испанская война показала, что капиталистическое развитіе уже передвинуло центръ тяжести экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ съ сельскаго хозяйства на индустрію. А съ тѣмъ вмѣстѣ стали все болѣе

требовательны интересы экспорта и колоніальной политики. Первымъ послѣдствіемъ была колоніальная война, а дальнѣйшимъ должно было быть развитіе милитаризма. Такъ образовался джингоизмъ. Соединенные Штаты начинаютъ вести агрессивную внѣшнюю политику и дѣлаютъ даже попытки вмѣшаться въ европейскія дѣла. Но главное ихъ вниманіе обращено на страны Тихаго океана, которыя по своему экономическому и географическому положенію являются наиболѣе подходящимъ рынкомъ для индустріальной Америки. Вотъ почему въ настоящемъ русско-японскомъ конфликтѣ Америка съ самаго начала играетъ активную роль, какая еще десять лѣтъ тому назадъ, казалась-бы немыслимой.

Къ тому-же времени все яснѣе сталъ вырисовываться переворотъ на всемірномъ рынкѣ. Открытіе Америки отвлекло торговлю отъ Средиземнаго моря и отъ Тихаго океана и сдѣлало съ развитіемъ индустріи Атлантическій океанъ средоточіемъ морскихъ торговыхъ сношеній. Малая и Западная Азія (Персія) были даже, совершенно, заброшены. Колоніальное значеніе Остъ-Индіи обезпечивало ей сношенія съ Европой, а благодаря этому развивались также сношенія съ Китаемъ. Ростъ капиталистическаго производства, требующій все большихъ и большихъ рынковъ, долженъ былъ направить торговлю опять въ Тихій океанъ. Процессъ этотъ былъ ускоренъ прорытіемъ Суэзскаго канала. Развилось громадное интернаціональное мореходство въ Индійскомъ океанѣ, и индустріализація Южной какъ и Восточной Азіи быстро двинулась впередъ. Безъ Суэзскаго канала, замѣчу кстати, Японія и до сихъ поръ еще была-бы отсталой азіатской страной. Помимо Японіи, и Индія развила богатую собственную индустрію. На томъже пути находится Австралія, равно какъ и Южный берегъ Африки. Здѣсь, какъ извѣстно, революціонная работа капитала уже привела къ кровавой развязкѣ. Полноты ради замѣтимъ, что капиталистическій переворотъ въ Южной Африкѣ былъ ускоренъ и обостренъ открытіемъ золотыхъ розсыпей.

Торговое развитіе Тихаго океана подняло снова значеніе Средиземнаго моря, а въ немъ Балканскаго полустрова и Малой Азіи. Восточный вопросъ, этотъ гордіевъ узелъ Европейскихъ конфликтовъ, подъ вліяніемъ торговыхъ интересовъ еще болѣе обострился. Національная борьба шла своимъ чередомъ. Русско-турецкая война отбросила Турцію за Балканы и сдѣлала ее безпомощной. Это подняло шансы христіанскихъ національностей. Первая воспользовалась положеніемъ Болгарія, объединившись съ Румеліей. Послѣдовало критское возстаніе. Затѣмъ македонское возстаніе. Попытка Греціи объединиться съ Критомъ окончилась неудачно не только благодаря ничтожеству и дезорганизаціи ея

военныхъ силъ, но также благодаря давленію Россіи. Русское правительство сознательно поддерживаетъ смуту на Европейскомъ Востокѣ. Оно исподволь поощряетъ возстанія и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшаетъ образованію независимыхъ христіанскихъ государствъ. Такимъ образомъ, оно разлагаетъ существующія политическія силы, мѣшаетъ развитію новыхъ и держитъ національности Балканскаго полуострова въ равновѣсіи взаимной слабости. Цѣль ясна—облегчить путь къ завоеванію страны на случай взятія Константинополя.

Еще раньше, чѣмъ въ Азіи и Америкѣ, капитализмъ выдвинулъ новыя индустріальныя государства въ Европѣ. На первомъ планѣ стоптъ Германія. Германскій экспортъ долгое время развивался при помощи мирнаго проникновенія въ колоніальныя страны нѣмецкихъ торговыхъ агентовъ. Нѣмецкіе коммиссіонеры и коммивояжеры залѣзали во всѣ щели въ Южной и Центральной Америкѣ, въ Индіи, въ Африкѣ, въ Китаѣ. Отовсюду они протянули паутинки къ германскимъ фабрикамъ, и германскіе товары стали все большими массами приплывать въ заокеанскія страны, пользуясь при этомъ германскимъ-же мореходствомъ, сильно развившимся, благодаря ввозу хлѣба изъ Америки и вывозу людей въ Америку. Дошло до того, что даже въ главныхъ портахъ Остъ-Индіи нѣмцы успѣшно конкурируютъ съ англичанами и уже успѣли ихъ отчасти вытѣснить. Однако въ 80-ыхъ годахъ мы видимъ первыя попытки колоніальныхъ захватовъ Германіи. По мѣрѣ роста потребностей экспорта, при явно непріязненномъ отношеніи Англіи къ нѣмецкой конкуренціи въ ея колоніяхъ, съ развитіемъ колоніальной политики другихъ странъ, передъ капиталистической Германіей сталъ на очереди вопросъ о завоеваніи колоній. Но центръ тяжести Германской политики до тѣхъ поръ лежалъ въ упроченіи ея европейскаго положенія, а колоніальная политика вводила ее въ сферу міровыхъ интересовъ, ставила ее передъ новыми задачами, требовала развитія морской силы и грозила тысячами не предвидѣнныхъ сцѣпленій интересовъ и конфликтовъ. На это трудно было рѣшиться. Но нашелся человѣкъ, который рѣшился—германскій императоръ Вильгельмъ II. Онъ вступилъ на престолъ съ непремѣннымъ желаніемъ стать героемъ. Не то, чтобы въ немъ были геройскія качества. У него умъ живой, но не проницательный, рѣшимость быстрая, но не устойчивая, интересъ, легко воспламеняющійся, но также легко остывающій. Первые годы его царствованія прошли въ безпокойномъ шатаніи. Съ любопытствомъ и стремительностью диллетанта, не умѣющаго охватить глазомъ всѣ трудности дѣла, онъ бросался то на соціальное реформаторство, то на уничтоженіе соціалдемократіи, то на школьныя ре-

формы, то на реформы военныхъ мундировъ, на искусство, музыку, литературу, на передѣлку правописанія и преобразованіе христіанской религіи. Вездѣ, гдѣ онъ натыкался на трудности, онъ моментально уставалъ и отставалъ. Но, бросаясь безъ разбору туда и сюда, онъ невзначай наткнулся на колоніальную политику. И, именно, потому, что онъ не могъ предвидѣть трудностей и послѣдствій, онъ рѣшился тамъ, гдѣ другіе колебались. Но оказалось, что онъ попалъ въ струю капиталистическаго развитія, которая его понесла все дальше и дальше. Я остановился на личной характеристикѣ Вильгельма II, потому что, помимо царя, германскій императоръ единственная личность, которая по положенію своему можетъ оказать сильное вліяніе на ходъ надвигающихся событій.

Англійскій капиталъ революціонизировалъ весь міръ, сломилъ старые уклады, уничтожилъ старыхъ боговъ и создалъ новыхъ по образу и подобію своему,—но, сдѣлавъ весь міръ капиталистическимъ, Англія весь міръ возстановила и вооружила противъ себя и подорвала основы своего собственнаго существованія. Она раньше создала повсюду рынки, затѣмъ создала—снабжая міръ машинами, рабочими, капиталомъ—во всѣхъ странахъ индустрію, а индустрія въ каждой странѣ стала захватывать свой внутренній рынокъ, подняла политическія силы государства и употребила ихъ на искусственное огражденіе національнаго рынка и насильственное раскрытіе рынковъ чужихъ. Каждое капиталистическое государство — огромная и многосложная машина для выжиманія труда изъ народа и для безконечной капиталистической ломки всего окружающаго. Каждое капиталистическое государство само по себѣ въ состояніи разрушить и возсоздать міръ. И вотъ государства эти окружили землю желѣзными путями, оцѣпили ее сѣтью телеграфовъ и почтъ, завязали узлы торговыхъ агентуръ, пустили по океанамъ многочисленные флоты, создали цѣлый міръ на водѣ съ сотнями тысячъ людей, безпрерывно воздвигаютъ горы товаровъ, которые безостановочно чудовищными массами распространяются по всему міру и переполняютъ рынки. И земля стала капиталистамъ тѣсна и малолюдна, потому что трудъ они сдѣлали обильнымъ, а заработокъ скуднымъ, потому-что богатства, которыми они наводняютъ міръ, они отымаютъ у рабочихъ, ихъ создающихъ, потому-что они отдѣлили міръ товаровъ отъ міра производителей. Производители бѣдствуютъ, груды произведенныхъ, но не использованныхъ богатствъ, растутъ до безконечности, и такъ какъ не удалось еще открыть такой дыры внѣ человѣческаго міра, куда можно было бы свалить ненужные товары, то капиталисты, эти собственники общественнаго производства въ капиталистическомъ строѣ, стараются вышибить другъ друга

изъ рынковъ, и конфликты ихъ, когда другія средства исчерпаны, неизбѣжно ведутъ къ міровымъ войнамъ.

Къ концу прошлаго столѣтія стало ясно, что Англія вытѣсняется на всемірномъ рынкѣ другими промышленными странами. Капиталистическій классъ Англіи убѣдился, что ему приходится бороться уже не за господство на всемірномъ рынкѣ, а за самое свое существованіе.

Въ силу этого онъ сталъ развивать необыкновенную энергію, чтобы удержать и обезпечить за собой то, чѣмъ онъ владѣетъ. Политическая летаргія, столь характерная для періода экономическаго застоя Англіи, исчезла, и эта чрезвычайно осторожная держава, къ изумленію Европы, стала вести агрессивную политику, и рѣшается на рискованныя войны. Англія стремится консолидировать свои колоніальныя владѣнія и оградить созданную, такимъ образомъ, „имперію“ пошлинами отъ иностранной конкуренціи.

Между Англіей и Россіей издавна конфликтъ настолько очевидный, что правительства ему даже придали характеръ національной вражды. Споръ идетъ о Константинополѣ и въ связи съ этимъ о политическомъ устройствѣ Балканскаго полуострова. Споръ этотъ, какъ извѣстно, въ свое время былъ причиной Крымской войны. Съ тѣхъ поръ положеніе не улучшилось, а наоборотъ, гораздо болѣе обострилось, благодаря почти полному уничтоженію силы сопротивленія Турціи послѣ войны 1877 года. Цѣлость Турціи являлась посредствующимъ элементомъ, затягивавшимъ разрѣшеніе конфликта, — а теперь Англія и Россія стоятъ непосредственно другъ передъ другомъ и неминуемо должны разрѣшить споръ силой оружія. Однако, область столкновеній между Россіей и Англіей вышла далеко за предѣлы Балканскаго полуострова. Завоевательная политика Россіи въ Центральной Азіи привела ее почти-что къ границамъ Индіи. Англіи приходится уже не только отстранять Россію отъ Средиземнаго моря, но и защищать противъ Россіи свою главнѣйшую колонію. Въ то же время Россія подбирается къ Персидскому заливу. Между тѣмъ и Центральная Азія, и Персія, и Малая Азія получили сами по себѣ непредвидѣнное до того промышленное значеніе, благодаря развитію торговли въ Тихомъ океанѣ. Это особенно важно для Англіи въ виду конкуренціи, подавляющей ее на всемірномъ рынкѣ. Но тѣ-же интересы уже привлекли къ этимъ странамъ вниманіе другихъ индустріальныхъ государствъ — Германіи и Франціи. И вотъ они также затягиваются въ этотъ новый узелъ конфликтовъ.

Наконецъ, еще одно поле тренія образовалось между Англіей и Россіей на Дальнемъ Востокѣ.

Для характеристики развитія отношеній въ Восточной Азіи, привед-

шихъ непосредственно къ настоящей войнѣ, я позволю себѣ сослаться на свою статью, появившуюся въ Германской соціалдемократической печати въ ноябрѣ 1904 года.

„Политика Англіи въ Восточной Азіи была съ 60-хъ годовъ, со времени ея войны съ Китаемъ, политикой консервативной. Многочисленныя колоніи, долголѣтнія торговыя сношенія, добытыя путемъ военнаго насилія права, точно такъ-же, какъ поднятый, благодаря побѣдоносной войнѣ, престижъ, обезпечили за Англіей развитіе ея торговли съ Китаемъ, и она гораздо больше была заинтересована въ томъ, чтобы остатки китайской замкнутости, отъ которыхъ, главнымъ образомъ, страдали ея конкуренты,— далеко отставшіе отъ нея въ отношеніи колоніально-политическомъ и въ развитіи морскихъ силъ. — прочно сохранить и на будущее время. „Цѣлость“ Китая сдѣлалась ея лозунгомъ. За японской войной Англія слѣдила со смѣшаннымъ чувствомъ. Поскольку дѣло шло о добываніи новыхъ торговыхъ льготъ, эта война могла быть ей только на руку, но въ образованіи японскаго промышленнаго государства она увидѣла опасную для себя конкуренцію. Какъ всегда, „коварный Альбіонъ“ сталъ на сторону сильнѣйшаго и измѣнилъ Китаю самымъ позорнымъ образомъ. Скоро послѣ этого, когда нѣмецко-русская коалиція въ Восточной Азіи внушила ей должное уваженіе, Англія измѣнила и Японіи. Тогда Россія и Германія направили свои стопы къ китайскимъ берегамъ. Идея нераздѣльности Китая была нарушена, тогда и Англія начала присоединять. Скоро, однако, стало ей ясно, что опасность угрожаетъ не только одному Китаю, но также и англійской торговлѣ и политическому вліянію Англіи въ Китаѣ. Съ того времени она тѣсно примкнула къ Японіи и стремится использовать ее преимущественно, какъ боевое орудіе противъ Россіи.

Политика Россіи въ Восточной Азіи представляла изъ себя исключительно систему захватовъ. Уже потому одному, что русская промышленность слишкомъ незначительна, чтобы обезпечить себѣ колоніи путемъ торговыхъ сношеній. Торговые интересы, которые въ колоніальной политикѣ Европы играютъ главную роль, въ политикѣ русскаго правительства отступаютъ на задній планъ. Ея цѣль — распространить могущество россійской имперіи: обратить весь міръ въ свою собственность. Сумасбродный романтизмъ! Весь земной шаръ со всѣми его странами и народами привести къ подножію русскаго трона: всю игру міровой исторіи, промышленность, войны, національную борьбу, классовую борьбу, матеріальную и духовную жизнь народовъ направить къ единой цѣли: къ вящей славѣ царствующей династіи! Это, конечно, глупость, но глупость,

образовавшаяся путемъ историческимъ и потому, порождающая абсурды, которые становятся „разумнымъ“ факторомъ человѣческой исторіи. Но самъ по себѣ идеалъ царизма въ чистомъ видѣ больше не существуетъ; онъ раскрошенъ, раздробленъ, разорванъ; другіе интересы подставлены вмѣсто него. Сознательныя стремленія. безсознательные порывы, пережитки прошлаго, идеи будущаго перемѣшиваются между собою, и въ этомъ водоворотѣ идей, поступковъ и событій въ концѣ-концовъ теряютъ голову и тѣ, кто считаетъ себя руководителями всего процесса.

Въ политикѣ Россіи въ Восточной Азіи нужно различать двѣ, взаимно поддерживающія другъ друга, группы интересовъ: распространеніе могущества россійской имперіи и потребность въ займахъ для пополненія государственной казны. Финансовая нищета Россіи такъ-же безгранична, какъ безгранично стремленіе ея дипломатіи къ захвату чужихъ странъ. Русское правительство употребляетъ иностранное золото на добываніе новыхъ земель и забираетъ чужія земли, чтобы снова добыть себѣ золото. Когда вспыхнула японско-китайская война, русская дипломатія сейчасъ-же направила свои взоры на то, что-бы чѣмъ нибудь поживиться. Но успѣхи Японіи раньше всего вызвали въ ней рѣшеніе ослабить эту страну. Это та-же политика, которую Россія практикуетъ и на европейскомъ востокѣ. Благодаря вмѣшательству Вильгельма II, который, испытавъ къ тому времени свою геніальность въ различныхъ областяхъ, сталъ смѣшной фигурой и горѣлъ желаніемъ попытать счастья въ колоніальной политикѣ, русской дипломатіи удалось выкинуть геніальную штуку: демонстраціей международнаго флота запугать Японію и заставить ее покинуть занятую ею на сушѣ позицію. Вытѣснивъ конкурента, Россія приготовилась стать на его мѣсто. Она только ждала повода. Какъ нарочно, случилось убійство нѣмецкихъ миссіонеровъ. Съ злорадствомъ, съ плохо разыгранымъ негодованіемъ, Германія оторвала себѣ Кіао-Чоу. Заодно съ Германіей двинулась Россія; она завладѣла Портъ-Артуромъ и протянула свою длань къ Манчжуріи. То, что Японіи было запрещено, практиковалось теперь другими съ самымъ наглымъ безстыдствомъ.

Русскія оккупаціи полны опасностей для будущности Восточной Азіи, гораздо болѣе, чѣмъ колоніальные захваты другихъ странъ. Въ то время, какъ Германія или Англія должны еще посылать свои корабли въ отдаленныя моря, чтобы охранять и поддерживать свои владѣнія на Тихомъ океанѣ, Россія непосредственно присоединяетъ свои восточно-азіатскія земли къ своей огромной имперіи, а сибирская желѣзная дорога служитъ ей могучимъ орудіемъ къ дальнѣйшему упроченію тамъ своей политической

и военной силы. Такимъ образомъ, эти владѣнія уже не просто колоніи, слабо связанныя съ своей метрополіей,—Россія создала себѣ здѣсь стратегическій пунктъ, откуда она безостановочно и все въ большихъ и большихъ размѣрахъ можетъ распространять свою завоевательную, по отношенію къ Китаю, политику. Она ведетъ себя здѣсь также, какъ она привыкла это дѣлать втеченіе десятковъ лѣтъ въ Средней Азіи: она строитъ желѣзную дорогу, посылаетъ войска, захватываетъ стратегическіе пункты, а затѣмъ опять желѣзная дорога, войска, крѣпости и т. д. Впрочемъ, также и въ средней Азіи Россія все ближе и ближе подвигается къ Китаю. Кромѣ Японіи, Россія единственная страна, которая въ Восточной Азіи ведетъ вполнѣ послѣдовательную политику. Но потому-то нигдѣ и не существуетъ болѣе противоположныхъ интересовъ, чѣмъ между Россіей и Японіей.

Опасность со стороны Россіи, благодаря ея оккупаціямъ, была слишкомъ очевидна. Англія заявила протестъ. Положеніе было критическое. Но Англія неохотно рѣшается выступать противъ значительной силы, не имѣя союзниковъ. Японія „въ качествѣ" союзника была еще слишкомъ слаба; Германія могла считаться скорѣе врагомъ, чѣмъ другомъ. Къ тому-же Британія вообще очень медленно рѣшается на что-нибудь.

Кромѣ того Англія уже тогда была сильно занята своими дѣлами въ Южной Африкѣ. Мы едва-ли сдѣлаемъ большую ошибку, если скажемъ, что южно-африканскій кризисъ былъ отчасти вызванъ Англіей, благодаря ея желанію развязать себѣ руки въ Азіи. Во время южно-африканской войны всѣ ожидали, что Россія сдѣлаетъ Англіи вызовъ; въ глазахъ храбрыхъ буровъ послѣ Библіи первымъ оплотомъ былъ русскій царь. Но тому, кто знаетъ состояніе дѣлъ въ Россіи было ясно, что при ея бѣдственномъ экономическомъ положеніи, при ея отсталомъ и негодномъ административномъ механизмѣ, при ея хронической нищетѣ,—правительство царя не смѣетъ и думать о какой-либо наступательной войнѣ противъ Англіи.

Но какъ-же объяснить, что русская дипломатія,—несмотря на то, что она должна сознавать слабость государства,—такъ вызывающе себя ведетъ?—Она принуждена такъ поступать. Безумная погоня русскаго правительства за успѣхами во внѣшнихъ дѣлахъ необходима, чтобы скрыть внутреннюю слабость имперіи. Стоитъ Россіи показать свою слабой во внѣшней политикѣ,—и она теряетъ заграницей весь свой престижъ, теряетъ весь свой кредитъ. Абсолютизмъ уже давно сталъ пенсіонеромъ европейскихъ биржъ. Русскій абсолютизмъ въ настоящее время не болѣе, какъ биржевая спекуляція: покуда продолжается игра на повышеніе, онъ еще цѣлъ, но если биржа найдетъ, что игра на пониженіе для нее выгоднѣе,—онъ

разлетится вдребезги. Практикующаяся въ теченіе долгихъ лѣтъ безпрерывная система займовъ въ высшей степени навострила русскихъ министровъ финансовъ и закалила ихъ способность добывать деньги. Умѣніе обращаться съ биржей—эта высшая финансовая наука, которая требуется отъ русскаго государственнаго мужа. И къ какимъ только пріемамъ не прибѣгаютъ въ Россіи, чтобы привлечь иностранные капиталы въ государственныя кассы. Желѣзнодорожная политика все больше становится средствомъ къ добыванію займовъ, постоянные и значительные „остатки“ которыхъ,—остатки, получающіеся очень часто на счетъ самого желѣзнодорожнаго строительства, поступаютъ въ государственную казну. Дружба съ Франціей отъ начала до конца была употреблена на то, чтобъ обчистить карманы французскимъ капиталистамъ—это было величайшее биржевое мошенничество минувшаго столѣтія. Такимъ-же путемъ каждый успѣхъ во внѣшней политикѣ Россіи сопровождается новымъ займомъ. Но чѣмъ значительнѣе эти успѣхи, тѣмъ большей оказывается, съ другой стороны, нужда въ деньгахъ и потребность въ займахъ. Въ частности, проникновеніе Россіи къ Тихому океану поставило ее лицомъ къ лицу съ новыми расходами на морскія вооруженія—расходами, которые въ такихъ захватывающихъ размѣрахъ никогда раньше не были извѣстны. Русскій флотъ до сихъ поръ имѣлъ исключительной задачей охрану береговъ. Теперь приходится содержать на Тихомъ океанѣ броненосцы и состязаться съ Англіей и Японіей. Ни одна страна не въ состояніи содержать свой военный флотъ исключительно на счетъ налоговъ. Издержки на флотъ какъ и на желѣзныя дороги покрываются путемъ займовъ. Но въ то время, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ становится все дешевле, постройка флота обходится все дороже, и этимъ расходомъ, въ противоположность желѣзнодорожнымъ, не предвидится конца: у нихъ нѣтъ предѣла насыщенія. Постройка флота уже сама по себѣ въ состояніи довести любую страну до банкротства. Что же, въ такомъ случаѣ, сказать о Россіи, которая живетъ одними займами? И въ то время, какъ затраты Англіи или Германіи на ихъ военный флотъ въ нѣкоторой степени вознаграждаются развитіемъ ихъ торговаго оборота—Россія въ этомъ отношеніи знаетъ одни расходы и не имѣетъ никакихъ доходовъ отъ своей колоніальной торговли. Итакъ, займы и опять займы! Безъ займовъ самодержавію придется увидѣть свой флотъ и свою армію значительно уступающими боевымъ силамъ другихъ государствъ, и Россія такъ-же мало будетъ въ состояніи вести войну съ какой-либо современной военной державой, какъ мало въ состояніи это дѣлать Турція или Китай. Понятно-ли теперь, почему русское самодержавіе

такъ жалобно пѣло о необходимости мира? Такъ какъ у него нѣтъ денегъ, чтобы покрывать все возрастающіе расходы на армію и флотъ, то оно доброжелательно предлагало другимъ государствамъ пріостановить свои вооруженія. Поэтому русскій абсолютизмъ въ своей внѣшней политикѣ не можетъ идти назадъ. Онъ долженъ идти впередъ, или все сразу рухнетъ.

Наконецъ, еще одинъ моментъ — политика абсолютизма по самой своей природѣ, исключительна. Она не считается съ чужими интересами, съ историческимъ развитіемъ и знаетъ одну только силу — кулакъ. Подобно тому, какъ въ своей собственной странѣ русскій абсолютизмъ игнорируетъ кричащіе факты ея поступательнаго развитія, насильственно затыкаетъ каждую скважину и, такимъ образомъ, толкаетъ народъ на путь революціи, точно такъ-же, закрывъ Японіи всѣ пути къ развитію ея внѣшнихъ сношеній, онъ толкаетъ ее на путь войны.“

Это было написано больше чѣмъ за два мѣсяца до начала военныхъ дѣйствій. А общія идеи этой статьи, взглядъ на міровыя отношенія капиталистическихъ странъ явились результатомъ моихъ наблюденій надъ ходомъ событій въ теченіе моей многолѣтней публицистической дѣятельности въ рядахъ нѣмецкой соціалдемократіи. Я ихъ впервые высказалъ въ своихъ статьяхъ о китайско-японской войнѣ въ 1895 году въ „Leipziger Volkszeitung“, затѣмъ въ многочисленныхъ статьяхъ о восточномъ вопросѣ, объ американско-испанской войнѣ, объ оккупаціи Манчжуріи, о франко-русскихъ отношеніяхъ, о торговой политикѣ Англіи etc. etc. въ „Sächsische Arbeiter Zeitung“ въ Дрезденѣ, въ „Neue Zeit“ и въ издаваемой мною соціалдемократической корресподенціи „Aus der Weltpolitik“. Упоминаю объ этомъ, чтобы показать, что это не спекулятивныя разсужденія a posteriori, а обобщенія и выводы, до сихъ поръ находившіе себѣ подтвержденіе въ слѣдовавшихъ за ними событіяхъ.

Что касается интересовъ Японіи, приведшихъ къ войнѣ, то они даны ея положеніемъ капиталистическаго государства Восточной Азіи. Съ тѣхъ поръ какъ Японія стала современной индустріальной страной, въ ней образовалось перенаселеніе и перепроизводство. Капиталистическая революція, которую она сама продѣлала, заставляетъ ее революціонизировать міръ вокругъ себя. Какъ Англія передѣлала на капиталистическій ладъ производство въ странахъ европейскаго континента, такъ Японія имѣетъ своей миссіей снабдить Восточную Азію дарами капиталистической культуры, каковы: фабрики, банки, утонченное мошенничество, проституція, желѣзныя дороги, военный флотъ, англійская болѣзнь и пролетаризація массъ. Если ей это не удастся, то рухнетъ ея собственное капиталистическое благополучіе, а

вернуться снова къ порядкамъ своего докапиталистическаго времени, она уже будетъ не въ состояніи. Китайскій вопросъ, такимъ образомъ, сталъ для Японіи вопросомъ ея собственнаго существованія.

Война между Японіей и Россіей надорвана и безъ того еле еще державшуюся связь политическихъ отношеній капиталистическихъ государствъ. Политическое равновѣсіе капиталистическаго міра нарушено, и врядъ-ли его удастся возстановить безъ дальнѣйшихъ войнъ. Больше всего затронуты интересы Англіи. Побѣда Россіи надъ Японіей отдала-бы Китай въ полное распоряженіе русскаго правительства. Вліяніе Англіи въ Восточной Азіи было-бы совершенно парализовано. Понятно также, что Россія, упрочившись въ Пекинѣ, всего менѣе имѣла-бы основаній отказаться отъ своей наступательной политики въ Центральной Азіи. Конфликтъ съ Англіей, слѣдовательно, былъ-бы только отсроченъ до момента, для Англіи, благодаря росту могущества Россіи, менѣе благопріятнаго. Вотъ почему Англія уже теперь начала агрессивную политику, пославъ военную экспедицію въ Тибетъ и побудивъ Японію къ войнѣ. Въ то-же время Германія, основавшаяся въ Кіао-Чоу, горитъ нетерпѣніемъ расширить свои азіатскія владѣнія. Колоніальные планы на Дальнемъ Востокѣ имѣютъ также Соединенные Штаты. Упомянемъ еще Австрію, Италію, Бельгію, военныя эскадры которыхъ тутъ-же снуютъ, готовясь урвать и себѣ кусочекъ при общемъ дѣлежѣ. Колоніальная политика Франціи до сихъ поръ была очень несчастлива! Французы истратили на свои колоніи милліарды безъ видимой пользы для промышленности страны. Общая борьба изъ-за колоній въ Китаѣ подняла также и во французской буржуазіи надежду поправить свои колоніальныя дѣла на счетъ имперіи Богдыхана. Дѣйствуетъ тутъ также старый конфликтъ съ Англіей изъ-за Египта, наконецъ, и связь съ Россіей и перемѣна происшедшая въ силу этого съ идеей реванша. Въ то-же время связанность Россіи въ Восточной войнѣ дѣлаетъ болѣе возможнымъ развязку національныхъ конфликтовъ Балканскаго полуострова, что заставляетъ Австрію серьезно готовиться къ вмѣшательству. Итакъ, одно тянется за другимъ, и все зданіе трещитъ и рушится.

Война началась изъ-за Манчжуріи и Кореи, она уже теперь перешла къ спору о гегемоніи въ Восточной Азіи, она разростется въ вопросъ о міровомъ положеніи самодержавной Россіи и завершится перемѣщеніемъ политическаго равновѣсія всего міра.

Первымъ ея послѣдствіемъ будетъ паденіе русскаго самодержавія. Объ этомъ въ слѣдующей статьѣ.

Паденіе самодержавія.

Самодержавіе поставлено въ необходимость защищать свое міровое положеніе. Самодержавная Россія борется за свое мѣсто среди державъ. Вся ея внѣшняя политика поставлена на карту. Могущество и величіе самодержавія, міровые планы, успѣхи прошлаго и задачи будущаго, все, чѣмъ самодержавіе жило и чего ради оно подчиняло себѣ и собирало въ своихъ рукахъ всѣ силы страны, все, что давало историческій смыслъ этой политической нелѣпицѣ, подвергнуто риску, надъ всѣмъ этимъ поставленъ вопросъ: быть или не быть?

Не надо забывать, что самодержавіе имѣетъ свое собственное политическое содержаніе. Конечно, оно экономически является представителемъ имущихъ классовъ, но политически оно старается ихъ подчинить себѣ. Оно самую капиталистическую эксплуатацію дѣлаетъ орудіемъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Буржуазный либерализмъ, закрывающій глаза передъ классовымъ характеромъ государства, видитъ въ самодержавіи только власть чиновничества. Больно ужъ просто! Чиновничій произволъ существуетъ и въ Китаѣ, и въ Персіи, и въ Турціи, не только въ Россіи. Россія, правда, была на пути къ тому, чтобы стать азіатской деспотіей. Она даже огораживала себя китайской стѣной. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на линіи крѣпостей московскаго государства, построенныя, между прочимъ, какъ и Китайская стѣна, противъ набѣговъ кочующихъ монголовъ. Тенденція къ замкнутости была настолько велика, что еще нѣсколько столѣтій спустя частоколы, воздвигнутые противъ татаръ, снова могли воскреснуть въ идеологіи русскихъ самобытниковъ. Но никакими рвами и валами не могли оградить Россію отъ вліянія Западной Европы. Дѣло тутъ было не столько въ культурномъ воздѣйствіи, сколько въ безпрерывной опасности для самостоятельности Россіи со стороны королевства польскаго и прилегающихъ государствъ. Это привело самодержавіе къ агрессивной внѣшней политикѣ и

заставило вмѣстѣ съ тѣмъ приспособлять армію къ развитію военной организаціи Запада. Такъ создался русскій государственный порядокъ: абсолютизмъ на азіатскій манеръ, поддерживаемый арміей на образецъ европейскій. Абсолютизмъ завоевательный, стремящійся весь міръ подчинить себѣ и перекроить по своему, въ отличіе отъ самодовлѣющаго деспотизма Китая, который только требуетъ, чтобы его оставили въ покоѣ. Поэтому, русское самодержавіе, въ свою очередь, грозитъ безпрерывной опасностью политическому развитію Западной Европы, въ историческихъ судьбахъ которой оно уже сыграло столь жестокую роль. Поэтому-то съ нимъ такъ трудно справиться: можно разбить орду чиновниковъ, но не такъ-то легко парализовать военную организацію, перенятую самодержавіемъ отъ развитыхъ капиталистическихъ государствъ. Мало того, своей завоевательной политикой самодержавію даже удалось создать подобіе національной идеи: подъ знаменемъ защиты и расширенія могущества Россіи, русское правительство до сихъ поръ еще всегда собирало вокругъ себя всѣ политически реагирующіе слои населенія и даже весь народъ. Въ мирное время, съ этой точки зрѣнія, содержаніе войска и флота получало смыслъ и оправданіе въ глазахъ общества. Въ настоящій моментъ также, одной изъ причинъ войны нужно признать стремленіе правительства посредствомъ подъема военнаго патріотизма заглушить оппозиціонное настроеніе общества и придушить революціонную энергію народныхъ массъ. Отнимите у самодержавія его агрессивную внѣшнюю политику, и его военная энергія падетъ, войско перестанетъ вѣрить въ самого себя и государство, неудержимо разлагаясь, пойдетъ по пути Турціи. Вотъ почему самодержавіе, защищая свое міровое господство, борется за самое свое существованіе.

Война разгорѣлась и неудержимо влечетъ за собой все новыя и болѣе сложныя послѣдствія. Уже самый фактъ войны показалъ, что русское правительство оказалось безсильнымъ остановить ходъ событій, вызванныхъ имъ же самимъ. Такъ проявляется историческая необходимость: она рветъ и уноситъ, какъ бурный порывъ вѣтра тонкую паутинку, всѣ хитросплетенія политиковъ и оголяетъ объективный процессъ историческаго развитія; стихійныя силы, работавшія въ глубинѣ, выступаютъ наружу, и правительства, мнившія себя вершителями судебъ народовъ, мечутся безпомощно, тщетно отыскивая точку опоры въ разразившемся ураганѣ элементарныхъ политическихъ силъ, и становятся ихъ игрушкой. Русское правительство съ необыкновенной дипломатической ловкостью улавливало каждый моментъ, представлявшій какія-либо выгоды его внѣшней поли-

тикѣ, но оно никогда не было способно заглядывать далеко впередъ—и вотъ, подвигаясь впередъ отъ успѣха къ успѣху, оно неожиданно достигло такого пункта, когда всякій дальнѣйшій шагъ грозитъ разорвать всю длинную цѣпь прежнихъ успѣховъ и всего того, что съ ними было связано. Правительство, быть можетъ, и не рѣшилось-бы сдѣлать этотъ чреватый рискованными послѣдствіями шагъ, но было уже поздно: его толкалъ впередъ тотъ самый ходъ событій, руководителемъ котораго оно себя считало—такъ горныя массы, тронувшись съ мѣста, неудержимо съ возрастающей быстротой катятся впередъ, разрушая и увлекая за собой все на пути своемъ. Война началась, и каковъ-бы не былъ исходъ ея, исторія оставитъ за собой среди массы развалинъ рухнувшее самодержавіе.

Частичная развязка настоящей войны всего менѣе мыслима. Уступить Манчжурію русское правительство не можетъ. Оно захватило эту страну хитростью и вѣроломствомъ, а получить ее обратно, уступивъ теперь, оно смогло бы только военной силой. Но вести войну пришлось-бы уже не противъ беззащитнаго Китая, а противъ Японіи, которая не преминула бы позаботиться и объ укрѣпленіяхъ и о военныхъ силахъ.

Отстранивъ Россію, Японія получитъ гегемонію въ Восточной Азіи. Въ этомъ цѣль и смыслъ ея агрессивной политики. Только въ виду этой задачи она рѣшилась на войну, въ которой рискуетъ всѣмъ своимъ политическимъ и экономическимъ развитіемъ. Насколько вѣренъ ея расчетъ, видно изъ того, что авторитетъ ея въ Китаѣ по всѣмъ свѣдѣніямъ, уже сейчасъ чрезвычайно усилился. Рядомъ съ этимъ идетъ подъемъ національнаго чувства монголовъ. Первыя преобразованія, которыя Японія введетъ въ Манчжуріи, Кореѣ и Китаѣ, несомнѣнно выразятся въ реорганизаціи войска на европейскій образецъ, постройкѣ стратегическихъ и торговыхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. И эта политика Японіи опять-таки не просто продуктъ политическихъ соображеній японскаго правительства, а результатъ историческаго развитія. Японія только является историческимъ завершителемъ революціонной работы европейскаго капитала въ Восточной Азіи. Тѣ-же силы, которыя создали въ Японіи капиталистическое государство, создали по всей береговой полосѣ Китая торгово-промышленные центры, пробрались по теченію рѣкъ въ глубину страны, подточили весь экономическій и политическій укладъ „Срединной имперіи“ и подготовили ее къ воспріятію военной культуры капитализма. Идея объединенія монгольской расы на капиталистическихъ основахъ отнюдь не утопія, она исто-

рическая дѣйствительность, которая сильно отразится на историческихъ судьбахъ европейскаго капитализма.

Итакъ, если самодержавіе упуститъ теперь Манчжурію, оно потеряетъ ее навсегда. Но потерявъ Манчжурію, оно теряетъ свои новые порты, и выходъ къ Тихому океану въ широтахъ, удобныхъ для мореплаванія, ему опять закрытъ. Если-бы оно даже сохранило за собой Манчжурскую желѣзную дорогу, то ужъ безъ всякаго сомнѣнія этотъ желѣзный путь, при измѣнившихся политическихъ условіяхъ, не могъ-бы больше служить военнымъ планамъ русскаго правительства, а сохранилъ-бы только еще торговое значеніе. Стратегически, наоборотъ, онъ послужилъ-бы на пользу Японіи и Китаю. Но и въ торговомъ отношеніи желѣзная дорога, проходящая по чужой землѣ, должна была бы получить широко интернаціональный характеръ. Въ результатѣ, она не столько служила бы вывозу московскихъ мануфактуръ, сколько ввозу иностранныхъ, въ значительной мѣрѣ японскихъ, товаровъ въ Сибирь. А это, хотя и дало бы сильный толчекъ промышленному развитію Сибири, отнюдь не входитъ въ политическіе планы русскаго самодержавія. Отступленіе передъ Японіей, слѣдовательно, означаетъ полное фіаско политики самодержавія на Дальнемъ Востокѣ. Все, что было потрачено на желѣзную дорогу, порты, военный флотъ, пропадаетъ даромъ, идетъ на пользу Японіи и Китая. Престижъ правительства падаетъ въ глазахъ Китая и въ глазахъ иностранныхъ державъ, Россія вычеркивается изъ списка державъ, имѣющихъ право вмѣшательства въ политичесдую жизнь Восточной Азіи.

Вотъ почему русское правительсво съ своей стороны поставило себѣ цѣлью уничтожить военное могущество Японіи. Однако, это, въ свою очередь, повело бы къ полному перераспредѣленію соотношенія политическихъ силъ на Востокѣ. Уничтоженіе противовѣса Японіи выдвинуло бы противъ Россіи Англію. По всей вѣроятности, послѣдняя даже не стала бы ждать полнаго пораженія Японіи и заблаговременно вмѣшалась бы въ борьбу, чтобы быть въ состояніи воспользоваться стратегическимъ положеніемъ и военными силами японскаго государства. Я уже указалъ въ предыдущей статьѣ, какъ послѣ Крымской кампаніи создались еще новые узлы конфликтовъ между Россіей и Англіей, а отношенія между ними и на Востокѣ, и въ Центральной Азіи обострились почти до кризиса. Далѣе, если гегемонія Японіи ведетъ къ объединенію монголовъ, то гегемонія русскаго самодержавія на Востокѣ ведетъ къ дѣлежу Китая. Не подлежитъ сомнѣнію, что Россія, упрочившись побѣдоносной войной въ Манчжуріи, не остановится передъ Пекинымъ. Въ интересахъ державъ предупредить дальнѣйшую

завоевательную политику Россіи. Онѣ, поэтому, воспользуются моментомъ ея, хотя бы временнаго, ослабленія послѣ войны, чтобы расширить и обезпечить за собой свои „сферы колоніальныхъ интересовъ“ въ Китаѣ. Этимъ, между прочимъ, объясняется дружественный Россіи нейтралитетъ Германіи. Вильгельмъ II собирается повторить въ провинціи Шантунгъ то же самое, что русское правительство сдѣлало въ Манчжуріи, а побѣды Россіи ему только проложили бы путь къ этой цѣли. Но съ юга ту же завоевательную политику ведетъ Франція, а Англія заинтересована и на югѣ, и на сѣверѣ, и въ центрѣ; къ тому же Соединенные Штаты, давно стремящіеся упрочить за собой торговый рынокъ тихоокеанскихъ странъ— этой цѣли, между прочимъ, служитъ также прорытіе Панамскаго канала— разумѣется, не захотятъ остаться въ сторонѣ при общемъ дѣлежѣ добычи. Очень сомнительно, чтобы конкурирующія державы при распредѣленіи своихъ колоніальныхъ владѣній могли поладить между собой безъ военныхъ столкновеній — ужъ не говоря о томъ, что война между Россіей и Англіей можетъ повлечь за собой, въ силу договора, вмѣшательство Франціи. Но если бы даже у самодержавія хватило силъ побѣдить Японію, то не можетъ у него ихъ хватить на то, чтобы бороться съ Англіей и пережить міровую войну, которая потребовала бы крайняго напряженія всѣхъ національныхъ силъ Россіи.

На самомъ дѣлѣ, ходъ военныхъ событій принялъ совершенно другой оборотъ. О скорой побѣдѣ надъ Японіей не можетъ быть и рѣчи. Война, во всякомъ случаѣ, затянется и истощитъ силы самодержавія.

Всѣ европейскіе военные критики согласны въ томъ, что ударъ, нанесенный Японіей русскому флоту, совершенно парализовалъ его дѣятельность. Это сразу опредѣлило ходъ военныхъ дѣйствій—совершенно неожиданный для русскаго правительства. Назначеніе русскаго флота было—по возможности отрѣзать Японію отъ материка, блокировать японскія гавани, всячески безпокоить врага, мѣшая его высадкамъ и разрывая сообщеніе между арміей и страной. Но послѣ понесенныхъ потерь русскій флотъ слишкомъ слабъ, чтобы противостоять японскому, онъ не рѣшается выйти въ открытое море и остается въ бездѣйствіи въ Портъ-Артурѣ, гдѣ онъ совершенно не нуженъ — военной наукой давно установлено, что „берега хорошо укрѣпленной военной гавани защищаютъ себя сами“. Попытки освободить флотъ присылкой подкрѣпленій кончились неудачей, такъ какъ, не имѣя угольныхъ станцій по пути, русское правительство не въ состояніи даже доставить корабли на мѣсто дѣйствія. Суть, значитъ, не только въ томъ, что три броненосца повреждены,—вся многолѣтняя работа надъ

сооруженіемъ тихоокеанскаго флота пропала даромъ, Японія сразу обезпечила за собой господство на морѣ. И дѣйствительно, Японія безъ всякихъ помѣхъ производитъ десанты своихъ войскъ и, вмѣсто того, чтобы тратить силы на защиту своихъ военныхъ транспортовъ и своихъ гаваней, перехватываетъ идущіе изъ Америки транспорты консервовъ для русской арміи, блокируетъ Портъ-Артуръ и находится на пути къ тому, чтобы отрѣзать его съ суши отъ центра русской арміи. Польза измѣнившагося положенія для Японіи такъ велика, что чрезвычайно осторожный и авторитетный военный сотрудникъ „Frankfurter Zeitung“ рѣшается заявить: „шансы Японіи на побѣду въ виду этого увеличилось наполовину; даже усиленіе военныхъ силъ Японіи на 50 процентовъ не имѣло бы такой огромной важности для нея, какъ это полное господство на морѣ“.

Итакъ, война затянется. Со времени Крымской кампаніи самодержавію не приходилось вести такой серьезной войны, Русско-Турецкая война по степени напряженія силъ останется далеко позади нея. Населеніе Турціи уже тогда было почти наполовину меньше теперешней Японіи. Кромѣ того, турецкія полчища, конечно, нельзя сравнить съ образцовой военною арміей Японіи. Наконецъ, война тогда велась въ самой Европѣ, сообщенія съ театромъ военныхъ дѣйствій были близки и удобны, недостатка въ продовольственныхъ средствахъ не было. Теперь же Россіи приходится вести войну на краю Азіи, при чрезвычайно затруднительныхъ условіяхъ.

Разстояніе между центромъ страны и центромъ военныхъ дѣйствій около 8.000 верстъ. Петербургъ почти одинаково отдаленъ отъ Портъ-Артура, какъ отъ Нью-Іорка, но сообщеніе его съ Нью-Іоркомъ гораздо болѣе скорое и удобное, чѣмъ съ Портъ-Артуромъ. Говорятъ о томъ, что Россія граничитъ въ Азіи съ Китаемъ, и забываютъ, что граница эта отдѣлена отъ страны громадными пространствами малонаселенной Сибири. Въ транспортномъ отношеніи доставлять войска изъ центра Россіи въ Америку было бы несомнѣнно легче, чѣмъ по Сибирской желѣзной дорогѣ въ Манчжурію. Дорога эта одноколейная и построена, какъ извѣстно, на скорую руку, въ началѣ въ расчетѣ только на три пары поѣздовъ въ день со скоростью не болѣе 20 верстъ въ часъ. Потомъ ее передѣлывали: легкія рельсы замѣнили тяжеловѣсными, а насыпи подняли—отъ этой „подсыпки“ наполнились золотымъ порошкомъ карманы строителей, но насколько удалось укрѣпить полотно желѣзной дороги соотвѣтственно новымъ задачамъ, это еще только теперь должно сказаться на дѣлѣ. Далѣе, вопросъ очень сомнительный, удастся-ли охранить манчжурскую вѣтвь желѣзной дороги отъ разрушенія. Населеніе возстало. Сѣрошевскій еще

нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сообщалъ съ пути о скопленіи большихъ массъ монголовъ „подозрительнаго свойства“ вблизи желѣзной дороги. О томъ же были извѣстія англійскихъ и нѣмецкихъ корреспондентовъ. Полиція эти, разбросанныя небольшими отрядами по всей линіи, теперь по всѣмъ видимостямъ оперируютъ подъ руководствомъ японцевъ. Достаточно разрушить нѣсколько верстъ дороги въ разныхъ мѣстахъ, и русской арміи придется подвигаться пѣшкомъ черезъ Манчжурію. Затѣмъ не мѣшаетъ помнить, что для подавленія одного только возстанія въ Манчжуріи русскому правительству въ свое время пришлось выставить 220.000 войска.

Война потребуетъ крайняго напряженія всѣхъ силъ государства: военныхъ, административныхъ, финансовыхъ. Въ какомъ положеніи эти силы?

Въ Россіи въ мирное время милліонъ войска. Цифра внушительная. Но, вѣдь, Россія неимовѣрно велика, ея пограничная линія составляетъ около 70.000 верстъ, а самодержавіе по всей линіи границъ государства создало безпрерывныя политическія тренія. Вѣдь не даромъ же въ мирное время почти половина всей арміи сконцентрирована въ военныхъ округахъ Виленскомъ и Варшавскомъ, т. е. на западной границѣ! А если присчитать Одесскій и Кіевскій военные округа, то окажется, что двѣ трети арміи необходимы для защиты западной и южной границъ. Затѣмъ два корпуса въ Петербургскомъ округѣ, болѣе 100.000 постояннаго войска въ Средней Азіи. Вотъ и вся почти армія! Это въ мирное время, а въ военное время всякое ослабленіе военныхъ силъ на западѣ и югѣ Европейской Россіи немедленно скажется на политикѣ Австріи, Румыніи и Балканскихъ государствъ. Македонское возстаніе и такъ обострило положеніе дѣлъ въ Австріи — очевидно въ расчетѣ на русско-японскую войну — открыто дебатируется въ офиціозной прессѣ вопросъ о военномъ вмѣшательствѣ въ балканскія дѣла. и можно уже сейчасъ предвидѣть, что, если война затянется,—то русскому правительству не только нельзя будетъ уменьшить свои войска на европейской границѣ, но придется еще ихъ значительно увеличить. Мы видимъ, что правительство уже сейчасъ созываетъ запасныхъ не только изъ Сибири, но и изъ Казанской, Пермской, Уфимской губерній. Въ скоромъ времени придется тронуть центральныя губерніи.

У насъ считаютъ всей арміи съ запасными, кромѣ ополченія, три милліона. Но, вѣдь, это въ громадномъ числѣ просто массы крестьянъ, которые, въ сравненіи съ возросшими требованіями современной войны, немногимъ лучше ратниковъ ополченія, которыхъ гнали къ Севастополю. Народу въ Россіи всегда много было, народу много также въ Китаѣ, но народъ еще не армія. У насъ даже активная армія далеко не соотвѣт-

ствуетъ требованіямъ современнаго военнаго искусства. Нуженъ солдатъ интеллигентный, думающій, не теряющійся, когда онъ, — а главная борьба производится разсыпнымъ строемъ,—предоставленъ самому себѣ и не слышитъ за собой окриковъ начальства. Въ нашемъ же солдатѣ начальство систематически убиваетъ всякое душевное движеніе, его не развиваютъ, а дрессируютъ и превращаютъ въ автомата безъ мысли и безъ воли, слушающагося только команды. Это военный рабъ. И разъ только солдатъ оставилъ казарму и попалъ опять въ деревню, съ него скоро слетаетъ вся муштровка. Повторительная служба немного улучшаетъ дѣло.

Нашъ офицерскій корпусъ состоитъ изъ недоучекъ, непригодныхъ для всякой другой дѣятельности, требующей большого усилія ума и воли. Жизнь въ провинціи, въ замкнутомъ кругу, окончательно стираетъ съ нихъ слѣды культуры. Между ними и солдатами не только классовая, но и сословная рознь. Въ ихъ собственной средѣ, за отсутствіемъ связывающихъ интеллектуальныхъ интересовъ, пьянство является единственнымъ объединяющимъ элементомъ. Даже національную идею въ ея историческомъ смыслѣ они не въ состояніи воспринять и замѣняютъ ее мордобойствомъ. Это не исключаетъ того, что у насъ можетъ оказаться нѣсколько толковыхъ, свѣдущихъ генераловъ, но судьбу сраженій, при современныхъ условіяхъ, рѣшаютъ не генералы, а низшіе начальники и солдатская масса.

Безпорядки, господствующіе въ нашей арміи, уже успѣли съ достаточной яркостью проявить себя при столкновеніи въ Портъ-Артурѣ. Причина послѣдняго пораженія не только моментальная безпечность, сама по себѣ, конечно, характерная въ послѣднія минуты передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій. Дѣло въ томъ, что въ Портъ-Артурѣ совершенно не были ориентированы относительно мѣстонахожденія японскаго флота. Даже еще нѣсколько дней послѣ сраженія не могли понять, откуда онъ взялся, и дѣлали самыя невѣроятныя предположенія, вродѣ того, что японскій флотъ, нарушивъ нейтралитетъ Англіи, сдѣлалъ Вей-ха-Вей базисомъ своихъ операцій. А, на самомъ дѣлѣ, японская эскадра стояла у острововъ Эллиота совершенно вблизи Портъ-Артура!

Японцы же, какъ оказывается, поразительно ориентированы и относительно Портъ-Артура и вообще относительно всѣхъ нашихъ стратегическихъ пунктовъ въ Сибири и Манчжуріи. Доказано, что они передъ своей войной съ Китаемъ послали въ страну массу шпіоновъ, которые, прикрываясь мирными профессіями, основательно изслѣдовали ея военное положеніе. При открытіи военныхъ дѣйствій оказалось, что среди этихъ агентовъ были активные офицеры арміи. То-же самое они, очевидно, въ теченіе

многихъ лѣтъ продѣлывали и въ Манчжуріи. Расовая общность съ туземнымъ населеніемъ и полная недоступность языка для русскихъ должны были имъ при этомъ сослужить громадную службу. А наше военное начальство какъ будто не знаетъ даже самыхъ обыкновенныхъ данныхъ о японской арміи. Только этимъ, или же самымъ нелѣпымъ презрѣніемъ къ силамъ противника, можно объяснить первоначальное предположеніе, что достаточно будетъ арміи въ двѣсти, триста тысячъ, чтобы справиться съ японцами. Въ Японіи, по оффиціальнымъ отчетамъ за 1900 г. было 640.000 войска — такъ какъ съ тѣхъ поръ набралось еще три годовыхъ контингента резервистовъ, то приходится предположить, что она въ военное время можетъ поставить чуть-ли не милліонъ войска. Освободившись отъ опасности со стороны русскаго флота, она большую часть своей арміи можетъ поставить въ Манчжурію. При этомъ она имѣетъ туземное населеніе за себя и при первыхъ значительныхъ побѣдахъ на сушѣ можетъ разсчитывать на открытое содѣйствіе Китая. Не мѣшаетъ также имѣть въ виду, что идея расовой борьбы воодушевляетъ прежде всего самое японскую армію и сплачиваетъ офицеровъ и солдатъ въ одно солидарное цѣлое.

На административные порядки нашей арміи пролили свѣтъ обнаруженныя въ Портъ-Артурѣ растраты продовольственныхъ запасовъ. Что творилось при постройкѣ Сибирской желѣзной дороги, отъ которой прежде всего зависитъ успѣхъ русской арміи, достаточно извѣстно. А все это, вѣдь, только частичная картинка общей административной неурядицы въ самодержавной Россіи.

Можетъ ли даже быть вопросъ о томъ, что чиновничья администрація не будетъ въ состояніи справиться съ такими колоссальными задачами, какія ставитъ война всему управленію страны? Вспомнимъ голодные годы. Уже тогда, хотя все сводилось къ доставкѣ опредѣленнаго количества хлѣба въ голодныя губерніи, выказалась полная несостоятельность администраціи. Отсутствіе точнаго распредѣленія функцій между государственными учрежденіями, конфликты агентовъ различныхъ вѣдомствъ между собой споры о компетенціи, конфликты между земствами, губернскими, уѣздными, и министерствами, центральная власть, которая произвольно вламывается повсюду, спеціальные агенты, внезапно врывающіеся въ губерніи и переворачивающіе все вверхъ дномъ, полная нераспорядительность, суетливая, крикливая торопливость и безпрерывное запаздываніе—въ результатѣ неимовѣрная путаница, уйма затраченныхъ денегъ и полная безпомощность нуждающихся въ помощи. Наскоро организованные комитеты интеллигентной молодежи лучше справлялись съ задачами, которыя они себѣ ставили, чѣмъ правительственный адми-

стративный аппаратъ. Что же будетъ теперь, когда приходится мобилизовать во всѣхъ концахъ Россіи, собирать на всемъ протяженіи громадной имперіи запасныхъ, снаряжать ихъ, распредѣлять по частямъ войскъ, концентрировать на отправочныхъ пунктахъ, перевозить сотни тысячъ войска за тысячи верстъ на театръ военныхъ дѣйствій, заботиться о проводольствіи арміи, о доставкѣ военныхъ средствъ, о раненыхъ и больныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не упускать изъ виду общаго управленія страны — и все это подъ страшными ударами кровопролитной войны?! Не трудно предвидѣть, что рядъ пораженій совершенно разстроитъ административный механизмъ самодержавія.

Наконецъ, финансовыя средства. Русско-турецкая война обошлась Россіи въ 1075 милліоновъ рублей. Настоящая война оставитъ эту цифру далеко позади. Нужны займы немедленно и сразу въ громадныхъ суммахъ. Но кредитъ русскаго правительства продѣлалъ ту же эволюцію, что и его внутренняя политика: подымался, падалъ, снова подымался и достигъ кульминаціоннаго пункта, чтобы разразиться кризисомъ. Лондонская биржа закрыта для русскихъ займовъ уже съ шестидесятыхъ годовъ. Центромъ для русскихъ займовъ стала Германія. Но къ восьмидесятымъ годамъ и германскій кредитъ началъ изсякать. Въ 1887 г. ему былъ положенъ окончательный предѣлъ, когда имперскій германскій банкъ отказался принимать подъ залогъ русскія государственныя бумаги. Это было время самаго сильнаго упадка кредита и заодно политическаго вліянія самодержавія, то время, когда ничтожная Болгарія подъ управленіемъ Стамбулова могла съ успѣхомъ противостоять политикѣ русскаго правительства. Русскіе кредитные билеты потеряли свой курсъ, а русская дипломатія потеряла свой кредитъ. Тутъ началось любезничанье съ Франціей, которая раскрыла самодержавію душу французской буржуазіи — кошелька мелкихъ капиталистовъ. Потянулся золотой потокъ изъ Франціи, французы подсчитываютъ, что они дали Россіи около семи милліардовъ франковъ взаймы. Точнаго учета не можетъ быть, но названная сумма, навѣрное, остается еще позади дѣйствительности, такъ какъ французы не только почти цѣликомъ покрыли новые займы, но еще—при консолидаціи займовъ—скупили старые долги самодержавія. Французскій кредитъ долженъ былъ изсякнуть уже въ виду тѣхъ огромныхъ размѣровъ, которые онъ принялъ. А тутъ еще наступилъ промышленный кризисъ. Французы потеряли массу денегъ на акціяхъ русскихъ промышленныхъ предпріятій. И вотъ трудно стало дѣлать во Франціи займы. Однако, благодаря прежнимъ французскимъ займамъ и въ связи съ этимъ—новому подъему во внѣшней политикѣ русскаго правительства, поднялся и его кредитъ вообще. По-

этому, удалось заключить заемъ въ Германіи. Но новый германскій кредитъ Россіи, явившись рефлексомъ кредита французскаго, остается, въ особенности тогда, когда рѣчь идетъ о столь большихъ и рискованныхъ займахъ, когда военные, въ полной отъ него зависимости. Попытки правительства заключить заемъ передъ войной окончились полной неудачей. Если бы война началась русскими побѣдами, то первый военный заемъ, можетъ быть, еще былъ бы возможенъ. Но случилось какъ разъ наоборотъ, и это сдѣлало заемъ впредь до дальнѣйшаго не осуществимымъ. Ударъ нанесенный японскими побѣдами русскому самодержавію на биржѣ, еще гибельнѣе для него, чѣмъ потеря морской военной кампаніи. Теперь европейская биржа требуетъ отъ самодержавія побѣдъ, настоящихъ, кровопролитныхъ, рѣшительныхъ—безъ этого она не даетъ денегъ. Только еще моремъ крови можетъ самодержавіе купить милліоны золота. А, между тѣмъ, и для побѣдъ нужны прежде всего деньги.

Въ то же время война разстраиваетъ всѣ торговыя и промышленныя дѣла, а слѣдствіемъ этого является уменьшеніе доходовъ казны и невозможность выполнять бюджетъ, даже независимо отъ военныхъ расходовъ. Купцы въ Владивостокѣ первые прекратили платежи. Это отразилось на Одессѣ, Москвѣ, Варшавѣ. Русскія торговыя сношенія съ Тихимъ океаномъ вообще сведены на нѣтъ. По свѣдѣніямъ изъ Кенигсберга, уже сейчасъ произошло сильное уменьшеніе хлѣбнаго вывоза Россіи. Цѣны на хлѣбъ въ портахъ сильно поднялись. Берлинскіе банки сократили кредитъ варшавскимъ фабрикантамъ—въ силу этого послѣдніе сократили производство. Но, вѣдь, это только еще начало началъ. И то же самое скоро скажется и въ сношеніяхъ съ Лондономъ, Парижемъ, Брюсселемъ. Индустріальное развитіе Россіи связало ее тысячами нитей съ промышленными центрами Европы и сдѣлало ее очень чувствительной ко всѣмъ движеніямъ капиталистическаго рынка. Повышеніе вексельнаго дисконта, сокращеніе кредита, уменьшеніе цифръ ввоза и вывоза—все это ведетъ къ банкротствамъ и безработицѣ, причемъ крахъ въ одномъ мѣстѣ влечетъ за собой ломку въ другихъ мѣстахъ. Мужику тоже, конечно, не станетъ легче отъ войны. Помѣщики заработаютъ, конечно, отчасти на казенныхъ поставкахъ хлѣба, но и на нихъ долженъ отразиться общій промышленный кризисъ.

Правительство, чтобы добыть хотя нѣсколько денегъ на военные расходы, пріостанавливаетъ работы по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Въ бюджетѣ на этотъ счетъ предполагалось 200 милліоновъ рублей—почти цѣликомъ на дороги, постройка которыхъ уже близится къ концу. Этотъ внезапный перерывъ работъ, съ которыми связаны желѣзодѣлательное,

машинное и еще много другихъ отраслей производства, не преминетъ усилить и расширить промышленный кризисъ.

Кромѣ того правительство стало сокращать платежи золотомъ и выпустило на 50 милліоновъ бумажныхъ денегъ. И вотъ изъ Манчжуріи уже сообщаютъ, что курсъ рубля упалъ. Но 50 милліоновъ это только капля въ морѣ. Съ горечью вспоминаютъ времена, когда бумажекъ можно было выпускать (такъ какъ обязательнаго размѣна на золото не существовало), сколько угодно. Волей или неволей, съ золотой валютой придется распроститься. Рубль упадетъ до марки или франка. Послѣдствіемъ будетъ подъемъ цѣнъ товаровъ, слѣдовательно, еще большая нужда въ деньгахъ. Кредитъ окончательно упадетъ, заграничная торговля прекратится, промышленная дѣятельность всей страны будетъ совершенно парализована. Мужицкая Россія могла кое-какъ существовать и при безпорядочной монетной системѣ. Но введеніе золотой валюты стало необходимостью съ развитіемъ фабричнаго производства, интернаціональной торговли и финансовыхъ связей Россіи. Назадъ пути отрѣзаны. Уничтоженіе обязательнаго размѣна на золото равносильно объявленію финансоваго банкротства.

Разстройство войска, административныя неурядицы и хищничество, безденежье, финансовое банктротство, промышленный кризисъ — все это не можетъ не отразиться на военныхъ дѣйствіяхъ русской арміи. А новыя пораженія или даже только продолжительное отступленіе, доказывающее слабость, не только умножатъ и усилятъ военное, административное, экономическое разстройство государства, деморализуютъ армію, нагонятъ страхъ на общество и приведутъ въ негодованіе народъ, они, кромѣ того, приведутъ къ новымъ политическимъ осложненіямъ. Заявленіе англійскаго правительства въ палатѣ общинъ, что до Тибета никому нѣтъ дѣла кромѣ Англіи, ясно показываетъ направленіе его политики въ Средней Азіи. Тибетскій Лама до сихъ поръ еще твердо убѣжденъ въ могуществѣ самодержавія и не вѣритъ сообщеніямъ о пораженіи русскаго флота. Въ концѣ концовъ факты убѣдятъ и его, и тогда отношеніе его къ Россіи настолько же радикально измѣнится, насколько теперь безгранично его довѣріе къ самодержавію. Азіаты не хуже европейцевъ понимаютъ, что въ политикѣ все сводится къ силѣ. Чѣмъ безуспѣшнѣе для Россіи восточная война, тѣмъ агрессивнѣе станетъ политика Англія въ Тибетѣ, въ Афганистанѣ, въ Персіи, въ Малой Азіи. Германское правительство, какъ я уже упомянулъ, надѣется на русскія побѣды, чтобы обезпечить за собой провинцію Шантунгъ. Но Вильгельмъ II отнюдь не заклялся ограничить политику колоніальныхъ захватовъ Китаемъ. Германія уже создала себѣ „интересы“ въ Малой Азіи. Заодно съ Россіей

она готова дѣлить Востокъ; при ослабленіи Россіи она не прочь раздѣлить и Западъ Азіи. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. И если самодержавію ужъ очень круто придется, то не трудно вспомнить и родство съ балтійскими нѣмцами. Въ особенности, если Австрія воспользуется кризисомъ на Балканскомъ полуостровѣ, что опять-таки очень вѣроятно при неблагопріятномъ ходѣ восточной войны для Россіи, въ такомъ случаѣ Германіи можетъ показаться очень заманчивымъ компенсировать нарушенное равновѣсіе политическихъ силъ насчетъ Россіи. Вѣдь, остзейскія провинціи для Германіи—это новая Эльзасъ-Лотарингія.

Война неудержимо гонитъ впередъ къ политическому банкротству Россію. Каждый день безуспѣшной войны приводитъ къ новымъ затрудненіямъ и осложненіямъ. Каждое пораженіе русскихъ войскъ въ Восточной Азіи обостряетъ опасность войны и на Западѣ, и на Югѣ, и въ Средней Азіи. Ослабленіе военныхъ силъ въ Азіи требуетъ усиленія войскъ на европейской границѣ. Каждое новое пораженіе создаетъ новыхъ враговъ и превращаетъ „дружественный“ нейтралитетъ государствъ въ враждебный. Каждое новое пораженіе на полѣ битвы сугубо отражается на рынкѣ капиталовъ, гдѣ, покуда существуетъ капиталистическое общество, въ конечномъ счетѣ рѣшаются судьбы войнъ, и превращаетъ государственный кредитъ въ государственный долгъ, немилосердно предъявляемый биржей къ востребованію.

Выходъ изъ того позорнаго положенія, въ которое русское правительство вогнало Россію, возможенъ только при условіи ликвидаціи самодержавія. Только революція въ состояніи поднять національныя силы страны. Она создаетъ новый порядокъ и новое войско и замѣнитъ мордобойный патріотизмъ національнымъ воодушевленіемъ. Русской революціи не страшны внѣшніе враги, какъ не страшны они были Великой Французской Революціи. Судъ исторіи совершается надъ русскимъ самодержавіемъ. Оно рушится потому, что пыталось военной силой покорить себѣ не только интеллигенцію, но и всемірные законы общественнаго развитія. Военное могущество капиталистическихъ странъ явилось результатомъ экономическаго и политическаго развитія этихъ странъ. Самодержавіе хотѣло возсоздать въ Россіи военныя силы Запада, но при этомъ сохранить старый политическій порядокъ. Покуда основой экономическаго уклада Западной Европы было земледѣліе, это было возможно, несмотря на различіе общественныхъ формъ. Но положеніе измѣнилось, когда съ развитіемъ капиталистической индустріи измѣнился весь общественный и культурный укладъ Западной Европы, создалось парламентарное государство, создалась армія на основахъ всеобщей воинской повинности и военное дѣло было подвергнуто

революціонному развитію капиталистическаго производства. Самодержавіе впервые почувствовало происшедшую перемѣну въ 1812 году. Военная тактика, созданная французской революціей, дала Наполеону I возможность дойти до Москвы. Побѣдила не русская армія, а русская отсталость—бездорожье, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, да русскіе морозы. Прошло еще 40 лѣтъ политическаго развитія Европы, а въ Россіи все оставалось постарому. Противорѣчіе между русскимъ самодержавіемъ и политическими, равно какъ и экономическими требованіями военнаго развитія, соотвѣтствующаго строю капиталистическихъ странъ, привело къ катастрофѣ Крымской войны. Историческое развитіе, передъ которымъ самодержавіе закрывало глаза, отразилось на немъ страшными ударами потерянной войны. Это внушило революціонную энергію даже русскому правительству. Крымская кампанія показала, что новая военная техника требуетъ новаго человѣческаго матеріала для арміи, что крѣпостной холопъ для нея не годится. Она показала, что громадныя арміи на европейскій образецъ требуютъ также европейскихъ средствъ сообщенія, т. е. желѣзныхъ дорогъ, что для того, чтобы пользоваться такими арміями, необходимо государственное устройство, гораздо болѣе сложное, чѣмъ русская централизованная кабальная система, носящая названіе государственнаго строя; наконецъ, что войны съ капиталистическими странами требуютъ финансовыхъ средствъ, которыя могутъ быть добыты только при капиталистическомъ способѣ производства. И самодержавіе принуждено было произвести реформы во всѣхъ этихъ областяхъ.

Реформы 60-хъ годовъ были только жалкой карикатурой тѣхъ коренныхъ политическихъ преобразованій, которыя стали для Россіи исторической необходимостью. Самодержавіе не рѣшалось итти дальше: во-первыхъ, потому что оно было еще слишкомъ тѣсно связано съ крѣпостническимъ дворянствомъ, во вторыхъ, потому что еще свѣжо было въ памяти революціонное прошлое капитализма и правительство смѣшивало господство буржуазіи съ господствомъ народа, съ демократіей.

Опять прошло 40 лѣтъ. Въ Россіи развилась капиталистическая индустрія. Въ тоже время капитализмъ на Западѣ сталъ реакціоннымъ. Онъ уже не свергаетъ больше монаршихъ троновъ, а наоборотъ, заботится о централизаціи и усиленіи правительственной власти. Самодержавіе уже не боится капиталистическаго развитія, но у него явилась идея подчинить его себѣ. Оно насаждаетъ индустрію въ интересахъ фиска. Витте возвелъ это въ систему: дать капитализму широкую возможность выжимать прибавочную стоимость изъ рабочихъ, а выжатую прибавочную стоимость экспро-

пріпровать въ пользу казны. Вышло, однако, наоборотъ: не столько казна получила отъ русскихъ капиталистовъ, сколько русскіе капиталисты отъ казны, для которой западно-европейская биржа служила неизсякаемымъ золотымъ источникомъ. А такъ какъ самодержавіе игнорировало политическія условія капиталистическаго развитія и, наоборотъ, боясь новаго, выдвинувшагося на политическую арену капиталистической Европы соціально-революціоннаго класса, вмѣсто политическихъ реформъ, усиливало реакцію, то развитіе капитализма въ Россіи шло туго, медленно и безпорядочно. Создавалась индустрія, но самодержавіе мѣшало тому, чтобы создалось индустріальное государство.

И вотъ теперь опять насталъ моментъ перелома, когда исторія по отношенію къ самодержанію, не понимающему политическихъ доводовъ, употребляетъ доводы, ему доступные— военныя пораженія.

Опять какъ въ Крымскую кампанію на сцену выступаетъ противорѣчіе между военными условіями и соціальнымъ матеріаломъ русской арміи. Оказывается, что для успѣшнаго веденія современной войны наряду съ бездымнымъ порохомъ и скорострѣльными пушками не менѣе того необходимы народныя школы и политическая свобода, создающая толковаго, вдумчиваго, самостоятельнаго солдата. Опять противорѣчіе между колоссально разросшимися требованіями передвиженія войскъ, управленіе арміей и страной во время войны и административной отсталостью русскаго государства. Опять противорѣчіе между финансовыми требованіями войны и финансовыми средствами страны. Иностранными займами самодержавіе создало свою военную силу,—но, именно, потому война превращаетъ его военное могущество въ фикцію, такъ какъ страна, по своему экономическому и политическому развитію, оказывается не въ силахъ оплачивать военныхъ издержки громадной арміи, созданной на чужія средства. Европейская биржа оплачивала военныя вооруженія самодержавной Россіи—и вотъ теперь отъ европейской биржи зависитъ судьба русской арміи.

Исторія, ликвидируя самодержавіе, создала ему надлежащаго противника.

Японія въ борьбѣ противъ самодержавія, помимо своего географическаго положенія, имѣетъ еще и другія преимущества передъ капиталистическими государствами Западной Европы.

Японія, безъ исторической критики, перенесла капиталистическій строй въ свою страну. Невѣрно, однако, будто она обезьянничаетъ. Она считается со своими національными особенностями и примѣняетъ къ нимъ, какъ производство, такъ и военную технику. Но она воспринимаетъ капитализмъ,

какъ наиболѣе совершенный общественный строй. Въ отличіе отъ русскаго самодержавія, она перенесла его цѣликомъ: и экономическій, и политическій, и военный порядокъ. Перенесла сознательно, пользуясь разроставшимися государственными силами для наибольшаго насажденія капиталистической культуры. Поэтому она въ короткое время достигла громадныхъ успѣховъ и создала не только индустрію, но и дѣйствительное капиталистическое государство. Та же историческая некритичность, въ связи съ достигнутыми успѣхами, создаетъ въ ней національное воодушевленіе, подобное тому, которое характеризовало европейскую буржуазію въ ея революціонный періодъ. Отсюда вытекаетъ также воинственное настроеніе страны.

Замѣчу, кстати, что блестящіе успѣхи Японіи въ прививкѣ капитализма къ экономическимъ формамъ, ему совершенно чуждымъ, являются историческимъ доказательствомъ въ пользу того, до какой степени возможно ускорить ходъ соціальной революціи, пользуясь государственной властью. Чтобы не впасть въ слишкомъ поспѣшные выводы, не мѣшаетъ, однако же, помнить, что капиталистическая революція Японіи произошла въ средѣ мірового капитализма.

Только молодая капиталистическая страна могла рѣшиться нанести рѣшительный ударъ самодержавной Россіи—буржуазія Западной Европы, наоборотъ, полная страха, старается сохранить политическій status quo со всѣми его несовершенствами, недоконченностью, раздробленностью, національными и государственными промежуточными формами, такъ какъ боится, что нарушеніе политическаго равновѣсія Европы поведетъ къ катастрофамъ, могущимъ завершиться соціальной революціей.

Наконецъ, Японія, какъ я уже упоминалъ, въ борьбѣ противъ русской Россіи является выразителемъ мірового процесса, создающаго въ Тихомъ океанѣ новую группу капиталистическихъ странъ.

Самодержавіе, борясь за свое существованіе, борется противъ исторической необходимости; стремясь парализовать политику Японіи, оно борется противъ міровыхъ законовъ капиталистическаго развитія.

Съ одной стороны, историческій процессъ съ его законами развитія производства, общественныхъ формъ, политическаго устройства, культуры — а съ другой, самодержавіе, опирающееся на войско, дезорганизованное и безпомощное, потому что самодержавіе хотѣло устроить военное государство на европейскій манеръ, но безъ тѣхъ политическихъ формъ, которыя неизбѣжно сопутствуютъ ему въ Европѣ. Каковъ будетъ исходъ столкновенія не можетъ подлежать сомнѣнію.

Девять мѣсяцевъ войны.

Самодержавіе вступило въ періодъ своей политической агоніи. Оно страшно еще въ своихъ предсмертныхъ судорогахъ, но дни его сочтены.

Самодержавіе падетъ. Вотъ несомнѣнный результатъ войны. Война можетъ затянуться, неизвѣстенъ ея конечный исходъ, но одно несомнѣнно: она въ концѣ подкопала политическіе устои самодержавной Россіи.

Девять мѣсяцевъ тому назадъ, въ началѣ войны, я писалъ: „война неудержимо гонитъ впередъ къ политическому банкротству Россіи“. Каково же положеніе самодержавной Россіи въ настоящій моментъ, послѣ девяти мѣсяцевъ войны?

Самодержавіе начало войну въ моментъ своего наивысшаго вліянія во всемірной политикѣ. Европа боялась Россіи. Европа была настолько убѣждена въ могуществѣ самодержавной Россіи, что не могла даже допустить мысли о нападеніи на Россію, со стороны Японіи, или со стороны другого какого-либо государства. Европейскія правительства вѣрили еще въ силу Россіи даже тогда, когда уже стала очевидной ея неподготовленность къ войнѣ Но ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Война показала полную военную безпомощность Россіи. Медленно, колеблясь, волнообразными движеніями увеличивая свой скептицизмъ послѣ каждаго русскаго пораженія, но вмѣстѣ съ тамъ легко возбуждаясь и отдаваясь иллюзіямъ при каждомъ новомъ плюсѣ русской арміи, чтобы тѣмъ болѣе жестоко разочароваться при новой неудачѣ,—общественное мнѣніе Западной Европы, наконецъ, совершило рѣшительный поворотъ въ своемъ отношеніи къ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ измѣняться характеръ политическихъ отношеній державъ къ Россіи. Оказалось, что военное могущество Россіи, съ которымъ онѣ такъ считались въ своихъ политическихъ планахъ, было фикціей. Ихъ пугалъ фантомъ. Призракъ задерживалъ ихъ на пути преслѣдованія своихъ политическихъ цѣлей. Оказалось, что одна изъ величинъ, устанавливавшихъ равновѣсіе Европы и всего міра, была величиной дутой. И если эту величину исключить, со-

здается совершенно новое соотношеніе силъ. Сообразно съ этимъ видоизмѣняется политика европейскихъ державъ.

Государства, дружественныя Россіи—Германія и Франція переходятъ отъ доброжелательнаго къ осторожному нейтралитету. Нейтралитетъ съ опаской, какъ бы не втянуться самому въ борьбу. Это въ особенности ясно видно на примѣрѣ Франціи.

Правящіе круги Франціи со смѣшанными чувствами встрѣтили русско-японскую войну. Буржуазная Франція искала въ Россіи политической опоры. Это основа франко-русской дружбы. Вначалѣ предполагалось при помощи Россіи возвратить Франціи Эльзасъ-Лотарингію. Вскорѣ убѣдились, однако, что на агрессивную политику Россіи противъ Германіи нечего разсчитывать. Тогда возникла идея защиты Франціи отъ новаго нападенія со стороны Германіи. Это была фикція, такъ какъ Германіи нечего больше отвоевывать у французовъ. Произошла новая диверсія, подъ сильнымъ вліяніемъ русской дипломатіи. Франко-русскому союзу было дано направленіе противъ Англіи. Французская буржуазія стала мечтать о томъ, чтобы при помощи Россіи расширить насчетъ Англіи свои колоніальныя владѣнія и, вообще, упрочить свое колоніальное вліяніе. Но при первомъ же колоніальномъ столкновеніи Франціи съ Англіей—случай въ Фашодѣ—Россія коварно измѣнила своему союзнику, не оказавъ ему никакой поддержки. Съ тѣхъ поръ франко-русскій союзъ потерялъ свое конкретное политическое содержаніе. Остается одна общая идея, что Франція не одна, что у нея есть союзникъ, идея безъ реальнаго политическаго содержанія, которою націоналисты стараются раздуть потухающій огонекъ нахальнаго и въ тоже время трусливаго шовинизма буржуазіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ значеніе франко-русскаго союза во внутренней политикѣ Франціи. Вначалѣ это былъ рычагъ, при помощи котораго сбрасывали министровъ и достигали министерской власти. Потомъ этотъ союзъ сталъ мячикомъ въ игрѣ парламентскихъ партій при выборахъ. Къ тому же времени насталъ торговый кризисъ въ Россіи который обрушился сильными потерями на французскихъ владѣльцахъ русскихъ цѣнностей. При такихъ условіяхъ разразилась русско-японская война. Франція ждала русскихъ побѣдъ. Эти побѣды раскрыли бы передъ ней перспективы расширенія своихъ колоніальныхъ владѣній. Цѣль, для которой при случаѣ можно было бы даже кой чѣмъ рискнуть. Побѣды русскаго оружія подняли бы воинственный духъ Франціи, и гордая своимъ могучимъ „союзникомъ“ шовинистическая буржуазія могла бы вовлечь страну въ военныя авантюры. Эту опасность предвидѣли французскія соціалистическія партіи, которыя поэтому съ самаго начала войны и дѣлали

агитацію противъ вмѣшательства Франціи, причемъ радикальное крыло ихъ— гэдисты и бланкисты, заявили, что на объявленіе войны со стороны французскаго правительства они отвѣтятъ возстаніемъ рабочихъ. Но дѣло приняло совершенно другой оборотъ. Съ каждымъ ударомъ, наносимымъ русской арміи японцами, падали шансы французскаго шовинизма и трезвенное настроеніе все больше охватывало умы. И вотъ результатъ: могучій союзникъ, на котораго французская буржуазія надѣялась, оказался самъ безпомощенъ. Франко-русскій союзъ, вмѣсто того, чтобы обезпечить безопасность страны, грозитъ ей міровой войной. Милліардами, отданными взаймы русскому правительству, французская нація только достигла того, что теперь она же оказывается обязанной проливать свою кровь за русское самодержавіе. Франко-русскій договоръ, недавно еще вздувавшій національныя чувства французской буржуазіи, повисъ теперь камнемъ на ея шеѣ. Она теперь охотно избавилась бы отъ него, если-бы была возможность. Это неосуществимо. Но что вполнѣ возможно, это—въ критическомъ случаѣ подъ какимъ нибудь предлогомъ уклониться отъ исполненія договора. Такъ оно и будетъ. Чѣмъ затруднительнѣе положеніе русскаго правительства, тѣмъ меньше оно можетъ разсчитывать на поддержку Франціи. Примѣръ на лицо! Въ первые дни столкновенія изъ за потопленныхъ Рождественскимъ рыбачьихъ лодокъ, когда казалось Англія готова была открыть противъ Россіи военныя дѣйствія. французская печать рѣшительно стала на сторону Англіи. Она заговорила объ общихъ интересахъ европейскихъ державъ въ защитѣ мирнаго торговаго мореходства, о томъ что нужно добиться гарантій, дѣлающихъ повтореніе такихъ случаевъ невозможнымъ и т. п. Когда же острый кризисъ прошелъ, французскія газеты сразу перемѣнили тонъ, стали подыскивать аргументы въ пользу ополоумѣвшихъ отъ страха русскихъ адмираловъ и полемизировать противъ англійскихъ газетъ. Связь ясна: Франція поддерживаетъ Россію только до тѣхъ поръ, пока это ни къ чему не обязываетъ, но въ моментъ опасности ея сочувствіе Россіи исчезаетъ и дружественный нейтралитетъ грозитъ даже превратиться въ явно враждебный.

Германская буржуазія связана очень значительными торговыми интересами съ Россіей. Этимъ въ значительной степени опредѣляется ея дружественный нейтралитетъ. Нѣмецкимъ фабрикантамъ и купцамъ, теряющимъ сильные убытки отъ войны и сопряженнаго съ ней торговаго застоя въ Россіи, разумѣется хотѣлось бы русскихъ побѣдъ и скорѣйшаго завершенія войны. Но, именно, потому, что часть нѣмецкой буржуазіи матеріально заинтересована въ успѣхахъ русскаго оружія, она, учитывая русскія

пораженія, пропитывается раздраженіемъ противъ русскихъ политическихъ порядковъ, сдѣлавшихъ возможной эту несчастную войну. Недовѣріе къ русскому правительству растетъ въ Германіи. Идея политическаго переустройства Россіи, какъ слѣдствія неудачной войны, здѣсь очень популярна. Это заставляетъ германскую буржуазію держаться на сторожѣ.

Германское правительство, которое вначалѣ старалось подслужиться Россіи въ надеждѣ на ея военные успѣхи, пока что воспользовалось ея затруднительнымъ положеніемъ при заключеніи новыхъ торговыхъ договоровъ. Повидимому ему удалось заставить русское правительство согласиться на возвышенныя хлѣбныя пошлины.

Распространенъ слухъ, будто нѣмецкое правительство съ своей стороны обѣщало устроить Россіи значительный заемъ въ Германіи. Конференціи Витте съ нѣмецкимъ банкиромъ Мендельсономъ, аудіенція того же Мендельсона у императора показываютъ во всякомъ случаѣ, что со стороны русскаго правительства прилагаются большія усилія, чтобы достать денегъ въ Германіи. Однако, банкиры, очевидно, требуютъ особыхъ, чрезвычайныхъ гарантій и дѣло подвигается очень туго. Но если бы даже заемъ былъ обезпеченъ, то достаточно характерно уже то обстоятельство, что русскому правительству пришлось поступиться интересами хлѣбнаго вывоза Россіи, чтобы добиться этого займа.

Курсъ русскихъ государственныхъ бумагъ палъ. Онъ палъ, несмотря на отчаянную биржевую игру русскаго министерства финансовъ, которое систематически снабжаетъ иностранные банки средствами для спекуляціи на повышеніе и тратитъ десятки милліоновъ на скупку русскихъ фондовъ. Курсъ палъ, несмотря даже на то, что положеніе денежнаго рынка чрезвычайно благопріятно для государственнаго кредита. Темпъ роста индустріи все еще очень умѣренный, въ силу этого въ банкахъ накопляются большіе запасы денегъ. Въ такое время биржа гонится за государственными займами и при подпискѣ на сто марокъ, требуемыхъ правительствомъ, предлагаетъ нѣсколько тысячъ. Тѣмъ болѣе знаменательно, что русскому правительству только съ трудомъ, послѣ долгихъ хлопотъ удалось заключить свой военный заемъ во Франціи, на условіяхъ чрезвычайно неблагопріятныхъ. Оно этимъ обезцѣнило всѣ русскіе фонды, сдѣлало возвратъ къ прежнему уровню курса невозможнымъ и, такимъ образомъ, само подорвало свой кредитъ. Въ 1904 году русская 4% рента стояла приблизительно на одинаковомъ уровнѣ съ итальянской также 4 процентной: курсъ итальянской ренты колебался между 103—104, русскій курсъ былъ 100—101; въ 1905 г. курсъ русской 4% ренты 89—91, а итальянская рента осталась

безъ измѣненія; обезцѣненіе русскихъ государственныхъ бумагъ достигаетъ, слѣдовательно, десяти процентовъ. Если распредѣлить это на весь русскій государственный долгъ, то окажется, что кредиторы русскаго правительства уже потерпѣли убытокъ, почти что въ полтора милліарда марокъ. Конечно, убытокъ этотъ остается только на бумагѣ, покуда владѣлецъ русскихъ государственныхъ долговыхъ обязательствъ ихъ сохраняетъ въ своей кассѣ. Отсюда возникаетъ интересъ биржи удержать русскій курсъ отъ паденія. Потери при продажѣ русскихъ бумагъ уже сейчасъ очень велики, всякій знаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что, если всѣ начнутъ продавать, то паденію курса не будетъ удержу—поэтому, владѣльцы русскихъ государственныхъ облигацій сохраняютъ ихъ, скрѣпя сердце, въ портфелѣ.

Паденіе курса русскихъ фондовъ задерживается не изъ расчета на повышеніе, а изъ боязни ихъ окончательно обезцѣнить. Охраняющимъ ихъ факторомъ является не довѣріе къ устойчивости русскихъ финансовъ, а, наоборотъ, опасеніе довести государство до банкротства, которое, разумѣется, прежде всего отразится на владѣльцахъ русскихъ государственныхъ долговыхъ обязательствъ. Создается глухое напряженіе. Биржа робко прислушивается къ военнымъ событіямъ и съ озлобленной настойчивостью требуетъ отъ русскаго правительства побѣдъ. Быть можетъ, будущій историкъ, на основаніи документовъ, теперь публикѣ недоступныхъ, покажетъ, что давленіе со стороны биржи было одной изъ главныхъ причинъ, заставившихъ генерала Куропаткина перейти въ наступленіе. Биржа привѣтствовала этотъ моментъ, какъ новую эру. Вышло опять наоборотъ. Курсъ все еще удалось удержать, но основы его равновѣсія все болѣе подтачиваются—а когда онъ снова пошатнется, то падетъ гораздо глубже и сильнѣе, чѣмъ до сихъ поръ.

Невозможно предсказать, когда настанетъ этотъ моментъ. Это зависитъ отъ хода военныхъ событій, отъ политики и отъ финансовыхъ оборотовъ русскаго правительства, а съ другой стороны отъ общаго состоянія денежнаго рынка. Но раньше или позже, переломъ неминуемъ, и можно съ увѣренностью сказать, что дальнѣйшее сильное паденіе русскихъ фондовъ весьма разрушительно отразится на всѣхъ биржевыхъ операціяхъ: оно повлечетъ за собой паденіе всѣхъ другихъ биржевыхъ цѣнностей, русскихъ какъ и иностранныхъ. Уже первое паденіе курса русскихъ бумагъ вначалѣ войны оказало сильное давленіе на биржу. Пострадаютъ банки, имѣющіе въ собственномъ портфелѣ или подъ залогъ русскія бумаги. Это, конечно, повлечетъ за собой новыя осложненія. Фондъ русскаго государственнаго банка заграницей, предназначенный для биржевой спекуляціи

на повышеніе, будетъ сорванъ. Врядъ ли удастся удержать золотой обмѣнъ русскихъ кредитныхъ билетовъ. Summa summarum, разразится одинъ изъ самыхъ страшныхъ денежныхъ кризисовъ.

Перспективы эти, разумѣются, не въ состояніи расположить европейскую буржуазію въ пользу русскаго правительства. Она еще не можетъ предвидѣть всѣхъ послѣдствій, но чувствуетъ, что, если война будетъ дальше умножать только русскія пораженія, это должно и на Европѣ отразиться разными бѣдами политическаго и финансоваго характера. Недовѣріе къ русскому правительству растетъ. Измѣняется сама точка зрѣнія при обсужденіи русскихъ дѣлъ. Скептицизмъ окрашиваетъ все въ новый цвѣтъ. То, что раньше казалось грозной силой, становится вздорнымъ хвастовствомъ, мужество кажется нелѣпымъ упрямствомъ, храбрость — безуміемъ, и если раньше малодушіе прикрывалось мантіей разсудительности, то теперь благоразуміе заподазрпвается въ трусости. Озлобленіе, недоброжелательное отношеніе беретъ верхъ. И на мѣсто могущества Россіи въ политическіе планы европейской буржуазіи все больше начинаетъ входить идея разложенія Россіи. При англо-русскомъ столкновеніи германская буржуазія высказалась такъ же двусмысленно, какъ и французская. Въ острую фазу конфликта германская пресса хлестко нападала на Россію, но какъ только стало ясно, что англійскія угрозы можно, пока что, не брать въ серьезъ, буржуазныя нѣмецкія газеты вдругъ вспомнили свою роль безпристрастнаго наблюдателя и стали осуждать направо и налѣво — и русскихъ морскихъ офицеровъ и англійское правительство. Такъ какъ Германія не связана оборонительнымъ договоромъ съ Россіей, то политика эта, повидимому, была обусловлена желаніемъ вовлечь Англію въ войну съ Россіей. Но если въ русско-японской войнѣ Германія очень опредѣленно поставила свою карту на сторону Россіи, то въ англо-русской войнѣ она могла бы разсчитывать только на то, что война эта, пошатнувъ значительно могущество Англіи, раздробитъ окончательно силу самодержавной Россіи. Это означаетъ уже расчетъ на то, чтобы явиться торжествующимъ наслѣдникомъ какъ Англіи, такъ и разбитой на голову Россіи.

Россія оказывается политически изолированной. Ея дружественный договоръ съ Франціей сохраняетъ еще только формальное значеніе. Показавъ свое безсиліе, она потеряла своихъ союзниковъ. Еще нѣсколько шаговъ, еще болѣе сильное паденіе, и ея друзья соединятся съ ея врагами. В то же время враги ея переходятъ къ наступательной политикѣ.

Англійская экспедиція въ Тибетъ была вызовомъ Россіи. Англійское правительство, отправляя экспедицію, сочло нужнымъ тутъ же заявить: „до

Тибета никому, кромѣ Англіи дѣла нѣтъ". Открытая цѣль экспедиціи была показать Далай Ламѣ, что ему нечего ждать помощи отъ русскаго императора. И задача эта была превосходно выполнена. Англичане достигли Ліассы, и надежды тибетскихъ монаховъ на вмѣшательство Россіи оказались столь же тщетными, какъ и надежды благочестиваго тибетскаго народа на то, что попамъ и чернокнижникамъ удастся двинуть противъ англичанъ адскія или небесныя силы. Договоръ, продиктованный англичанами тибетскому правительству, помимо улаженія спорныхъ пунктовъ, которые служили только поводомъ, но не причиной военной кампаніи, очень ясно и опредѣленно ставитъ всѣ сношенія Тибета съ другими державами, а это значитъ, по существу, его сношенія съ Россіей, подъ контроль Англіи и въ полную зависимость отъ ея воли. На эту политическую оплеуху русское правительство не могло отвѣтить ничѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ офиціозныхъ статей въ „Новомъ Времени", полныхъ безсильной брюжжащей злобы.

Еще смѣлѣе Англія выступила въ своемъ конфликтѣ съ Россіей изъ-за знаменитой бомбардировки рыбачьихъ лодокъ.

Англія нисколько не думала довести дѣло до войны, это теперь очевидно. тѣмъ не менѣе, она дѣлала видъ, что откроетъ немедленно военныя дѣйствія. Такъ поступаютъ только по отношенію къ противнику, относительно котораго увѣрены, что онъ никоимъ образомъ не можетъ рѣшиться на борьбу и, слѣдовательно, долженъ будетъ отступить. И Англія съ успѣхомъ провела эту политику.

Мобилизація англійскаго флота внѣ всякаго сомнѣнія нагнала сильный страхъ на русское правительство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Англія могла убѣдиться, что въ случаѣ войны съ Россіей ей нечего бояться вмѣшательства другихъ державъ. Политическій экспериментъ оказался очень удачнымъ. На этомъ Англія пока остановилась. Но, разумѣется, по мѣрѣ роста военныхъ неудачъ русскаго правительства она не замедлитъ пойти дальше.

До войны русское правительство во всемъ мірѣ вело наступательную политику. Война заставила его принять оборонительное положеніе. Теперь его противники переходятъ къ наступленію. Скоро начнутъ его повсюду вытѣснять и закрывать ему путь, какъ въ Тибетѣ. Скажется это и въ Персіи, и въ Малой Азіи, и на Балканскомъ полуостровѣ.

А между тѣмъ, война все болѣе и болѣе истощаетъ силы Россіи. Заключить миръ? На это русское правительство рѣшиться не можетъ. Это значило бы официально признать свое безсиліе. Если бы даже удалось заключить теперь миръ на тѣхъ условіяхъ, которыя Японія ставила до войны, то все же русское правительство попало бы въ чрезвычайно пла-

чевное положеніе. Вытѣснивъ побѣдоносной войной Россію изъ Манчжуріи, Японія теперь, конечно, и въ Кореѣ и въ Китаѣ повела бы гораздо болѣе агрессивную политику, чѣмъ до войны. Но миръ въ настоящій моментъ на старыхъ условіяхъ прямо немыслимъ. Японія неминуемо потребуетъ сдачи Портъ Ар ура. Согласиться на это, для русскаго правительства равносильно признанію своего политическаго банкротства. Поэтому оно употребляетъ всѣ усилія, чтобы вести дальше войну, надѣясь, въ концѣ-концовъ сломать военную энергію Японіи.

Однако, ближайшія военныя перспективы русскаго правительства съ достовѣрностью показываютъ только одно — паденіе Портъ-Артура. Хотя судьба крѣпости давно рѣшена, тѣмъ не менѣе, капитуляція ея произведетъ потрясающее впечатлѣніе и въ мірѣ политики и въ мірѣ финансовъ. Завоевавъ Портъ-Артуръ. Японія достигаетъ главной политической цѣли своего похода.

Политическая карта войны мѣняется, воюющія стороны обмѣниваются своими ролями: только что Японія съ неимовѣрными усиліями старалась завоевать русскую крѣпость, а тутъ, наоборотъ, Россіи придется отвоевывать у Японіи Портъ-Артуръ. Политическій престижъ Японіи, конечно, сильно подымается, подымается патріотическое воодушевленіе и въ странѣ и въ войскѣ. Помимо всего прочаго, освободятся нѣсколько тысячъ солдатъ, которыми Японія сумѣетъ подкрѣпить свою манчжурскую армію и освободится ея военный флотъ.

Допустимъ, хотя на это мало вѣроятія, что во всемъ остальномъ ходъ военныхъ событій сложится благопріятно для русскаго правительства. Чего-же можно ожидать въ лучшемъ случаѣ? О наступательной зимней кампаніи уже никто не думаетъ. Это дѣло рѣшенное. Въ настоящій моментъ похваляются уже однимъ тѣмъ, что удалось армію зарыть въ землянки и этимъ защитить ее и отъ холода, и отъ японскихъ ядеръ. Самое большее, слѣдовательно, можно расчитывать на то, что Куропаткину удастся удержаться на своей позиціи всю зиму. Каково будетъ состояніе арміи къ веснѣ? Она уже сейчасъ деморализована, удручающе повліяетъ на нее паденіе Портъ-Артура, мѣсяцы бездѣйствія должны парализовать ея энергію, а отъ манчжурскихъ морозовъ и мятелей при ужасныхъ жизненныхъ условіяхъ, да еще при непорядкахъ русскаго интендантства, армія пострадаетъ не меньше, чѣмъ она страдала до сихъ поръ отъ японскихъ пуль и гранатъ. За зиму будутъ присланы подкрѣпленія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительная часть арміи, изъѣденная и изболѣвшаяся, не будетъ пригодна къ походу и должна будетъ быть отослана на родину. Принимая, къ тому-

же, во вниманіе незначительную провозоспособность Сибирской желѣзной дороги, врядъ-ли можно расчитывать на значительное усиленіе численнаго состава русской манчжурской арміи къ веснѣ. Итакъ, переждавъ весенніе разливы, Куропаткинъ двинется въ наступленіе. Конечно, зима и на японскую армію повліяетъ неблагопріятно. Однако, она по многимъ причинамъ находится въ лучшемъ положеніи. Духъ ея болѣе бодрый, по всѣмъ даннымъ она и одеждой и пищей лучше обезпечена, японское интендантство работаетъ исправно, да и условія у нея лучшія въ виду болѣе близкихъ и хорошихъ путей сообщенія, соединяющихъ армію со страной. Численный составъ японской арміи увеличится, благодаря освобожденію осадной арміи у Портъ-Артура и присылкѣ еще отнюдь не истощившихся японскихъ резервовъ. Соотношеніе силъ къ началу лѣтней кампаніи, поэтому, будетъ такое же, какъ теперь. Допустимъ, что Куропаткину на этотъ разъ все же удастся одолѣть японцевъ, то и въ этомъ случаѣ рѣчь можетъ, конечно, итти только объ ихъ постепенномъ отступленіи. Разбить современную армію на-голову въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, сломить окончательно ея силу противодѣйствія — нельзя. Именно, японско-русская война сдѣлала это болѣе всего очевиднымъ. Итакъ, въ лучшемъ случаѣ японцевъ будутъ оттѣснять шагъ за шагомъ, какъ до сихъ поръ они оттѣсняли русскую армію. Но русской наступающей арміи при этомъ придется гораздо тяжелѣе, чѣмъ приходилось японцамъ. Уже по одному тому, что страна раззорена и придется итти по мѣстамъ, которыя русская армія сама при своемъ отступленіи опустошила. Затѣмъ, какъ извѣстно, японцы до сихъ поръ шагу не дѣлали впередъ, не укрѣпивши предварительно завоеванной позиціи,—слѣдовательно, придется ихъ выбивать шагъ за шагомъ изъ укрѣпленныхъ мѣстъ. При этомъ русская армія все больше будетъ отдаляться отъ своей главной операціонной базы, а японская приближаться къ своей. Преимущества болѣе короткаго, удобнаго и скораго сообщенія съ страной, такъ выгодно сказывавшіяся при японскомъ наступленіи, конечно, не меньше помогутъ имъ при отступленіи. Въ виду всего этого, Куропаткину, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, понадобится не меньше времени, чтобы оттѣснить японцевъ къ р. Ялу, чѣмъ японцамъ понадобилось, чтобы отъ р. Ялу достигнуть Мукдена. Итакъ, если Куропаткинъ къ зимѣ 1905—1906 года окажется у Портъ-Артура, то это будетъ самымъ блестящимъ военнымъ успѣхомъ, какого только можно ожидать. Тогда только онъ будетъ стоять передъ задачей — завоевать Портъ-Артуръ. Японцы къ тому времени возстановятъ разрушенныя ими укрѣпленія, а если-бы это имъ и не вполнѣ удалось, то они зато будутъ

имѣть передъ теперешними защитниками крѣпости громадное преимущество свободнаго морского сношенія, ибо отъ балтійскаго флота можно ждать чего угодно, но только не того, чтобы онъ уничтожилъ японскій военный флотъ и послѣ этого еще былъ въ состояніи блокировать военную гавань. Осада затянется, и къ веснѣ 1906 года можно будетъ серьезно расчитывать на заключеніе мира. Разумѣется, военныя прогулки по японскимъ островамъ, уничтоженіе государственной силы Японіи и т. п. все это только нелѣпый бредъ разгоряченнаго воображенія нашихъ квасныхъ патріотовъ. Въ лучшемъ случаѣ, миръ будетъ заключенъ на основаніи истощенія силъ обѣихъ сторонъ на какой-нибудь средней линіи. Дѣлается это обыкновенно насчетъ кого-нибудь третьяго. Третьяго недолго искать. Японія получитъ Корею, а Россія удержитъ Манчжурію и Портъ-Артуръ.

Таково дальнѣйшее теченіе и таковъ исходъ войны для Россіи при невѣроятно благопріятныхъ условіяхъ. Каковъ же политическій результатъ? Возстановлено положеніе, какимъ оно было до войны, но только Россія стала другая и политическія соотношенія державъ измѣнились. Россія потеряла свой военный флотъ, истощила армію, нажила себѣ пару новыхъ милліардовъ долгу, подорвала свой кредитъ, раззорила страну, должна была, чтобы концентрировать всѣ свои силы на войну съ Японіей, поступиться своими интересами передъ державами, которыя, какъ мы видѣли, уже сейчасъ готовятся воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи и не преминутъ это сдѣлать, разъ война затянется. Вмѣстѣ съ тѣмъ, политическій конфликтъ въ Восточной Азіи не разрѣшенъ, развязка его только отсрочена, и покончивъ съ войной, Россія должна немедленно начать готовиться къ войнѣ. Итакъ, война, даже при самомъ благопріятномъ ея исходѣ, истощитъ силы самодержавной Россіи и поставитъ ее передъ задачами, исполненіе которыхъ уже сейчасъ ей не подъ силу.

Но почти немыслимо, чтобы ходъ военныхъ событій вдругъ радикально измѣнилъ свой характеръ. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что японцы будутъ малодушно выжидать за своими окопами цѣлую зиму, пока Куропаткинъ сочтетъ для себя выгоднымъ повести на нихъ свои войска. Наоборотъ, весь опытъ настоящей войны говоритъ за то, что они даже въ ближайшемъ будущемъ перейдутъ къ наступленію. А если не сейчасъ, то навѣрное послѣ паденія Портъ-Артура. И вотъ представимъ себѣ, что имъ удастся выбить Куропаткина изъ его позиціи, какъ это имъ удавалось до сихъ поръ. Тогда судьба кампаніи рѣшена: русской арміи придется оставить Мукденъ и отступить къ Харбину. Собрать новую рус-

скую армію, способную дать отпоръ японцамъ, можно будетъ только еще въ Харбинѣ. Отступающая-же русская армія сумѣетъ, пожалуй, сраженіями по пути, при страшныхъ потеряхъ съ своей стороны, задержать на время наступательное движеніе японцевъ, но остановить его она, потерявъ ближайшее генеральное сраженіе, уже, навѣрное, не будетъ въ состояніи. Отбросивъ русскую армію въ горные хребты Южной Манчжуріи и овладѣвъ этой частью Манчжурской желѣзной дороги, японцы могутъ остановиться. Они, разумѣется, не думаютъ о томъ, чтобы завоевать Сибирь и пойти на Москву. Сомнительно, чтобы для нихъ имѣло смыслъ слѣдовать за русскимъ войскомъ дальше Харбина. Взятіе Харбина, который, благодаря исходящимъ отъ него развѣтвленіямъ Манчжурской желѣзной дороги является стратегическимъ ключемъ къ Портъ-Артуру и къ Владивостоку, для нихъ имѣетъ большое, но, отнюдь, не рѣшающее значеніе. Они позаботятся о томъ, чтобы укрѣпить горные проходы; разъ это имъ удастся, они могутъ въ пройденной ими западной части Южной Манчжуріи ограничиться обороной, а наступательное движеніе перенести къ Владивостокской вѣтви Манджурской желѣзной дороги. Вторая часть ихъ главной стратегической задачи, а именно: овладѣніе горной Манчжуріей, которая, будучи снабжена крѣпостями, дѣлаетъ Китай и Корею для Россіи недоступными, доставитъ имъ гораздо меньше трудностей, чѣмъ первая. Эта вторая часть должна завершиться паденіемъ Владивостока. Тутъ уже нечего будетъ заботиться о томъ, чтобы отвоевать обратно Портъ-Аргуръ,—достаточно будетъ работы, чтобы защитить Владивостокъ. Посланный на морскія авантюры балтійскій флотъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, только ухудшитъ это отчаянное положеніе. Очень сомнительно—дойдетъ-ли онъ цѣликомъ до японскихъ водъ. Совершенно непонятно, какъ онъ будетъ вести военную кампанію, не имѣя операціонной базы—военной гавани, куда онъ могъ-бы укрыться въ случаѣ пораженія, гдѣ онъ могъ-бы возобновить свой запасъ угля, продовольствія, военныхъ снарядовъ. Рѣшеніе послать на Дальній Востокъ балтійскій флотъ было принято, когда еще Портъ-Артуръ стоялъ прочно и въ гавани его стоялъ значительный военный флотъ. Тогда это рѣшеніе имѣло смыслъ. Конечно, Владивостокъ еще въ русскихъ рукахъ. Но пройти во Владивостокъ мимо японскихъ береговъ русской эскадрѣ еще труднѣе, чѣмъ попасть неповрежденной въ Желтое море. Ей придется по пути выдержать генеральное сраженіе, а разъ она въ немъ будетъ побита, ей ничего другого не останется, какъ разсѣяться по нейтральнымъ гаванямъ и дать себя разоружить.

Паденіе Портъ-Артура, новое пораженіе манчжурской арміи, отступленіе.

къ Харбину, разгромъ балтійскаго флота, осада, наконецъ, паденіе Владивостока, оттѣсненіе Россіи, игнорированіе ея въ интернаціональной политикѣ, въ связи со всѣмъ этимъ—окончательное паденіе русскаго кредита, паника на биржѣ, банкротство русскаго государственнаго банка, крушеніе золотой валюты, обезцѣненіе русскихъ кредитныхъ билетовъ, денежный и торговый кризисъ, возмущеніе и враждебное настроеніе капиталистической Европы, въ связи съ давнишней ненавистью европейскихъ народовъ, которые, по исторической традиціи, видятъ въ русскомъ самодержавіи своего собственнаго врага, полная безцѣльность дальнѣйшаго веденія войны и, въ силу этого, позорный миръ съ Японіей — вотъ перспективы, которыя въ настоящій моментъ открываются передъ русскимъ самодержавіемъ.

„Война началась изъ-за Манчжуріи и Кореи, она уже теперь перешла къ спору о гегемоніи въ Восточной Азіи, она разростается въ вопросъ о міровомъ положеніи самодержавной Россіи и завершится перемѣщеніемъ политическаго равновѣсія всего міра“. Когда эти слова были написаны, они многимъ еще казались рискованнымъ, спекулятивнымъ предположеніемъ,—теперь это на глазахъ у всѣхъ стало политическимъ фактомъ. Судьбы Манчжуріи отошли далеко въ сторону, не въ нихъ теперь дѣло, на очереди стоитъ вопросъ: останется-ли Россія въ средѣ „великихъ державъ“, или она пойдетъ по пути Турціи.

Полная неудача Россіи является результатомъ ея политическаго неустройства. Поэтому, самодержавіе, потерявъ войну, можетъ только привести страну къ дальнѣйшему паденію.

Въ началѣ самодержавной Россіи боялись. Потерявъ страхъ, перестали прислушиваться къ ея голосу. Затѣмъ съ ней больше уже не будутъ считаться. Станутъ распоряжаться безъ нея и безъ нея передѣлаютъ карту міра. А затѣмъ начнутъ добираться и до ея собственныхъ владѣній и будутъ отдѣлять отъ нея кусокъ за кускомъ. И то, что еще въ началѣ кажется невѣроятнымъ и чудовищнымъ—идеи, въ родѣ присоединенія остзейскихъ провинцій къ Германіи, Финляндіи къ Швеціи, Королевства Польскаго къ Австріи, Бессарабіи къ Румыніи и т. п.,—по мѣрѣ политическаго упадка самодержавной Россіи изъ утопіи превратится въ реальную политику государствъ.

Нужно такое государственное переустройство, которое дало-бы Россіи новый притокъ военныхъ, финансовыхъ и политическихъ силъ. Это сознано теперь всѣми, не исключая и русскаго правительства. Къ этому привела война.

Самодержавіе и реформы.

Русское правительство согласно на реформы, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ боится реформъ. Оно хотѣло-бы провести государственныя преобразованія такъ, чтобы сохранить всю власть въ своихъ рукахъ, но оно боится, что, начавъ реформировать, оно откроетъ брешь напору общественныхъ силъ, передъ которымъ не сумѣетъ удержаться на своей высотѣ. Оно не рѣшается на реформы, потому что боится революціи. Хотя сознаніе необходимости реформъ въ немъ вызвано войной, русское правительство, именно, всего больше опасается начать серьезныя преобразованія въ моментъ войны, когда войско отвлечено въ сторону, государственныя силы напряжены до послѣдней крайности, а народное возбужденіе растетъ, подзадориваемое военными неудачами. Оно, поэтому, хотѣло-бы переждать войну, или, по крайней мѣрѣ, дождаться побѣдъ, не нарушая общаго теченія государственной жизни. Втайнѣ оно еще до недавняго времени надѣялось на то, что, можетъ быть, все еще позернется по иному, японцы будутъ на голову разбиты, страхи окажутся отлетѣвшими, и можно будетъ все повести по старому, на зло врагамъ—внѣшнимъ и внутреннимъ.

Результатомъ этой двойственности должна явиться политика колебаній, политика помпнутнаго политическаго взнуздыванія и разнуздыванія. Пока что правительство не рѣшилось назначить на мѣсто казненнаго террористами Плеве реакціоннаго министра. Святополкъ-Мирскій со своимъ жандармскимъ либерализмомъ оказался лицомъ, соотвѣтствующимъ моменту. Но уже медоточивыя земскія слезницы, посыпавшіяся въ отвѣтъ на ничего незначущія любезности министра по адресу „общества“, начинаютъ безпокоить правительство. Готовясь проводить „реформы“ сверху, оно все-же приходитъ въ лихорадочный трепетъ и разражается нетерпѣливымъ гнѣвомъ, когда, не то чтобы требованія, но тишайшія пожеланія хотя-бы тѣхъ же реформъ раздаются „снизу“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у русскаго правительства нѣтъ и не можетъ быть

ясной программы государственныхъ реформъ. Оно стоитъ передъ задачами, которыя оно, по всему своему политическому положенію и по своей исторической традиціи, не въ состояніи понять. Въ этомъ отношеніи положеніе дѣлъ послѣ Крымской кампаніи было гораздо проще. Тогда ясно было, что помѣщичья крѣпостная Россія отжила свой вѣкъ и нужно завести новый порядокъ на западно-европейскій образецъ. Нужно построить желѣзныя дороги, нужно развить торговлю, нужны фабрики и банки, нужно поэтому раскрѣпостить крестьянъ, чтобы создать свободныхъ работниковъ, и, въ связи съ этимъ всѣмъ, нужно поставить администрацію и судъ внѣ сословной зависимости. А теперь что? Развитіе индустріи? Государственное значеніе развитія капиталистической индустріи русское правительство давно поняло, оно ему и не противится, наоборотъ, оно его — по своему — всячески поощряетъ. Русское правительство знаетъ, что либеральная доктрина связываетъ развитіе индустріи съ парламентаризмомъ и политической свободой. Но вотъ этого, именно, оно не въ состояніи понять.

Русское правительство въ состояніи понять значеніе мѣстнаго самоуправленія. Оно знаетъ, что если земствамъ дать больше свободы, они понастроятъ больницъ, школъ и позаботятся объ улучшеніи мѣстныхъ путей сообщенія. Но чтобы это вело къ расширенію политической и финансовой силы государства, оно не можетъ себѣ представить. Наоборотъ, оно видитъ въ умноженіи земскихъ расходовъ, которые, конечно, должны оплатиться налогами съ населенія, только истощеніе податныхъ силъ, нужныхъ ему самому для потребностей центральнаго управленія, для выполненія общихъ государственныхъ задачъ.

Русское правительство понимаетъ значеніе грамотности для солдата, но оно не можетъ себѣ представить, какимъ образомъ народныя школы могутъ въ значительной мѣрѣ повліять на экономическое развитіе страны, и потому для военныхъ цѣлей готово ограничиться реформой рекрутскихъ школъ грамотности.

Можно доказать правительству пользу высшаго образованія, въ особенности, если центръ тяжести положить на техническія школы. Правительство, внѣ всякаго сомнѣнія, тратило-бы больше средствъ на университеты и дало-бы имъ больше свободы, если-бы они не были разсадниками революціонной интеллигенціи.

Почему это такъ, правительство постичь не можетъ. Одно время оно серьезно думало, что во всемъ евреи виноваты. Однако, несмотря на то, что число евреевъ въ нихъ сведено на ничтожный процентъ, связь русскихъ университетовъ съ революціоннымъ движеніемъ не прекратилась, а,

наоборотъ, расширилась. Остается только еще „тлетворное вліяніе революціонныхъ идей Запада“. Но это не объясненіе, а тавтологія, потому что рѣчь идетъ, именно, о томъ, почему эти идеи, несмотря на всѣ полицейскія преслѣдованія, захватываютъ одно поколѣніе русской интеллигенціи за другимъ. Это для самодержавія тайна подъ семью замками. Чтобы разгадать ее, оно должно не только убѣдиться въ своей политической непригодности, но понять то коренное значеніе политической свободы, которое не входитъ въ кругъ его политическихъ понятій. Поэтому его отношеніе къ университетской молодежи, а отсюда, къ высшему образованію, измѣнится только тогда, когда оно перестанетъ существовать. До того тактика отеческихъ увѣщаній будетъ итти рука объ руку съ тактикой жандармскихъ взысканій, и гнетъ надъ университетами будетъ то сгущаться, то разряжаться, ни на одинъ моментъ не удовлетворяя и безпрерывно раздражая.

Центральный пунктъ либерализма — парламентъ. Русское правительство способно воспринять идею парламентаризма въ смыслѣ общественнаго контроля надъ чиновниками. Эта идея ему даже симпатична. Но оно чувствуетъ, что суть не въ этомъ. Онъ не можетъ себѣ представить, чтобы уничтоженіе взяточничества и чиновничьяго произвола именно и было тѣмъ кореннымъ преобразованіемъ государственнаго порядка, которое должно обновить Россію, спасти ее отъ гибели и привести къ могуществу. И оно право: уничтоженіе взяточничества и бюрократическаго произвола не есть основа коренныхъ политическихъ преобразованій, а только явится ихъ результатомъ. Русское самодержавіе выказываетъ въ данномъ случаѣ большую политическую проницательность, чѣмъ русскій либерализмъ, который свою борьбу за парламентарный порядокъ сводитъ къ борьбѣ противъ бюрократіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство знаетъ, что по части выколачиванія податей никто не можетъ сравниться съ чиновничествомъ, и оно не понимаетъ, какимъ образомъ парламентъ сумѣетъ увеличить государственные доходы послѣ того, какъ оно само уже обобрало всѣ податные объекты и нажимало податныя струны такъ, что онѣ отказывались служить. Тутъ же оно наталкивается на вопросъ о бюджетѣ.

Отдать государственный бюджетъ въ распоряженіе парламента, съ точки зрѣнія русскаго правительства, должно казаться политической нелѣпостью. Поставивъ доходы и расходы страны въ зависимость отъ парламентской баллотировки, оно дѣлаетъ отъ нея зависимыми судьбы государства и связываетъ себя по рукамъ и ногамъ. Это для русскаго правительства равносильно политическому самоубійству. Но уже даже контроль и обсужденіе

государственнаго бюджета въ парламентѣ доставили-бы правительству непосильныя хлопоты, ставили-бы ему на каждомъ шагу затрудненія и служили-бы неистощимымъ источникомъ противоправительственной агитаціи, охватывающей всѣ стороны и входящіе во всѣ мелочи государственной жизни. Русское правительство стоитъ передъ вопросомъ: для какой политической цѣли осложнять и затруднять, такимъ образомъ, свою государственную дѣятельность? Этого оно до тѣхъ поръ не пойметъ, покуда кредитъ его на европейской биржѣ не пзсякнетъ. Пока европейская биржа довѣряетъ безконтрольному русскому правительству милліарды, оно считаетъ излишнимъ поставить свои финансы подъ контроль русскаго парламента.

Если бы оно даже понимало политическое значеніе этой мѣры, русское правительство уже по той причинѣ не можетъ согласиться поставить государственный бюджетъ подъ контроль парламента, что этотъ послѣдній долженъ былъ бы начать свой контроль съ разоблаченія тѣхъ плутней и мошенническихъ продѣлокъ, которыми до сихъ поръ только и удавалось прикрывать хронической государственный дефицитъ. Прежде чѣмъ заняться упорядоченіемъ русскихъ финансовъ, россійскій парламентъ будетъ стоять передъ трудной задачей ликвидаціи многосложнаго и, до нельзя, запутаннаго государственнаго хозяйства самодержавія. Суть тутъ не въ отдѣльныхъ хищеніяхъ, которыя будутъ раскрыты, а въ томъ, что будетъ обнаружена недостаточная финансовая база всего государственнаго бюджета самодержавной Россіи. Русское правительство боится, не безъ основанія, что это окончательно погубитъ его европейскій кредитъ.

Но парламентъ безъ бюджетнаго права лишенъ всякаго политическаго значенія.

Русское правительство, по всему своему политическому характеру, не въ состояніи провести серьезныя государственныя реформы въ странѣ— въ силу этого оно не можетъ также допустить политической свободы— свободы печати, сходокъ и т. д., — ибо оно этимъ, разумѣется, только дало бы просторъ агитаціи и организаціи политическихъ силъ, направленныхъ противъ него.

За всѣмъ тѣмъ русское правительство видитъ на примѣрѣ Западной Европы, что парламентаризмъ и политическая свобода ведутъ къ партійной борьбѣ, затрудняющей политику правительства, а главное, къ организаціи рабочаго класса, грозящей опасностью всему государственному и общественному строю.

Отъ русскаго правительства нельзя ждать, чтобы оно провело въ

странѣ, хотя-бы на манеръ Японіи, парламентарный режимъ. Японія ввела у себя государственный порядокъ капитализма заодно съ экономическимъ преобразованіемъ страны на капиталистическій манеръ. Правительство Микадо явилось инціаторомъ и въ томъ, и другомъ направленіи и потому сохранило политическое руководство за собой. Ему нечего бояться политической оппозиціи капиталистическаго класса, который оно само создало и выразителемъ интересовъ котораго оно добровольно является. Опасность ему только еще грозитъ со стороны пролетаріата. Въ Россіи этотъ моментъ пропущенъ. Онъ былъ въ 60-хъ годахъ. Вмѣсто того, чтобы остановиться на полпути, Александръ II долженъ былъ-бы ввести въ Россіи конституціонный порядокъ. Онъ могъ-бы это сдѣлать. Онъ бы при этомъ натолкнулся только на оппозицію тѣхъ-же крѣпостниковъ. Но насколько сильно было ихъ личное вліяніе на царя, настолько же эти элементы были политически безсильны, такъ какъ съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права изъ-подъ ихъ ногъ была вырвана почва, на которой единственно держалась ихъ сила. Что соціальное развитіе Россіи при такихъ условіяхъ приняло-бы гораздо болѣе широкій и сильный размахъ, мы видимъ, именно, на примѣрѣ Японіи, которая, съ своей стороны, только сознательно повторила опытъ Западной Европы. Результатомъ этого соціальнаго развитія былъ-бы ростъ политической силы Россіи, а этотъ ростъ политической силы шелъ бы къ увеличенію престижа русскаго правительства и далъ бы ему возможность удовлетворить самые честолюбивые планы своей міровой политики. Вмѣсто этого русское правительство стало поперекъ политическому и соціальному развитію страны. Вмѣсто силы, оно ее, поэтому, привело къ безсилію. Дойдя до такого неожиданнаго результата своей политики, русское правительство не прочь измѣнить ея характеръ. Но политическія реформы въ его глазахъ только имѣютъ смыслъ, если онѣ въ состояніи непосредственно обновить политическія силы страны и безпомощность превратить въ могущество, т. е. оно хотѣло бы, заднимъ числомъ, учесть то, что должно было-бы явиться результатомъ многолѣтняго развитія, если бы реформы были введены въ Россіи заблаговременно, если-бы, при условіяхъ парламентаризма, мѣстнаго самоуправленія и политической свободы, политическій строй и государственное хозяйство Россіи еще 40 лѣтъ тому назадъ получила-бы прочную основу и возможность нормальнаго роста, культурное развитіе населенія не задерживалось-бы, а шло-бы впередъ, личная инициатива и формы коллективной дѣятельности въ областяхъ политики, какъ и въ областяхъ промышленности, науки и искусства, получили бы широкій просторъ, на-

ціональныя силы были бы разбужены и подняты, и въ связи со всѣмъ этимъ развивалась бы индустрія, разрослись бы города, поднялось бы сельское хозяйство. Но гдѣ-же взять результаты свободнаго политическаго развитія страны, когда этого развитія не было? Вмѣсто этого мы имѣемъ результаты самодержаваго хозяйничанья, сознательнаго стремленія самодержавія путемъ насилія, наперекоръ экономическому развитію, удержать политическое развитіе страны не то что на промежуточной, а на искусственной, недодѣланной, состоящей изъ однихъ обломковъ политической формѣ, оторванной отъ прошлаго и не связанной съ будущимъ. Ликвидируя старый порядокъ, русскому правительству приходится ликвидировать самого себя.

Вотъ почему русское правительство на пути реформъ будетъ попадать во все новыя и новыя противорѣчія. Результатомъ этого должна явиться шаткость его политики. Амплитуда этихъ качаній очень коротка, но тѣмъ больше ихъ скорость. Вмѣсто гарантій свободы—цензорское попустительство, готовое каждоминутно превратиться въ жандармскій кулакъ. Вмѣсто народныхъ представителей,—съѣздъ земскихъ предсѣдателей, которымъ правительство зажимаетъ ротъ еще раньше, чѣмъ они его раскрыли. Сегодня полиціймейстеръ разсыпается въ любезностяхъ предъ студентами, завтра казацкая нагайка гуляетъ по ихъ спинамъ. И такъ, безъ конца. Ни одного серьезнаго шага впередъ. Ибо на пути политическихъ реформъ правительство не имѣетъ исходнаго пункта, не имѣетъ политической директивы, теряетъ почву подъ ногами.

А между тѣмъ подъ ударами войны политическое, финансовое, экономическое положеніе страны все болѣе и болѣе ухудшается. Вмѣстѣ съ тѣмъ все труднѣе и сложнѣе становится задача политической реорганизаціи Россіи, возстановленія упавшихъ силъ государства. Тѣмъ радикальнѣе долженъ быть государственный переворотъ, чтобы достигнуть этого результата. До войны, когда русское правительство стояло на зенитѣ своего могущества, оно могло еще, пожалуй, провести постепенный переходъ къ парламентарному порядку. Война создала новую ситуацію. Теперь парламентъ нуженъ для того, чтобы, на мѣсто обезсиленнаго правительства, создать новую силу. Парламентъ можетъ сдѣлать это только тогда, если сумѣетъ вызвать въ странѣ національное возбужденіе. Для этого онъ долженъ пользоваться авторитетомъ. Для этого онъ долженъ имѣть права и политическое значеніе. И чѣмъ болѣе широка и глубока будетъ его политическая работа, тѣмъ скорѣе онъ возстановитъ государственныя силы страны.

Чѣмъ дольше правительство задерживаетъ реформы, тѣмъ большимъ оно должно будетъ поступаться при политической реорганизаціи страны.

но, чувствуя, что требованія къ нему становятся все больше, правительство все дольше задерживаетъ реформы. Но война показала, что при самодержавіи Россія существовать не можетъ. Поэтому, самодержавіе закрывая путь реформъ, гонитъ страну, подъ страхомъ уничтоженія ея могущества, на путь революціи.

А на помощь революціонной тактикѣ правительства работаетъ война со своими революціонными событіями. Война агитируетъ фактами. Она уже создала въ Россіи такое возбужденіе умовъ, какого не достичь никакой революціонной пропагандой даже при полной политической свободѣ.

Вначалѣ войны—патріотическое воодушевленіе. Оно было поверхностное и дѣланое, но правительство само его раздувало. И оно само же испугалось своей агитаціи. Ибо раздутый ею патріотическій интересъ къ войнѣ начиналъ захватывать болѣе широкіе круги, а тутъ ему грозила опасность превратиться въ общій политическій интересъ. На смѣну патріотическимъ демонстраціямъ пошла патріотическая пресса. Сотнями тысячъ стали распространяться газетные листки, усиленно накачивавшіе въ массы военный патріотизмъ. Но такъ какъ война не побѣды дала, а пораженія, то результатъ газетной пропаганды получился совершенно неожиданный: не патріотическое возбужденіе, а народное возмущеніе. А вѣдь эта пропаганда велась изо-дня въ день и захватывала милліоны народу. Подъ давленіемъ фактовъ пришлось дать газетамъ большую свободу давать правдивыя свѣдѣнія о военныхъ событіяхъ и обсуждать ихъ. Нельзя было иначе, ибо публика совершенно извѣрилась въ официальныя сообщенія и представляла себѣ положеніе вещей еще болѣе въ мрачныхъ краскахъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Война подняла вообще политическіе интересы массъ, она стала политическимъ фокусомъ общественной жизни страны.

Армія подъ огнемъ непріятеля. Десятки тысячъ падаютъ жертвами войны. Полмилліона людей вырваны изъ клѣтушекъ жизненныхъ буденъ, разъединявшихъ ихъ, дробившихъ ихъ на ничтожныя, робкія существованьица, и поставлены предъ лицомъ смерти. Офицеры и солдаты покончили свои личныя связи съ жизнью. Нужна общая идея, которая-бы воодушевила эти массы; нужны побѣды, которыя поднимали-бы въ нихъ вѣру въ свои силы и увлекали впередъ перспективой новыхъ удачъ. Но вмѣсто побѣдъ—позорныя, удручающія пораженія, вмѣсто воодушевляющей идеи—политическій кошмаръ безразсудной войны. И мѣсяцъ проходитъ за мѣсяцемъ. Растутъ лишенія и трудности военной кампаніи, растутъ неудачи. Мужество, подвиги личной храбрости, величайшее геройство—все пропадаетъ даромъ. Раздраженіе растетъ въ арміи. Разбуженная политическая

мысль ищетъ себѣ пищи. Отчаяніе, созданное положеніемъ, придаетъ ей смѣлости. Армія настраивается противъ правительства, армія заражается революціонными идеями, армія готова отпасть отъ правительства.

Экономическія послѣдствія войны не заставили себя ждать. Кризисъ. Банкротства предпринимателей, безработица рабочихъ. Возбужденіе растетъ.

А тутъ призывъ резервистовъ. На каждаго—нѣсколько человѣкъ родныхъ и знакомыхъ, которые принимаютъ живѣйшее участіе въ его судьбѣ. Такимъ образомъ, уже сейчасъ затронуты милліоны.

При призывѣ резервистовъ правительство держалось тактики брать по небольшому числу изъ возможно большаго числа мѣстъ. Разсчетъ былъ тотъ, чтобы отвлеченіемъ рабочихъ рукъ не слишкомъ повліять на хозяйство. Такимъ образомъ, по всей Россіи, чуть-ли не въ каждой глухой деревушкѣ создался болѣе близкій интересъ къ военнымъ событіямъ. Но вотъ уже начался обратный потокъ съ войны на родину. Раненые, изувѣченные, больные возвращаются домой. Въ какомъ видѣ, всѣмъ извѣстно. Все это ожесточенно и озлобленно. И вотъ правительство, разсылая ихъ по домамъ, по всей странѣ разсылаетъ революціонныхъ агитаторовъ. Потокъ этотъ только-что начался, и нѣтъ ему конца. Онъ будетъ длиться столько-же, сколько и война, еще годъ или полтора, и завершится тѣмъ, что, по окончаніи войны, сразу вся армія, нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, отхлынетъ обратно, чтобы всей массой завершить работу революціонной агитаціи.

И пораженіе слѣдуетъ за пораженьемъ, кризисъ за кризисомъ, русское правительство теряетъ флотъ, теряетъ армію, теряетъ свое политическое вліяніе, теряетъ свой кредитъ на биржѣ,—сумѣетъ-ли оно еще удержать свою политическую власть въ Россіи? Отвѣтъ на это намъ долженъ дать анализъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ Россіи. Я началъ свои статьи анализомъ міровыхъ связей капиталистическаго развитія странъ и политики государствъ, которыя привели къ настоящей войнѣ и должны привести къ паденію самодержавія. Это объективный историческій процессъ. На почвѣ созданныхъ имъ соотношеній вступаютъ въ дѣйствіе субъективные факторы исторіи: политика правительствъ и борьба партій.

Политика русскаго правительства, какъ мы только что видѣли, ведетъ къ результату, совершенно обратному той цѣли, которую правительство себѣ сознательно ставитъ. Это явленіе, часто повторяющееся въ исторіи. Исторія часто водила за носъ тѣхъ, кто думалъ ее взнуздать.

Какъ это ни кажется парадоксальнымъ, но приходится, пожалуй, прійти къ заключенію, что наиболѣе выдающимся субъективнымъ факторомъ исторіи яв-

ляется не политическая мудрость, а политическая глупость. Люди никогда не умѣли вполнѣ использовать тѣ соціальныя условія, которыя они сами создали. Имъ постоянно кажется, что они забѣгаютъ впередъ, а на самомъ дѣлѣ они отстаютъ отъ объективнаго историческаго процесса. Капиталистическій порядокъ въ Европѣ давно стоитъ поперекъ пути ея экономическаго, политическаго и культурнаго развитія. Онъ держится только еще потому, что народныя массы еще недостаточно прониклись сознаньемъ трагичности своего положенія, политическая энергія пролетаріата недостаточно концентрирована, соціалистическимъ партіямъ не достаетъ рѣшимости и отваги. Мыслимо такое развитіе, что дальнѣйшее существованіе капиталистическаго строя станетъ политической виной соціалдемократіи.

Нельзя сочинять событія. Но можно ихъ задерживать. Противъ этого работаетъ революціонная мысль. Она борется противъ реакціи, противъ политической глупости, противъ всякой половинчатости, трусости, нерѣшительности, которыя тормозятъ ходъ историческаго развитія. Она не является самостоятельнымъ историческимъ факторомъ, но она очищаетъ путь исторіи. Такимъ образомъ, она ускоряетъ событія.

Матеріалистическое пониманіе исторіи отвергаетъ историческій фатализмъ, который винитъ исторію за ошибки политиковъ, позади каждой политической нелѣпости ищетъ міровыхъ законовъ, оно отвергаетъ также и историческій субъективизмъ политикановъ, которые воображаютъ, что дѣлаютъ исторію, и вмѣстѣ съ тѣмъ пребываютъ въ постоянномъ страхѣ, какъ бы исторія не ушла отъ нихъ. Политиканъ—въ вѣчныхъ хлопотахъ какъ бы измыслить какое-нибудь особое политическое средство, какую-нибудь особую политическую комбинацію, которыя сразу разрѣшили бы всѣ политическія затрудненія. Напримѣръ, если соціализмъ связать съ идеаломъ купечества, революціонизмъ скрестить съ земскимъ либерализмомъ, крестьянскую программу смѣшать съ помѣщичьими интересами, если все это взвалить на общество, а подъ общество подвести рабочихъ, если крестьяне начнутъ сжигать помѣщичьи амбары, а помѣщики будутъ распространять среди крестьянъ революціонные листки и если къ тому-же имѣть про запасъ динамитную бомбу,—то нельзя-ли, такимъ образомъ, заставить русское правительство подарить народу конституцію? Это политическая алхимія, которая доходитъ до нелѣпости, потому что добивается невозможнаго: она хочетъ, выдвинутую исторіей, борьбу классовъ для спеціальной цѣли борьбы съ самодержавіемъ превратить въ содѣйствіе классовъ.

Вмѣсто спекуляціи о томъ, какого можно было-бы достичь политическаго эффекта, если-бы соединить всѣ партіи и политическія теченія на

борьбу противъ самодержавія, гораздо важнѣе сдѣлать подсчетъ политическихъ силъ Россіи и опредѣлить ходъ ея политическаго развитія при условіи антагонизма партій, существующаго на самомъ дѣлѣ и неизбѣжнаго при классовой борьбѣ, которая не знаетъ перерывовъ и остановокъ: она развилась при самодержавіи, скажется при сверженіи его и продолжится послѣ его паденія.

Необходимо изслѣдовать идеологію, складывающихся въ Россіи политическихъ партій, и раскрыть тѣ классовые интересы, которые стоятъ за ними, и тотъ путь политическаго развитія, на который ихъ толкаютъ эти интересы. На основаніи добытыхъ такимъ путемъ данныхъ можно будетъ выяснить, какъ рабочему классу въ Россіи всего лучше воспользоваться въ своихъ интересахъ борьбой стоящихъ внѣ его политическихъ теченій противъ самодержавія и между собой изъ-за политической власти. Но и это только еще часть историческихъ перспективъ, раскрывающихся передъ нами. Мировой процессъ капиталистическаго развитія ведетъ къ политическому перевороту въ Россіи—этотъ переворотъ не можетъ не отразиться на политическомъ развитіи капиталистическихъ странъ всего міра. Русская революція потрясетъ капиталистическій міръ въ его политическихъ основахъ, а русскій пролетаріатъ можетъ сыграть роль авангарда соціальной революціи. Слѣдуя за политической борьбой пролетаріата въ Россіи мы придемъ къ міровымъ перспективамъ интернаціональнаго соціализма.

Что даетъ намъ 9-ое января.

Кровавое Воскресенье 9/22 января открываетъ новую эру въ историческихъ судьбахъ Россіи. Россія вступила въ революціонный періодъ своего развитія. Происходитъ ломка стараго порядка, быстро складываются новыя политическія формаціи. Только что идейная пропаганда революціи упреждала событія и казалась поэтому утопичной—теперь событія революціонизируютъ умы, а выработка революціонной тактики не поспѣваетъ за революціоннымъ развитіемъ. Революція гонитъ впередъ политическую мысль. Втеченіе нѣсколькихъ революціонныхъ дней общественное мнѣніе въ Россіи совершило болѣе основательную критику правительственной власти, уяснило свое отношеніе къ формѣ правленія болѣе, чѣмъ это было бы достигнуто годами развитія даже при существованіи парламентарнаго порядка въ странѣ. Отброшена въ сторону идея реформъ сверху. Съ ней заодно пала вѣра въ народную миссію самодержавія...

Революція накладываетъ свою печать на всѣ политическія теченія и воззрѣнія и образуетъ, такимъ образомъ, объединяющій ферментъ оппозиціи. Различіе партій на моментъ скрывается передъ ихъ общей революціонной задачей. Вмѣстѣ съ тѣмъ революція гонитъ идеологію либерализма до ея послѣднихъ политическихъ крайностей. Либеральныя партіи кажутся самимъ себѣ радикальнѣе, чѣмъ каковы онѣ на самомъ дѣлѣ, обѣщаютъ больше и даже ставятъ себѣ большія задачи, чѣмъ могутъ исполнить при помощи тѣхъ общественныхъ слосвъ, на которые онѣ опираются. Революція сдвигаетъ всѣ оппозиціонныя партіи влѣво. приближаетъ ихъ другъ къ другу и объединяетъ революціонной идеей.

Революція уясняетъ политическій переворотъ, но смѣшиваетъ политическія партіи. Этотъ историческій законъ не преминулъ проявиться и въ настоящую революціонную эпоху въ Россіи, гдѣ ему къ тому же благопріятствуютъ нѣкоторыя особенности политическаго развитія страны.

Въ Россіи еще не произошло и не могло произойти яснаго распредѣленія политическихъ силъ. Произвести эту классификацію политическихъ силъ общества и противопоставить ихъ другъ другу по ихъ особеннымъ экономическимъ интересамъ, именно, и есть одна изъ историческихъ задачъ парламентаризма. Подъ идеологической формулой народнаго правленія парламентаризмъ привлекаетъ всѣ слои общества къ борьбѣ за политическую власть. Въ этой борьбѣ, которая узаконена и урегулирована, и опредѣляется взаимное политическое отношеніе классовъ и происходитъ учетъ ихъ силъ. Въ Россіи политическія направленія до сихъ поръ—за исключеніемъ классовой борьбы пролетаріата и соціалдемократіи, о чемъ рѣчь впереди—развивались въ эфирныхъ областяхъ идеологіи и ищутъ еще только связи съ народомъ или „обществомъ“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. съ буржуазіей. Это туманныя, безформенныя, летучія массы, которыхъ политическое дуновеніе относитъ то туда, то сюда, легко разрываетъ на части и легко опять сгущаетъ. Ихъ политика момента можетъ находиться въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ ихъ политическимъ развитіемъ, поскольку оно опредѣляется тѣмъ общественнымъ слоемъ, на который онѣ преимущественно опираются. Такъ, напримѣръ, русское земство, въ настоящій моментъ главная опора либерализма въ Россіи, готовитъ для парламентарной Россіи аграрную партію съ рѣзкими консервативными тенденціями. Абсолютизмъ не давалъ политическаго хода борьбѣ аграріевъ съ индустріальнымъ капиталомъ. Въ результатѣ онъ сдѣлалъ своими врагами и тѣхъ и другихъ.

Невозможность дать борьбѣ аграрной Россіи, противъ надвигающагося капитализма, политическое выраженіе, между прочимъ, усилила литературную критику индустріальнаго капитализма; послѣдняя, однако, въ виду классового раздѣленія въ самой аграрной средѣ и подъ вліяніемъ культурнаго развитія Западной Европы, наконецъ, по имманентному закону развитія всякой революціонной критики приняла демократическій характеръ и въ конечномъ своемъ результатѣ, поскольку она не привела къ рабочему соціализму, развившемуся внѣ Россіи, завершилась толстовскимъ ученіемъ, которое не находя культурнаго союза внѣ капитализма, отрицаетъ культуру вообще, т. е. собственное идеалистическое фіаско возводитъ въ историческій принципъ. Идеи этой литературной фантасмагоріи, въ причудливыхъ, подчасъ яркихъ краскахъ смѣшивающей художественный рефлексъ жизни съ иллюзіями визіонеровъ, а живое стремленіе къ развитію съ романтикой отжившей старины, перепутались съ политической идеологіей и тѣмъ болѣе замаскировали классовую подоплеку политическихъ интересовъ. Эта смѣсь

беллетристики съ политикой въ формѣ народничества разлилась по всѣмъ партіямъ, при чемъ, опять таки абстрагируясь отъ соціалдемократіи, беллетристика тѣмъ болѣе преобладаетъ, чѣмъ политически радикальнѣе направленіе.

Политическій радикализмъ въ Западной Европѣ, какъ извѣстно, опирался, преимущественно, на мелкую буржуазію. Это были ремесленники и вообще вся та часть буржуазіи, которая была подхвачена индустріальнымъ развитіемъ, но въ то же время оттерта классомъ капиталистовъ. Не надо забывать, что ремесленники въ Западной Европѣ создали города, что города при ихъ политическомъ господствѣ достигли значительнаго расцвѣта, что мастера наложили свою печать на нѣсколько столѣтій европейской культуры. Правда, ко времени введенія парламентарнаго режима могущество мастеровъ давно было стерто, но политическое значеніе имѣлъ уже самый фактъ существованія многочисленныхъ городовъ, и численное господство въ нихъ средняго сословія, оспариваемое лишь развивающимся пролетаріатомъ. По мѣрѣ того, какъ эти общественныя силы растворялись въ классовыхъ противорѣчіяхъ капитализма, передъ демократическими партіями вставала задача: либо пристать къ рабочимъ и стать соціалистическими, либо пристать къ капиталистической буржуазіи и стать реакціонными. Въ Россіи, въ докапиталистическій періодъ города развивались болѣе по китайскому, чѣмъ по европейскому образцу. Это были административные центры, носившіе чисто чиновничій характеръ безъ малѣйшаго политическаго значенія, а въ экономическомъ отношеніи торговые базары для окружающей ихъ помѣщичьей и крестьянской среды. Развитіе ихъ было еще очень незначительно, когда оно было пріостановлено капиталистическимъ процессомъ, который сталъ создавать большіе города на свой образецъ, т. е. фабричные города и центры міровой торговли. Въ результатѣ получилось то, что въ Россіи есть капиталистическая буржуазія, но нѣтъ буржуазіи промежуточной, изъ которой возродилась и на которой держалась политическая демократія Западной Европы. Средніе слои современной капиталистической буржуазіи въ Россіи, какъ во всей Европѣ, состоятъ изъ такъ, называемыхъ, либеральныхъ профессій, врачей, адвокатовъ, литераторовъ etc., изъ общественныхъ слоевъ, стоящихъ внѣ производственныхъ отношеній, а затѣмъ изъ техническаго и торговаго персонала капиталистической индустріи и коммерціи и примыкающихъ къ нимъ отраслей промышленности, вродѣ страховыхъ обществъ, банковъ и т. п. Эти разношерстные элементы не могутъ имѣть своей классовой программы, въ силу чего ихъ политическія симпатіи и антипатіи безпрерывно колеблются между

революціонностью пролетаріата и капиталистическимъ консерватизмомъ. Въ Россіи къ нимъ еще нужно прибавить элементъ разночинцевъ — классовые и сословные отбросы дореформенной Россіи, которыхъ еще не успѣлъ поглотить капиталистическій процессъ развитія.

На этомъ городскомъ населеніи, не прошедшемъ исторической школы среднихъ вѣковъ Западной Европы, безъ экономической связи, безъ традицій въ прошломъ и безъ идеала въ будущемъ, приходится основываться политическому радикализму въ Россіи. Неудивительно, что онъ ищетъ еще другихъ основъ. Однимъ своимъ концомъ онъ примыкаетъ къ крестьянству. Тутъ всего больше сказывается беллетристическій характеръ русскаго народничества, которое замѣняетъ классовую политическую программу литературнымъ апоѳеозомъ труда и нужды. Другимъ своимъ концомъ политическій радикализмъ въ Россіи старается опереться на фабричныхъ рабочихъ.

При такихъ условіяхъ русская революція производитъ свою работу сближенія и объединенія противоправительственныхъ теченій. Въ этомъ объединеніи разнородныхъ элементовъ—сила революціи до переворота, но въ этомъ-же—ея слабость послѣ переворота. Съ сверженіемъ правительства, противъ котораго была направлена общая борьба, проявляется разность и противоположность интересовъ политическихъ теченій, связанныхъ революціей, революціонная армія дезорганизуется и распадается на враждующія другъ съ другомъ части. Такова была до сихъ поръ историческая судьба всѣхъ революцій при классовомъ раздѣленіи общества, а другихъ политическихъ революцій не можетъ быть.

Мы знаемъ, что эта внутренняя борьба уже въ революціи 48 года была такъ сильна, что совершенно парализовала политическую силу революціи и сдѣлала возможными реакцію и контръ-революцію, что она во Франціи закончилась кровавой расправой буржуазіи съ рабочими, съ которыми заодно буржуазія только что вела революціонную борьбу.

Капиталистическая буржуазія въ Россіи послѣ сверженія самодержавія не менѣе быстро отдѣлится отъ пролетаріата, чѣмъ въ 48 году въ Западной Европѣ, но процессъ революціоннаго переворота затянется. Это опредѣляется сложностью политическихъ задачъ, которыя приходится разрѣшить революціи, такъ какъ рѣчь идетъ не просто объ измѣненіи политическаго режима, а о созданіи впервые государственной организаціи, охватывающей всю многосложную жизнь современной индустріальной страны, на мѣсто той фискально-полицейской системы, до которой единственно доразвилось самодержавіе;—опредѣляется, далѣе, запутанностью аграрныхъ отношеній въ Россіи и уже, характеризованной выше, недостаточной офор-

мленностью и соціальной безсвязностью внѣпролетарскихъ политическихъ теченій страны.

Каковы—же, при этихъ объективныхъ условіяхъ развитія революціи въ Россіи, задачи соціалдемократической партіи?

Соціалдемократія должна имѣть въ виду не только сверженіе самодержавія, этотъ исходный пунктъ революціи, но и все ея дальнѣйшее развитіе.

Она не можетъ пріурочить свою тактику къ одному политическому моменту, она должна готовиться къ продолжительному революціонному развитію.

Она должна готовить политическую силу, способную не только свергнуть самодержавіе, но и стать во главѣ революціоннаго развитія.

Этой силой въ ея рукахъ можетъ быть только организованный, какъ особый классъ, пролетаріатъ.

Ведя пролетаріатъ въ центрѣ и во главѣ революціоннаго движенія всего народа и общества, соціалдемократія должна его въ то же время готовить къ гражданской войнѣ, которая послѣдуетъ за сверженіемъ самодержавія—къ нападенію со стороны аграрнаго и буржуазнаго либерализма, къ предательству со стороны политическихъ радикаловъ и демократовъ.

Рабочій классъ долженъ знать, что революція и паденіе самодержавія отнюдь еще не покрываютъ другъ друга, что, для того чтобы провести революціонный переворотъ, приходится бороться сначала противъ самодержавія, а потомъ противъ буржуазіи.

Еще важнѣе, чѣмъ сознаніе пролетаріатомъ своей политической обособленности, самостоятельность его организаціи, его фактическое отдѣленіе отъ всѣхъ другихъ политическихъ направленій. Намъ говорятъ о необходимости стянуть въ одно всѣ революціонныя силы страны, но намъ важнѣе забота о томъ, чтобы не раздробить революціонной энергіи пролетаріата.

Слѣдовательно, обособленность организаціи и политики пролетаріата необходима не только въ интересахъ классовой борьбы, которая никогда не прекращается, ни до революціи, ни во время ея, ни послѣ нея, но и въ интересахъ самого революціоннаго переворота.

Опять таки это не должно означать политической отчужденности пролетаріата, игнорированія политической борьбы другихъ партій.

Необходимо брать политическое положеніе во всей его сложности, а не упрощать его, чтобы облегчить разрѣшеніе тактическихъ вопросовъ. Легко сказать: съ либералами, или противъ либераловъ! Это очень просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень одностороннее и потому ложное разрѣшеніе вопроса. Нужно пользоваться всѣми революціонными и оппозиціонными теченіями, но

нужно вмѣстѣ съ тѣмъ умѣть сохранить свою политическую самостоятельность. Для простоты это, на случай совмѣстной борьбы съ случайными союзниками, можно свести къ нѣсколькимъ пунктамъ:

1) Не смѣшивать организацій. Врозь итти, но вмѣстѣ бить.

2) Не поступаться своими политическими требованіями.

3) Не скрывать разности интересовъ.

4) Слѣдить за своимъ союзникомъ, какъ за своимъ врагомъ.

5) Заботиться больше о томъ, чтобы использовать ситуацію, созданную борьбой, чѣмъ о томъ, чтобы сохранить союзника.

Итакъ, прежде всего организовать революціонные кадры пролетаріата. Эту силу употребить на устраненіе политическаго балласта революціи. Я понимаю подъ этимъ вліяніе тѣхъ общественныхъ слоевъ и политическихъ партій, которые, идя за одно съ пролетаріатомъ до сверженія самодержавія, послѣ сверженія своей явной враждебностью, политической половинчатостью или нерѣшительностью затягиваютъ, ослабляютъ и искажаютъ политическій переворотъ. Толкать впередъ всѣ направленія политической демократіи и радикализма.

Гнать демократовъ впередъ значитъ критиковать ихъ. Однако, имѣются странныя головы, которымъ кажется, что это значитъ приманивать ихъ ласковыми словами, какъ комнатную собачку сахаромъ. Демократы всегда готовы остановиться на полпути—если мы ихъ станемъ одобрять за тотъ кусокъ пути, который они прошли, то они и остановятся.

Словесная критика недостаточна, нужно политическое давленіе. А это опять-таки приводитъ насъ къ революціонной партіи пролетаріата.

Классовая борьба русскаго пролетаріата ясно опредѣлилась еще при абсолютизмѣ. То, что помѣшало развитію мелкобуржуазной демократіи, послужило на пользу классовой сознательности пролетаріата въ Россіи: слабое развитіе ремесленной формы производства. Онъ сразу оказался сконцентрированнымъ на фабрикахъ. Экономическое господство сразу предстало передъ нимъ въ своей самой совершенной формѣ капиталиста, чуждаго производству, а государственная власть въ своей самой концентрированной формѣ самодержавія, опирающагося исключительно на военную силу. Ко всему этому соціалдемократія не замедлила присовокупить историческій опытъ Запада.

Русскій пролетаріатъ показалъ, что недаромъ прошелъ эту тройную школу. Онъ сталъ твердой ногой на путь самостоятельной революціонной политики. Онъ создалъ русскую революцію, онъ объединилъ вокругъ себя и народъ и общество, но не растворилъ своихъ собственныхъ классовыхъ

интересовъ въ общемъ революціонномъ движеніи, онъ выставилъ политическую программу рабочей демократіи. Онъ требуетъ политической свободы въ интересахъ своей классовой борьбы, онъ требуетъ наряду съ гражданскими правами рабочаго законодательства.

Наша задача теперь—сдѣлать 8-часовой день такимъ-же постулатомъ революціоннаго переворота, какъ бюджетное право парламента.

Но мы не только должны придать политической программѣ революціи пролетарскій характеръ, мы уже во всякомъ случаѣ не должны отставать отъ революціоннаго хода событій.

Если мы хотимъ обособить революціонный пролетаріатъ отъ другихъ политическихъ теченій, то мы должны умѣть стоять идейно во главѣ революціоннаго движенія, быть революціоннѣе всѣхъ. Если мы отстанемъ отъ революціоннаго развитія, то пролетаріатъ, именно, благодаря своей революціонности, не будетъ захваченъ нашими организаціями и растворится въ стихійномъ процессѣ революціи.

Нужна тактика революціонной инициативы.

Первый актъ Великой Русской Революціи конченъ. Онъ поставилъ въ политическомъ центрѣ пролетаріатъ и объединилъ вокругъ него всѣ либеральные и демократическіе слои общества. Это двойной процессъ: революціонной консолидаціи пролетаріата и концентраціи вокругъ него всѣхъ оппозиціонныхъ силъ страны. Если правительство не пойдетъ на уступки, этотъ революціонный процессъ будетъ развиваться въ возрастающей прогрессіи. Пролетаріатъ все болѣе будетъ сплачиваться и все больше пропитается революціоннымъ сознаніемъ. Наше дѣло воспользоваться этимъ для его революціонной организаціи. Сумѣетъ ли либеральное общество слѣдовать за этимъ развитіемъ, или оно испугается растущей революціонной силы пролетаріата, оставляю подъ сомнѣніемъ. По всей вѣроятности, оно будетъ колебаться туда и сюда: со своими революціонными страхами обращаться къ правительству, а отъ правительственныхъ шлепковъ убѣгать къ революціонерамъ. Демократическіе элементы останутся при рабочихъ. Но мы уже сказали раньше, что они въ Россіи очень слабы. Крестьяне все большими массами будутъ вовлечены въ движеніе. Но они только въ состояніи увеличить политическую анархію въ странѣ и, такимъ образомъ, ослабить правительство, они не могутъ составить сомкнутой революціонной арміи. Съ развитіемъ революціи поэтому все большая часть политической работы выпадаетъ на долю пролетаріата. Заодно съ этимъ расширяется его политическое самосознаніе, разростается его политическая энергія.

Русскій пролетаріатъ уже сейчасъ развилъ революціонную силу, которая превосходитъ все то, что было сдѣлано другими народами во время революціонныхъ возстаній. Не было случая, чтобы народъ такими массами поднялся во всей странѣ. Съ гораздо меньшими жертвами нѣмецкій и французскій народъ завоевали себѣ свободу. Сопротивленіе русскаго правительства несравненно болѣе сильно, благодаря той военной силѣ, которой оно располагаетъ, но это противодѣйствіе должно развить только тѣмъ большую революціонную энергію пролетаріата. Когда русскій пролетаріатъ, наконецъ, свергнетъ самодержавіе, это будетъ закаленная въ революціонной борьбѣ армія, съ твердой рѣшимостью, всегда готовая поддержать силой свои политическія требованія..

Уже французскій пролетаріатъ въ 48 году заставилъ принять во временное правительство своихъ людей. Революціонное правительство не могло существовать безъ поддержки рабочихъ и поэтому разыграло комедію государственнаго попеченія о рабочихъ.

Русскіе рабочіе, которые уже сейчасъ внесли свои пролетарскія требованія въ политическую программу революціи, въ моментъ переворота будутъ гораздо болѣе сильны и выскажутъ, уже во всякомъ случаѣ, не меньше классового сознанія, чѣмъ французскіе рабочіе въ 48 году—они несомнѣнно будутъ имѣть своихъ людей въ правительствѣ. Передъ соціалдемократіей будетъ стоять дилемма: либо взять на себя отвѣтственность за временное правительство, либо стать въ сторонѣ отъ рабочаго движенія. Рабочіе будутъ считать это правительство своимъ, какъ бы ни держала себя соціалдемократія. Создавъ его революціонной борьбой и оставаясь главной революціонной силой въ странѣ, они и въ самомъ дѣлѣ больше закрѣпятъ его за собой, чѣмъ это возможно выборными листками.

Революціонный переворотъ въ Россіи могутъ совершить только рабочіе. Временное правительство въ Россіи будетъ правительствомъ рабочей демократіи. Если соціальдемократія будетъ во главѣ революціоннаго движенія русскаго пролетаріата, то это правительство будетъ соціалдемократическимъ. Если соціалдемократія по своей революціонной иниціативѣ отстанетъ отъ пролетаріата, то она будетъ превращена въ ничтожную секту.

Соціалдемократическое временное правительство не можетъ совершить въ Россіи соціалистическаго переворота, но уже самый процессъ ликвидаціи самодержавія дастъ ему благодарную почву политической работы.

Мы всѣ, боровшіеся въ Западной Европѣ противъ участія отдѣльныхъ представителей соціалдемократіи въ буржуазномъ правительствѣ, доказы-

вали это не тѣмъ, что соціалдемократическій министръ ничѣмъ кромѣ соціальной революціи не долженъ заниматься, а тѣмъ, что, оставаясь въ меньшинствѣ въ правительствѣ и безъ достаточно сильной политической поддержки въ странѣ, онъ вообще ничего не сумѣетъ сдѣлать и только будетъ служить капиталистическому правительству громоотводомъ противъ нашей критики.

Совсѣмъ иное будетъ положеніе соціалдемократическаго временнаго правительства. Это будетъ цѣлостное правительство съ соціалдемократическимъ большинствомъ, созданное въ революціонный моментъ, когда правительственная власть очень велика. За нимъ революціонная армія рабочихъ, только что совершившая политическій переворотъ, развившая при томъ безпримѣрную въ исторіи политическую энергію. И передъ этимъ правительствомъ будутъ вначалѣ политическія задачи, объединившія для революціонной борьбы весь русскій народъ. Соціалдемократическое временное правительство, конечно, эту работу совершитъ болѣе основательно, чѣмъ всякое другое.

Если же русское правительство уже въ ближайшемъ пойдетъ на уступки, то оно этимъ, конечно, отнюдь еще не разрѣшаетъ политическихъ трудностей, оно даже еще больше запутываетъ положеніе. Процессъ политическаго переустройства Россіи, который даже при революціонномъ развитіи требуетъ продолжительнаго времени, еще больше, разумѣется, затянется, разъ во главѣ государственной власти останется правительство, на каждомъ шагу ставящее новыя препятствія прогрессивному развитію; вмѣстѣ съ тѣмъ возобновится съ гораздо большей интенсивностью процессъ выработки политическихъ партій, пріостановленный революціей. Но пока изъ розоваго тумана политической идеологіи выдѣлятся политическія партіи по ихъ классовымъ интересамъ, пока эти партіи разовьются до яснаго пониманія своихъ взаимныхъ политическихъ отношеній и своего отношенія къ правительству, которое при этомъ само будетъ бросаться изъ стороны въ сторону, страна будетъ находиться въ безпрерывномъ волненіи, тѣмъ болѣе, что безпрерывно придется бороться за расширеніе политическихъ правъ и правъ парламента въ частности. Это—долгое время политическихъ смутъ, въ которыхъ послѣднимъ рѣшающимъ, хотя и не всегда пущеннымъ въ ходъ факторомъ явится сила: военная—на сторонѣ правительства, революціонная—на сторонѣ народа.

Пролетаріату, слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ предстоитъ активная политическая роль. Если онъ при этомъ сохранитъ свою политическую самостоятельность, то онъ можетъ добиться значительныхъ политическихъ успѣховъ.

Уже сейчасъ за рабочими началось усиленное ухаживаніе съ двухъ разныхъ сторонъ. Русское правительство обѣщаетъ расширеніе рабочаго законодательства, а либеральная и даже полулиберальная пресса наполнитъ свои столбцы статьями о нуждахъ рабочихъ, о рабочемъ движеніи и о соціализмѣ. И то и другое характерно, уже потому одному, что показываетъ, насколько правительство и буржуазія прониклись страхомъ и уваженіемъ передъ революціонной энергіей пролетаріата.

Тактика соціалдемократіи при этихъ условіяхъ должна вести къ тому, чтобы революціонизовать событія — расширять политическіе конфликты и стараться воспользоваться ими, чтобы свергнуть правительство и, такимъ образомъ, дать просторъ революціонному развитію.

Каково бы ни было дальнѣйшее политическое развитіе, намъ во всѣхъ случаяхъ нужно заботиться о томъ, чтобы отмежеваться отъ всѣхъ другихъ политическихъ направленій. Революція пока что стираетъ политическія различія—тѣтъ болѣе важно установить, какъ развивалась политическая тактика партій до историческаго воскресенья 9 января. Мы знаемъ какъ вяло и нерѣшительно либералы и демократы вели свою политическую борьбу, цѣликомъ пріуроченную къ давленію на правительство, чтобы провести реформы сверху; они не признавали никакихъ другихъ возможностей, не видѣли никакихъ другихъ перспективъ, а когда правительство рѣшительно отказалось считаться съ ихъ увѣщаніями, просьбами и претензіями, то они, оторванные отъ народа, оказались загнанными въ тупой уголъ. Они были безсильны, не могли, казалось, ничего противупоставить реакціонному правительству. Мы знаемъ, съ другой стороны, какъ развивалась политическая борьба русскихъ рабочихъ, все больше расширяясь и наполняясь все больше революціонной энергіей [1]). Создавъ революцію, пролетаріатъ освободилъ либераловъ и демократовъ изъ безвыходнаго положенія—теперь, примыкая къ рабочимъ, они находятъ новый методъ борьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ открываютъ новыя средства. Только революціонное выступленіе пролетаріата сдѣлало другіе общественные слои революціонными.

Русскій пролетаріатъ началъ революцію, на немъ одномъ держится ея развитіе и успѣхъ.

18/31 января 1905 г.

---

[1]) См. очеркъ Н. Троцкаго—„До 9-го января“, въ его книгѣ: „Наша революція“, изданіе Н. Глаголева.

Соціалдемократія и Государственная Дума.

Мы должны до послѣдней крайности бороться противъ подставного парламента, этой смѣси подлости съ ничтожествомъ, которую организуетъ правительство подъ именемъ Государственной Думы. Но, именно, поэтому и для этого мы должны принять участіе въ выборной агитаціи и, гдѣ будетъ малѣйшая возможность въ выборахъ.

Свергнуть Государственную Думу, какова-бы она ни была, мы можемъ только народнымъ возстаніемъ. Заставить правительство измѣнить избирательное право и расширить права Думы мы можемъ опять-таки только народнымъ возстаніемъ. Возстаніе—дѣло народныхъ массъ. То, что мы можемъ съ своей стороны внести для подготовки возстанія,—это агитація и организація. И для того и для другого Государственная Дума открываетъ новыя возможности.

Правительство, назначая выборы, совершенно игнорируетъ выборную агитацію. Но оно должно будетъ ее терпѣть. Оно должно будетъ терпѣть собранія избирателей и агитацію избирательныхъ комитетовъ. Если мы будемъ мѣшать этимъ собраніямъ, если мы будемъ ихъ срывать, мы только окажемъ услугу правительству. Правительству гораздо выгоднѣе, если выборныя собранія не состоятся по нашей винѣ, чѣмъ если ему ихъ придется разгонять полиціей. Къ тому же мы ему такой тактикой сами дали-бы аргументы противъ расширенія избирательнаго права: оно стало-бы ссылаться на неуваженіе рабочихъ къ свободѣ слова, къ борьбѣ мнѣній, какъ доказательство ихъ политической незрѣлости.

Да и къ чему это? Намъ же хуже! Нѣкоторое право собраній предоставляется избирателямъ, т. е. имущимъ классамъ. Рабочимъ оно не дано. Такъ! Но никто не можетъ помѣшать рабочимъ наполнять залы избирательныхъ собраній. То, чего рабочимъ не даютъ добровольно, они должны взять силой. Они должны массами являться на сходки избирателей и превратить ихъ въ рабочія собранія. Вмѣсто разсужденій о томъ избрать-ли

Ивана Ѳомича, или Ѳому Ивановича, они поставятъ на очередь политическіе вопросы. Тутъ мы можемъ обсуждать и политику правительства, и тактику либераловъ, и классовую борьбу, и самую Государственную Думу. Все это ведетъ къ революціонизированію массъ.

Имущимъ классамъ и правительству всего меньше нужны политическія дискуссіи собраній. Слѣдовательно, мѣшая имъ, мы гораздо больше мѣшаемъ себѣ.

Не срывать намъ нужно собранія, а использовать ихъ, не мѣшать выборной агитаціи, а расширять ее.

Но это только небольшая часть политической задачи, которую намъ ставитъ Государственная Дума.

Проектъ Думы не предвидитъ политическихъ партій. Но онѣ должны сложиться въ ней. Надо позаботиться о томъ, чтобы онѣ сложились до нея. Нужно, чтобы уже сами выборы происходили отъ имени политическихъ партій. Въ этомъ интересъ всей оппозиціи, а въ особенности нашъ интересъ.

Либералы и демократы жалуются на нашу политическую обособленность. Мы не можемъ итти заодно съ ними, ибо они хотятъ парламентаризмомъ освятить и упрочить господство капитализма, а мы хотимъ при помощи парламентаризма его разрушить. Но мы можемъ на моментъ соединиться для достиженія какой-нибудь промежуточной общей цѣли. Такой случай представляется теперь. Пусть-же либеральныя оппозиціонныя партіи покажутъ, насколько въ нихъ имѣется гражданскаго мужества и насколько имъ дороги интересы политическаго переустройства страны. Необходимо немедленно выступить не какъ отдѣльныя общественныя группы, не какъ юристы, инженеры, земцы, а какъ либеральная, демократическая, соціалдемократическая партіи — офиціально и открыто. Представители различныхъ направленій могутъ въ этомъ отношеніи согласиться между собою, какъ соглашаются отдѣльныя фракціи парламента.

Необходимо, чтобы каждая партія организовала свой избирательный комитетъ для веденія выборовъ по всей странѣ. Необходимо, чтобы онѣ согласились-бы между собой относительно практическихъ мѣръ къ расширенію свободы слова, сходокъ etc. во время выборовъ. Необходимо, чтобы онѣ связали себя общей политической отвѣтственностью, такъ что, если офиціальный представитель какой-нибудь политической партіи, какъ таковой, подвергается полицейскому преслѣдованію или судебному взысканію, то чтобы представители всѣхъ другихъ партій заявили себя соли-

дарными съ нимъ и чтобы всѣ вмѣстѣ организовали народный протестъ для его защиты.

Нужно самымъ своимъ существованіемъ заставить правительство признать политическія партіи.

Если намъ удастся легализировать оппозицію, мы выходимъ изъ подполья. Разъ не будетъ больше преступленіемъ признавать себя соціалдемократомъ, мы можемъ открыто собирать вокругъ себя массы. Нашъ избирательный комитетъ можетъ явиться такимъ объединяющимъ центромъ. Въ отдѣльныхъ округахъ и городахъ эту-же роль сыграютъ наши окружные и городскіе избирательные комитеты.

До выборовъ или послѣ выборовъ, въ связи съ Государственной Думой, создастся законная база существованія политическихъ партій. Послѣ этого можно еще только бороться противъ слова соціализмъ, но нельзя помѣшать организаціи, въ той или другой формѣ, соціалистической рабочей партіи.

Если-же избирательные комитеты окажутся неосуществимыми, то намъ все-же нужно употребить всѣ усилія, чтобы выставить собственныя кандидатуры. Этому правда, мѣшаетъ цензъ. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ возможность соціалдемократическихъ кандидатуръ не исключена. Однако, не въ этомъ суть. Одна, двѣ соціалдемократическія кандидатуры, гдѣ-бы то ни было, станутъ политическимъ лозунгомъ для всей страны. Въ меньшей степени, чѣмъ избирательные комитеты, они все-же могутъ оказаться очень серьезнымъ средствомъ политической концентраціи силъ, даже, если лично не проявятъ особенныхъ агитаціонныхъ способностей. Знаменосецъ отнюдь не обязательно долженъ быть вожакомъ -партія слѣдуетъ за своимъ флагомъ.

Повторяю, у насъ нѣтъ никакихъ шансовъ провести самостоятельно своихъ представителей въ Думу. Но косвенно мы этого въ отдѣльныхъ случаяхъ, благодаря революціонному времени, можетъ быть могли-бы достичь давленіемъ на общественное мнѣніе, а черезъ него на избирателей. Для этого намъ тѣмъ болѣе надо принимать участіе въ выборныхъ собраніяхъ. Не слѣдуетъ этимъ ограничиваться, нужно устраивать также демонстраціи, политическія стачки и т. п. Правительство дало кучкѣ людей избирательныя права въ учрежденіе, которое должно-бы завѣдовать дѣлами всего народа. Это налагаетъ на искусственно подобранныхъ избирателей обязанность использовать свое исключительное право не по личному произволу, а считаясь съ мнѣніемъ народныхъ массъ. Напомнить имъ объ этой обязанности, заставить ихъ ее выполнить наша задача, для прове-

денія которой мы не должны останавливаться ни передъ какими средствами.

Затѣмъ, даже помимо нашего собственнаго представительства, составъ Государственной Думы для насъ далеко не безразличенъ. Всего больше намъ нужно остерегаться тактики „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Тактика эта очень соблазнительна, но слишкомъ парадоксальна, чтобы служить директивомъ. Конечно, если-бы Дума, при томъ же избирательномъ правѣ, была снабжена значительными законодательными правами, то это для насъ было бы менѣе выгодно, чѣмъ теперь, когда она является только совѣщательной корпораціей. Законодательная власть успокоила-бы имущіе классы, въ то время какъ они теперь, борясь за расширеніе своихъ правъ въ Думѣ, должны имѣть опору въ народѣ и, слѣдовательно, способствовать революціонному движенію. Они даже помимо своей воли, будутъ помогать революціи, поскольку имъ придется вести ожесточенную, хотя-бы только парламентскую войну противъ правительства. Но, именно, поэтому для насъ важно, чтобы въ Думѣ была возможна болѣе сильная и крайняя оппозиція. Это тактика „наименьшаго зла“, которой съ успѣхомъ пользуется нѣмецкая соціалдемократія. Буржуазный парламентъ — зло, но въ томъ-же буржуазномъ парламентѣ для насъ партіи демократическія—меньшее зло, чѣмъ партіи реакціонныя. Уже потому одному, что партіи консервативныя стараются сгладить все то, что непріятно правительству, а партіи демократическія и либеральныя, наоборотъ, разоблачаютъ. Политическая оппозиція въ Государственной Думѣ будетъ критиковать податную систему, административное неустройство, чиновничій произволъ, военныя неудачи, она будетъ интерпелировать правительство, или ее можно заставить это сдѣлать, по поводу политическихъ преслѣдованій, фактовъ личнаго насилія, по поводу столкновеній войска съ народомъ, погромовъ, разгромовъ и т. п. Это даетъ богатый агитаціонный матеріалъ, которымъ мы можемъ воспользоваться и противъ правительства и противъ самой-же либерально-демократической оппозиціи, такъ какъ послѣдняя, слѣдуя своему классовому инстинкту, навѣрное окажется и недостаточно энергичной, и недостаточно правдивой. Въ результатѣ —революціонизпрованіе массъ. А революціонизированіе массъ намъ необходимо для борьбы хотя-бы противъ той-же Государственной Думы.

Поддерживать демократическіе элементы при выборахъ мы можемъ только демонстраціями и другими средствами давленія на общественное мнѣніе. Но тутъ у насъ больше выборныхъ шансовъ, чѣмъ при собственныхъ кандидатурахъ. Поэтому со стороны либераловъ и демократовъ насъ,

по всей вѣроятности, станутъ урезонивать, въ интересахъ усиленія агитаціи въ самой Думѣ отказаться отъ своихъ кандидатуръ. На это намъ согласиться нельзя. Соціалдемократическая кандидатура намъ выгоднѣе демократическаго представительства, ибо вся сила наша въ объединеніи массъ подъ соціалистическимъ знаменемъ. Да и самъ политическій радикализмъ буржуазныхъ партій, каковы бы ни были ихъ названія и программы, очень не надеженъ. Поэтому намъ даже необходимо кандидатовъ оппозиціи, которые захотятъ пользоваться нашей поддержкой, обязать на опредѣленныя политическія требованія. Такими могутъ, напримѣръ, имѣть быть:

1) Требовать въ самой Думѣ ея немедленнаго распущенія и созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

2) Отказъ правительству во всѣхъ военныхъ и финансовыхъ средствахъ, пока это требованіе не будетъ исполнено.

Помимо всего прочаго, участіе въ выборной кампаніи даетъ нашей агитаціи конкретное содержаніе, вставивъ въ алгебраическую формулу борьбы противъ самодержавія ариѳметическія величины, опредѣленныхъ политическихъ требованій, противопоставивъ рабочія массы опредѣленнымъ политическимъ партіямъ и лицамъ.

Идея бойкота Государственной Думы, на видъ революціонная, въ сущности покоится на недостаточной увѣренности въ революціонномъ процессѣ развитія.

Въ ея корнѣ сомнѣніе, не удастся-ли Государственной Думѣ несмотря на всю ея политическую ничтожность, вся таки создать нѣкоторое успокоеніе умовъ и перевести политическую борьбу націи на почву незначительныхъ постепенныхъ реформъ. Но, если бы это въ самомъ дѣлѣ было возможно, то это значило бы, что мы съ самаго начала слишкомъ высоко оцѣнили революціонныя силы страны. Никакое искусственное подогрѣваніе тутъ не помогало было. Но можетъ быть дѣло обстоитъ иначе и революція близка къ развязкѣ? Такъ что-же выборная агитація и наше участіе въ ней не задержитъ, а наоборотъ, ускоритъ ее. Рабочія массы и съ ними городское населеніе показали свою революціонную энергію. Мы знаемъ, что на нихъ мы можемъ вполнѣ расчитывать. Выборы покажутъ, что можно ждать отъ крестьянства. Остается вопросъ о войскѣ. На этомъ остановилась революція. Но чѣмъ шире будетъ развернутое нами массовое движеніе при выборахъ, тѣмъ больше правительство будетъ прибѣгать къ политическимъ репрессіямъ. За столкновеніями съ войсками остановки не

будетъ. Если же и войска откажутся итти противъ народа, тогда конецъ! Выборная агитація каждую минуту можетъ превратиться въ революціонное возстаніе.

Агитація и организація—основы всей нашей политической дѣятельности. Государственная Дума и выборы въ ней въ томъ и другомъ отношеніи намъ открываютъ новые шансы и возможности. Слѣдовательно, надо ихъ использовать.

1905 г.

Въ чемъ мы расходимся?

„Кто хочетъ слушать черта, долженъ громко кричать“, говоритъ нѣмецкая пословица. Судя по анти-оппортунистическому треску, который подымаетъ „Пролетарій“, всѣ оппортунистическіе бѣсы и чертенята, подбирающіеся къ русскому рабочему движенію, должны-бы пребывать въ страхѣ и трепетѣ. Однако, выходитъ иначе. Пока недремонное око Ленина отыскиваетъ оппортунистовъ въ рядахъ тѣхъ, кто явился выразителемъ идей научнаго соціализма и политическаго революціонизма, дѣйствительные и явные оппортунисты, разные господа Прокоповичи, свободно проходятъ въ рабочую среду и упрочиваютъ тамъ свое вліяніе, пользуясь разногласіями въ средѣ революціонной соціалдемократіи.

Ленинъ и его соратники по „Пролетарію“ только чудачатъ по своему, въ сущности же они, на фонѣ русской интеллигенціи, повторяютъ политическій типъ, давно извѣстный въ Западной Европѣ. Неоднократно на моихъ глазахъ ненасытный радикализмъ этихъ ультра-революціонеровъ поглощалъ самого себя и оставлялъ неказистый осадокъ политической растерянности, ведшій къ оппортунизму и даже дальше того. Такова исторія, такъ называемыхъ, „независимыхъ“ въ Германіи. Пильдбергера, Вернера, Эрнеста Мидлера и Павла Эрнеста, такова исторія Шигтеля и многихъ другихъ. У нихъ всѣхъ, несмотря на разность литературной и политической физіономіи, была общая манера подступать къ разрѣшенію политическихъ вопросовъ, объединяющая ихъ съ Ленинымъ? Статья редакціи „Пролетарія“, противъ моихъ предложеній нашей тактики по отношенію Государственной Думы, мнѣ даетъ чрезвычайно благодарный случай раскрыть этотъ невѣрный политическій методъ, уже не разъ вносившій путаницу въ соціалистическое движеніе.

Итакъ, товарищъ Ленинъ, мнѣ приходится просить Васъ пожаловать на анатомическій столъ.

Созывъ Государственной Думы политическій фактъ. Поставленъ вопросъ: признать, или не признать ее? Въ связи съ этимъ: участіе въ выборахъ,

или бойкотъ? Уже сама постановка вопроса неправильная. Политическіе факты нельзя не признать. Они существуютъ—съ ними нужно считаться. Передъ нами новый политическій фактъ — необходима новая политическая борьба. Необходимо теперь бороться и противъ правительства и противъ Государственной Думы.

Намъ говорятъ: мы помѣшаемъ состояться Государственной Думѣ. Это возможно только, если революціей предупредить Государственную Думу.

Разумѣется, мы должны употребить всѣ усилія, чтобы уже ближайшее выступленіе было побѣдоноснымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны расчитать свою революціонную тактику еще на цѣлый рядъ пораженій. Это значитъ: во время выступленія наибольшая концетрація силъ и до крайности смѣлая борьба, но еще до выступленія, и во время него подготовка новаго выступленія.

Можемъ-ли мы быть увѣренными въ томъ, что мы еще до собранія Думы свергнемъ самодержавіе? Мы этого не можемъ сказать. Мы даже не знаемъ, удастся ли намъ къ тому времени устроить общее массовое выступленіе.

Но мы должны работать въ этомъ направленіи. Какъ это сдѣлать? „Проповѣдью выступленія?“ Это голосъ изъ-за облаковъ, внѣ жизни, въ отвѣтъ на жгучій жизненный вопросъ. Конечно, революціонная „пропаганда“ необходима, но, вѣдь, это примѣнимо и должно быть примѣняемо при всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, а передъ нами конкретный политическій вопросъ: фактъ созыва Государственной Думы открываетъ ли намъ новые пути и возможности революціонной агитаціи и пропаганды и какіе?

Конечно, открываетъ. Это выборныя кандидатуры, выборная агитація, выборныя собранія и самые выборы. Все это намъ нужно использовать.

Но у насъ нѣтъ фактической возможности поставить собственныя кандидатуры? Нѣтъ, такъ нѣтъ,—однако, прежде чѣмъ рѣшительно отказаться, не мѣшаетъ осмотрѣться и поискать.

Насъ не пустятъ на собранія, избиратели сами будутъ противъ нашего участія? Пусть, это только усилитъ революціонное возбужденіе массъ. Если мы говоримъ рабочимъ: „вотъ собраніе эксплуататоровъ, васъ они знать не хотятъ“—оно имѣетъ свое вліяніе. Но если мы поведемъ рабочихъ на собраніе, и тамъ сами представители буржуазіи будутъ требовать ихъ удаленія, то это будетъ вліять во стократъ больше.

Придутъ можетъ войска, сами избиратели позовутъ полицію, и наше участіе сдѣлаютъ невозможнымъ? Что же, опять — революціонный фактъ, агитирующій лучше всякой революціонной „проповѣди“.

На самомъ дѣлѣ намъ во многихъ случаяхъ удается провести свои собранія и принять участіе въ собраніяхъ избирателей. Если считаться съ такого рода „невозможностями“, то невозможно все то, что было сдѣлано русскими рабочими, до сихъ поръ невозможны были стачки, когда рабочихъ за стачки сажали въ тюрьмы. Невозможны были демонстраціи, когда демонстрантовъ разгоняли казаки. Невозможно было революціонное возстаніе, когда армія стрѣляла въ народъ. Но все это было и есть. И послѣ того, какъ все это продѣлано, сомнѣваться въ осуществимости нашего участія въ выборной агитаціи — это очень характерный показатель степени увѣренности въ политической энергіи революціонныхъ массъ.

Но наше участіе въ выборахъ и есть бойкотъ—поучаетъ меня Ленинъ. Чтобы уяснить себѣ, что такое бойкотъ, мнѣ не нужно пускаться въ отвлеченныя словоопредѣленія. Я видѣлъ бойкотъ на практикѣ въ разныхъ формахъ—и экономическій, и политическій, и парламентарный. Но Ленинъ говоритъ, это все иное, а у насъ свой особый бойкотъ—„активный“. По моему, если будутъ разгонять наши собранія, то это не значитъ, что мы ихъ срываемъ. По моему — насъ будутъ бойкотировать, а не мы будемъ бойкотировать. Но Ленинъ говоритъ, что это я говорю все по своему непониманію. Со стороны „меньшевиковъ“ мнѣ тоже уже, когда я предлагалъ „организовать революцію“, говорили, что я недостаточно разбираюсь въ политической терминологіи, созданной полемиками въ средѣ русскаго соціализма. Я лично до сихъ поръ еще не чувствовалъ надобности создавать новые политическіе термины для соціалистическаго движенія въ Россіи. Въ моихъ глазахъ даже является подозрительнымъ уже самый тотъ фактъ, что русскій соціализмъ за короткое время своего существованія создалъ чуть-ли не больше политическихъ терминовъ, чѣмъ міровой соціализмъ въ продолженіе всей своей исторіи, пройдя и черезъ революціи и черезъ парламентаризмъ и продѣлавъ въ самомъ себѣ духовную революцію. Сколько испечено политическихъ терминовъ со времени одного только второго съѣзда? Болото хвостизмъ, твердокаменные, мелкозернистые и т. п. „Въ началѣ было слово“ — такова космологія новыхъ русскихъ марксистовъ.

Я признаюсь, что въ спорахъ русскихъ марксистовъ послѣднихъ лѣтъ многаго не понимаю. И не научусь понимать. Ибо для этого мнѣ нужно разучиться думать по методу западноевропейскаго революціоннаго соціализма.

Но пусть ошибка въ терминѣ. Тогда Ленину только оставалось сказать: „Парвусъ предлагаетъ то же, что и мы, онъ только иначе выражается“. Если ему понадобился полемическій перлъ, онъ могъ обвинить

меня въ плогіатѣ. Онъ могъ-бы даже сказать, что я его еще заднимъ числомъ плогіировалъ, выступивъ за выборную агитацію при прусской трехклассной системѣ, тринадцать лѣтъ тому назадъ, когда Ленинъ, какъ политическая личность, еще не существовалъ. Однако, Ленину этого мало. Онъ конструируетъ противорѣчія въ моей статьѣ. Онъ ихъ и въ самомъ дѣлѣ видитъ. А видитъ потому, что у него въ глазахъ двоится. А въ глазахъ у него двоится, потому что въ его политическомъ мышленіи между „революціонизмомъ“ и „парламентаризмомъ“ стоитъ метафизическій простѣнокъ и оба бѣгутъ параллельно, никогда не соприкасаясь другъ съ другомъ. Это намъ станетъ ясно на дальнѣйшемъ анализѣ его статьи.

Если намъ не удастся свергнуть самодержавіе до собранія Думы, то намъ придется считаться съ дѣятельностью и съ составомъ этого новаго учрежденія.

Каковъ будетъ составъ Думы, трудно сказать заранѣе. Не исключена возможность, что Дума будетъ оппозиціонна. Былъ же прусскій ландтагъ въ 50-ые и 60-ые годы либеральнымъ при аграрно-плутократическомъ избирательномъ правѣ. Но если самая Дума не будетъ оппозиціонной, то все же въ ней будетъ оппозиція. Это опять новый политическій фактъ. Какъ къ нему отнестись?

Надо дискредитировать Государственную Думу передъ народомъ. Она сама объ этомъ всего больше позаботится, раскрывая своими поступками свой классовой характеръ. Но это не освобождаетъ насъ отъ нашей агитаціонной работы, напротивъ, расширяетъ ее. Мы изо дня въ день получимъ богатѣйшій матеріалъ для критики классового эгоизма и политической реакціонности господствующихъ классовъ. Но это еще далеко не все. Намъ нужно воспользоваться либеральной оппозиціей въ Думѣ для борьбы противъ самой Думы и противъ правительства.

Такъ неужели намъ оживлять либерализмъ, сплачивая вокругъ него народныя массы? Нисколько! Мы его будемъ толкать впередъ тѣмъ, что будемъ его критиковать. Но, именно, эта критика включаетъ въ себя поддержку либерализма противъ реакціонныхъ партій. Мы критикуемъ либерализмъ, потому-что онъ, даже когда онъ вполнѣ революціоненъ, является представителемъ интересовъ капитализма. Но мы его критикуемъ также потому, что онъ уже не въ состояніи выполнить самую капиталистическую революціонную программу и намъ приходится дѣлать его работу: завоевывать то капиталистическое государственное устройство, которое мы собираемся разрушить. Не удовлетворяясь тѣмъ, что либерализмъ дѣлаетъ, мы не можемъ не признать того, что онъ дѣлаетъ, и вредили бы самимъ себѣ,

если бы этого не использовали. Мы упрекаемъ либерализмъ въ томъ, что онъ недостаточно поддерживаетъ насъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ—какъ-же намъ отказать ему въ поддержкѣ тамъ, гдѣ онъ эту борьбу дѣйствительно ведетъ? Мы боремся противъ правительства, консерваторовъ и либераловъ. Насколько либералы борются противъ правительства и консерваторовъ, они борются заодно съ нами,—такъ неужели намъ сложить оружіе, оттого что либералы вошли въ нашу боевую линію? Наоборотъ, мы должны пользоваться его отрядами и взять ихъ подъ защиту своего боевого огня.

Либерализмъ разлагаетъ парламентъ — тѣмъ лучше для насъ. Либерализмъ ослабляетъ правительство — тѣмъ лучше для насъ. Наконецъ, поддерживая либерализмъ, насколько онъ революціоненъ и демократиченъ, мы способствуемъ выдѣленію изъ его среды крайнихъ элементовъ, т. е. его же распаденію.

Либерализмъ — заноза, которую мы вгоняемъ въ тѣло буржуазнаго парламента. Не стальной клинокъ, но кусокъ древесины, который, разлагая живой организмъ, самъ сгниваетъ. Въ нашихъ интересахъ, чтобы этихъ занозъ было побольше въ Государственной Думѣ.

Въ отношеніяхъ соціалистическихъ партій къ либерализму всегда были различныя теченія. Оппортунисты требуютъ союза съ либеральными партіями съ цѣлью провести демократическія реформы и демократизировать политику правительства. Исключительно революціонеры заявили: каковы-бы ни были названія буржуазныхъ партій, онѣ всѣ составляютъ единую, враждебную намъ классовую силу и мы съ ними ничего общаго имѣть не можемъ. Въ противоположность и тому и другому развилась тактика нѣмецкой соціалдемократіи, ставшая въ общемъ руководящей для соціалистическихъ партій всего міра. Ее я теперь защищаю передъ русской соціалдемокртіей.

Уже Лассаль, впервые оторвавшій рабочія массы отъ нѣмецкаго либерализма и сплотившій ихъ въ классовую партію, тѣмъ не менѣе требовалъ отъ нихъ, чтобы онѣ поддерживали либераловъ въ ихъ борьбѣ противъ консервативныхъ партій и правительства. Этой тактикѣ соціалдемократія осталась вѣрна. Она прежде всего старается организовать рабочихъ вокругъ себя и ведетъ при этомъ ожесточенную борьбу противъ либерализма. Тѣмъ не менѣе она поддерживаетъ либеральныя партіи и воюетъ за нихъ, гдѣ не можетъ провести своихъ собственныхъ кандидатовъ. Она это дѣлаетъ не потому, что ждетъ отъ либераловъ реформъ, а потому что парламентъ со сплоченнымъ реакціоннымъ большинствомъ ей болѣе вреденъ, чѣмъ парламентъ либеральный или раздробленной либеральной

опозиціей. Этотъ пріемъ сталъ популяренъ подъ именемъ тактики наименьшаго зла.

Но если намъ выгоднѣе имѣть въ Думѣ либераловъ, чѣмъ явныхъ реакціонеровъ, то, очевидно, намъ не мѣшаетъ уже сейчасъ, при выборахъ позаботиться объ этомъ и для того пустить въ ходъ всѣ находящіяся въ нашемъ распоряженіи средства революціоннаго давленія. Вотъ то, что я предлагаю.

Но я не ограничиваюсь этимъ и, предлагая помочь либераламъ, требую, чтобы на нихъ были наложены обязанности. Первое обязательство — это то, чтобы либералы тамъ, гдѣ намъ все же можетъ быть удастся выставить собственныя кандидатуры, голосовали за насъ. Чтобы поддержать это требованіе и оправдать также наше давленіе на избирателей въ пользу либераловъ, я конструирую политическую аргументацію: избирательное право дано исключительное, но использовать его должно въ интересахъ всего народа.

„Какъ“ восклицаетъ Ленинъ, „Парвусъ ждетъ отъ имущихъ классовъ представительства народныхъ интересовъ? Вотъ — буржуа!“ Однако, позвольте, если бы я былъ этого мнѣнія, тогда-то, вѣдь, именно, мнѣ незачѣмъ было бы видоизмѣнять выборы, я же требую выбора рабочихъ кандидатовъ—почему? Но ни почему другому какъ потому, что не жду народнаго представительства изъ среды цензовыхъ избирателей. Въ чемъ же тутъ суть? А въ томъ, что въ политическомъ мышленіи Ленина нѣтъ мѣста политической борьбѣ.

Мы всѣ знаемъ что нѣтъ абсолютной политической морали, а есть классовая. Но всякая классовая мораль стремится стать общенародной. Какъ капитализмъ свое хищническое накопленіе капитала прикрываетъ идеей національнаго богатства, такъ онъ свое политическое господство прикрываетъ идеей демократическаго государства. Отсюда получается противорѣчіе между политическими догмами буржуазіи и ея политической практикой избирателя. А въ этомъ противорѣчіи для насъ цѣлый міръ агитаціи. Недостаточно формулировать классовую политику, надо ее раскрыть въ политической борьбѣ, ставя буржуазныя партіи передъ задачами, вытекающими изъ ихъ политическихъ предпосылокъ, но которыя для нихъ не выполнимы по ихъ классовому положенію. Этого не понимаютъ приверженцы исключительнаго революціонизма. Таковая формула классовыхъ интересовъ, классовой политики, извлеченная изъ жизни, вмѣсто того чтобы служить методомъ политической борьбы, имъ служитъ средствомъ отстранять пролетаріатъ отъ политической жизни. Поскольку они послѣдо-

вательны, они выступаютъ не только противъ поддержки либераловъ, но и противъ участія въ выборахъ и въ буржуазныхъ парламентахъ и даже противъ буржуазной революціи, приводящей только къ видоизмѣненіямъ того же капиталистическаго господства, и ищутъ какихъ-то особыхъ, чисто пролетарскихъ средствъ борьбы, вродѣ, напримѣръ, генеральной стачки, какъ ее понимаютъ анархисты, т. е. какъ средство парализовать капиталистическое производство. Они не видятъ того, что пролетаріатъ принужденъ бороться на готовой политической базѣ, что формы и средства политической борьбы даны исторически сложившимся государственнымъ строемъ и что пролетаріатъ только вноситъ свое классовое содержаніе и въ парламентаризмъ и въ революцію. Въ концѣ концовъ у нихъ все сводится на нѣтъ и остается только устная и письменная революціонная „проповѣдь“. Они знаютъ только пропаганду, но не знаютъ агитаціи и совершенно не умѣютъ вести политическую борьбу.

Перейдемъ къ нашему конкретному примѣру. Либералы только что высказались за всеобщее, равное etc. избирательное право. Оставаясь вѣрными этому принципу, они должны уже сейчасъ считаться съ мнѣніемъ народныхъ массъ. Что же, если мы устроимъ массовыя собранія и поставимъ на голосовку кандидатовъ? Въ отдѣльныхъ случаяхъ намъ, можетъ быть, даже удастся на самыхъ выборныхъ собраніяхъ, если будетъ на нихъ достаточно сторонняго народу, поставить листъ кандидатовъ на голосовку всѣхъ присутствующихъ, прежде чѣмъ перейти къ официальной баллотировкѣ. Мы можемъ заставить голосовать на фабрикахъ, въ рабочихъ казармахъ, въ десяткахъ отдѣльныхъ собраній, мы можемъ голосовать подъ открытымъ небомъ на массовыхъ собраніяхъ — мы можемъ собрать тысячи голосовъ, прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до официальной баллотировки на собраніи избирателей. Если либералы со всѣмъ этимъ не будутъ считаться, то будетъ раскрыто на дѣлѣ ихъ политическое лицемѣріе, то мы уже на первыхъ шагахъ помѣшаемъ имъ дутой программой морочить народъ.

Я предлагаю, далѣе, обязать либераловъ-кандидатовъ на опредѣленныя политическія требованія. Я не развиваю въ статьѣ политической программы, я только къ примѣру, на что спеціально указываю, привожу два ближайшихъ требованія въ виду ихъ связи съ нашимъ отношеніемъ къ Государственной Думѣ. Вся полемика Ленина, направленная противъ меня по этому поводу, основана на подтасовкѣ: выходитъ, будто я предлагалъ замѣнить условія, выработанныя конференціей меньшинства, моими требованіями. Объ этомъ я ни словомъ не обмолвился.

Кстати! Ленинъ дѣлаетъ меньшинство отвѣтственнымъ за мои грѣхи, а

меня за грѣхи меньшинства. Ибо Ленину необходимо, чтобы въ партіи стояли другъ противъ друга, какъ стѣна противъ стѣны, меньшинство и большинство. Ему это необходимо въ интересахъ полемики, которая давно уже стала у него на мѣсто общихъ интересовъ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи. Я не могу помѣшать Ленину отражать мои взгляды по законамъ его собственной психики, какъ не могу помѣшать расколотому зеркалу двоить отраженіе. Но я обращаю вниманіе товарищей на то, что зеркало расколото, и прошу судить обо мнѣ не по ленинскимъ, а по моимъ статьямъ. Я никогда не былъ ни меньшевикомъ, ни большевикомъ, я даже не всегда разбираюсь въ томъ, чѣмъ одни отличаются отъ другихъ, а позволяю себѣ оставаться просто соціалдемократомъ.

Что же касается моихъ требованій, то практичность ихъ только что документировалъ земскій съѣздъ. Эти господа приняли разныя радикальныя и демократическія рѣшенія, рѣшили также бороться въ самой Думѣ за всеобщее, равное избирательное право, но ни словомъ не обмолвились о томъ, какъ они будутъ бороться. Я же требую отъ либераловъ въ Думѣ отказа правительству во всѣхъ государственныхъ средствахъ, пока не будетъ введено всеобщее etc избирательное право.

Но тутъ опять на меня гнѣвно обрушивается Ленинъ. Отъ кого требовать введенія демократическаго избирательнаго права? Не отъ самодержавія ли? Ленинъ смѣшиваетъ политическое требованіе съ политическимъ упованіемъ или со средствомъ его выполненія. Японцы требовали отъ русскаго правительства сдачи Манчжуріи — значитъ ли это, что они надѣялись на великодушіе царя? Нисколько, они надѣялись на свою армію и получили Манчжурію, завоевавъ ее. Мы, если не на словахъ, то всѣмъ своимъ существованіемъ требуемъ отъ самодержавія, чтобы оно отказалось отъ своихъ прерогативъ, отъ капиталистовъ, чтобы они отказались отъ своей собственности на орудія производства. Все то же непониманіе законовъ политической агитаціи, которое я уже характеризовалъ выше! На самомъ дѣлѣ суть совершенно не въ самодержавіи, а въ либералахъ, которыхъ мы своимъ требованіемъ заставляемъ отъ слова перейти къ дѣлу.

Что на земскій съѣздъ можно было произвести давленіе, показали поляки, заставившіе съѣздъ принять рѣшеніе по польскому вопросу, отъ котораго онъ всячески хотѣлъ уклониться. А мы дали имъ свободно разыгрывать друзей народа и рабочихъ, и морочить народъ дутыми программами. Гдѣ же были московскіе рабочіе? Почему они не пришли толпами къ съѣзду и не требовали ясныхъ рѣшеній и обязательныхъ постановленій по рабочимъ вопросамъ и не заставили земцевъ присягать передъ народомъ, что

они не войдутъ ни въ какое соглашеніе съ самодержавіемъ? Гдѣ была соціалдемократія? Почему она не поставила передъ земскимъ съѣздомъ политическія требованія, которыя сдѣлали бы невозможной лицемѣрную и двойственную игру?

Я не знаю, былъ-ли то активный, или пассивный бойкотъ. По моему это было просто политическое бездѣйствіе, не бойкотъ, а абсентеизмъ.

Если бы земцы обязались отказывать правительству во всѣхъ средствахъ, пока не будетъ введено всеобщее избирательное право, то этимъ формально отрѣзали бы себѣ путь къ компромиссу съ правительствомъ. Но такъ какъ компромиссъ для нихъ неизбѣженъ, то они впослѣдствіи нарушили бы свое обѣщаніе — тѣмъ болѣе они этимъ возбудили бы противъ себя народныя массы. Если бы же они уже сейчасъ отказались отъ такого обязательства, то они этимъ немедленно дискредитировали бы не только свое отношеніе къ избирательному праву, но всю свою политическую программу. Пусть они послѣ этого принимаютъ какія угодно рѣшенія — мы на все, съ политическимъ документомъ въ рукахъ, отвѣтимъ, что они принимаютъ рѣшенія, не думая серьезно ихъ защищать, что это только для отвода глазъ, что они обманываютъ народъ.

Ставя къ либераламъ политическія требованія, дискредитирующія ихъ немедленно или, силою вещей впослѣдствіи, мы въ то же время должны использовать въ своихъ интересахъ каждый шагъ либерализма впередъ, каждое его политическое пріобрѣтеніе, все равно достигнуто ли оно народной революціонной борьбой, или это уступка правительства съ цѣлью создать изъ буржуазіи консервативную силу. Такъ либералы, вслѣдствіе созыва Государственной Думы, получили возможность легальной организаціи. Земцы не заявили себя политической партіей, но они фактически конституировались какъ таковая, выбравъ постоянный центральный избирательный комитетъ, назначивъ мѣстные комитеты и издавъ политическую выборную платформу для всей страны. Въ прессѣ давно уже открыто говорятъ о либеральной и демократической партіи и называютъ представителей той и другой. Я требовалъ, чтобы, воспользовавшись этимъ, мы сдѣлали попытку легализировать, если не соціалдемократическую партію, то хоть рабочее представительство.

Все вмѣстѣ, и борьба противъ либераловъ, и поддержка ихъ въ борьбѣ съ правительствомъ, и использованіе ихъ политическихъ успѣховъ, составляетъ ту тактику, которую я уже при первыхъ зачаткахъ земской кампаніи въ письмѣ къ Ленину характеризовалъ такъ:

„Не „содѣйствовать“ и не „воздѣйствовать“, а пользоваться борьбой

нашихъ враговъ между собой, чтобы отвоевать себѣ почву, быть безпрерывно насторожѣ, не пропускать ни одной слабости на той или другой сторонѣ, не воспользовавшись ею для своихъ цѣлей, требовать отъ либерализма своей части при каждомъ его движеніи впередъ, нападать на него съ тылу при каждомъ его отступленіи, возбуждать массы и противъ правительства, и противъ буржуазіи, и противъ либерализма, организовывать — организовывать — организовывать — собирать революціонную силу, чтобы въ моментъ, когда на это можно будетъ рѣшиться, покончить и съ самодержавнымъ правительствомъ, и съ либерализмомъ".

Наша тактика можетъ измѣняться, но наше отношеніе къ политическимъ партіямъ нѣтъ, потому что оно вытекаетъ изъ нашей классовой борьбы. Характеристика нашего отношенія къ либерализму, данная мною выше, остается вѣрной при всѣхъ политическихъ условіяхъ, будь то абсолютизмъ, парламентаризмъ, или революція. По Ленину выходитъ иначе. Онъ признается, что измѣнилъ свое отношеніе къ либераламъ, и готовится его измѣнить еще разъ. Меня онъ упрекаетъ въ томъ, что я измѣняю классовымъ интересамъ пролетаріата, но то, что онъ самъ дѣлалъ раньше, онъ считаетъ „исторической заслугой",—и, разумѣется, исторической заслугой въ его глазахъ будетъ также то, что онъ сдѣлаетъ потомъ.

Ленинъ говоритъ, что я со своимъ предложеніемъ поддержки либераловъ опоздалъ на три года. Что же было три года тому назадъ? Ахъ да, это было то время, когда Ленинъ въ „Зарѣ" объединялъ всѣ слои общества! Впослѣдствіи въ своей брошюрѣ онъ кокетничалъ съ либералами, громилъ какъ новую тактику „новоискровцевъ". Послѣ того какъ я ему въ своемъ письмѣ напомнилъ, что это кокетничанье было также въ старой Искрѣ, онъ его заднимъ числомъ возвелъ въ историческую заслугу.

Когда Ленинъ въ „Зарѣ" проповѣдывалъ революціонность предводителей дворянства, я считалъ это ребяческой затѣей и только потому, да еще по „добротѣ" своей, о которой еще рѣчь впереди, не выступилъ противъ него публично, а ограничился ироническими замѣчаніями въ личной бесѣдѣ. Потому что, насколько мы должны воспользоваться либерализмомъ либераловъ, настолько же не наше дѣло прославлять ихъ, а должны мы ихъ немилосердно критиковать.

Чѣмъ же Ленинъ объясняетъ теперь свое тогдашнее отношеніе къ либераламъ?

Когда у либераловъ не было ни органа, ни нелегальной организаціи, а у насъ было и то и другое, мы помогали ихъ политическому развитію. И этой заслуги не вычеркнетъ исторія изъ дѣятельности соціалдемократіи.

Но теперь либералы изъ младенцевъ политики стали главными дѣльцами ея, показали на дѣлѣ свое предательство революціи. Теперь обращать главное вниманіе не на изобличеніе въ предательствѣ буржуазныхъ „соглашателей“, а напоминаніе имъ „обязанностей“ вѣдать дѣла всего народа—значитъ превращаться въ „прихвостня освобожденцевъ“.

Читатель знаетъ, что я отнюдь не жду отъ либераловъ представительства народныхъ интересовъ, а наоборотъ, ставлю къ нимъ политическія требованія, которыя должны на дѣлѣ раскрыть ихъ классовый характеръ, что не я, а Ленинъ сокращаетъ работу по изобличенію политическаго предательства либерализма—тѣмъ, что исключаетъ изъ нея цѣлую область политической агитаціи и борьбы. Констатирую вмѣстѣ съ тѣмъ, что Ленинъ, какъ вытекаетъ изъ его противопоставленія „теперь“, которое онъ еще особо подчеркиваетъ, въ прошедшемъ оправдываетъ и смягченіе нашей антилиберальной критики и соглашеніе съ либералами, между тѣмъ какъ, на мой взглядъ, наша критика либераловъ всегда должна быть самая крайняя и безпощадная и никогда мы не должны входить съ ними въ соглашенія, которыя могли бы ослабить нашу агитацію.

Сдѣлавъ эти поправки, заявляю, что тактика, вытекающая изъ Ленинскаго противопоставленія прошлаго либерализма съ настоящимъ, прямо таки ставитъ вещи на голову.

Въ политикѣ считаются только съ силой. Когда либерализмъ былъ нуль, я мы все, мы могли свободно его игнорировать. Въ нашихъ интересахъ было не выращивать либерализмъ, а обращать вниманіе народа на то, что мы не только единственная партія эксплуатируемыхъ классовъ, но и единственная революціонная и оппозиціонная сила въ странѣ. Отклонить насъ отъ этой тактики можно было только, сдѣлавъ объединяющимъ и руководящимъ началомъ нашей борьбы вмѣсто соціально-революціонной организаціи пролетаріата, борьбу противъ самодержавія. Это тотъ путь, которымъ пошелъ Струве. Идя послѣдовательно по этому пути, онъ показалъ, куда онъ ведетъ. Вотъ почему я еще впослѣдствіи, въ своемъ письмѣ къ Ленину вооружался противъ такой постановки вопроса и утверждалъ, что, если бы намъ даже удалось, такимъ образомъ, ускорить парламентаризмъ, мы, какъ партія не просто демократическая, а соціально-революціонная, должны поступить иначе. И вотъ на тотъ же путь, что Струве, попалъ и Ленинъ своимъ стремленіемъ объединить всѣ общественные элементы на борьбу съ самодержавіемъ. Теперь онъ далъ задній ходъ и двигается по прямой линіи въ обратномъ направленіи—другого движенія онъ не знаетъ. Но зато онъ можетъ также прямолинейно помчаться—опять назадъ.

Мы нисколько не хотимъ объединять либеральные элементы, но, по мѣрѣ того, какъ либерализмъ становится политической силой, мы не можемъ съ нимъ не считаться. Новый политическій факторъ заставляетъ насъ опредѣлить свое отношеніе и къ нему и къ тому измѣненію карты политическихъ силъ, которое произошло и происходитъ, благодаря его вмѣшательству. Отсюда получается тактика критики либерализма и использованія его въ борьбѣ съ правительствомъ.

Фактически невѣрна самая характеристика либерализма. Неужели Ленинъ когда либо сомнѣвался въ томъ, что либералы готовы предать революцію? Такова была искони ихъ тактика. Она кокетничала съ революціонерами и въ то же время шептались съ правительствомъ, доказывая ему, что они, лучше жандармскаго управленія, въ состояніи справиться съ крамолой.

Наоборотъ, за время революціи либералы стали демократичнѣе и революціоннѣе. Правда, и демократизмъ и революціонизмъ ихъ очень жалокъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что буржуазія въ Россіи теперь переживаетъ свое самое революціонное время, но игнорировать это развитіе значитъ закрывать глаза передъ дѣйствительностью. Они раньше не рѣшались высказаться за всеобщее и равное избирательное право, а теперь поставили его во главу своей выборной программы. Они разсыпаются демократическими фразами. Обращаются съ воззваніями къ народу. Ведутъ выборную агитацію. Въ Государственной Думѣ они будутъ держать оппозиціонныя рѣчи и этимъ сконцентрируютъ на себя вниманіе всей страны. Онѣ только дурачатъ народъ? Вѣрно—но все это нужно передъ народомъ лишь раскрыть на дѣлѣ, создавая каждодневно тысячи столкновеній между политическими обѣщаніями и политическими поступками либераловъ.

Не надо забывать, что во Франціи понадобился цѣлый рядъ революцій, понадобились кровавые іюнскіе дни, пока рабочіе убѣдились въ классовомъ эгоизмѣ и въ политическомъ лицемѣріи буржуазныхъ партій. До сихъ поръ во всемъ мірѣ только лишь нѣмецкіе рабочіе почти-что цѣликомъ отдѣлились отъ либераловъ, слившись въ соціалдемократіи, да и то для этого, несмотря на то, что нѣмецкая буржуазія уже въ революцію 48 года подло измѣнила народу, еще послѣ агитаціи Лассаля, понадобились десятки лѣтъ. Въ Россіи историческія условія для развитія самостоятельной соціалистической рабочей партіи складываются еще гораздо болѣе благопріятно, чѣмъ въ Германіи, но, памятуя историческій опытъ, было бы преступно думать, что либералы въ Россіи не могутъ на время въ большей или меньшей степени овладѣть умами значительной части рабо-

чихъ. Одна проповѣдь революціи намъ тутъ не поможетъ, а должны мы противупоставить „парламентарной тактикѣ“ либераловъ нашу „парламентарную тактику“.

Да,—говоритъ Ленинъ,—но это лишь тогда, когда у насъ будетъ настоящій парламентъ. Я не вижу причинъ откладывать на послѣ политическую борьбу, которую можно вести уже сейчасъ.

Однако, разсмотримъ, насколько вопросъ о правахъ парламента въ состояніи измѣнить нашу тактику.

Допустимъ, что правительство дало бы всеобщее избирательное право, но оставило бы Государственную Думу безъ парламентарныхъ правъ какъ теперь. Это не былъ бы настоящій парламентъ, но врядъ ли кто-нибудь усумнится, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ намъ слѣдовало бы принять участіе въ выборахъ. Принимая участіе въ выборахъ, мы стараемся, собрать возможно большую собственную фракцію, а внѣ этого усилить оппозицію. Итакъ, мы примѣняемъ „парламентскую тактику“ при отсутствіи дѣйствительнаго парламента.

Возьмемъ теперь другой случай: избирательное право такое же, какъ теперь, но Государственной Думѣ предоставлены парламентарныя права. Я думаю, что и въ этомъ случаѣ даже Ленину будетъ ясно, что пренебречь парламентской оппозиціей нельзя. На самомъ дѣлѣ разница противъ теперешняго положенія только формально юридическая. Самое большее, что даже самый настоящій парламентъ можетъ сдѣлать, это отказать правительству въ бюджетѣ. Но что, если правительство, хотя и давши парламенту права, не обратитъ вниманія на этотъ отказъ и будетъ распоряжаться противъ воли парламента? За примѣрами не далеко ходить. Такова исторія прусскаго конфликта 60-ыхъ годовъ, наконецъ, на нашихъ глазахъ подобное же происходитъ въ Австріи. Въ чемъ же сила? Въ томъ, что конфликтъ правительства съ парламентомъ создаетъ народное возмущеніе, а народное возмущеніе можетъ разрядиться революціей.

Суть, слѣдовательно, не въ парламентарныхъ правахъ, а въ агитаціи при помощи парламента. Но какъ агитаціоннымъ средствомъ мы можемъ воспользоваться либиральной оппозиціей въ Думѣ сейчасъ. Напротивъ, эта оппозиція будетъ тѣмъ болѣе радикальна, чѣмъ меньше у нея правъ. Но какова бы она ни была, отъ насъ зависитъ усилить революціонный эффектъ ея, критикуя либерализмъ.

Пренебреженіе либеральной оппозиціей въ Думѣ, по внѣшности ультрареволюціонное, покоится въ сущности на слишкомъ высокой оцѣнкѣ формальныхъ правъ парламента. Вотъ почему этотъ чистый революціонизмъ,

когда парламентарныя права будутъ, очень легко можетъ перейти въ парламентарный оппортунизмъ.

Приверженцы исключительнаго революціонизма думаютъ метафизически, абсолютными противорѣчіями. Да—да, нѣтъ—нѣтъ, что внѣ того, то отъ лукаваго. Поэтому и для Ленина „парламентарная тактика“ и „революціонная тактика“ другъ друга взаимно исключаютъ. Не понимаетъ онъ того, какъ можно парламентарную тактику употребить для революціонированія рабочихъ массъ.

Почему рабочіе на Западѣ, какъ показываетъ наша историческая справка, упорно шли на приманки либераловъ, пока послѣдніе не стали разстрѣливать самихъ рабочихъ, и даже позже того? По своему классовому тупоумію? По оппортунизму своей стихійности? Это было бы объясненіе совершенно въ духѣ Ленинскаго „Что дѣлать“, но также, какъ оно, показало бы полное непониманіе соціально-революціоннаго процесса исторіи. Разъ въ рабочихъ проснулась политическая мысль, они не могутъ не принимать участія въ политической жизни страны. И, именно, вслѣдствіе своей революціонности они принимаютъ активное участіе во всѣхъ формахъ и проявленіяхъ политической борьбы. Вотъ почему всякая борющаяся, въ томъ или другомъ видѣ, тѣми или другими средствами, съ большей или меньшей энергіей, противъ политической революціи партія, находитъ, несмотря на классовую розань и на всѣ политическія разочарованія пролетаріата, поддержку и политическій резонансъ въ рабочихъ массахъ, часто превосходящій и надежды и намѣренія тѣхъ, кто выставилъ политическій лозунгъ. И вотъ почему, какъ бы вяло ни вели русскіе либералы свою оппозицію въ Государственной Думѣ и свою политическую борьбу, они привлекутъ къ себѣ вниманіе рабочихъ и будутъ пользоваться ихъ поддержкой, сколько бы мы не говорили рабочимъ: „не вѣрьте имъ, они ваши классовые враги и предатели революціи“. Сплотить же рабочихъ въ революціонную соціалдемократическую партію мы можемъ только, если примемъ сами участіе въ думской кампаніи, если будемъ, критикуя либераловъ, толкать ихъ впередъ и если несостоятельность думской оппозиціи и необходимость революціоннаго переворота не на словахъ только, не только революціонной проповѣдью, а на политическихъ фактахъ.

Но Ленинъ опасается упустить моментъ. Онъ боится, какъ бы либераламъ въ самомъ дѣлѣ не удалось перетянуть на свою сторону рабочихъ. Онъ изобличаетъ либераловъ въ предательствѣ революціи, но въ сущности боиться революціоннаго предательства рабочихъ. Поэтому онъ торопится „проповѣдью революціи, ея организаціи“ etc ускорить развязку. Ему ка-

жется, что если обратить вниманіе рабочихъ на другія формы политической борьбы, кромѣ революціоннаго возстанія, то пропадетъ ихъ революціонная энергія. Но эти другія формы борьбы навязываются самой жизнью. Поэтому—скорѣй, скорѣй, спасайте революцію! Въ основѣ его революціонной горячности лежитъ революціонная неувѣренность.

Въ связи съ этимъ онъ опредѣляетъ наше отношеніе къ другимъ партіямъ не нашей классовой политикой, а ихъ политической ролью, и ихъ формальными заявленіями по вопросу революціоннаго возстанія. Какъ онъ раньше кокетничалъ съ либералами, когда тѣ прибѣгали къ помощи нашихъ „нелегальныхъ организацій“, такъ онъ теперь предлагаетъ формальное „соглашеніе“, т. е. политическій компромиссъ, съ „революціонными демократами“ для спасенія революціи. Опять только русская погудка на знакомый изъ западно-европейскаго движенія ладъ. Такъ во Франціи оппортунисты вошли въ компромиссъ съ радикалами, чтобы „спасти республику“. Ленинъ раньше попалъ на путь Струве, а теперь идетъ по пути жоресизма.

Ленинъ требуетъ „соглашенія съ революціонными демократами на почвѣ совмѣстной агитаціи за возстаніе, подготовки и проведенія его“. Можемъ ли мы съ демократами „совмѣстно агитировать“ за революцію? Агитируя за революцію, мы должны подготовлять пролетаріатъ къ тому, чтобы онъ, побѣдивъ, умѣлъ воспользоваться своей побѣдой—поэтому мы должны обращать его вниманіе на то, что демократы, оказавшись у власти, явятся орудіемъ въ рукахъ господствующихъ классовъ. Мы не можемъ этого не дѣлать, даже просто, если мы правдивы. Иначе намъ пришлось бы фальсифицировать исторію, которая доказываетъ предательство демократовъ кровавыми фактами. Мы ведемъ свою агитацію на почвѣ классовой борьбы, а демократы хотятъ объединить націю—какъ же намъ „совмѣстно агитировать“? Еще меньше того мы можемъ съ ними вступить въ политическій союзъ. Намъ нужно прежде всего обособить рабочихъ, слить ихъ въ самостоятельную, и враждебную всѣмъ другимъ, политическую силу. А Ленинъ своимъ „соглашеніемъ“ стираетъ грань между нами и той мелкобуржуазной демократіей, которая составляетъ переходъ къ капиталистическимъ партіямъ, и прикрываетъ это „проповѣдью революціи“. Для него интересы революціи идутъ въ разрѣзъ съ интересами классовой борьбы пролетаріата. Такъ невѣрная точка зрѣнія переворачиваетъ всѣ вещи и передвигаетъ перспективы.

Ослабляя политическимъ компромиссомъ съ демократами классовую агитацію, Ленинъ облегчаетъ доступъ къ рабочимъ, заодно съ демократами,

также—либераламъ. Да и борется то онъ противъ не столько потому, что они капиталистическая партія, сколько потому, что они недостаточно революціонны. А что если либералы заявятъ себя приверженцами революціи? Вѣдь, дѣлали же они это въ другихъ странахъ, возможность не исключена и въ Россіи. Тогда падаетъ вся кажущаяся непримиримость Ленина, и онъ долженъ, оставаясь послѣдовательнымъ, соединиться съ либералами, какъ теперь входитъ въ соглашеніе съ „революціонными демократами“. Но оттого, подготовляютъ ли либералы революціонное возстаніе, или нѣтъ, они не перестаютъ быть чистокровной капиталистической партіей.

Мы должны агитировать не совмѣстно, а противъ демократовъ, какъ и противъ либераловъ, и нельзя намъ ни съ кѣмъ соединяться. Но это не исключаетъ того, что мы поддерживаемъ и тѣхъ и другихъ поскольку они, намѣренно или противъ своей воли, сознательно или безсознательно, въ той или другой степени, являются революціоннымъ факторомъ. Принципіально враждебные всѣмъ буржуазнымъ партіямъ и партіямъ, стремящимся притушить классовую борьбу, мы не можемъ не считаться съ политическими проявленіями ихъ жизнедѣятельности и поддерживаемъ всякое революціонное или демократическое начинаніе, откуда бы оно не исходило. Наше общее отношеніе къ политической партіи еще не предопредѣляетъ нашего отношенія къ политическому факту, созданному въ томъ или другомъ случаѣ этой партіей. Самый политическій фактъ можетъ быть намъ или враждебенъ, или благопріятенъ—съ этимъ приходится сообразовать наше отношеніе къ нему.

Вся сила организаціи соціально-революціонной арміи пролетаріата заключается въ томъ, чтобы ввести рабочихъ какъ активный элементъ во всѣ формы и проявленія политической жизни страны и умѣть охватить всю ихъ разнообразную и всю разростающуюся политическую дѣятельность идеей диктатуры пролетаріата съ цѣлью соціалистическаго переворота. Это связь недоступна политическому мышленію исключительно революціонеровъ. Они знаютъ только революціонное возстаніе и ничего другого. Но одной „проповѣдью революціи“ еще никогда и нигдѣ не удалось удержать въ связи массы рабочихъ. Такова судьба анархизма и всѣхъ антипарламентарныхъ теченій. Потерпѣвъ фіаско, эти идеологи революціоннаго абсолюта, по прямолинейности своей логики, впадаютъ въ другую крайность абсолюта парламентарнаго, или экономической борьбы, одно у нихъ постоянно исключаетъ другое.

Ленинъ сейчасъ отвергаетъ парламентарную тактику, чтобы спасти революцію,—а на почвѣ парламентаризма онъ въ состояніи отвергнуть революцію.

Непримиримый революціонеръ, революціонеръ прежде всего и послѣ всего, утромъ и вечеромъ, съ безпрерывной проповѣдью революціи на губахъ, Ленинъ вотъ что пишетъ:

„Когда на дѣлѣ, а не на языкѣ писателей, создастся законная база существованія политическихъ партій (въ томъ числѣ и Р. С.-Д. Р. П.), тогда мы обязаны будемъ пересмотрѣть весь вопросъ о возстаніи заново, ибо для насъ возстаніе есть лишь одно изъ важныхъ, но вовсе не всегда обязательныхъ средствъ завоеванія свободнаго поля для борьбы за соціализмъ".

Для насъ возстаніе, т. е. революція, не только „одно изъ важныхъ средствъ" для завоеванія „свободнаго поля для борьбы", но единственное средство овладѣть политической властью въ цѣляхъ соціальной революціи. Въ Западной Европѣ уже давно завоевано „свободное поле для борьбы за соціализмъ", такъ что же? Просмотрѣть заново вопросъ о революціи? Это именно то, чего требуютъ Бернштейнъ, Гейне, Шиппель и др. Ленинъ сейчасъ перекинулся революціонеромъ и стоитъ на головѣ—станетъ на ноги и окажется шаблоннымъ оппортунистомъ.

На самомъ дѣлѣ нѣмецкая соціалдемократія въ настоящее время провѣряетъ не идею революціи, а идею парламентарной борьбы, а только что на партейтагѣ въ Іенѣ своимъ рѣшеніемъ о политической массовой стачкѣ выдвинула на политическій планъ идею народнаго возстанія, которое, разумѣется, въ Западной Европѣ будетъ носить другой характеръ, но не потому что тамъ парламентарный порядокъ, а вслѣдствіе большей опредѣленности и простоты классовыхъ отношеній, вслѣдствіе громаднаго количественнаго перевѣса пролетаріата, его высшей политической сознательности, благодаря его сильнымъ политическимъ и экономическимъ организаціямъ, его, долгими годами классовой борьбы, выработанной дисциплинѣ и благодаря несравненно болѣе высокому общему культурному уровню страны.

Передъ русскимъ пролетаріатомъ меньше всего стоитъ задача ревизовать свою революціонную тактику, разъ будетъ достигнутъ дѣйствительный парламентаризмъ. Наоборотъ, онъ, по историческимъ условіямъ, своей борьбы приведетъ парламентарную борьбу и революціонное возстаніе въ болѣе непосредственную и новую связь и этимъ внесетъ новую соціально-революціонную энергію въ классовую борьбу мірового пролетаріата.

Въ чемъ же мы съ Ленинымъ расходимся? Въ томъ расходимся, что для него революція дѣло момента, который можно упустить, а для меня это неотвратимый историческій процессъ.

Онъ думаетъ, что революціонное возстаніе создаетъ революцію, а я

полагаю, что революція дѣлаетъ возстаніе побѣдоноснымъ. Онъ ищетъ союзниковъ со стороны для революціоннаго возстанія, потому что не довѣряетъ революціонной энергіи пролетаріата,—а я ввожу рабочихъ въ политическую борьбу и ставлю ихъ въ политическія отношенія къ другимъ партіямъ, чтобы проявить ихъ революціонную энергію.

Ленинъ раздѣляетъ тактику на двѣ стадіи — революціонную и парламентарную, а для меня революціонная тактика вытекаетъ изъ классовой борьбы пролетаріата во всякое время и при всякихъ условіяхъ, не исключается парламентаризмомъ, не исключаетъ его, а должна самый парламентаризмъ претворить въ себя.

Ленинъ разсматриваетъ тактику съ точки зрѣнія свержения самодержавія и непосредственной побѣды революціи—я ее разсматриваю съ точки зрѣнія организаціи соціалъно-революціонной арміи пролетаріата, которая бы сдѣлала революцію безпрерывной.

Не только Государственная Дума, какъ она теперь созывается, но даже самый совершенный капиталистическій парламентъ еще на много лѣтъ не въ состояніи будетъ справиться съ той путаницей общественныхъ и національныхъ отношеній и вытекающей отсюда политической борьбой, которая создана соціальнымъ развитіемъ Россіи и затянувшимся гнетомъ абсолютизма. Будутъ волненія, возстанія, будетъ горячая и сложная парламентарная борьба, и пролетаріатъ сыграетъ во всемъ этомъ тѣмъ болѣе выдающуюся роль и тѣмъ больше используетъ политическое развитіе въ своихъ интересахъ, чѣмъ раньше, сознательнѣе, болѣе разносторонне и рѣшительнѣе онъ приметъ участіе во всѣхъ формахъ и проявленіяхъ политической жизни страны, соподчиняя все своей конечной цѣли—завоевать политическую власть—для осуществленія соціализма.

Къ концу еще кой-что о моей „добротѣ“, столь усердно выдвигаемой Лениномъ. Это тоже пунктъ расхожденія. Я, дѣйствительно, съ самого начала отнесся, относился и отношусь къ ставшимъ потомъ извѣстными подъ именемъ „искровцевъ“ русскимъ товарищамъ съ большимъ благорасположеніемъ. Ошибки ихъ я видѣлъ. Но зная хорошо, что наши революціонные принципы являются неизмѣннымъ результатомъ революціоннаго движенія, значитъ историческаго процесса, я твердо вѣрилъ, что сама жизнь выправитъ политическія погрѣшности и создаетъ правильную тактику.

Еще когда Ленинъ принесъ мнѣ первые два номера „Искры“ и объявленіе о выпускѣ ея, я сказалъ ему приблизительно слѣдующее:

„Вы боретесь противъ оппортунизма, но все какъ будто боитесь его. Почитаешь васъ, то получаешь представленіе, что экономизмъ какой-то

черной тучей надвинулся надъ русскимъ рабочимъ движеніемъ и готовъ его слопать, если васъ нѣсколько человѣкъ марксистовъ не воспротивятся тому. Это, конечно, пустяки. И въ Западной Европѣ вся сила нашей борьбы противъ оппортунизма заключается въ томъ, что онъ не можетъ руководить рабочимъ движеніемъ. Если бы онъ даже не встрѣтилъ теоретической критики, то онъ самъ на практикѣ дискредитировалъ бы себя передъ рабочими. Но онъ создалъ бы на нѣкоторое время путаницу, тактическія уклоненія и ослабилъ бы энергію политической борьбы рабочихъ. Вотъ почему мы выступаемъ противъ него со всей рѣшительностью. А въ Россіи, гдѣ государственная власть стоитъ передъ рабочими въ своей самой грубой и голой формѣ, уже всего меньше можно опасаться, что рабочіе останутся внѣ политической борьбы. Я, однако, понимаю вашу психику. Вы только что пріѣхали изъ Россіи, гдѣ вамъ пришлось лицомъ къ лицу вести борьбу съ экономистами, а борьба мнѣній застилаетъ передъ вашими глазами процессъ политическаго развитія. Это даже до нѣкоторой степени хорошо. Вамъ кажется, что отъ вашей идейной борьбы зависитъ все, а это придаетъ ей энергію. Но то, что вы упускаете изъ виду самый соціально-революціонный процессъ, можетъ повести къ тактическимъ ошибкамъ.

Главное нужно создать соціалдемократическую газету, которая на дѣлѣ вела бы политическую борьбу. Вы на пути къ тому, а если вамъ удастся продержать „Искру“ хоть года два, то вы будете имѣть движеніе за собой уже потому одному, что вы явитесь наилучшимъ его выразителемъ“.

Такъ оно и вышло. „Искра“ оказалась во главѣ соціалдемократіи тѣмъ, что вела политическую борьбу, а всего меньше вслѣдствіе своей партійной полемики, которая, однако, неминуемо вытекала изъ ея политической борьбы. Передъ II съѣздомъ, когда политическое вліяніе „Искры“ достигло своего высшаго пункта, я указалъ на это Ленину. Я писалъ ему въ томъ смыслѣ, что „Искра“ побѣдила, конечно, главнымъ образомъ, потому, что имѣла за себя политическое развитіе, и что это его должно быть теперь убѣдило въ томъ, какъ были неосновательны его опасенія, какъ бы оппортунизмъ не овладѣлъ стихійной классовой борьбой пролетаріата въ Россіи. Признаюсь, что такое предположеніе относительно Ленина было съ моей стороны довольно наивно.

Непосредственно за этимъ Ленинъ своей тактикой на съѣздѣ показалъ, что въ его глазахъ не „Искра“ явилась выразителемъ развитія партіи, обусловленнаго общимъ политическимъ развитіемъ страны, а все партійное

развитіе было создано пропагандой и полемикой „Искры“. Наивность моя объясняется тѣмъ, что я относился къ Ленину какъ къ политическому дѣятелю. Для политическаго дѣятеля важенъ въ первую линію политическій результатъ, а не то, чтобы провести какую-нибудь спеціальную идейку или одержать верхъ надъ тѣмъ или другимъ. Оказалось, однако, что Ленинъ слѣпо старается провести свою политическую схему и готовъ урѣзать партію и даже самую политическую жизнь, разъ она не подходитъ подъ его политическій колпачекъ. Исторія партіи со времени II съѣзда въ обратномъ порядкѣ должна была показать Ленину перевѣсъ политическаго развитія надъ политическими идеями. Всѣми своими статьями и брошюрами, отъ которыхъ онъ ждалъ чудодѣйственныхъ результатовъ, онъ не достигъ объединенія партіи подъ установленную схему, а, наоборотъ, раздробилъ и раскололъ ее. Политическое развитіе, обезсиливъ его партійную полемику и пропаганду, привело его политическую логику къ абсурду. Но онъ не видитъ этого и не хочетъ видѣть. Сидитъ на корточкахъ и старается подобрать политическую жизнь подъ свой бумажный колпакъ, пыхтя и злясь, оттого что она все выбивается наружу и цѣлыми массами расходится по сторонамъ, хлопочетъ во всѣ руки и брыжжетъ слюной, объявляя предателемъ всякаго, кто находитъ и политическое развитіе и революціонную борьбу внѣ ленинскаго колпака. Предателемъ по отношенію къ Ленину станетъ вся политическая жизнь, если онъ не научится считаться съ нею.

Жизнь, внѣ всякаго сомнѣнія, внесла значительныя поправки въ тактику русской соціалдемократіи. Я обрадовался, когда появилось „Освобожденіе“. Лучшаго намъ не нужно было, какъ то, чтобы либералы занялись своимъ политическимъ самоопредѣленіемъ и повели самостоятельную политическую борьбу. Это должно было заставить соціалдемократію рѣшительно выступить противъ нихъ. Такъ оно и вышло. Съ тѣхъ поръ отношеніе русской соціалдемократіи къ либерализму въ основѣ своей опредѣлилось. Были колебанія при зачаткахъ земской кампаніи. Жизнь ихъ выправила. Теперь мы, какъ видимъ, стоимъ уже передъ противоположной крайностью — игнорированія политической роли либерализма. А тутъ послѣднее слово, конечно, скажетъ опять-таки сама жизнь. Тактика опредѣляетъ политическую борьбу, а политическая борьба въ своемъ развитіи опредѣляетъ тактику. Это—неизбѣжное историческое взаимодѣйствіе. Нѣтъ случая, чтобы тактика вышла готовой — какъ Минерва въ полномъ вооруженіи изъ головы Юпитера — изъ духовной мастерской партіи и не подверглась въ жизни измѣненіямъ.

Сильно разочаровала меня составленная „Искрой“ политическая программа. Помимо стремленія стилистическими поправками уйти изъ подъ оппортунистической критики въ теоретической части, отъ чего пострадала ясность и отчетность исторической формулировки, я ужъ, никоимъ образомъ, не могъ удовлетвориться экономическими требованіями аграрной ея части [1]). Жизнь уже сейчасъ отбросила въ сторону параграфъ объ отрѣзкахъ, этотъ жалкій компромиссъ между сознаніемъ, что, сохраняя капиталистическія отношенія, нельзя спасти крестьянство, и стремленіемъ „дать хоть, что нибудь“, чтобы заполучить крестьянство для революціи. Теперь всѣмъ ясно, что наша аграрная программа должна быть поставлена на совершенно другую экономическую базу.

Иначе, однако, пошло развитіе во внутренней жизни партіи. Оказалось, что страхъ передъ оппортунизмомъ коренился гораздо глубже, чѣмъ я въ началѣ предполагалъ.

Ленинъ показалъ своимъ „Что дѣлать“, что онъ самъ смотритъ на рабочее движеніе, поскольку оно предоставлено самому себѣ, по оппортунистически. Онъ, „оппортунистъ на изнанку“, какъ я уже характеризовалъ его въ „Искрѣ“. Тотъ самый стихійный процессъ, который намъ даетъ всю нашу увѣренность въ борьбѣ съ оппортунизмомъ, его переполняетъ неувѣренностью и опасеніями. Не видя соціально-революціоннаго развитія, онъ видитъ одни только оппортунистическіе страхи. Подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ въ значительной степени создалась „внутренняя политика“ „Искры“.

Вмѣсто того, чтобы расширить агитацію, введя въ нее политическій факторъ, политика была противопоставлена экономической борьбѣ. Политическая борьба выдвинула новыя формы проявленія революціонной энергіи рабочихъ — демонстраціи. Но вмѣсто того, чтобы старое связать съ новымъ, продолжать агитацію на экономической базѣ и созданныя, такимъ образомъ, организаціи употреблять на политическую борьбу, внося, такимъ образомъ, организаціонный элементъ и въ массовыя политическія проявленія, демонстраціи были противупоставлены всему другому какъ единственная и чистая форма политической борьбы. Старыя организаціи были стерты и, такимъ образомъ, порвана та живая связь между партіей и массами, которую онѣ составляли, подобно тому какъ нервы связываютъ мозгъ со всѣмъ

[1]) Очень вѣрную критику программы далъ Н. Рязановъ въ своей книгѣ: „Къ критикѣ программы россійской соціалдемократіи“ (С.-Петербургъ, 1906 г., 2-ое изданіе). Книжка эта по многимъ причинамъ, отчасти по своимъ дубоватымъ литературнымъ пріемамъ, не могла завоевать себѣ того вниманія, которое заслуживаетъ.

тѣломъ. Получалось такое положеніе: съ одной стороны, партія со своей политической программой, съ другой стороны, массы со своими стихійными проявленіями, которыя партія старается использовать, придавая имъ политическій характеръ.

Значеніе рабочихъ демонстрацій вначалѣ было, главнымъ образомъ, агитаціонное. Я былъ изумленъ, когда „Искра“ стала печатать заявленія рабочихъ въ томъ родѣ, что теперь намъ не до агитаціи, не нужно намъ книжекъ, а дайте намъ ножъ въ руки. Я говорилъ: наоборотъ, надо предостерегать рабочихъ отъ иллюзіи, что они своими демонстраціями уже дѣлаютъ революцію, надо имъ доказывать, что революція требуетъ еще несравненно большихъ усилій и большого подъема массъ и требуетъ организаціи, что рано еще ждать отъ демонстрацій непосредственныхъ политическихъ результатовъ, а использована демонстрація вполнѣ тогда, если результатомъ ея является расширеніе агитаціи и организаціи и на это нужно пока что обратить главное вниманіе. На самомъ дѣлѣ, вмѣсто того чтобы использовать демонстраціи въ организаціонныхъ цѣляхъ, обратили все вниманіе на то, чтобы поскорѣе вызвать все новыя и новыя демонстраціи, вслѣдствіе чего онѣ стали мельчать, такъ что „Искра“ сама должна была выступить противъ этой горячки демонстрацій.

Вопросы агитаціи и организаціи среди массъ все больше отходили въ сторону. Помню, я разъ говорилъ при случайномъ посѣщеніи въ редакціи „Искры“ о томъ какое это имѣетъ громадное агитаціонное значеніе пріучить рабочихъ разоблачать въ печати разные фабричные непорядки и притѣсненія. Это затрагиваетъ живые, ясные интересы рабочихъ, и то, что происходитъ на отдѣльной фабрикѣ, будучи выставлено публично, становится средствомъ классовой агитаціи. Въ отвѣтъ на это мнѣ показали цѣлую кучу писемъ изъ фабрикъ и заводовъ, которыя не были помѣщены въ „Искрѣ“. Конечно, въ Центральномъ Органѣ для такихъ вещей мало мѣста. Но когда я въ другой разъ, послѣ того какъ мнѣ было доставлено нѣсколько номеровъ „Южнаго Рабочаго“, которые я съ удовольствіемъ прочиталъ, заговорилъ о значеніи мѣстной прессы, то я, къ вящему своему изумленію, натолкнулся на тотъ взглядъ, что мѣстную прессу слѣдовало бы по возможности свести на нѣтъ въ интересахъ объединенія и руководства движенія Центральнымъ Органомъ. Мой личный опытъ и исторія нѣмецкой соціалдемократіи показали мнѣ, что мѣстная рабочая пресса не только главная просвѣтительная и агитаціонная сила, но что на ней больше, чѣмъ на формальной организаціи, держится связь партіи.

Оторванность политической борьбы отъ классовой агитаціи и органи

зацiи привела къ ея собственному суженiю и опрощенiю. Наконецъ, все свелось къ тому, чтобы заставить рабочихъ кричать „долой самодержавiе!“ Прямолинейнымъ выводомъ изъ этой упрощенной политики явился теперешнiй ленинскiй исключительный революцiонизмъ, ставящiй на мѣсто разновидныхъ формъ классовой агитацiи и политической борьбы, выдвигаемыхъ революцiоннымъ развитiемъ, „проповѣдь революцiоннаго возстанiя, его условiя организацiи“.

Я уже показалъ въ „Искрѣ“, какъ слова Ленина противъ оппортунистовъ, литературно и политически искажающихъ характеръ борьбы пролетарiата за свое освобожденiе, и противъ мнимаго оппортунизма самого рабочаго движенiя, привели его—на почвѣ интеллигентскихъ революцiонныхъ кружковъ—къ его организацiонной схемѣ, имѣвшей назначенiе подчинить рабочiя массы кучкѣ идеологовъ революцiи и соцiализма. Когда на съѣздѣ партiя раскололась, „большинство“ и „меньшинство“ повели другъ противъ друга ту же тактику исключительности, узкаго противупоставленiя и взаимнаго вытѣсненiя, что раньше по отношенiю къ рабочедѣльческимъ организацiямъ.

Мнѣ первый сообщилъ Старовѣръ о расколѣ. Я писалъ ему въ отвѣтъ, что это башибузукскiе прiемы.

Замѣчу уже кстати, что и въ своихъ отношенiяхъ къ „Бунду“ „Искра“ выказала ту же узкую нетерпимость. Когда появилось, сколько помнится, въ четвертомъ номерѣ „Искры“, первая статья противъ Бунда, я сказалъ редакцiи: „Такъ пишутъ только тогда, если имѣютъ желанiе и возможность смести организацiи и поставить на ихъ мѣсто другiя. Если же этого желанiя и этой возможности у васъ нѣтъ, то вы такой полемикой только усилите нацiоналистическiя тенденцiи въ Бундѣ“.

Настало тревожное время. Обострился русско-японскiй конфликтъ. Видно было, что готовится война. Война должна была привести къ революцiи. Надвигался великiй историческiй моментъ. Передъ соцiалдемократiей стояла задача собрать поскорѣй всѣ силы, отбросивъ все, мѣшающее совмѣстной дѣятельности, и постараться двинуть организованныя массы рабочихъ въ политическую борьбу. На дѣлѣ же партiя губила свои силы въ междуусобной борьбѣ. Тогда я въ первый разъ выступилъ публично по вопросу о разногласiяхъ въ русской соцiалдемократiи.

Я напечаталъ въ нѣмецкой соцiалдемократической газетѣ статью, въ которой давъ анализъ готовящихся политическихъ событiй, и закончилъ ее слѣдующими словами: „Мы знаемъ, что не въ нашихъ силахъ создавать событiя Вся наша задача—держать пролетарiатъ на готовѣ, чтобы онъ могъ гнать

политическое развитіе впередъ, когда настанутъ событія. Для соціалдемократіи въ Россіи отсюда вытекаетъ одно, господствующее надъ всѣми остальными требованіе—организація. Но организація—не мертвая петля, которую набрасываютъ на массы, чтобы ихъ удержать вмѣстѣ, нѣтъ, это ферментъ, который вносятъ въ массы, что роститъ въ ней живую, органическую ткань. Кто полагаетъ что вся суть въ томъ, чтобы собрать всѣ нити въ одной рукѣ и съ одного пункта, будь то Петербургъ или Женева, командовать рабочими, тотъ предается вздорной идеѣ, будто соціалдемократія можетъ тиранизировать массы, какъ даже русскій абсолютизмъ не можетъ ихъ тиранизировать. Русскіе рабочіе должны прежде всего научиться—сплотиться вмѣстѣ, выступать какъ единая политическая сила съ сознательной волей. Кто стремится только къ организаціи агитаторовъ и игнорируетъ организацію массъ, тотъ думаетъ, что сумѣетъ воспользоваться рабочими, какъ матеріаломъ для революціи, подобно тому какъ они въ арміи служатъ пушечнымъ мясомъ. Если это дѣлается изъ соображеній конспираціи, то изъ-за борьбы противъ шпиковъ упускаютъ изъ виду борьбу противъ самодержавія, а ужъ тѣмъ болѣе великую борьбу за освобожденіе рабочаго класса. Я говорю это передъ форумомъ нѣмецкой соціалдемократіи, потому что въ настоящее время въ средѣ русской соціалдемократіи разыгрываются споры въ намѣченномъ выше смыслѣ, а намъ (соціалистамъ въ Западной Европѣ), уже въ виду готовящагося въ Россіи политическаго переворота, не можетъ быть безразлично, чѣмъ этотъ споръ завершится. Наша надежда и опора всегда и во всѣхъ случаяхъ соціально-революціонный характеръ рабочаго класса. Это, конечно, банальная истина, но забывать ее не слѣдуетъ“.

Въ этихъ строкахъ Ленинъ впервые открылъ мою „доброту“. Впослѣдствіи ему еще не разъ приходилось знакомиться съ ней, но это можно опустить, такъ какъ уже сказаннаго достаточно, чтобы опредѣлить послѣдній пунктъ моего расхожденія съ нимъ—разное отношеніе къ партійной организаціи и къ тактикѣ внутри партіи.

Для Ленина организація—головная схема. Онъ ее придумалъ, чтобы примирить противорѣчіе между своимъ оппортунистическимъ взглядомъ на рабочее движеніе и своими соціалистическими и революціонными вожделѣніями. Это для него единственный исходъ. Для Ленина, придуманная имъ организаціонная схема что то вродѣ іерихонской трубы, сквозь которую онъ, надувъ щеки, проповѣдью революціи готовится разрушить и башни самодержавія и стѣны капитализма. Внѣ этого онъ теряется—вотъ почему, внѣ этого, для него все расползается. Въ силу этого онъ свою главную

задачу видитъ не въ томъ, чтобы всѣми средствами ввести пролетаріатъ въ политическую борьбу, а въ томъ, чтобы помѣшать политической борьбѣ пролетаріата стать опортунистической. Такъ какъ съ паденіемъ его организаціонной схемы падаетъ его собственный революціонизмъ, то ему кажется, что съ нею заодно падаетъ историческій процессъ революціоннаго развитія. Вотъ почему онъ старается придавить и придушить все, что не подходитъ подъ его партійный шаблонъ и объявляетъ предателями революціи всѣхъ, кто не раздѣляетъ его политическихъ идей. И вотъ почему онъ уже два года ведетъ въ партіи деструктивную работу, ищетъ революціонной диктатуры, показавъ себя совершенно неспособнымъ объединить революціонныя силы и руководить ими, и, проповѣдуя организацію революціи, самъ, раздувая междуусобіе въ партіи, всѣхъ больше ее дезорганизуетъ.

Для меня организація—форма, въ которую вливается соціально-революціонный процессъ и которая имъ же самимъ создается. Важна ея база—рабочіе массы. Это прежде всего. Организація внѣ рабочихъ массъ, поверхъ рабочихъ массъ, есть все, что угодно, но только не соціалдемократія. Разъ эта основа дана, организаціонный статутъ, хотя и не безразличенъ, но имѣетъ подчиненное значеніе. Неудовлетворительная организаціонная форма не задержитъ роста партіи, а, наоборотъ, развитіе партіи измѣнитъ организаціонную форму. Это можно показать на десяткахъ примѣровъ изъ рабочаго движенія. Нѣмецкая соціалдемократія нѣсколько разъ измѣняла свою организаціонную форму. Она только что на партейтагѣ въ Іенѣ внесла опять очень серьезныя измѣненія въ свой организаціонный статутъ. Выходитъ, что соціалдемократія въ Германіи развилась и стала могучей при неудовлетворительной организаціонной формѣ. Не боюсь я также тактическихъ уклоненій, разъ дана основа тактики соціалдемократіи—классовая борьба пролетаріата.

Нѣтъ хуже той тактики, которая внутренними раздорами дезорганизуетъ и деморализуетъ боевую армію.

Оно можетъ показаться парадоксомъ, а Ленинъ изъ-за этого меня опять обвинитъ въ предательствѣ и, пожалуй, объявитъ мирнымъ культуртрегеромъ, но я утверждаю: нѣтъ такой организаціонной формы, которая одна могла бы охватить всю классовую борьбу пролетаріата.

Мы видимъ прежде всего двѣ великія разновидности профессіональныхъ организацій на почвѣ экономической борьбы и партійной организаціи на почвѣ борьбы за государственную власть. И то и другое—классовая борьба. Обращаю вниманіе всѣхъ, кто съ революціонной подозрительностью относится къ профессіональнымъ союзамъ, на то, что

классическій анализъ классовой борьбы пролетаріата въ Коммунистическомъ Манифестѣ покоится ни на чемъ другомъ, какъ на экономической борьбѣ англійскихъ трэдъ-уніоновъ. Классовая борьба иногда болѣе революціонная на экономической почвѣ, иногда на политической; послѣ временныхъ расхожденій, благодаря различной амплитудѣ и скорости теченія волнъ, обѣ струи всегда неминуемо снова сливаются въ одинъ соціально-революціонный потокъ. Интенсивность классовой борьбы пролетаріата вообще не всегда одинакова и находится въ зависимости отъ общаго темпа капиталистическаго развитія и его законовъ, отъ уровня производства, развитія индустріи, аграрныхъ отношеній, положенія на всемірномъ рынкѣ, отъ количественнаго соотношенія классовъ, отъ государственной формы, отъ политики правительствъ, отъ международныхъ столкновеній государствъ, отъ культурнаго развитія и т. д. и т. п.

Кромѣ этихъ главныхъ формъ, пролетаріатъ создаетъ еще свои экономическія организаціи въ видѣ потребительныхъ обществъ. Онъ объединяется обыкновенно въ связи съ профессіональными союзами въ больничныя и другія кассы взаимопомощи. Наконецъ, онъ проникаетъ въ самую государственную систему, занимая выборныя мѣста. Онъ проникаетъ въ муниципалитеты, въ суды, создаетъ собственные суды законодательнымъ порядкомъ или путемъ соглашенія съ предпринимателями. Повсюду онъ вноситъ свой классовый интересъ и свою классовую политику. А соціализмъ всѣ эти многоразличныя формы проявленія классовой энергіи пролетаріата связываетъ идейно и направляетъ къ общей цѣли—соціальной революціи.

Многостороння и необъятна классовая борьба рабочихъ, ибо многостороння и необъятна его историческая задача. Онъ долженъ не только свергнуть господство класса капиталистовъ, онъ долженъ умѣть самъ стать на его мѣсто, чтобы открыть путь развитію соціалистическаго строя. А соціализмъ не просто уничтожитъ наемный трудъ на фабрикѣ, онъ измѣнитъ всю структуру производства, всѣ общественныя, семейныя и общечеловѣческія отношенія и неслыханныя раскроетъ культурныя силы.

И передъ этимъ грандіознымъ историческимъ процессомъ стоитъ маленькій человѣчекъ съ тревожнымъ лицомъ и революціоннымъ размахомъ рукъ и суетится, хлопочетъ, какъ бы не исчезли и соціализмъ и революція.

Кончаю. Я нисколько не чувствовалъ потребности полемизировать. Онъ и въ ошибкахъ своихъ нисколько не оригиналенъ. А повторять съ нимъ азы рабочей политики у меня не было ни желанія, ни времени. Но онъ упорно искалъ полемики и, наконецъ, забросилъ меня столь же вздорными, сколько задорными личными нападками. Пришлось отвѣчать. Я восполь-

зовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать попытку разъяснить въ общемъ тактику соціалдемократіи, что раньше думалъ было сдѣлать въ другой связи. Если Ленинъ при этомъ попалъ въ положеніе гоголевской унтеръ-офицерской жены, пусть пѣняетъ на себя. Vous l'avez voulu, George Dandin!

Русскимъ товарищамъ и всей русской соціалистической интеллигенціи скажу еще вотъ что:

Вы не можете освободить пролетаріатъ отъ экономическаго рабства. Онъ это сдѣлаетъ самъ. Но вы можете его освободить отъ умственнаго рабства, которое есть то же продуктъ классоваго гнета и притомъ самый ужасный его продуктъ. Скованная воля хуже скованныхъ рукъ, умъ, безпомощный хуже голоднаго желудка. Велика революціонная энергія русскихъ рабочихъ, но мало еще ихъ политическое пониманіе. Не въ томъ дѣло, чтобы имъ прибавить энергіи, а въ томъ, чтобы имъ прибавить сознательности. Уму, удрученному рабствомъ, многое кажется недоступнымъ и на многое онъ не рѣшается, что другіе берутъ свободно и чѣмъ они пользуются какъ своимъ естественнымъ правомъ. Посмотрите, какъ на фонѣ революціи, вынесенной рабочими на своихъ плечахъ, заговорили всѣ слои общества и какъ мало еще сказалъ рабочій—отъ себя. Заставьте его говорить. Заставьте его писать. Будите его мысль. Будите его инпціативу въ экономической и политической борьбѣ и во всѣхъ формахъ общественной жизни. Раскройте передъ нимъ всѣ мельчайшія проявленія политической жизни, ибо онъ многаго не видитъ по недостатку знаній. Лучше сдѣлать тактическую ошибку на почвѣ расширенія политической дѣятельности рабочихъ, чѣмъ суживать ихъ политическую дѣятельность, боясь сдѣлать тактическую ошибку. Только не скрывайте отъ нихъ ничего. Это — демагогія, ибо вы тогда строите свой планъ не на политическомъ пониманіи, а на политическомъ невѣжествѣ народа.

Научите рабочихъ самимъ создавать организаціи и управляться съ ними.

По мѣрѣ того, какъ вы этого достигнете, вы создадите изъ рабочихъ сознательную политическую силу. Эта политическая сила по своему классовому положенію будетъ соціально-революціонной. Она не дастъ погаснуть революціи и на ея противодѣйствіи раскроется революціонное предательство буржуазіи. Она откроетъ новыя возможности и новую базу для организаціи революціонныхъ возстаній. И по мѣрѣ того какъ эта соціально-революціонная армія будетъ расти, она будетъ ставить революціи все новыя и болѣе великія историческія задачи.

Письмо къ Н. Ленину.

Мюнхенъ, 2 декабря.
(19 ноября) 1904 года.

Дорогой товарищъ! Я съ удовольствіемъ прочиталъ вашу брошюру „Земская кампанія и планы „Искры“. Ваша рѣзкая критика вполнѣ умѣстна. Энгельсъ, если не ошибаюсь, въ своей критикѣ французской аграрной программы — очень остроумно замѣтилъ: „Wie angenehm rutscht es sich doch weiter, ist man erst einmal auf der schiefen Ebene“.

Составители письма, конечно, съ ужасомъ отшатнутся отъ тѣхъ выводовъ, которые вы изъ него дѣлаете. Они только на одинъ оттѣнокъ, незамѣтный для самихъ себя, отклонились отъ прямого пути классовой революціонной тактики, но они попали на наклонную плоскость, по которой такъ легко скользить дальше, и вы правы, критикуя политическую тенденцію письма, независимо отъ добрыхъ пожеланій его авторовъ. Я тоже признаю, что въ письмѣ имѣются мѣста, совершенно вѣрно характеризующія наше принципіальное отношеніе къ либераламъ. Думаю, однако, что это только ухудшитъ положеніе. Принципы хороши, когда ихъ проводятъ въ жизнь. Но если принципы и тактика идутъ разными путями, то удачная формулировка принципа только прикрываетъ невѣрную тактику, служитъ для отвода глазъ. Чѣмъ призывать принципъ въ лжесвидѣтели, лучше уже полная безпринципность: тогда, по крайней мѣрѣ, знаешь съ кѣмъ имѣешь дѣло. Либералъ — такъ либералъ. оппортунистъ — такъ оппортунистъ, а революціонеръ-оппортунистъ—это нелѣпѣйшее существо съ вывороченными назадъ ступнями ногъ, съ перекосившимся лицомъ, котораго одинъ глазъ привѣтливо улыбается направо, а другой свирѣпо косится налѣво. До сихъ поръ соціалдемократія въ Россіи имѣла передъ собой на полѣ политической борьбы только правительство. Теперь приходится ей опредѣлить свои отношенія къ либеральнымъ и демократическимъ партіямъ.

Тѣмъ болѣе нужна безпощадная неподкупная критика всѣхъ малѣйшихъ уклоненій отъ революціоннаго пути. А революціонная тактика должна быть прежде всего ясна, рѣшительна, проста, прямолинейна. Вотъ почему я привѣтствую вашу критику именно за ея прямолинейность. Въ отдѣльныхъ частяхъ мы расходимся, и даже исходная точка зрѣнія, думается мнѣ, у насъ разная.

Вы неправы, сваливая всю вину на новую „Искру“. Колебанія въ отношеніяхъ къ либераламъ были у старой „Искры“ и въ „Зарѣ“ немевьшія. Въ особенности въ періодъ до „Освобожденія“. Но и потомъ. Считаю очень нелѣпымъ сводить это къ личному недомыслію того или другого. Ошибка объясняется чрезвычайной сложностью положенія, запутанностью политическихъ задачъ, передъ которыми стоитъ соціалдемократія въ Россіи. Говорите и пишете вы о задачахъ и принципахъ соціалдемократіи всѣ одинаково умно, а когда приходится приложить принципы къ жизни, вы, какъ ни какъ, то отклонитесь въ сторону оппортунизма, то перемахнете въ интранспжантизмъ. Каждый изъ васъ въ большей или меньшей степени продѣлалъ эти колебанія. Не ошибался только тотъ, кто не вмѣшивался въ разборъ конкретныхъ формъ тактики соціалдемократіи въ Россіи.

Вы, напримѣръ, въ своей брошюрѣ не дооцѣниваете значеніе либераловъ. Конечно, въ народѣ у нихъ нѣтъ силы. Но обанкротившееся правительство ищетъ общественной силы, на которой оно могло бы опереться, либералы нужны правительству—въ этомъ ихъ сила. Пришелъ тотъ историческій моментъ, къ которому они все время готовились. Теперь они могутъ прижать правительство. Если бы они были просто безсильны, то и отвѣтственности на нихъ никакой не было бы. Однако, не такъ, и если русская конституція будетъ реакціонна, то это будетъ историческая вина русскаго либерализма, которую мы ему очень и очень поставимъ въ зачетъ. Ставя ни во что либерализмъ, вы возводите въ какой то абсолютъ революціонизмъ. Выходитъ, что и конституція въ Россіи невозможна безъ революціи. Хорошо, если бы такъ! Тогда мы, какъ у Христа за пазухой. Въ самомъ дѣлѣ: безъ конституціи Россія не можетъ дальше существовать, конституціи не бывать безъ революціи; революціи не бывать безъ рабочихъ массъ, — а если такъ, то мы сочинимъ такую конституцію, какая намъ нужна. Я самъ полагаю, что революція въ Россіи имѣетъ за себя много историческихъ шансовъ, но отвергать возможность конституціи на почвѣ соглашенія либераловъ съ правительствомъ считаю очень опрометчивымъ и тактику, построенную на этомъ, очень односторонней.

А у васъ и у авторовъ письма одинаковая исходная точка: вы пріурочиваете тактику партіи цѣликомъ къ борьбѣ съ самодержавіемъ. Только письмо говоритъ: „воздѣйствовать на земцевъ“, а вы говорите „воздѣйствовать на правительство“. Позвольте, однако, что же это значитъ? Если тактика „воздѣйствія на правительство“ имѣетъ какой-нибудь политическій смыслъ, то только тотъ, что можно правительство заставить пойти на уступки. Это-ли революціонная тактика? А я полагалъ до сихъ поръ, что революціонная тактика ставитъ свои надежды не на правительство, а на сверженіи правительства. Я полагалъ, въ этомъ именно вся ея суть, что правительство не способно провести реформы и что поэтому нужно прежде всего устранить правительство. А вы кричите „революція!“ и понимаете подъ этимъ — „воздѣйствіе на правительство!“ А выходитъ, что вы запутались въ своихъ собственныхъ тенетахъ.

Все, что вы говорили по адресу „Письма“, можно сказать по адресу вашей брошюры, если поставить въ уголъ „воздѣйствіе на правительство“. Можно ли ожидать отъ земцевъ, чтобы они явились представителями народныхъ массъ? Можно ли ожидать отъ самодержавія, чтобы оно стало проводникомъ демократическихъ реформъ? И т. д. Критика будетъ вѣрна въ обоихъ случаяхъ. Ибо пріурочивать тактику соціалдемократической партіи къ борьбѣ съ самодержавіемъ значитъ ставить ее на слишкомъ узкую базу.

Въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата соціалдемократія должна вести независимую политику. Это право нерушимое. Никакія соображенія моментнаго эффекта не должны отвлечь отъ этого. Сверженіе ли самодержавія или спасеніе республики, соціалдемократія идетъ своимъ собственнымъ путемъ. А путь этотъ организація революціонныхъ массъ. Мы не только революціонныя массы собирали для борьбы съ самодержавіемъ, мы борьбу съ самодержавіемъ должны использовать для организаціи революціонныхъ массъ. Это—концентраціонный пунктъ всей нашей тактики. Предположимъ, чего на самомъ дѣлѣ не будетъ, что компромиссъ съ либералами привелъ бы насъ скорѣе къ парламентарному порядку,—то мы все же должны были бы отказаться отъ этого компромисса, потому что онъ подвелъ бы рабочія массы подъ либераловъ, а наша задача отдѣлить ихъ, пробудить въ рабочихъ классовое, революціонное сознаніе. Вѣдь сама политическая свобода для рабочихъ ничто, если они не организованы. Происходитъ политическая ломка въ Россіи — наше дѣло организаціей умножить и держать наготовѣ политическую силу пролетаріата, чтобы онъ могъ воспользоваться переворотомъ въ своихъ интересахъ. Письмо говоритъ: „воздѣйствовать на зем-

цевъ". Вы говорите: „воздѣйствовать на правительство", я говорю: „воздѣйствовать на рабочія массы". Воздѣйствовать на нихъ въ смыслѣ пробужденія въ нихъ сознанія, что у нихъ особые интересы для приведенія которыхъ имъ нужна собственная сила.

При помощи рабочихъ революціонизировать событія это одно, событіями пользоваться для революціонизированія рабочихъ это другое. — Земцы требуютъ бюджетнаго права? Рабочіе борятся противъ плутократіи, которая готовится замѣнить собой бюрократію. Соціалдемократія разоблачаетъ передъ народомъ сговоръ между буржуазіей и монархіей, обвиняетъ ее въ преданіи народныхъ интересовъ, требуетъ республики, однопалатной системы, всеобщаго избирательнаго права Правительство расширяетъ право сходокъ, чтобы произвести давленіе слѣва на буржуазію. Рабочіе вламываются въ открытую брешь, нисколько не считаясь съ „паническими" страхами либераловъ, и дѣлаютъ невозможнымъ возвращеніе къ прежнимъ условіямъ. Не „содѣйствовать" и не „воздѣйствовать", а пользоваться борьбой нашихъ враговъ между собой, чтобы отвоевать себѣ почву, быть безпрерывно настороже, не пропускать ни одной слабости на той или другой сторонѣ, не воспользовавшись ею для своихъ цѣлей требовать отъ либерализма своей части при каждомъ его движеніи впередъ, нападать на него съ тылу при каждомъ его отступленіи, возбуждать массы и противъ правительства и противъ буржуазіи и противъ либерализма, организовывать, организовывать, организовывать—сохранить революціонную силу, чтобы въ моментъ, когда на это нужно будетъ рѣшиться расправиться и съ самодержавнымъ правительствомъ и съ либерализмомъ! Ибо поднявшіяся съ силой, достаточной для революціи, рабочія массы будутъ имѣть противъ себя и правительство и буржуазію.

Простите, что увлекся критикой критики. Зато закончу примирительнымъ аккордомъ. Кстати. Вы въ своей брошюрѣ съ большой раздражительностью говорите объ отдѣльныхъ людяхъ, среди нихъ о вашихъ недавнихъ близкихъ товарищахъ, а интеллигенція вообще у васъ на этотъ разъ очень въ загонѣ. Повторяю поэтому то, что я недавно писалъ вашему товарищу изъ другого лагеря: „Не забудьте: какъ бы не держала себя революціонная интеллигенція въ моментъ переворота, съ переворотомъ кончается процессъ революціонизированія русской интеллигенціи. Переворотъ близокъ. Событія надвигаются. Лучшихъ силъ, какъ сейчасъ не будетъ въ вашемъ распоряженіи. Настанутъ дни — вы съ горечью будете вспоминать настоящее время, когда споры, по крайней мѣрѣ, велись на почвѣ

научнаго соціализма съ людьми въ революціонномъ образѣ мыслей которыхъ не могло быть сомнѣнія. Доступъ къ рабочимъ будетъ открытъ, и многіе будутъ пользоваться въ массахъ успѣхомъ только потому, что гладко говорятъ, и говорятъ гладко только потому, что не задумываются надъ сложными вопросами. Борьба съ новопришельцами сплотитъ васъ, прошедшихъ старую революціонную школу. Но зачѣмъ же ждать до того времени и пока что пульверизировать умственную энергію партіи".

Послѣ войны.

Война кончена. Теперь всѣ силы страны будутъ обращены на внутреннее переустройство. Ликвидируется старая Россія; формируются партіи. Изъ ихъ борьбы съ правительствомъ и изъ борьбы взаимной сложится парламентарная Россія. Къ этому процессу мы должны примѣнить свою тактику. Мы были бы политическими фаталистами и обречены на застой, то есть на политическое вымираніе, если бы упустили изъ виду то, что намъ необходимо развивать и пригонять свои пріемы и формы борьбы, свою агитацію, свою организацію, сообразно съ развитіемъ политическихъ условій.

Посмотримъ же прежде всего, что сдѣлала соціалдемократія въ тревожное время войны и что дали ей эти два года безпрерывнаго политическаго броженія. Для этого намъ нужно прежде всего освѣтить положеніе партіи въ началѣ и во время войны.

Война застала соціалдемократію врасплохъ. Но если бы она даже ждала войны, если бы она была подготовлена къ ней, если бы въ ней не было никакихъ организаціонныхъ изъяновъ если бы она была централизована и тактическіе споры разрѣшались бы борьбой мнѣній въ самой партіи, не задерживая и не дробя ея политической жизнедѣятельности, то все же россійская соціалдемократія, выработавшаяся на почвѣ полнаго безправія, навѣрное оказалась бы не въ силахъ руководить поднявшимися массами. Стихійный процессъ революціонизированія массъ шелъ гораздо скорѣе сознательной агитаціонной работы при этихъ условіяхъ. Когда же война сразу подняла весь пролетаріатъ, то ячейки организаціи въ лучшемъ случаѣ лишь оказались въ состояніи стягивать къ себѣ болѣе или менѣе значительныя теченія, не будучи вовсе въ силахъ слить въ одно весь кипучій потокъ. Это тѣмъ слабѣе удавалось, что самыя организаціонныя ячейки недостаточно были связаны между собою, что партія не была централизована.

Повидимому, въ особенности вначалѣ движенія при отсутствіи элемен-

тарнѣйшихъ политическихъ правъ, болѣе или менѣе сильныя и устойчивыя организаціи рабочихъ возможны лишь только на профессіональной почвѣ. Историческій примѣръ такой возможности даетъ намъ Англія, гдѣ вначалѣ прошлаго столѣтія развились трэдъ-уніоны, при условіяхъ не меньшихъ политическихъ преслѣдованій, чѣмъ въ Россіи. Мы видимъ къ тому же, что даже въ Россіи правительство оказалось вынужденнымъ хотя бы нѣсколько допустить возможность внѣполитической организаціи рабочихъ. При отсутствіи права сходокъ и т. п. намъ не извѣстны примѣры массовыхъ политическихъ организацій рабочихъ. Въ Германіи соціалдемократическую, какъ массовую рабочую партію, впервые создалъ Лассаль на легальной почвѣ, когда въ 60-хъ годахъ въ Пруссіи реакція смѣнилась болѣе либеральнымъ режимомъ. Исключительный законъ 1878 года разрушилъ въ Германіи организаціи рабочихъ, политическія и, профессіональныя, уничтожилъ прессу и сильно затруднилъ агитацію. Но онъ все же оставилъ возможность существованія широкой легальной организаціи рабочихъ въ связи съ парламентскими выборами, а вскорѣ рабочая пресса вновь поднялась, образовавъ могучій организаціонный ферментъ.

У насъ приверженцы экономической борьбы вполнѣ вѣрно оцѣнили значеніе организаціи на почвѣ непосредственной борьбы рабочихъ съ фабрикантами. Но они упустили изъ виду политическое развитіе Россіи, которое неотразимо толкало на все болѣе интенсивную, открытую и широкую политическую борьбу, не говоря уже о томъ, что они самую политическую программу соціалдемократіи, охватывающую всю политическую жизнь страны, на дѣлѣ сузили до краткаго катехизиса фабричной пропаганды. Начались политическія демонстраціи, поднявшія массы, но отодвинувшія на задній планъ и отчасти даже задержавшія организаціонную работу. Выразителемъ этого новаго направленія явилась „Искра“. „Искра“ была первой политической газетой русской соціалдемократіи и въ качествѣ таковой сыграла значительную роль. Она стала вмѣстѣ съ тѣмъ концентраціоннымъ идейнымъ пунктомъ. Нѣкоторое время казалось поэтому, что, такимъ образомъ, удастся создать дѣйствительную политическую партію. На провѣрку оказывается, что составились лишь централизаціонная заговорщицкая интеллигентская организація. Это опредѣлилось той особой ролью, которою интеллигенція играетъ въ русской соціалдемократіи.

Приходится предпослать нѣсколько словъ о связи между соціализмомъ и рабочимъ движеніемъ. Рабочіе не создали соціализма. Соціализмъ продуктъ культурной работы мысли, носителемъ которой при классовомъ порядкѣ могла явиться только интеллигенція по преимуществу. Соціализмъ, измѣнялъ

свое содержаніе, соотвѣтственно измѣненію общественныхъ формъ, такъ какъ философская мысль никогда не могла дать больше какъ антитезъ той дѣйствительности, среди которой она сама возникла. И вотъ, когда капитализмъ создалъ наиболѣе совершенное классовое господство, соціализмъ нашелъ въ трудахъ Сенъ-Симона, Фурье, Маркса. Энгельса свою самую совершенную историко-философскую формулировку. Борьба эксплуатируемаго класса противъ его притѣснителей также мѣняла свой характеръ и свои задачи, сообразно измѣненію общественныхъ формъ. Наконецъ, въ политической борьбѣ фабричнаго пролетаріата она нашла свое самое полное и рѣшительное историческое выраженіе. Классовая борьба промышленнаго пролетаріата ведетъ сознательно или безсознательно къ соціальной революціи. Но характеръ этого процесса, его историческая связь, его соотношеніе съ развивающимися экономическими, съ борющимися политическими силами, его міровая роль, его политическія и культурныя перспективы, все это уяснено лишь философской работой мысли интеллигенціи, а для этого потребовалась не только преемственность идей соціальнаго переустройства, но полная революція научныхъ и политическихъ понятій и развитіе естествознанія, и просвѣтительная философія и гегелевская діалектика. Соціалдемократія соединила соціализмъ съ рабочимъ движеніемъ, послѣднее слово революціонной мысли людей съ послѣднимъ актомъ классовой борьбы.

Такимъ образомъ, соціализмъ былъ поставленъ на реальную почву, а рабочее движеніе получило идейный директивъ. Напоминаю объ этой связи, потому что наряду съ вредной и нелѣпой опекой надъ пролетарскими массами въ средѣ русской соціалдемократіи замѣчается другая крайность сильнаго поклоненія массовому интеллекту, какъ будто достаточно родиться рабочимъ и собраться въ большомъ числѣ, чтобы безошибочно рѣшить всѣ міровые вопросы, выдвигаемые историческимъ моментомъ.

Однако въ Россіи процессъ внесенія политическихъ идей соціализма въ пролетарскія массы шелъ путемъ приобщенія интеллигенціи къ пролетаріату. Передъ русской соціалдемократіей были не просто отдѣльные идеологи, а цѣлый общественный слой, который революціонизировался самимъ политическимъ развитіемъ страны. Стихійный процессъ, превратившій интеллигенцію въ революціонеровъ, и сознательная пропаганда соціалдемократіи, перерабатывавшая революціонеровъ въ соціалистовъ и направлявшая ихъ къ рабочимъ, смѣшались въ одно, но именно поэтому должны были создать внутренніе конфликты. Рабочая агитація и организація слѣдуютъ законамъ массовой классовой борьбы, а интеллигенція, какъ общественный слой, раз-

вивает свои собственные агитаціонные и организаціонные пріемы и свою собственную политическую логику.

На это противорѣчіе въ той или другой формѣ неоднократно указывалось въ партійной литературѣ. Его анализпровалъ Аксельродъ въ своихъ фельетонахъ. Плехановъ въ своемъ „Дневникѣ“ съ той же точки зрѣнія напечаталъ краснорѣчивую филиппику противъ интеллигенціи. Старовѣръ въ своихъ статьяхъ „Наши злоключенія“ далъ наиболѣе глубокую и художественную характеристику политической психологіи русской интеллигенціи. Статьи эти навсегда останутся драгоцѣннымъ литературнымъ документомъ. Къ сожалѣнію, онѣ значительно страдаютъ отъ того, что полемически заострены на относительно подчиненную вещь: организаціонную схему Ленина. Отъ этого онѣ теряютъ также въ своемъ вліяніи на умы. Полемика хорошая вещь, но и она подчинена законамъ политическаго момента. Бываютъ времена, когда всего больше можно достичь полемикой, и другія, когда полемика больше приноситъ вреда, чѣмъ пользы. Такое время мы именно теперь переживаемъ. Не изничтожить, а понять другъ друга намъ надо. Суть не въ томъ, чтобы открыть виноватаго, а въ томъ, чтобы раскрыть тѣ общія причины, которыя создали и правыхъ и виноватыхъ, или, вѣрнѣе, сдѣлали всѣхъ виноватыми.

Интеллигенція индивидуалистична, въ противоположность пролетаріату, вся сила котораго въ массовой солидарности. Она выдвигаетъ героевъ и слѣдуетъ за героями, увлекаемая личнымъ примѣромъ или подчиняясь личному вліянію. Ея преимущественная форма совокупной политической борьбы-нѣчто вродѣ казацкой лавы, американскаго raid'a, когда атака производится сообща, но разрозненными единицами или отдѣльными небольшими отрядами. Эту тактику всего болѣе культивировали соціалисты-революціонеры. Тѣмъ не менѣе, мыслима также строгая централизація революціонной интеллигенціи, но, именно вслѣдствіе ея индивидуализма, только въ формѣ диктатуры. На этомъ основывалась организаціонная схема Ленина. Ленинъ боролся противъ кустарничества, но онъ самъ объединялъ кружки приблизительно, какъ скупщикъ объединяетъ кустарей. Связанные скупщикомъ кустари, конечно, въ рукахъ его представляютъ большую силу, чѣмъ экономически разрозненные и предоставленные самимъ себѣ, но это еще не крупное капиталистическое производство, а соединенные центромъ кружки еще не составляютъ политической партіи. Нужно было вывести движеніе изъ состоянія кружковщины, а Ленинъ, централизуя кружки, наоборотъ создавалъ ей новую опору. Главная задача была не централизація профессіональныхъ революціонеровъ, а внесеніе организаціоннаго фер-

мента въ рабочія массы, изъ среды которыхъ выросла бы централи зованная политическая партія. И вотъ на мѣсто пріобщенія интеллигенціи къ пролетаріату получался процессъ притягиванія рабочихъ къ интеллигенціи.

Не трудно было предвидѣть, что, если бы даже второй съѣздъ не закончился расколомъ, то созданная имъ организація должна была бы быть подвергнута кореннымъ измѣненіямъ въ тотъ моментъ, когда поднялись революціонныя массы, или же она повисла бы въ воздухѣ со всей своей системой кружковъ и кружочковъ. На самомъ дѣлѣ она не просуществовала и одного дня. Характернѣе всего, что и распалась то она по причинамъ не столько соціалдемократическимъ, сколько интеллигентскимъ. Было чисто интеллигентской затѣей при помощи случайнаго большинства одного голоса стараться подчинить себѣ и подавить меньшинство. Практика всѣхъ рабочихъ съѣздовъ и вообще политическихъ конгрессовъ показываетъ, что рѣшенія нужно всегда принимать по средней линіи, чтобы объединить по возможности всѣхъ, что, борясь со всей энергіей за проведеніе своихъ взглядовъ, надо, разъ рѣчь не идетъ о принципіальныхъ разногласіяхъ, принимать рѣшенія такъ, чтобы дать возможность оппозиціи сохранить свое достоинство и продолжать работу въ рядахъ партіи. Въ частности Ленинъ упустилъ изъ виду, что диктатура создается фактическимъ господствомъ надъ положеніемъ, а не формальными рѣшеніями. Самый второй съѣздъ явился результатомъ идейной концентраціи, созданной „Искрой“, а теперь Ленинъ при помощи вотума, документировавшаго расхожденіе, хотѣлъ концентрировать организаціи—процессъ совершенно обратнаго порядка. Въ результатѣ, организаціонная схема, прикроенная на диктатуру, но безъ фактическаго содержанія диктатуры, стала игрой случайностей и личностей, никого не связывала и всѣмъ стояла на пути. Составъ редакціи центральнаго органа немедленно измѣнился въ направленіи, противоположномъ рѣшенію второго съѣзда, причемъ уставъ ни на іоту не былъ нарушенъ. Центральный комитетъ безпрерывно мѣнялъ и свой личный составъ и свою тактику и сталъ совершенно безпомощнымъ. Ленину самому одно время пришлось вести борьбу и противъ центральнаго органа и противъ центральнаго комитета, а закончилъ онъ открытымъ возстаніемъ и, только нарушивъ свой же собственный уставъ, осуществилъ третій съѣздъ—конгрессъ не партіи, а большинства.

Со своей стороны меньшинство, расходясь съ другими не принципіально, а вначалѣ даже безъ ясно сознанныхъ тактическихъ разногласій, расходясь практически въ вопросѣ—отнюдь не маловажномъ, но все же

подчиненномъ — личнаго состава центральныхъ учрежденій, чисто по интеллигентски тотчасъ же обособилось и пошло на вытѣсненіе большинства, вмѣсто того чтобы искать путей и возможностей совмѣстной работы. Борьба противъ „большинства“—это значитъ: не просто борьба за опредѣленные взгляды, а борьба противъ опредѣленныхъ организацій. Чтобы вести эту борьбу, надо было самимъ организоваться. Этого нельзя было сдѣлать, оставаясь на почвѣ существующихъ „партій“. Безъ формальной организаціи, единственнымъ концентраціоннымъ пунктомъ для меньшинства оказался центральный органъ. И вотъ результатъ. Меньшинство, борясь противъ диктатуры, противъ бонапартизма etc., фактически въ своей собственной средѣ создало диктатуру центральнаго органа.

Разногласіе относительно личнаго состава центральныхъ учрежденій углубило и обострило уже раньше сказавшуюся борьбу взглядовъ въ вопросахъ организаціи. Критика организаціонной формы перешла въ общую критику партійной тактики. Скоро не было уже ни одного явленія партійной жизни, относительно котораго не произошло бы конфликта между большинствомъ и меньшинствомъ.

Разногласія были, или вѣрнѣе тактическія шатанія, колебанія мысли. Ибо разногласія эти уживались подчасъ въ одномъ и томъ же лицѣ. Тактическія разногласія неминуемы, покуда партія развивается. На почвѣ чрезвычайно запутанныхъ русскихъ условій онѣ тѣмъ болѣе должны были проявиться. Но что разногласія стали какой-то самодовлѣющей силой и раскололи организаціи, это приходится поставить на счетъ интеллигенціи.

Интеллигенція элементъ безпокойный. Развивая въ себѣ критицизмъ, она склонна преувеличивать политическое значеніе разности взглядовъ. А главное, увлекаясь полемикой, она забываетъ все остальное и превращаетъ ее въ своего рода искусство для искусства. Рабочіе, наоборотъ, разъ почувствовавъ силу организаціи, по своему классовому инстинкту стремятся устранить съ пути все, что мѣшаетъ совмѣстной дѣятельности, слѣдовательно также борьбу мнѣній. Во всякомъ случаѣ, какъ элементъ революціонно активный, они требуютъ немедленнаго практическаго разрѣшенія всѣхъ недоумѣній: либо такъ, либо этакъ—колебаній мысли и дѣйствій они не переносятъ. Такова же психологія всѣхъ такъ называемыхъ „практиковъ“, активныхъ натуръ, требующихъ непосредственной реализаціи политической идеи. Практики, между прочимъ, поэтому легко и очень часто незамѣтно для себя подставляютъ великимъ, но далекимъ задачамъ болѣе мелкія, но болѣе близкія, увлекаясь ихъ, въ большинствѣ случаевъ пролетарской борьбы, только кажущейся, непосредственной осуществимостью. Изъ этой

разницы политической психологіи вытекаютъ даже въ развитой соціалдемократіи конфликты между рабочими и „академиками“, между практиками и теоретиками. Понятія академикъ и теоретикъ, правда, не всегда совпадаютъ. Могутъ быть въ соціалдемократіи академики, которымъ не достаетъ и знанія и пониманія общихъ идей исторіи и соціализма. Число ихъ даже значительно увеличивается съ расширеніемъ парламентарной дѣятельности соціалдемократіи. Но все же теоретическая работа мысли выпадаетъ преимущественно на долю интеллигенціи въ рядахъ соціалдемократіи. Эта теоретическая мысль, пользуясь историкофилософскимъ методомъ, захватывая болѣе глубоко, анализируя болѣе точно, чѣмъ это возможно при помощи одного „здраваго разсудка“, очень часто оказывалась правой наперекоръ общему мнѣнію. Но именно поэтому теоретики, начиная съ Маркса, котораго ненавидѣли за его нетерпимость и придирчивость, и по наши дни, вызываютъ раздраженіе своимъ отыскиваніемъ и рѣзкимъ разграниченіемъ почти неуловимыхъ оттѣнковъ. Имъ приходится работать противъ общаго настроенія, пока политическое развитіе не превратитъ мало замѣтное вначалѣ отклоненіе отъ общаго исходнаго пункта въ разность политическихъ воззрѣній и въ конфликтъ политическихъ фактовъ. Если они при этомъ оказываются правыми, то они совершили работу не разлагающую, а связывающую, ибо во время разбудили революціонную энергію партіи на борьбу противъ мѣшающихъ ей элементовъ или взглядовъ и этимъ сильно задержали развитіе ихъ вліянія. Всегда, однако, необходимъ организаціонный противовѣсъ рабочихъ массъ, чтобы борьба мнѣній не превратилась безъ нужды въ организаціонный расколъ. Такъ идетъ развитіе въ нѣмецкой соціалдемократіи, гдѣ непрерывная теоретическая критика соединяется съ организаціоннымъ регулятивомъ пролетаріата.

Такого регулятива не было въ русской соціалдемократіи. Поэтому борьба мнѣній привела въ ней къ распаденію и къ взаимной борьбѣ организацій, хотя во все время спора обѣ стороны ни разу не усумнились въ томъ, что разногласія не идутъ дальше вопросовъ тактики и къ расколу не должны бы вести.

Въ сущности даже не было различныхъ политическихъ теченій, а было только различное направленіе политической мысли. О ленинизмѣ можно говорить только въ томъ смыслѣ, что Ленинъ въ своей книжкѣ „Что дѣлать“ и въ проведенныхъ имъ рѣшеніяхъ второго съѣзда далъ наиболѣе рѣзкое выраженіе опредѣленному порядку политическихъ и организаціонныхъ идей, которымъ онъ самъ далеко не всегда оставался вѣренъ

и отъ которыхъ далеко не всегда оставались свободны тѣ, которые противъ нихъ боролись.

Исходнымъ пунктомъ организаціоннаго плана Ленина была конспирація. Уже это было ошибочно. Конечно, соціально-революціонной партіи, имѣющей противъ себя государственную власть, нельзя не считаться съ полицейскими преслѣдованіями, но нельзя также историческое движеніе ставить на узкую базу борьбы съ полиціей. При организаціи массовой партіи интересы агитаціи должны итти впереди интересовъ конспираціи. При томъ же и конспирація бываетъ двоякаго рода: кружковая и массовая. Кружковая конспирація создаетъ іерархическій порядокъ: чѣмъ болѣе важны политическія функціи даннаго лица, тѣмъ больше онъ отодвигается отъ низовъ организаціи и заволакивается въ таинственный туманъ, а верхъ организаціи совершенно исчезаетъ въ какомъ-то романтическомъ, полумистическомъ мракѣ, какъ это случилось съ Исполнительнымъ Комитетомъ Народной Воли. Такая конспирація, какъ справедливо указываетъ Старовѣръ, сохраняетъ профессіональнаго революціонера, но отрываетъ организацію отъ рабочей массы. Массовая конспирація совсѣмъ другого рода. Она сильна тѣмъ, что растворяетъ агитаторовъ среди массъ, окружаетъ ихъ массами. Она ставитъ между революціонерами и полиціей живую среду. Конечно, интеллигентъ-соціалдемократъ, за немногими исключеніями, навсегда останется сторонним элементомъ въ рабочей средѣ. Онъ выдѣляется изъ нея, его можно поэтому выдернуть изъ массы, какъ изюминки изъ пирога. Это неизбѣжно также при кружковой конспираціи, которая только защищаетъ верхушки организаціи, а низы, ведущія агитацію, даже ставитъ въ болѣе невыгодное положеніе. Но по мѣрѣ проникновенія въ массы между профессіональнымъ революціонеромъ и рабочей средой создается цѣлый рядъ переходныхъ типовъ, агитаторовъ и пропагандистовъ изъ рабочихъ, часто совершенно неожиданно выдвигаемыхъ событіями, исчезающихъ вмѣстѣ съ ними и снова появляющихся, можетъ быть, не всегда достаточно сознательныхъ и просвѣщенныхъ, но въ кровной связи съ рабочей средой, которую они уже самимъ своимъ существованіемъ безпрерывно политически ферментируютъ. Чѣмъ больше это происходитъ, тѣмъ больше затираются передъ полиціей слѣды профессіональнаго революціонера. Съ другой стороны, рабочіе научаются обходиться безъ него. Растетъ ихъ политическій и полицейскій опытъ. Въ тотъ моментъ, когда рабочіе — худо-ли, хорошо-ли — сами могутъ возстановить разрушенныя организаціи, полиція становится безсильной. Задача была — научить рабочихъ организовываться. Отнюдь не создать надъ ними организа-

ціонную опеку. Конечно, при политической неопытности и незрѣлости рабочихъ, провалы были неизбѣжны. Можно было поэтому спорить о томъ, насколько при полицейскихъ условіяхъ абсолютизма организаціонная цѣль вообще достижима, но не могло подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что образованіе соціалдемократической партіи возможно только путемъ слія-нія организаціи съ массами, а не выдѣленія ея изъ ихъ среды.

Съ конспиративной узостью, выросшей на русской интеллигентской почвѣ, въ „Что дѣлать“ Ленина переплетаются невѣрныя общія воззрѣнія. Ихъ корень-ошибочная оцѣнка классовой борьбы пролетаріата, не русскаго только, а мірового. По „Что дѣлать“ Ленина рабочее движеніе, предоставленное самому себѣ, въ своемъ стихійномъ процессѣ не разрываетъ съ капитали-стическимъ порядкомъ, а приспособляется къ нему. Оно создаетъ трэдъ-уніоны, создаетъ парламентарную рабочую партію, а дальше—неизвѣстно что. Это — совершенно бернштейновскій взглядъ на вещи. Но Ленинъ не рѣшается сдѣлать изъ бернштейновскаго соціализма бернштейновскіе поли-тическіе выводы. Напротивъ, онъ вооружается противъ нихъ. Онъ оппор-тунистъ на изнанку. Полагая, что рабочее движеніе оппортунистично, онъ хочетъ повернуть его по революціонному. Для этого ему служатъ идеи ре-волюціоннаго соціализма. Я уже раньше упомянулъ, что рабочіе не создали соціализма какъ политическое міровоззрѣніе. Но они создаютъ соціальную революцію. Это конечная цѣль и объединяющее начало всей ихъ борьбы. Вотъ что упускаютъ изъ виду оппортунисты. А соціалистическія идеи только и имѣютъ значеніе, поскольку онѣ являются выраженіемъ этого реальнаго историческаго процесса. Ленинъ же матеріалистическій соціализмъ превра-тилъ въ идеологію. По немъ доктрина должна измѣнить характеръ поли-тическаго процесса. Отсюда организаціонная задача: просвѣщенные марк-систы, сильные централизаціей, направляютъ рабочую массу въ соціально-революціонное русло. Задача эта въ глазахъ Ленина какъ нельзя лучше совпала съ идеей организаціи профессіональныхъ революціонеровъ.

Ленинъ—писатель прямолинейный, не знающій оттѣнковъ. Какъ поли-тикъ онъ можетъ стать на голову, но не выдерживаетъ колебаній. Когда онъ писалъ свое „Что дѣлать“, соціалдемократія на Западѣ переживала смутное время. Въ Германіи бернштейновскій ревизіонизмъ туманилъ головы. Во Франціи миллерандизмъ переломилъ побѣдное шествіе революціонной соціалдемократіи, а слѣдующій за нимъ жоресизмъ деморализи-ровалъ умы и разлагалъ организаціи. Въ Италіи оппортунизмъ тянулся къ министеріализму. Въ Австріи, въ Голландіи, въ Швейцаріи, вездѣ такти-ческія колебанія и неувѣренность. Это не могло не отразиться на странахъ

отсталыхъ, безъ собственной рабочей партіи, гдѣ соціализмъ, главнымъ образомъ, питался моральнымъ престижемъ западно-европейской соціалдемократіи. Въ маленькой Румыніи въ то время кучка интеллигентовъ-парламентаріевъ съ соціалистической программой, но безъ соціалистической партіи, ничто же не сумняшеся, цѣликомъ и официально перешла въ лагерь либерализма. Въ Россіи оппортунизмъ значительно повліялъ на такъ называемыхъ экономистовъ въ смыслѣ суженія ихъ агитаціонной дѣятельности и помѣшалъ, такимъ образомъ, правильному переходу отъ фабричной агитаціи къ политической борьбѣ, создавъ, на мѣсто преемственности организацій, организаціонный конфликтъ. Онъ, однако, принесъ также своего рода пользу, уяснивъ элементамъ стороннимъ, смѣшавшимся съ соціалдемократіей, ихъ соціальную точку зрѣнія. Струве нашелъ въ бернштейніанизмѣ самого себя. Онъ сбросилъ съ себя красную мантію соціалиста, готовящагося перевернуть міръ, и облекся въ баранью шкуру либерала, испрашивающаго у власти конституцію. Онъ полагалъ, правда, что дѣлаетъ это только на время, по тактическимъ соображеніямъ — такова была тактика уже щедринскаго либерала „примѣнительно къ подлости“, — но вскорѣ оказалось, что новый нарядъ какъ нельзя больше подходитъ къ его старому естеству. Онъ даже какъ будто устыдился своего прошлаго и отъ времени до времени съ миной государственнаго мужа поучаетъ своихъ прежнихъ друзей и товарищей, что внѣ бараньей шкуры существуетъ только непрпстойная и непрактичная политическая нагота. Отразилось вліяніе западно европейскаго оппортунизма и на другихъ. Насколько піонеры русской соціалдемократіи въ 80-хъ годахъ, имѣя предъ глазами грандіозное развитіе нѣмецкой соціалдемократіи, были проникнуты соціально-революціонной увѣренностью, настолько же выдвинутые въ 90-хъ годахъ юные вожаки движенія были полны сомнѣній и колебаній, и должны были убѣждать самихъ себя въ своей убѣжденности. Тутъ-то Ленинъ сталъ жертвой своей прямолинейности. Не будучи въ состояніи справится съ оппортунизмомъ въ его исходномъ пунктѣ, онъ превратился въ политическаго анти-Струве.

Ленинъ не въ состояніи уклоняться. Онъ знаетъ только одно движеніе: впередъ. И если сторонніе силы его поворачиваютъ спиной къ намѣченной цѣли, онъ тоже двигается — впередъ. Приверженецъ законности въ партіи до формализма, онъ кончилъ формальнымъ coup a'etat, организаторъ интеллигенціи, онъ писалъ сердитыя статьи противъ интеллигенціи, когда почва уходила у него изъ подъ ногъ, и возводилъ на пьедесталъ тотъ самый пролетаріатъ, который по „Что дѣлать“, предоставленный самому себѣ, забивается въ тупой уголъ оппортунизма.

Нигдѣ не изучали такъ усердно и философскій, и историческій, и экономическій марксизмъ какъ въ средѣ русской соціалдемократіи. И пишутъ они о марксизмѣ чрезвычайно хорошо. Только примѣняютъ его своеобразно. Ибо недостаетъ имъ опыта массоваго рабочаго движенія. Они какъ капитанъ корабля, изучившій превосходно мореплаваніе, но никогда не бывавшій на морѣ, или какъ техникъ, не шедшій дальше лабораторныхъ опытовъ. Но научная подготовка не только облегчаетъ практическій опытъ, она необходима, чтобы его въ совершенствѣ использовать. Какая великая политическая энергія заключена въ марксистской вышколкѣ русскихъ соціалистовъ, мы сумѣемъ лишь вполнѣ оцѣнить, когда въ Россіи создастся соціалдемократія, какъ организованное массовое движеніе рабочихъ.

Русскіе марксисты уже и сейчасъ имѣютъ за собой историческія заслуги. Но объ этомъ рѣчь особо. Что касается дискуссіи, разстроившей организаціи, то на нее смотрѣть и больно, и смѣшно. Они идеи революціоннаго марксизма превратили въ какія-то ортодоксальныя хлопушки, которыми бьютъ другъ друга по щекамъ. Упрекъ въ оппортунизмѣ играетъ роль резиноваго шара, который акробаты подбрасываютъ другъ другу лбомъ. И въ то время какъ представители марксизма въ Западной Европѣ всегда съ негодованіемъ отвергали упрекъ въ доктринерствѣ и догматизмѣ—мы всегда готовы подвергнуть свои принципы ревизіи, мы ищемъ критики, изъ которой всегда выходили побѣдителями, болѣе того: въ теченіе полустолѣтія противъ идей матеріалистическаго соціализма не было выдвинуто ни одного новаго аргумента, межъ тѣмъ какъ марксизмъ за это время революціонировалъ всѣ области общественной мысли—русскіе марксисты, наоборотъ, „догматизмъ“ и „доктринерство“ сдѣлали чѣмъ-то вродѣ почетнаго титула.

Между тѣмъ, пока въ газетахъ и брошюрахъ трепались принципы соціализма, въ организаціяхъ въ Россіи эти принципы отошли на задній планъ передъ вопросомъ о большинствѣ и меньшинствѣ. Не стало соціалдемократіи. Вмѣсто нея—взаимопоѣдающія другъ друга группы „большевиковъ“ и „меньшевиковъ“. Кто игнорировалъ конфликтъ, имѣя въ виду общіе интересы рабочаго соціализма и задачи революціоннаго момента, тому не оказывалось мѣста въ конспиративныхъ организаціяхъ: его бойкотировали и большевики и меньшевики.

И если на одной сторонѣ было стремленіе зажать соціалдемократію въ кулакъ, то на другой развивалась все большая и большая организаціонная распущенность. Въ началѣ былъ хоть авторитетъ „Искры“. Но

вскорѣ оказались конфликты и въ самой меньшевистской редакціи. Съ тѣхъ поръ единственнымъ связывающимъ моментомъ служитъ для меньшевиковъ авторитетъ отдѣльныхъ личностей. А слѣдствіемъ организаціонной распущенности былъ организаціонный пессимизмъ и въ результатѣ тѣмъ большая организаціонная безпомощность передъ революціонными событіями.

Эта организаціонная безпомощность была возведена въ принципъ лозунгомъ „развязать революцію“, противопоставленнымъ организаціи революціи. Развязать революцію! Революціонное возстаніе разлилось по всей странѣ, оно вспыхиваетъ то здѣсь, то тамъ, случайно, безпорядочно, безъ связи, безъ общей директивы. Массы неудержимо рвутся на борьбу, ищутъ средства борьбы, требуютъ, чтобы имъ указали, какъ и за что взяться, требуютъ революціоннаго руководства. И вмѣсто того, чтобы удовлетворить этимъ требованіямъ, революціонная партія отвѣчаетъ: „бей во всю! умножай, сколько возможно, частичныя, разрозненныя, разновременныя возстанія!“ Это значитъ: политической анархіи сверху противопоставить политическій хаосъ снизу. Но главная задачи революціонной партіи именно и есть: изъ политическаго хаоса, созданнаго революціей, выдѣлить и слить ту политическую силу, которая могла бы свергнуть правительство и стать на его мѣсто.

Борьба представителей научнаго соціализма, который всегда былъ революціоннымъ и въ общемъ и въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, противъ бланкизма и революціоннаго авантюризма имѣла своимъ исходнымъ пунктомъ тотъ историческій фактъ, что революція продуктъ опредѣленнымъ образомъ сложившихся политическихъ условій и не можетъ быть создана заговоромъ. Но именно потому, что революцію нельзя сочинить, суть также и не въ томъ, чтобы ее развязать. Конечно, революціонная агитація не должна прекращаться никогда. Но во время революціи она отводитъ на задній планъ передъ революціонными событіями. Вотъ уже болѣе полугода „развязываютъ“ въ Россіи революцію! Много ли было сдѣлано этимъ развязываніемъ въ сравненіи съ тѣмъ, что произошло на самомъ дѣлѣ?! Получается явленіе какъ разъ обратное: не то, что было мало революціонныхъ событій, а то, что не могли вполнѣ использовать тѣ событія, которыя были. Все, что мы можемъ внести въ революціонную борьбу, какъ въ политическую борьбу вообще, это—сознательность и организація.

На почвѣ организаціонной безпомощности получалось скитаніе политической мысли, неумѣнье дать рѣшительный отвѣтъ на рѣшительные запросы революціи. Побѣдоносная революція дѣлаетъ тотъ классъ, который

явился главнымъ ея носителемъ, на время господиномъ государственной власти. Дальнѣйшее политическое развитіе страны идетъ по равнодѣйствующей ея общественныхъ силъ. Конечно, мы въ Россіи революціей пока что подготовляемъ политическое господство буржуазіи. Но отсюда еще не вытекаетъ, что, завоевавъ политическую власть, русскіе рабочіе должны безъ борьбы уступить ее своимъ классовымъ врагамъ. Какъ только революція въ Россіи стала политическимъ фактомъ, передъ русской соціалдемократіей возстала задача—овладѣть государственной властью и использовать ее, конечно въ соотвѣтствіи съ экономическими условіями Россіи, въ интересахъ рабочаго класса. Меньшевики отступили передъ этой задачей и углубились въ разсужденія о томъ, не лучше ли, когда революціонная армія пролетаріата одержитъ верхъ, тотчасъ же добровольно уступить политическую власть буржуазной демократіи. Эта была та же робость мысли, которая mutatis mutandis, заставила Бернштейна пророчествовать нѣмецкой соціалдемократіи „колоссальное пораженіе“, если она въ ближайшемъ окажется во главѣ государства. Прикрытіемъ этого взгляда служило имъ, какъ и Бернштейну, фаталистическое пониманіе вытекающаго изъ классовыхъ отношеній историческаго развитія. Если бы классовыя отношенія просто и непосредственно опредѣляли историческій ходъ событій, то намъ не надъ чѣмъ было бы голову ломать: оставалось бы только разсчитать моментъ соціальной революціи подобно тому, какъ астрономы разсчитываютъ моментъ прохожденія планеты, а затѣмъ сидѣть и посматривать. На самомъ дѣлѣ соотношеніе классовъ прежде всего порождаетъ политическую борьбу. Конечный результатъ этой борьбы опять таки опредѣляется развитіемъ классовыхъ силъ. Но весь ея историческій ходъ, охватывающій столѣтія, находится въ зависимости отъ массы побочныхъ экономическихъ, политическихъ, національныхъ, культурныхъ условій, а также отъ революціонной энергіи, отъ политической сознательности борящихся сторонъ, отъ ихъ тактики и умѣнья пользоваться политическимъ моментомъ. И на всемъ протяженіи классовой борьбы государственная власть играетъ огромную роль. Общественный классъ можетъ при помощи государственной власти удерживать свое господство даже наперекоръ экономическимъ условіямъ. Такъ капитализмъ въ Западной Европѣ давно уже стоитъ на пути экономическому развитію общества. При помощи государственной власти можно ускорить переходъ отъ капитализма къ соціализму подобно тому, какъ самъ капитализмъ даже просто при помощи военной силы разрушалъ старыя экономическія формы и ускорялъ переходъ къ капиталистическому производству. Еще болѣе подвержены измѣненіямъ

промежуточныя политическія формы. Само русское самодержавіе десятки лѣтъ держалось силой наперекоръ экономическому и политическому развитію страны. Въ Россіи, внѣ соціальной революціи въ Западной Европѣ, въ настоящее время не осуществимъ соціализмъ. Но какова будетъ форма господства капитализма, какова будетъ сила его государственной власти каковъ будетъ парламентъ насколько демократично будетъ дальнѣйшее развитіе нашей родины, какую роль при этомъ будетъ играть пролетаріатъ, это въ значительной степени зависитъ отъ побѣды революціи, отъ хода революціи, отъ революціонной энергіи русскихъ рабочихъ, отъ политической рѣшимости соціалдемократіи и отъ того, удастся ли ей, хоть на время, использовать государственную власть въ интересахъ трудящихся массъ.

Организаціонный схематизмъ и политическая узость на одной, организаціонная распущенность и политическая нерѣшительность на другой сторонѣ. Нетерпимость и тутъ, и тамъ. И на обѣихъ сторонахъ неумѣнье подчинить побочные интересы и организаціи и тактики великимъ задачамъ великаго историческаго момента.

Та или другая организаціонная форма, совмѣстная работа прежде всего. Движеніе въ своемъ развитіи измѣняетъ и приспособляетъ къ себѣ организаціонную форму. А они думали, что ребенокъ ростетъ по рубашкѣ! Но нѣтъ такихъ желѣзныхъ тисковъ, которыми можно было бы задержать ростъ рабочаго движенія.

Развязать ли революцію, или организовать ее, вступать ли во временное правительство, или послать въ него демократовъ, соціалдемократіи прежде всего необходимо было выступить какъ единая, сплоченная партія. Пусть будетъ та или другая тактика, прежде всего нужно создать политическую силу, чтобы ее использовать. Если нѣтъ силы, то не помогутъ никакія теоретическія разсужденія. Если есть сила, то она въ концѣ концовъ сама пробиваетъ себѣ путь къ вѣрной тактикѣ — событія подчиняютъ себѣ идеи и планы вожаковъ.

Слѣдовательно, необходимо было концентрировать силы, а они дробили ихъ своими спорами и раздорами.

Въ главномъ штабѣ арміи могутъ быть разныя мнѣнія. Но все же одно какое нибудь рѣшеніе должно быть проведено всѣми.

Если же армія распадется на двѣ части, изъ которыхъ каждая будетъ проводить свою тактику независимо отъ другой, то будетъ побита вся армія, несмотря на самую совершенную тактику, придуманную той или другой стороной. А у насъ не только двѣ части шли независимо другъ отъ

друга, они къ тому еще открыто враждовали между собой — передъ лицомъ врага.

Наша главная сила—идейная связь, покоящаяся на пониманіи общихъ законовъ политическаго развитія. Они расторгнули эту связь, подставивъ на мѣсто нея мелкія передряги.

Мы такъ долго готовились къ революціи. А когда она настала, мы оказались не въ состояніи ее использовать. Повторилась евангельская притча о дѣвахъ, которыя ждали жениха, а когда женихъ пришелъ, у нихъ не оказалось масла въ лампадахъ.

Мы вели революціонную борьбу, когда революція въ глазахъ другихъ была утопіей. Когда настали революціонныя времена, взоры всѣхъ были устремлены на насъ. Ясно было всѣмъ, что теперь наше время пришло. И вотъ, въ этотъ моментъ мы представили странѣ картину разрозненности, растерянности и безпомощности.

Какъ трудно было раньше подступиться къ „индифферентной массѣ!“ Не стало индифферентной массы, нѣтъ ея больше, революція ее снесла. Революція подняла рабочій классъ и повела его намъ навстрѣчу. Открылись тысячи возможностей организовать рабочихъ, о которыхъ мы раньше могли лишь мечтать.

Гдѣ результаты этой работы? Кой гдѣ и кой что, а въ общемъ—ничего. Напротивъ, все больше и больше чувствуется отчужденіе рабочихъ массъ отъ интеллигентской соціалдемократіи.

Революція выдвинула самихъ дѣятелей изъ рабочей среды. Партія совершенно оказалась не въ состояніи вовлечь ихъ въ свою среду. Они остались внѣ партіи.

Палъ авторитетъ партіи.

И вотъ къ рабочимъ массамъ начинаютъ подбираться оппортунисты разныхъ оттѣнковъ.

Этого ли добивались? Исходнымъ пунктомъ, одушевляющей идеей всей распри, и на той и на другой сторонѣ было желаніе укрѣпить соціально-революціонный характеръ партіи, была борьба съ оппортунизмомъ, — но именно своими распрями, ослабляя революціонную энергію партіи, понижая ея престижъ, они открыли путь—оппортунизму!

Что же дальше? Что нужно покончить съ организаціонной распрей, обезпечивъ, разумѣется, борьбу мнѣній, это вытекаетъ изъ всей исторіи раскола. Но какъ этого достичь? Снизу? Сверху? И съ той и съ другой стороны.

А главное, нужно внести въ движеніе тотъ массовый регулятивъ, отсутствіе котораго породило всю путаницу. Какъ это сдѣлать, или вѣрнѣе, какъ это произойдетъ, ибо несомнѣнно историческій процессъ долженъ выдвинуть въ Россіи единую сплоченную соціалдемократическую рабочую партію, объ этомъ мы поговоримъ особо [1]).

---

1) Статья эта была напечатана въ послѣднемъ номерѣ „Искры“. Литературнаго продолженія ея не появилось. Своей политической дѣятельностью на родинѣ я пытался дать посильный отвѣтъ на поставленный въ концѣ статьи вопросъ.

Наши задачи.

Политическая революція лежитъ въ основѣ программы соціалдемократіи всѣхъ странъ—пролетарская революція, которая завершитъ циклъ революцій, начатыхъ Великой Французской Революціей.

Чтобы разбить старый сословный строй, буржуазія принуждена была опереться на народъ. Она противопоставила націю сословіямъ. Но уже съ перваго момента общей побѣды, когда были провозглашены свобода, равенство и братство, оказалось, что нація раздѣлена. Сословныя различія были отмѣнены, классовыя различія выступили наружу и опредѣлили дальнѣйшій ходъ революціи. Свергнувъ абсолютизмъ, буржуазія, разъѣдаемая внутренними противорѣчіями, оказалась не въ состояніи установить прочную государственную власть. Среди общаго политическаго хаоса кормило правленія быстро переходило изъ рукъ въ руки, отъ одного общественнаго слоя къ другому. Политическія системы мѣнялись, какъ цвѣта въ калейдоскопѣ, становясь, однако, подъ давленіемъ мелкой буржуазіи и рабочихъ, все радикальнѣе, пока не была пройдена вся скала политической демократіи. Мелкая буржуазія, неспособная вслѣдствіе своей классовой неопредѣленности и вытекающей отсюда разрозненности управлять страной, безпомощная и въ своей безпомощности вѣчно недовольная и волнующаяся, составила элементъ политическаго разложенія буржуазныхъ партій и въ то же время ферментъ революціоннаго возбужденія народныхъ массъ. При помощи рабочихъ и ремесленниковъ мелкая буржуазія добилась власти, но, не будучи въ состояніи выставить экономическую программу, объединяющую съ нею рабочій классъ, она, чтобы удержать власть, принуждена была воздвигнуть гильотину, жертвой которой она сама впослѣдствіи пала. Пролетаріатъ, съ своей стороны, не могъ не сознавать, что политическое равноправіе еще не освобождаетъ его отъ гнета фабрикантовъ и мастеровъ. Онъ боролся противъ господства буржуазіи и гналъ впередъ революцію, смутно надѣясь, что выработается, наконецъ такой государственный поря-

докъ, который освободитъ его отъ экономической зависимости. Но только къ концу революціи, подъ вліяніемъ все болѣе опредѣлявшейся классовой оппозиціи пролетаріата, при заговорѣ Бабефа была выставлена соціалистическая программа.

Такимъ образомъ, Великая Французская Революція въ быстро смѣняющихся фазахъ продѣлала уже все то развитіе, которое съ тѣхъ поръ стало характернымъ для Западной Европы и всѣхъ буржуазныхъ странъ. Господство капиталистическаго класса—демократическая оппозиція мелкой буржуазіи—соціально-революціонная оппозиція рабочаго класса и готовящаяся диктатура пролетаріата. Эти формы развитія повторились и во время революціи 48 года, но вслѣдствіе болѣе опредѣлившихся къ тому времени классовыхъ отношеній и ихъ болѣе рѣшительнаго выраженія въ политическихъ программахъ, переходъ совершился гораздо болѣе быстро и закончился открытой борьбой между началомъ и концомъ—между капиталистическимъ классомъ и пролетаріатомъ. Во время Коммуны 71-го года промежуточная фаза была пройдена почти незамѣтно, пролетаріатъ сразу сталъ у власти и долженъ былъ защищать ее противъ буржуазіи. Эти фазисы развитія въ видѣ затяжнаго процесса, проходятъ черезъ всю парламентарную исторію Европы. Они еще нигдѣ не изжиты вполнѣ, но ихъ исходный и конечный пунктъ рѣзко противостоятъ другъ другу въ Западной Европѣ.

Капиталистическій классъ Западной Европы давно измѣнилъ революціи и ищетъ опоры для себя въ усиленіи правительственной власти. Съ другой стороны, пролетаріатъ, объединенный въ соціалдемократическія партіи, сдѣлалъ исходнымъ пунктомъ своей борьбы сверженіе политическаго господства буржуазіи и овладѣніе государственной властью. Въ связи съ этимъ соціалдемократія выставила, однако, рядъ законодательныхъ требованій, осуществимыхъ безъ нарушенія капиталистическаго порядка. Цѣль ея программы: демократизируя государство и освобождая рабочихъ отъ наиболѣе тяжелыхъ формъ, пріемовъ и послѣдствій эксплуатаціи, поставить ихъ въ болѣе выгодныя условія политической борьбы и увеличить ихъ соціально-революціонную энергію.

Нигдѣ и никогда буржуазіи не удалось, послѣ свергнутаго революціей государственнаго строя немедленно и безпрепятственно установить свой собственный „порядокъ“. Вездѣ и повсюду этому предшествовалъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ политической сумятицы и ожесточенной борьбы классовъ.

Тоже самое происходитъ и въ переживаемой нами революціи.

Революція въ Россіи запоздала. Ее задержалъ европейскій капиталъ. Европейскій капиталъ въ теченіе многихъ лѣтъ снабжалъ самодержавіе оружіемъ и деньгами и укрѣплялъ его въ интересахъ своей наживы и своего собственнаго господства. Пока наши самобытники искали основы самодержавія въ русской душѣ православнаго крестьянина, послѣднее давно уже пустило новые корни въ банковыхъ кассахъ Ротшильда, Мендельсона, Credit Lyonnais и проч., и проч., и проч. Но тотъ же европейскій капиталъ перевернулъ всѣ общественныя и культурныя условія Россіи, создалъ революціонный пролетаріатъ и, наконецъ, вогналъ правительство въ войну, которая сломила его военное могущество и потрясла государство въ его основахъ.

Въ настоящій моментъ мы переживаемъ періодъ политической анархіи. Старая государственная связь порвана, а новая еще не образовалась. Она можетъ образоваться только послѣ того, какъ всѣ классы соразмѣрятъ свои силы въ борьбѣ за политическую власть.

Запоздалость революціи въ Россіи обусловливаетъ необыкновенную путаницу классовыхъ отношеній, которыя ей приходится учесть. Къ тому же она происходитъ при новыхъ міровыхъ условіяхъ. Среди класса капиталистовъ очень сильно представлена европейская биржа. Она независима отъ россійскаго государства, не подчинена ему, а стремится подчинить его себѣ. Она вчера спекулировала на повышеніе курса самодержавія, сегодня она спекулируетъ на его пониженіе. Для нея судьбы русскаго народа стоятъ не выше судебъ эѳіоповъ въ Абиссиніи. Но она боится за свой капиталъ и готова была бы, если бы это отъ нея зависѣло, послать въ Россію прусскія или австрійскія войска, чтобы установить порядокъ, гарантирующій ей безнедоимочную уплату процента по займамъ. Къ денежной биржѣ примыкаетъ группа иностранныхъ капиталистовъ, вложившихъ въ той или другой формѣ, значительныя суммы въ промышленныя и торговыя предпріятія въ Россіи. Слѣдуетъ русская плутократія—банки, связанные узами кредита съ европейскими финансовыми институтами. За ними всѣми стоитъ всемірный капиталъ, нетерпѣливо стремящійся расхитить богатства Россіи и поработить народныя силы. Въ то же время „національный“ капиталъ Россіи пестрѣетъ всѣми формами и разновидностями капиталистическаго хищничества: тутъ и „просвѣщенный“ фабрикантъ на англійскій манеръ, и заводчикъ, наживающійся на казенныхъ заказахъ, коммерсантъ съ широкой постановкой сбыта, поставщикъ, вся коммерческая техника котораго заключается въ системѣ взятокъ, старозавѣтный купецъ, напоминающій скорѣй китайскаго торговца, чѣмъ европейскаго, и представители всѣхъ

видовъ первоначальнаго накопленія—отъ ростовщика и кулака, обдирающаго народъ, и до лавочника, наживающагося на тухлой рыбѣ. Не менѣе разнообразныя аграрныя отношенія: аристократъ, владѣющій громадными латифундіями, которыя онъ посѣщаетъ развѣ что только для охоты, помѣщикъ-коммерсантъ, имѣющій связи съ хлѣбной биржей въ Берлинѣ и Лондонѣ, помѣщикъ-промышленникъ прусскаго типа, стремящійся опереться на побочныя индустріи агрикультуры, устраивающій кирпичные заводы, винокурни, сахарные заводы; помѣщикъ-хозяинъ, напирающій на раціональную культуру; купецъ-землевладѣлецъ, ищущій прежде всего быстраго оборота капитала, тьма разоренныхъ дворянъ-помѣщиковъ, крестьяне-торговцы въ окружности большихъ городовъ, милліоны полукабальныхъ крестьянъ, милліоны раззоренныхъ крестьянъ, милліоны крестьянскаго пролетаріата и необъятныя пространства земли во владѣніи удѣловъ, казны, церкви и монастырей. Милліоны нищихъ и бродячаго народа въ странѣ. Очень слабый слой ремесленниковъ. Зато чрезвычайно многочисленная интеллигенція. Наконецъ, фабричный пролетаріатъ, скованный въ одинъ классъ не жалкими мануфактурами и фабричками Франціи 18 столѣтія, а современной крупной индустріей, но въ значительныхъ своихъ слояхъ еще не потерявшій связи съ землей. Все это имѣетъ свои особыя нужды, свои особыя требованія, свою особую политическую физіономію. Всѣ эти разныя нужды, требованія, экономическія и политическія образованія революція сталкиваетъ между собой въ общемъ круговоротѣ политической борьбы.

Не по нашему декрету началась революція и не намъ декретировать ея конецъ. Суть не въ томъ, желательно или нежелательно намъ продолженіе революціонной борьбы. Сама революціонная борьба отнюдь не тождественна съ революціоннымъ возстаніемъ. Не возстаніе создало революцію, а революція создала возстаніе, какъ свой естественный и рѣшительный, но отнюдь не единственный способъ борьбы. Революція—историческій процессъ наибольшаго напряженія политической борьбы, во всѣхъ ея видахъ и формахъ, ожесточенная борьба за государственную власть между разными классами, слоями и группами общества. Выработка исторической равнодѣйствующей изъ этого водоворота общественныхъ силъ, при отмѣченной выше пестротѣ и путаницѣ классовыхъ отношеній въ современной Россіи, процессъ долгій и мучительный, полный потрясеній и внезапныхъ переходовъ.

Намъ приходится, слѣдовательно, считаться не съ моментомъ, а съ продолжительнымъ развитіемъ. Къ этому должна быть пріурочена наша тактика.

Наша первая, коренная задача—уяснить пролетаріату его классовое положеніе и его историческую роль, способствуя, такимъ образомъ, совершающемуся въ силу объективныхъ условій отдѣленію его отъ другихъ классовъ. Это вопросъ образованія соціалдемократической рабочей партіи. Въ связи съ этимъ, надо старую, конспиративную организацію слить съ новой, массовой. Пропаганду этой идеи, агитацію за нее на фактахъ политической борьбы мы ставимъ ближайшей нашей цѣлью.

Наряду съ политической организаціей пролетаріата необходимо развитіе его профессіональныхъ организацій. Профессіональные союзы образуютъ наиболѣе тѣсную связь между рабочими и, организуя ихъ непосредственную борьбу противъ капиталистической эксплуатаціи, углубляютъ ихъ классовое самосознаніе. Они, правда, на опредѣленной ступени своего развитія проходятъ черезъ періодъ оппортунизма, т. е. приспособленія къ капиталистическому государственному строю, но опасность эта для рабочихъ организацій въ Россіи еще очень далека, она абсолютно отсутствуетъ во время революціи, когда борьба за государственную власть стоитъ въ центрѣ политической жизни и, можетъ быть, въ Россіи будетъ совершенно избѣгнута, благодаря опыту Западной Европы, а еще, больше того, вслѣдствіе обострившейся во всемъ мірѣ классовой борьбы пролетаріата, которая привела даже англійскіе трэдъ-уніоны къ организаціи самостоятельной рабочей партіи.

Организація пролетаріата—база всей нашей дальнѣйшей дѣятельности. Подъемъ общественнаго интереса и общественной энергіи, созданный революціей, намъ въ этомъ отношеніи открываетъ величайшія возможности. На что въ другое время потребовались бы годы, то теперь можно сдѣлать въ мѣсяцы, даже недѣли. Весь рабочій классъ фабрикъ и заводовъ долженъ войти въ соціалдемократическую партію. Но и къ сельскому пролетаріату намъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, открытъ доступъ. Надо покрыть всю страну политическими клубами и профессіональными организаціями рабочихъ. Надо ввести рабочихъ въ политическую жизнь, устраивая повсюду митинги и собранія. Надо всѣми силами способствовать развитію рабочей прессы.

Наиболѣе широкое и энергичное использованіе политическихъ правъ—наилучшая гарантія противъ возврата къ прежнему безправію. И, если на почвѣ мирнаго парламентарнаго развитія Западной Европы классовая организація пролетаріата создала революціонную силу, неминуемо ведущую къ политической катастрофѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что классовая организа-

ція пролетаріата въ Россіи во время революціи усилитъ революціонную энергію и увеличитъ политическія возможности революціи.

Непосредственная революціонная цѣль пролетаріата въ Россіи—осуществленіе такого государственнаго строя, при которомъ были бы обезпечены требованія рабочей демократіи. Рабочая демократія заключаетъ въ себѣ всѣ самыя крайнія требованія буржуазной демократіи, но придаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ особый характеръ и присоединяетъ новыя, чисто пролетарскія. Такъ, свобода сходокъ и союзовъ, съ общедемократической точки зрѣнія, только разновидность свободы мнѣній и слова, а для рабочихъ это основныя гарантіи ихъ классовой борьбы. Они, поэтому, особенно тщательно разрабатываютъ эту часть демократической программы, выдѣляя среди свободы организацій особенно еще свободу стачекъ. Ко всей демократической программѣ пролетаріатъ добавляетъ требованія рабочаго законодательства, въ первую линію—нормальный восьмичасовой рабочій день. Наряду съ политическими гарантіями гражданскихъ правъ, пролетаріатъ требуетъ для себя экономическихъ гарантій возможности ихъ использовать—права на отдыхъ.

Такимъ образомъ, революція въ Россіи создаетъ особую связь между программой — минимумъ соціалдемократіи и ея конечною цѣлью. Это не диктатура пролетаріата, имѣющая своей задачей измѣнить кореннымъ образомъ производственныя отношенія въ странѣ, а все же она идетъ уже дальше буржуазной демократіи. Мы не можемъ пока еще въ Россіи ставить своей задачей превратить буржуазную революцію въ соціальную. Но еще меньше у насъ необходимости подчиниться буржуазной революціи Уже не говоря о томъ, что это противорѣчило бы исходному пункту всей нашей программы, сама классовая борьба пролетаріата насъ толкаетъ впередъ. Наша задача—раздвинуть рамки буржуазной революціи, выдвигая въ ней интересы пролетаріата и создавая въ самой буржуазной конституціи возможно болѣе широкую базу для соціально-революціоннаго переворота.

Правительство уже сейчасъ пошло въ своихъ уступкахъ далѣе того, чѣмъ удовлетворились бы либеральныя партіи до революціи; не подлежитъ сомнѣнію, что оно должно будетъ пойти еще дальше. Упорство реакціи создало революцію, которая придала всѣмъ политическимъ вопросамъ болѣе рѣшительный характеръ. Но это только внѣшній видъ событій. Тѣ общественныя силы, которыя несутъ на себѣ революцію, должны были бы проявить себя при какихъ бы то ни было формахъ перехода къ парламентарному порядку и сломить еще остающіяся преграды. Вполнѣ основательная

боязнь революціи именно и удерживала правительство отъ реформъ. Упорство правительства опредѣляетъ только его собственную судьбу, а революціонный ходъ событій опредѣляется хаосомъ общественныхъ отношеній, который историческими условіями создался въ Россіи.

Въ страхѣ передъ растущей политической силой пролетаріата, буржуазія становится реакціонной. Но ея собственныя классовыя соотношенія ведутъ ее къ борьбѣ за власть въ собственной средѣ и къ борьбѣ съ правительствомъ. Она, поэтому, будетъ переходить отъ революціоннаго возбужденія къ реакціонной озлобленности и наоборотъ. Политика шатаній—политика безсилія. Классъ, которому революція готовитъ политическое господство, во время самой революціи оказывается наименѣе способнымъ управлять событіями. Это пойдетъ на пользу политически организованному пролетаріату, который уже съ самаго начала революціи, благодаря своей классовой связи и революціонной энергіи, сталъ ея руководящей силой.

Мы будемъ толкать впередъ буржуазію. Каждый шагъ, который она дѣлаетъ на пути демократизаціи государства, ее пугаетъ, такъ какъ онъ идетъ на пользу пролетаріату. Именно потому въ интересахъ пролетаріата содѣйствовать буржуазіи въ либеральной оппозиціи. Мы не боимся успѣховъ либерализма; напротивъ, они—условіе нашихъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Зато при каждомъ отступленіи либерализма мы будемъ преслѣдовать его по всей линіи. Во всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ положеніяхъ мы безпощадно будемъ критиковать классовый характеръ буржуазныхъ партій, какъ либеральныхъ, такъ и демократическихъ.

Побѣда революціи выдвигаетъ на политическую сцену крестьянство. Оно способствовало революціи, умножая политическую анархію, но не было въ состояніи концентрировать свою политическую борьбу. Теперь оно внесетъ въ борьбу партій всю путаницу своихъ экономическихъ требованій и экономическихъ невозможностей.

Капиталистическій строй не въ состояніи разрѣшить крестьянскій вопросъ. Поэтому, выступленіе крестьянства осложнитъ и продлитъ революцію и надолго еще помѣшаетъ упроченію буржуазнаго порядка.

Соціалдемократія опирается на пролетаріатъ не потому только, что онъ исключительно рабочая партія, а потому что видитъ въ немъ единственную силу, которая въ состояніи перестроить производственныя отношенія такъ, чтобы освободить отъ эксплуатаціи всѣ слои трудящагося населенія. Она непосредственно защищаетъ, какъ интересы рабочихъ, такъ и интересы крестьянства, поскольку оно прямо или косвенно подвержено эксплуатаціи. Но въ интересахъ рабочихъ и самого крестьянства соціал-

демократія противится возврату къ устарѣлымъ формахъ экономическихъ отношеній, которыя разрушаются развитіемъ производства. Наша задача—раскрыть и расширить экономическія требованія крестьянства, ведя его на путь соціалистическаго переворота.

Въ то же время и въ связи съ этимъ мы раскроемъ всѣ формы классовой борьбы на почвѣ аграрныхъ отношеній и постараемся слить съ рабочими фабрикъ и городовъ близко стоящіе къ нимъ слои сельскаго пролетаріата и малоземельныхъ крестьянъ.

Революціонный періодъ оставилъ намъ въ наслѣдство соціалистическую интеллигенцію. Наша задача — громадную умственную и революціонную энергію, накопившуюся въ этой средѣ, использовать въ рядахъ соціалдемократической рабочей партіи, расширеніемъ политическихъ и культурныхъ задачъ революціи, по возможности задерживая неизбѣжный въ своемъ конечномъ результатѣ переходъ буржуазной интеллигенціи къ жизненнымъ идеаламъ и къ жизненному укладу буржуазіи.

Политическая путаница революціи въ Россіи увеличивается борьбой національностей, которыхъ самодержавіе исключительными законами и политикой національнаго порабощенія поставило во враждебныя другъ къ другу отношенія. Національный вопросъ разрѣшенъ на практикѣ демократической республикой въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Такого же свободнаго союза націй мы должны достичь и въ Россіи. Наша задача—раскрыть всѣ пути къ самостоятельному политическому и культурному развитію отдѣльныхъ національностей, но, не менѣе того, также наша задача—во всѣхъ націяхъ, отдѣлить пролетаріатъ отъ другихъ классовъ и пролетаріатъ всѣхъ національностей Россіи объединить въ общую соціально-революціонную армію. Это создастъ очень тѣсную обще-россійскую связь, но создастъ ее не противъ воли отдѣльныхъ національностей, а благодаря внутреннему классовому противорѣчію, которое неминуемо разлагаетъ національности при капиталистическомъ строѣ. Мы объединимъ національности не государственной властью, а въ борьбѣ противъ капиталистическаго государства.

Россійское самодержавіе находило опору въ западно-европейскомъ капиталѣ,—россійская революція находитъ себѣ опору въ западно-европейскомъ пролетаріатѣ. Если намъ теперь нечего опасаться военнаго вмѣшательства со стороны Германіи или Австріи, то мы этимъ исключительно обязаны западно-европейской соціалдемократіи. Попытка подавить извнѣ военной силой революцію въ Россіи, несомнѣнно вызоветъ въ этихъ странахъ пролетарскую революцію. По мѣрѣ организаціи въ Россіи со-

ціально-революціонной арміи пролетаріата, связь съ соціалдемократіей всего міра расширится и углубится. Съ переходомъ отъ борьбы противъ самодержавія къ установленію рабочей демократіи создастся общность непосредственной политической борьбы. Борьба за восьмичасовый рабочій день сразу ставитъ пролетаріатъ Россіи на одну плоскость борьбы со всемірнымъ пролетаріатомъ. Успѣхи революціи въ Россіи наполнили страхомъ правительства Западной Европы и сильно подняли революціонную энергію западно-европейской соціалдемократіи. То, что достигнуто въ Россіи, находится еще далеко позади того, чѣмъ владѣютъ народы на Западѣ. Но самая возможность революціи отозвалась могучимъ откликомъ въ чрезвычайно напряженной политической атмосферѣ Западной Европы. Дальнѣйшіе революціонные успѣхи россійскаго пролетаріата на пути къ осуществленію рабочей демократіи, которые будутъ уже успѣхами всемірнаго пролетаріата, могутъ дать толчекъ къ рѣшительной борьбѣ между соціально-революціонными организаціями пролетаріата и государственной властью въ Западной Европѣ. Къ тому времени соціалдемократическая организація пролетаріата въ Россіи охватитъ всѣ рабочія массы, разовьется, окрѣпнетъ, къ тому времени подымется политическая сознательность рабочихъ и умножится ихъ революціонная увѣренность. Тогда мы будемъ стоять передъ задачей расширить нашу революціонную программу за предѣлы рабочей демократіи.

Революція въ Россіи только еще въ началѣ своего развитія. Она въ своемъ теченіи подыметъ народы и потрясетъ въ его основахъ весь капиталистическій міръ.

Да здравствуетъ Россійская Революція!

Да здравствуетъ соціализмъ!

(„Начало“, 1905 г., 13 ноября).

Ходъ революціи.

Исторія вступила въ свои права. Задержать ходъ событій или направить его въ то или другое русло не въ силахъ ни правительство ни партіи. Результатъ опредѣлится въ непосредственной борьбѣ общественныхъ силъ между собой. Такова сущность революціи.

Правительство, твердо вѣрившее въ то, что ему Божьею милостью поручено вершать судьбы народовъ, мечется въ безпомощности. Оно по старой привычкѣ подымаетъ голосъ команды, но въ отвѣтъ получаетъ взрывъ негодованія или общій вызывающій хохотъ. Оно пытается возстановить порядокъ — безуспѣшно. Тогда оно, наоборотъ, организуетъ мятежъ, объединяя при помощи полиціи подонки общества съ его верхушками, Вяземскую лавру съ Англійской набережной, уличныхъ воришекъ съ грабителями биржи, сутенеровъ съ дамами великокняжескихъ салоновъ, и ставитъ этотъ союзъ паразитовъ подъ пастырское благословеніе высшаго духовенства. Оно возбуждаетъ одни слои населенія противъ другихъ, надѣясь, что увеличивъ смуту, заставитъ имущіе классы въ страхѣ за свою собственность и личную безопасность искать опоры у правительства. Это становится все больше характерной чертой, единственнымъ объединяющимъ началомъ правительственной дѣятельности. Правительство ведетъ въ собственной странѣ ту же политику созданія внутреннихъ междуусобій, при помощи которой оно въ теченіе столѣтія разлагало Турцію.

Буржуазныя партіи всѣхъ оттѣнковъ либерализма и демократіи видятъ передъ собой политическій хаосъ. Онѣ боятся его потому, что въ немъ пролетарскія массы все больше отодвигаютъ на задній планъ другіе слои городского населенія. Уже встаетъ передъ ихъ глазами призракъ соціальной революціи.

Либеральныя и демократическія партіи хотятъ регулировать революцію. Но какъ это сдѣлать? Отъ правительства Витте не ждутъ уже спасенія даже и смиренномудрые земцы. Но гдѣ же искать опоры? Какъ, куда

бросить якорь среди общей пучины, разрывающей всѣ связи и разрушающей всѣ основы?

При такомъ положеніи дѣлъ буржуазные органы всѣхъ оттѣнковъ отличаюся другъ отъ друга только еще большимъ или меньшимъ радикализмомъ своихъ жалобъ. Выхода же не находитъ никто изъ нихъ. Политическихъ плановъ возникаетъ множество. Но всѣ они у насъ при самомъ своемъ возникновеніи носятъ на себѣ печать тлѣнія.

Таковъ напр. планъ „Руси“ образовать временное правительство изъ представителей Совѣта Рабочихъ Депутатовъ и другихъ существующихъ политическихъ союзовъ и партій.

Въ сущности, предлагается не правительство, а комитетъ для давленія на правительство. Сила его во всеобщей стачкѣ, но предполагается, что пользоваться ею ему придется только, какъ угрозой. Революціонное средство борьбы превращается въ средство устрашенія правительства.

Буржуазія готова воспользоваться революціонной энергіей массовой стачки, чтобы добиться нужныхъ ей политическихъ преобразованій, но она вмѣстѣ съ тѣмъ боиться разростающейся съ каждой такой стачкой политической силы пролетаріата. Скрытая, можетъ-быть, еще не вполнѣ сознанная и самимъ авторомъ, цѣль политическаго плана „Руси“, во всякомъ случаѣ его неизбѣжный результатъ—это то, что у пролетаріата будетъ отнято его главное орудіе революціонной борьбы и передано въ распоряженіе корпораціи, смѣшанной по своему составу и поэтому менѣе радикальной и рѣшительной Противорѣчіе интересовъ буржуазіи и пролетаріата, которое уже сказалось при ноябрьской забастовкѣ, будетъ перенесено въ самый комитетъ стачки и дезорганизуетъ ее уже при возникновеніи ея.

Между тѣмъ именно ноябрьская стачка показала, что, для того чтобы остановить производство во всей странѣ, пролетаріату не нужно поддержки буржуазіи.

Наиболѣе характернымъ фактомъ Велпкой Россійской Революціи, надъ которымъ не мѣшаетъ вообще призадуматься, является то обстоятельство, что производительныя силы страны оказались въ распоряженіи рабочаго класса еще раньше, чѣмъ онъ достигъ политической власти. Въ этомъ фактѣ кроются столѣтіе мірового развитія капитализма и величайшія перспективы всемірной исторіи.

Пролетаріатъ, разумѣется, не выпуститъ изъ рукъ своихъ политической силы, которую самъ создалъ.

Мы знаемъ, что революція не остановится на массовой стачкѣ, какъ она не остановилась на политическихъ демонстраціяхъ.

Политическія забастовки открыли лишь путь къ широкому политическому выступленію народныхъ массъ.

На этой основѣ организуется пролетаріатъ. На этой основѣ сплачивается крестьянство.

Въ то же время политическая забастовка обезсилила государственную власть, эту необходимую насильственную связь капиталистическаго производства и всѣхъ покоящихся на частной собственности соціальныхъ отношеній. Въ силу этого къ политической анархіи прибавилась анархія въ производствѣ и въ имущественныхъ отношеніяхъ, въ особенности въ землевладѣніи.

Государственной власти приходится уже бороться не только за возстановленіе своей политической силы, но и за возстановленіе старыхъ имущественныхъ отношеній. И процессъ возстановленія осложняется съ каждымъ днемъ.

Заодно съ этимъ установляется все большая связь между арміей и народомъ. Дисциплина исчезла, организація арміи расползается, и во многихъ мѣстахъ уже произошло сліяніе между военной силой и революціонной арміей рабочихъ.

Обезсиленное правительство потеряло свой финансовый кредитъ. Разстройство производства рветъ всѣ торговыя связи. Въ силу общаго промышленнаго упадка, и благодаря открытому сопротивленію при взносѣ податей, падаютъ доходы казны. Когда же обанкротившееся политически правительство должно будетъ объявить финансовое банкротство, то оно перестанетъ существовать.

Оно перестанетъ существовать, разъ оно не въ состояніи оплачивать армію и администрацію. Вопросъ временнаго правительства тогда станетъ вопросомъ существованія государства.

Далѣе, немедленный созывъ учредительнаго собранія не измѣнитъ положенія дѣлъ. Чѣмъ болѣе правомѣрнымъ представительствомъ страны оно будетъ, отражая въ себѣ всѣ политическія теченія и оттѣнки, тѣмъ больше оно явится выразителемъ общей политической сумятицы и кипучей борьбы классовъ. Оно не дастъ успокоенія странѣ, какъ не дала его французская Конституанта. Если оно ограничится перестройкой старой правительственной власти, то оно подорветъ основы своего собственнаго существованія. Если оно рѣшится создать новую правительственную власть, то ему придется опереться на ту же революціонную силу, что и временное правительство.

Учредительное собраніе само не есть сила. Существуютъ двѣ политическія силы, борющіяся между собой за господство: правительство, опираю

щееся на армію, и народъ, концентрирующійся вокругъ революціоннаго пролетаріата. Въ тотъ моментъ, когда армія съ пролетаріатомъ сольются, революція продиктуетъ свою волю правительству и опредѣлитъ его составъ.

Мы вошли въ новую стадію развитія революціи. Борьба ведется теперь уже не за тѣ или другія законодательныя нормы государственнаго устройства, а непосредственно за правительственную власть.

Черезъ посредство учредительнаго собранія или безъ него, на очереди стоитъ вопросъ **революціоннаго правительства.**

Быть можетъ, революція, создавъ свое правительство, сама же его вскорѣ свергнетъ. Новое правительство должно будетъ защищать свое существованіе въ безпрерывной и ожесточенной борьбѣ. Но каковы бы ни были перемѣны, пока революція не пошла на упадокъ — а до этого еще далеко--существовать можетъ только правительство, опирающееся на нее.

Соціалдемократія не ставитъ своей задачей измѣнять въ чьихъ-либо особыхъ интересахъ ходъ революціи, она только учитываетъ ея результаты и приспособляетъ къ нимъ свою тактику.

Суть для насъ не въ томъ, чтобы предопредѣлить составъ революціоннаго правительства. Гораздо важнѣе, чѣмъ личный составъ и способъ возникновенія революціоннаго правительства, та политическая сила, которая его выдвинетъ и будетъ поддерживать. Эта сила—революціонный пролетаріатъ. Почти что безразлично, найдетъ ли пролетаріатъ поддержку со стороны демократической буржуазіи или нѣтъ. Эта поддержка важна, покуда приходится еще только расторгать старую государственную власть. Но когда складывается новыя, демократическія партія въ виду своего междуклассоваго положенія становятся безсильными. На кого опираются наши демократы? Ихъ кучка во всей странѣ.

Зато чрезвычайно важно, чтобы пролетаріатъ ясно сознадъ ту политическую задачу, которую ему приходится разрѣшить, и связалъ себя организаціей и совмѣстной идейной работой.

Чтобы дать выходъ политической работѣ мысли пролетарскихъ массъ, надо организовать клубы рабочихъ. Для той же цѣли и чтобы уяснить политическое сознаніе рабочихъ, надо создать рабочую прессу.

Надо—и это центръ всего—устранить элементъ случайности и безпорядочности въ рабочихъ организаціяхъ. Рабочія массы во всей странѣ должны быть организованы по одному образцу, какъ политическому, такъ и профессіональному. И политическія и профессіональныя организаціи должны быть объеденены, какъ въ Австріи, однимъ общимъ центромъ.

Это необходимо и потому неизбѣжно. Если мы этого не сдѣлаемъ, то

оно будетъ сдѣлано помимо насъ. Революція диктуетъ пролетаріату его политику, а намъ—наши организаціонныя задачи.

Не объединеніе выдвинутыхъ революціей политическихъ центровъ, сильно подверженныхъ моменту случайности, не отыскиваніе союзниковъ при образованіи временнаго правительства, а выдѣленіе пролетаріата и объединеніе его въ соціалдемократическую партію, вотъ тѣ задачи, которыя передъ нами выдвигаетъ историческій моментъ.

(„Начало", 1905 г., 25 ноября).

Настоящее политическое положеніе и виды на будущее

Постараемся обсудить положеніе дѣлъ съ полнымъ безпристрастіемъ, какъ если бы это касалось не насъ, а кого-нибудь другого, какъ если бы дѣйствіе происходило не въ Россіи, а гдѣ-нибудь далеко за предѣлами ея. Подсчитывая послѣдствія, постараемся отыскать ихъ общія причины. На сторонѣ нашихъ противниковъ несомнѣнно много непониманія и злобы. Но мы будемъ искать разумныхъ основаній дѣйствій даже нашихъ злѣйшихъ враговъ. Ибо, если мы будемъ считать своихъ враговъ за дураковъ тамъ, гдѣ они только разумно соблюдаютъ свой интересъ, то этимъ одурачимъ самихъ себя.

1.—17-ое октября и его послѣдствія.

Когда правительство 17-го октября сдѣлало уступки народу, то оно, конечно, разсчитывало, что, такимъ образомъ, упрочитъ свою власть и установитъ порядокъ, создастъ спокойствіе въ странѣ. Вышло, однако, какъ разъ наоборотъ. Народное возбужденіе не улеглось, напротивъ, оно разрасталось безпредѣльно, агитація усиливалась и становилась все смѣлѣе и смѣлѣе, авторитетъ правительства падалъ съ каждымъ днемъ, дошло, наконецъ, до того, что съ государственной властью, которая только что диктовала законы всей Россіи, совершенно почти перестали считаться.

Оно иначе и не могло быть. Политическое возбужденіе въ народѣ было огромное. Оно-то именно и создало революцію. Теперь же, когда были расторгнуты старыя полицейскія узы, стѣснявшія и сдавливавшія его, теперь только оно нашло себѣ полное выраженіе въ газетахъ и на митингахъ. Повторилось въ чрезвычайно расширенномъ масштабѣ то же самое, что случилось, когда въ стѣнахъ университетовъ открылась возможность

собраній. Можно было разсчитывать на то, что возбужденіе съ теченіемъ времени уляжется, но не могло подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что политическая свобода прежде всего должна была создать политическую горячку.

Нѣкоторую роль въ смыслѣ усиленія агитаціи сыграло такъ же освобожденіе политическихъ заключенныхъ и возвращеніе эмигрантовъ. Но значеніе этого обстоятельства обыкновенно сильно преувеличивается. Мы всѣ принимавшіе участіе въ агитаціи послѣднихъ мѣсяцевъ, знаемъ, что несмотря на то, что работали изо всѣхъ силъ денно и нощно, намъ не удавалось хоть въ сколько-нибудь значительной степени удовлетворить требованіямъ массъ, что не мы ихъ толкали, а онѣ насъ, и революціонный потокъ насъ неудержимо рвалъ впередъ.

Гораздо больше, чѣмъ наша непосредственная агитація, обострила политическое положеніе политика правительства. Правительство даже съ своей точки зрѣнія приспособленія стараго государственнаго порядка къ новымъ политическимъ требованіямъ сдѣлало существенную ошибку. Оно начало не съ того конца. Ступивъ на путь политическихъ реформъ, правительство должно было прежде всего созвать народное представительство на основахъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ народа. Оно могло скорѣе ограничить и отсрочить проведеніе политической свободы, чѣмъ созывъ Государственной Думы. Правительство поступило какъ разъ наоборотъ. Но такъ какъ политическимъ партіямъ не было дано никакой возможности развить самимъ законодательную дѣятельность, то имъ ничего другого не оставалось, какъ критиковать и агитировать. Такъ или иначе, вслѣдствіе сдѣланныхъ правительствомъ уступокъ или въ видѣ пріобрѣтенныхъ захватнымъ путемъ возможностей свободно писать и говорить, но нельзя, негдѣ было дѣйствовать, предлагать самому и обсуждать законы. Не было мѣста, не было такого государственнаго учрежденія, на которомъ могли бы сосредоточиться надежды народа, недовольнаго старымъ порядкомъ. Значитъ, оставались только опасенія и недовѣріе, оставалась только борьба. Такимъ образомъ, правительство само гнало впередъ революцію. Расширивъ средства агитаціи и не давая исхода политической самодѣятельности народа, оно лучше всякаго агитатора подымало революціонную волну. Получилось какое-то промежуточное состояніе: старый государственный порядокъ отошелъ въ сторону, а новый не создавался. Словомъ, ни взадъ, ни впередъ. Въ результатѣ правительство стали ругать рѣшительно со всѣхъ сторонъ — отъ крайней лѣвой до крайней правой. Авторитетъ его палъ, и въ странѣ разрасталась политическая анархія. Необходимость дать

государственной жизни прочныя основы становилась чувствительнѣе изо дня въ день. Революціонныя партіи охотно брали на себя устроить это на мѣсто бездѣйствующаго правительства, а вниманіе и надежды народа въ силу этого все больше обращались къ нимъ. Такъ выдвинулись на первую очередь политическихъ вопросовъ идеи учредительнаго собранія и временнаго правительства.

Какъ я уже указалъ вначалѣ, я разсматриваю положеніе не съ точки зрѣнія желательности того или другого, а съ точки зрѣнія того, какъ складывались событія. Важно опредѣлить то, что произошло, и какъ оно произошло. Тогда уяснится, что предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ. А тогда уже видно будетъ, что намъ дѣлать и какъ поступать.

Вспомнимъ теперь, что, вѣдь, россійскія революція не случайность, что въ Россіи множество наболѣвшихъ вопросовъ, которые ищутъ разрѣшенія, а пока что находятъ себѣ выраженіе въ агитаціи и политическомъ подъемѣ все новыхъ и новыхъ народныхъ массъ. Это основа всего. Послѣ 17 октября выдвинулся впередъ крестьянскій вопросъ. Въ то же время армейскій вопросъ изъ вопроса военной силы государства, оставшись во всей своей жгучести, превратился въ солдатскій вопросъ. Солдаты заговорили о необходимости улучшенія ихъ положенія. Заговорила вся Россія — вплоть до городовыхъ и дворниковъ. Повсюду безпорядокъ, назрѣвшія жизненныя нужды. Удивительно ли послѣ этого что ураганъ революціи все разрастался?

2.—Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

Но если бы это только былъ шумъ и трескъ агитаціи, то правительству можно бы было и не безпокоиться. Гораздо важнѣе было то, что въ революціи стали складываться организующія массовыя силы. Такими силами въ первую линію явились совѣты рабочихъ депутатовъ и остальныя различныя формы рабочихъ организацій. Всѣ политическія организаціи до того носили характеръ борьбы съ самодержавіемъ. На Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ въ Петербургѣ впервые почувствовалось, что это учрежденіе не только разрушающее, но и созидающее. Чувствовалось, что тутъ складывается какая-то сила, которая въ состояніи переустроить государство. Чтобы уяснить себѣ особое положеніе совѣта рабочихъ депутатовъ, возьмемъ къ примѣру соціалдемократію. У соціалдемократіи была историческая подготовка, была организація, охватывавшаяся всю страну, была политическая программа, опредѣленная, ясная и настолько выражав-

шая пролетарскіе интересы и задачи революціи, что вся дѣятельность совѣта депутатовъ улеглась въ рамкѣ этой программы. Но соціалдемократія только опиралась на рабочія массы, а совѣтъ депутатовъ это были самыя рабочія массы, связанныя между собой организаціей. Но, быть можетъ, сила Совѣта Депутатовъ заключалась именно въ томъ, что онъ былъ безпартійнымъ? Нисколько! Какъ я уже только что указалъ, дѣятельность Совѣта Депутатовъ шла цѣликомъ по пути соціалдемократіи. Поэтому Совѣтъ Депутатовъ не ослабилъ соціалдемократіи, а, напротивъ, поднялъ ея значеніе. Нетрудно было предвидѣть, что раньше или позже настанетъ моментъ, когда оба теченія сольются. Поскольку Совѣтъ Депутатовъ расширялъ свою политическую дѣятельность, онъ становился все болѣе и болѣе соціалдемократическимъ. Я понимаю при этомъ соціалдемократію въ ея міровомъ, западно-европейскомъ смыслѣ. Сюда входятъ, слѣдовательно, соціалисты-революціонеры, разъ они становятся на точку зрѣнія рабочаго соціализма. Поскольку, съ другой стороны, соціалдемократія раздвигала рамки своей организаціи и проводила въ своей средѣ выборное начало, она становилась партіей рабочихъ массъ. Поскольку, далѣе, Совѣтъ Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ устанавливалъ связь съ рабочими организаціями другихъ городовъ, онъ терялъ свой мѣстный и заводской или фабричный характеръ и входилъ въ общую струю образованія классовой партіи пролетаріата. Надо думать, что уже на ближайшемъ всероссійскомъ рабочемъ конгрессѣ была бы установлена организаціонная связь между совѣтами депутатовъ, профессіональными и чисто соціалдемократическими рабочими организаціями. Въ этомъ направленіи шло развитіе. А пока что, если рѣзко разграничить, положеніе было такое: соціалдемократія имѣла на своей сторонѣ политическую программу, къ которой все больше и больше присоединялись рабочія массы, а совѣтъ депутатовъ былъ представительствомъ рабочихъ массъ въ ихъ дѣлахъ, олицетворяя, такимъ образомъ, собою всю революціонную энергію рабочихъ массъ. Между тѣмъ политическое значеніе рабочихъ массъ приподнято до грандіозныхъ размѣровъ всеобщей забастовкой. Рабочіе сумѣли остановить всю хозяйственную дѣятельность страны,—поэтому въ нихъ стали видѣть ту силу, отъ которой зависитъ жизнь государства. Значеніе всѣхъ другихъ союзовъ и земскихъ съѣздовъ отошло далеко въ сторону передъ этой исполинской массой, которой только недоставало еще организаціонной связи, чтобы стать руководящей силой во всей странѣ. Къ тому же совѣтъ рабочихъ депутатовъ былъ первымъ дѣйствительнымъ выборнымъ представительствомъ народныхъ массъ. Это тѣмъ болѣе выдвигало его на первый планъ, что дру-

гого народнаго представительства, вокругъ котораго могли бы собраться народныя массы, не было. И вотъ къ совѣту рабочихъ депутатовъ стали прислушиваться такъ, какъ если-бы это было учредительное собраніе. Отъ него ждали рѣшенія всѣхъ политическихъ вопросовъ, его манифесты разсматривали, какъ выраженіе воли народной въ противовѣсъ волѣ правительства. Въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ пріучались видѣть ядро новой государственной власти. Его распоряженія исполнялись добровольно съ величайшей готовностью, въ то время какъ приказамъ правительства повиновались нехотя, по принужденію, а не то и совсѣмъ съ ними не считались.

3.—Неизбѣжность столкновенія.

Итакъ, народное возбужденіе росло, агитація расширялась и обострялась, армія разлагалась, входя во все болѣе тѣсную связь съ революціоннымъ народомъ, а политическій центръ тяжести передвигался отъ правительства къ Совѣту Рабочихъ Депутатовъ. Если бы правительство ждало еще мѣсяцъ или два, то для него было бы уже поздно: оно должно было бы сдать власть временному революціонному правительству, которое созвало бы учредительное собраніе. Это развитіе до того бросалось въ глаза, что передъ иностранными державами неудержимо падалъ и политическій и финансовый кредитъ правительства.

При такихъ условіяхъ новое столкновеніе между правительствомъ и революціонными силами было неизбѣжно. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ заявилъ, что дастъ сраженіе, когда ему это будетъ выгодно. Однако моментъ сраженія зависитъ отъ каждой изъ борющихся сторонъ. Правительство дало сраженіе въ тотъ моментъ, когда оно само имѣло всего больше шансовъ на успѣхъ. Это совершенно въ порядкѣ вещей.

Положеніе, созданное манифестомъ 17-го октября, было очень непрочное. Это видно было съ самаго начала. Нетрудно было предвидѣть такъ же, что, подъ впечатлѣніемъ разрастающейся революціонной агитаціи, правительство сдѣлаетъ попытку вернуться къ старымъ порядкамъ. Мнѣ теперь вспоминается разговоръ, который я имѣлъ съ однимъ извѣстнымъ русскимъ писателемъ въ первые же дни моего возвращенія въ Россію.

„Не думаете ли вы,—сказалъ онъ мнѣ,—что эмигранты немного поторопились вернуться? Гарантій политической свободы у насъ нѣтъ никакихъ. Вѣдь, васъ всѣхъ могутъ скоро опять забрать“.

Конечно,—отвѣтилъ я. Я даже почти что увѣренъ въ этомъ. Но именно

вслѣдствіе отсутствія гарантій политической свободы необходимо ее всю использовать, пока она есть. Передъ эмигрантами стоялъ вопросъ: либо остаться за границей и сохранить себя на будущее время, либо использовать моментъ въ Россіи, рискнувъ будущимъ. Мы предпочли послѣднее. Пусть насъ заберутъ. Но пока что мы разнесемъ огонь агитаціи по всей странѣ, подымемъ массы, пріучимъ ихъ къ свободному слову и сдѣлаемъ возвратъ къ старымъ порядкамъ невозможнымъ.

Мы сдѣлали свою работу. Разныя благонамѣренныя лица, совѣтники и печальники революціи дѣлаютъ намъ теперь упрекъ въ томъ, что нашъ тонъ былъ слишкомъ вызывающій. Эти господа думаютъ, что шумъ дѣлаетъ бурю. Я уже показалъ, какія силы толкали впередъ революцію и обостряли агитацію. А мы были только тѣ струны арфы, на которыхъ игралъ ураганъ революціи. Мы были застрѣльщиками революціи, а шли впереди по тому пути, на который насъ толкали надвигавшіяся сзади насъ тяжелыя массы. Отдѣльная личность можетъ стать въ сторонѣ или проповѣдывать отступленіе. Она можетъ оказаться правой или неправой, но во всѣхъ случаяхъ она останется литературнымъ резонёромъ и никогда не будетъ политическимъ дѣятелемъ. Кто ведетъ революціонныя массы, долженъ быть впереди ихъ.

Тѣ же доброжелатели полагаютъ, что Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ въ своихъ мѣропріятіяхъ хватилъ черезъ край и этимъ подорвалъ свое собственное существованіе. Господа изъ „Полярной Звѣзды“, проповѣдывающіе революціонизмъ умѣренный и аккуратный, заправляющіе демократическій салатъ западно-европейской мелкой буржуазіи русскимъ постнымъ масломъ, жалуются на „цензуру наборщиковъ или Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“, забывая при этомъ, что принудительными мѣрами со стороны рабочихъ печать была освобождена отъ цензуры. Серьезнѣй придется отнестись къ вопросу о введеніи захватнымъ путемъ восьмичасового рабочаго дня. Тутъ было несоотвѣтствіе между средствомъ и цѣлью. Восьмичасовой рабочій день можно установить только законодательнымъ путемъ, и сдѣлать это нужно не въ одномъ Петербургѣ, а во всей Россіи. Но эта неудавшаяся попытка только эпизодъ, единичное явленіе: не въ ней суть дѣятельности Совѣта Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ. Ноябрьская забастовка была вызвана, какъ извѣстно, не борьбой за восьмичасовой рабочій день, а кронштадтскими событіями и объявленіемъ Польши на военномъ положеніи. Въ виду того политическаго положенія, которое онъ занялъ, совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ не могъ не откликнуться на эти событія. Онъ былъ, какъ я уже указалъ, не просто только представительствомъ петербургскихъ

рабочихъ, вѣдающимъ исключительно петербургскія дѣла, онъ сосредоточилъ на себѣ вниманіе всей страны, болѣе того, всего цивилизованнаго міра, отъ него ждали отклика на всѣ политическія дѣла страны и перваго движенія впередъ въ революціонной борьбѣ. Ноябрьской забастовкой петербургскій пролетаріатъ показалъ, что вполнѣ понялъ свою роль авангарда революціи. И ноябрьская забастовка—демонстрація, внѣ всякаго сомнѣнія—имѣла очень серьезныя агитаціонныя послѣдствія въ смыслѣ вліянія на войска. Только усвоивъ себѣ то политическое положеніе, которое Совѣтъ Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ не по указанію того или другого вожака занялъ, а на которое онъ былъ выдвинутъ самимъ ходомъ революціи, такъ какъ являлся единственнымъ представительствомъ, вышедшимъ изнутри самихъ народныхъ массъ, только тогда можно понять и всѣ его дальнѣйшія мѣропріятія. завершившіяся манифестомъ о финансовомъ положеніи страны.

Но были ли, или нѣтъ, на нашей сторонѣ увлеченія, ошибки и промахи, ясно одно: что удары правительства направлены были противъ насъ ни за наши мнимыя или дѣйствительныя ошибки, а за ту силу и дѣеспособность, которыя мы проявили. Если бы мы только губили и скандалили себя, тогда незачѣмъ было бы выдвигать противъ насъ военную силу, ставя на карту судьбы Россіи. Что тактика Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, какъ и соціалистическихъ партій, не по сердцу пришлась господамъ толстосумамъ и разнымъ смиренномудрымъ и велерѣчивымъ либераламъ, конституціоналистамъ и демократамъ и богатая буржуазія открыто стала на сторону правительства, это мы знаемъ, но тѣмъ большій откликъ наша агитація нашла въ средѣ рабочихъ и крестьянъ. Къ нимъ мы шли, на нихъ мы надѣялись. Но почему либералы и демократы, которые даютъ намъ непрошенные совѣты, сами не воспользовались своей политической мудростью и не постарались укрѣпить себя въ народѣ? Они и хотѣли, но имъ это не удалось. А насколько вѣренъ былъ нашъ расчетъ, показываетъ то, что передъ революціонной дѣятельностью Совѣта Рабочихъ Депутатовъ и соціалистическихъ партій совершенно стушевалось политическое значеніе либераловъ, земцевъ и прочей политически добронравной братіи.

Правительство отлично поняло, что главная сила не въ пріемахъ и формахъ агитаціи, а въ той организаціонной связи, которая создалась между революціонными рабочими массами и которая къ нимъ притягивала крестьянъ и армію. Оно поэтому сосредоточило свои удары на рабочихъ организаціяхъ. Недаромъ правительство старалось переловить

всѣхъ отдѣльныхъ рабочихъ депутатовъ, а аресты въ Петербургѣ производились почти исключительно въ непосредственной связи съ дѣятельностью Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Столкновеніе было неизбѣжно. Оно произошло. Посмотримъ же, какъ разыгралась борьба, и что она дала въ результатѣ.

4.—Мѣсяцъ военныхъ дѣйствій.

Если разсматривать народное движеніе, возникшее въ отвѣтъ на произведенные правительствомъ аресты и разгромъ рабочихъ организацій, съ точки зрѣнія забастовки, то оно, несомнѣнно, оказалось неудачнымъ. Забастовка „не прошла“. Всего лучше она началась въ Москвѣ, гдѣ остановились и конки, и электричество, и торговая дѣятельность, но и здѣсь она въ первые же дни готова была пойти на убыль. Москва держалась не забастовкой, а баррикадной борьбой—пока послѣдняя длилась, конечно, была прекращена такъ же вся хозяйственная дѣятельность. Итакъ оно было вездѣ; гдѣ движеніе въ большей или меньшей степени приняло характеръ вооруженнаго возстанія, тамъ оно держалось всего дольше.

Почему же всеобщая забастовка не удалась? Тому было много причинъ. Во-первыхъ, бастовать безконечно нельзя. Начиная съ октября, рабочіе и служащіе то сами прекращали работу, то хозяева закрывали фабрики. Народъ сильно попоздержался, изголодался, усталъ. Во-вторыхъ, время для забастовки было неблагопріятное въ виду наступающихъ праздниковъ. Правительство это знало. Затѣмъ, и это важнѣе всего; не только ноябрьская, но даже октябрьская забастовка, въ удачѣ которой не могло быть сомнѣнія, показала, что одной забастовкой дѣло не можетъ ограничиться. Вѣдь, въ сущности уже и тогда, если бы правительство не пошло на уступки, все же черезъ непродолжительное время забастовку пришлось бы прекратить. 17-го октября было отступленіе съ обѣихъ сторонъ: правительство пошло на уступки, а народъ заявилъ, что, хотя манифестомъ не можетъ удовлетвориться, все же на время пріостанавливаетъ борьбу. Съ тѣхъ поръ рабочія массы сознательно и ясно готовились уже не къ забастовкѣ, а къ возстанію. Само правительство, наконецъ, разстроивъ организаціи и не допуская устройства митинговъ, сильно затруднило проведеніе мирной забастовки.

Всѣ эти условія, проявившіяся во всей Россіи, въ особенности сильно сказались въ Петербургѣ. И здѣсь поэтому, какъ въ Москвѣ, рабочія

массы съ перваго же дня забастовки рвались на открытую борьбу. Но возможность возстанія въ Петербургѣ была меньшая, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ Петербургѣ, какъ въ столицѣ и центрѣ государственнаго управленія, скоплено гораздо больше войска, чѣмъ въ другихъ городахъ. Все это отборные гвардейскіе полки, поставленные въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ армія въ провинціи. А ко всему тому расположеніе Петербурга и его прямыя, широкія улицы дѣлаютъ устройство баррикадъ въ такомъ размѣрѣ, какъ это было въ Москвѣ, совершенно неосуществимымъ.

Значитъ ли это, что вооруженное возстаніе въ Петербургѣ навсегда невозможно? Это былъ бы очень ошибочный выводъ. Въ ходѣ россійской революціи уже многое осуществилось, что до того казалось совершенно невѣроятнымъ. Невѣроятно было уже 9-ое января, когда народъ безоружный шелъ подъ пули. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ никто не повѣрилъ бы, что въ Россіи можно провести всеобщую забастовку, какъ она произошла въ октябрѣ. Ясно только одно: если въ Петербургѣ произойдетъ вооруженное возстаніе, то оно будетъ носить другой характеръ, будетъ пользоваться другими пріемами борьбы, чѣмъ въ Москвѣ.

Если принять во вниманіе указанныя выше обстоятельства, мѣшавшія мирной забастовкѣ, то картина борьбы получается другая. Что сдѣлало правительство и чего оно достигло? Оно двинуло противъ революціонеровъ войска, при чемъ оказалось, что военная сила на его сторонѣ. Но это оно могло сдѣлать и въ октябрѣ. Оно сдѣлало это 9-го января.

9-го января правительство хотѣло устрашить народъ. Но результатъ получился обратный. 9-ое января зажгло революцію по всей странѣ. Съ тѣхъ поръ народъ нельзя больше усмирить. Именно въ виду этого правительство въ октябрѣ не рѣшилось подавить военной силой забастовку, хотя на его сторонѣ тогда было болѣе полковъ, слѣпо повиновавшихся ему, чѣмъ теперь. Правительство и тогда, навѣрное, такъ же не сомнѣвалось въ своей военной побѣдѣ, какъ теперь, но оно боялось своей побѣды. Оно имѣло на то полное основаніе. Основанія бояться своей побѣды надъ народомъ съ тѣхъ поръ для правительства не уменьшились, а увеличились. Но именно поэтому у него теперь уже не оставалось выбора; если бы оно не двинуло войскъ противъ народа, то ему пришлось бы сдаться революціонерамъ.

Правительство снова одержало военную побѣду надъ революціей, но ово встрѣтило отпоръ, который превзошелъ все, что было до сихъ поръ, большій гораздо, чѣмъ какой былъ возможенъ въ октябрѣ.

Весь декабрь ушелъ на борьбу съ возставшимъ народомъ и все-же

правительство не могло вполнѣ справляться съ движеніемъ. Цѣлый мѣсяцъ въ странѣ грохотали пушки, цѣлый мѣсяцъ шла борьба одинъ на одинъ между революціонерами и войскомъ, цѣлый мѣсяцъ разрушались дома, фабрики, желѣзныя дороги и горѣли помѣщичьи усадьбы. Что съ того, что въ Петербургѣ горѣло электричество, работали тѣ или другія фабрики, и по Николаевской дорогѣ съ трескомъ мчались пустые вагоны? О сколько-нибудь правильной и значительной хозяйственной дѣятельности въ странѣ за это время не могло быть и рѣчи. Этотъ мѣсяцъ возстанія больше подорвалъ силы государства, чѣмъ то могла сдѣлать мирная забастовка. Правительству пришлось покорить собственный народъ, какъ завоевываютъ чужую страну.

Въ центрѣ борьбы стояла Москва. Москва двѣ недѣли держалась на баррикадахъ—примѣръ небывалый въ исторіи. Это, конечно, было бы невозможно, если бы баррикады строили одни дружинники. На самомъ дѣлѣ, какъ теперь это достовѣрно извѣстно, баррикады строило все населеніе Москвы.

Правительство противъ своей собственной воли заставило жителей Москвы примкнуть къ возстанію. Оно разумѣется, хотѣло вести борьбу только противъ революціонеровъ. Но въ томъ-то и вся сила гражданской войны, что вести ее приходится не въ открытомъ полѣ, а въ стѣнахъ городовъ, въ средѣ мирныхъ жителей. Разбросанные по всѣмъ домамъ и улицамъ, тѣсно связанные съ населеніемъ, дружинники были для правительства неуловимы. И вотъ правительству пришлось разстрѣливать народъ, чтобы побѣдить революціонеровъ. Этимъ самымъ оно превратило въ революціонеровъ всѣхъ жителей Москвы.

Въ началѣ движенія въ Москвѣ были большія патріотическія манифестаціи. Въ противоположность Петербургу, Москва считалась народной опорой правительства. 6-го декабря на Красной площади отслужено было патріотическое всенародное молебствіе, на которомъ—по сообщеніямъ правительственныхъ газетъ—присутствовало до десяти тысячъ народа. А къ концу движенія вся Москва отъ мала до велика строила баррикады.

Таковъ результатъ. Разгромъ Москвы сыграетъ въ смыслѣ революціонной агитаціи не меньшую роль, чѣмъ 9-ое января въ Петербургѣ.

Конечно, на первое время активные кадры революціи вслѣдствіе понесенныхъ потерь ослабѣли. Но они быстро пополняются и, какъ было до сихъ поръ, скоро разрастутся больше прежняго.

Военная побѣда на сторонѣ правительства, но плоды ея идутъ на пользу революціи.

Такъ правительство въ свое время разгромило потемкинцевъ—въ результатѣ севастопольское возстаніе. Кронштадтъ, Владивостокъ, Иркутскъ, Харьковъ, Кіевъ—все это ясно показываетъ, куда ведетъ гражданская война.

Мы гордимся той агитаціей, которую намъ удалось разлить по странѣ за полтора мѣсяца сравнительной свободы. Но, будучи справедливымъ, приходится признать, что та революціонная агитація, которую создало правительство своимъ мѣсяцемъ военныхъ дѣйствій, далеко превосходитъ все, что могли сдѣлать мы, профессіональные агитаторы революціи.

Развязка, конечно, установившейся военной диктатуры отсрочена. Въ этомъ отношеніи правительство достигло своей цѣли. Но оно вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечило дальнѣйшее развитіе революціи, а также расширило и обострило ея задачи. Такъ шло развитіе и до сихъ поръ. 9-го января рѣчь шла только еще о реформахъ сверху, о кое-какихъ политическихъ правахъ и о Государственной Думѣ по указанію правительства. Въ октябрѣ на очереди стояло уже всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право. Настоящая борьба шла подъ лозунгомъ учредительнаго собранія. А если дѣло опять дойдетъ до столкновенія, то будутъ выдвинуты еще болѣе радикальныя требованія.

5.—Дальнѣйшая политика правительства.

Теперь передъ правительствомъ три пути.

Оно можетъ итти дальше въ направленіи возстановленія стараго порядка. Суть этой старой государственной системы заключается въ томъ, чтобы въ зародышѣ задушить всякое проявленіе собственной политической воли въ народѣ. Для этого у самодержавія были очень дѣйствительныя мѣры. И все-же эти мѣры были расторгнуты. Но если старый порядокъ нельзя было удержать, то тѣмъ меньше возможно его возстановить. Тутъ намъ много говорить не приходится, такъ какъ за насъ уже сказала свое слово исторія.

А если иначе, то приходится дать исходъ политическому возбужденію народа. Сдѣлать это можно только немедленнымъ созывомъ Государственной Думы на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго избирательнаго права. Чтобы оказать вліяніе на умы, Государственная Дума должна пользоваться довѣріемъ народа. Довѣріе это она будетъ имѣть только тогда, если народъ будетъ ее считать своимъ представительствомъ. А это возможно только при всеобщемъ и т. д. избирательномъ правѣ.

Правительство идетъ по третьему пути, который лежитъ между первыми двумя. Оно не рѣшается снова ввести цензуру, но оно не даетъ такъ же гарантій свободы печати. Оно ограничиваетъ средства политической агитаціи, но оно увеличиваетъ политическое возбужденіе. Результатъ тотъ же, какъ если бы оно само вело революціонную агитацію. Оно не рѣшается возстановить самодержавіе, но оно лишаетъ рабочія и крестьянскія массы возможности послать своихъ людей въ Государственную Думу. Оно даетъ имъ право голоса, но многостепенными выборами и ограниченіемъ числа выборщиковъ лишаетъ ихъ голоса всякой силы передъ голосами помѣщиковъ, купцовъ и прочихъ зажиточныхъ людей. Такая Дума, конечно, народнымъ представительствомъ считаться не можетъ.

Между тѣмъ Государственной Думѣ придется разрѣшить тѣ самые проклятые вопросы, на которыхъ обанкротилось самодержавіе. Она ихъ разрѣшить не можетъ. Пока распутается то чудовищное переплетеніе общественныхъ интересовъ, которое создалось въ Россіи при самодержавіи, должны уйти годы. Чуждая народу Дума будетъ передъ народомъ въ отвѣтѣ и за общія государственныя бѣды и за свои собственные проступки и, вмѣсто сочувствія, вызоветъ только всеобщее негодованіе, за исключеніемъ того, если она рѣшительно пойдетъ противъ правительства. Надежды народа попрежнему будутъ сосредоточены на народномъ представительствѣ при всеобщемъ, равномъ, прямомъ, тайномъ избирательномъ правѣ. Въ этомъ направленіи будетъ продолжаться революціонная борьба противъ правительства, при чемъ либо Дума сама примкнетъ къ ней, либо она будетъ лишена всякаго значенія и, слѣдовательно, правительству не сумѣетъ помочь, а только его еще больше оскандалитъ.

Не имѣя возможности защитить свои политическія требованія въ Государственной Думѣ, рабочимъ и крестьянамъ ничего другого не остается, какъ революціонная борьба. Государственная Дума въ томъ видѣ, какъ она теперь узаконена правительствомъ, это—безпрерывная революція. Она создаетъ еще гораздо большую политическую борьбу, чѣмъ манифестъ 17-го октября. Быть можетъ, это одна изъ причинъ, почему правительство не торопится ея созывомъ. Замѣчу кстати по поводу того, что правительству, какъ оно заявляетъ, при организаціи выборовъ приходится преодолѣвать громадныя трудности: это совершенно вѣрно, но трудности создало себѣ само правительство своей путаницей выборныхъ правъ, ихъ не было бы при всеобщемъ, прямомъ, равномъ, тайномъ избирательномъ правѣ.

Дума не дастъ успокоенія странѣ. Но и до созыва Думы уйдутъ еще многіе мѣсяцы. Значитъ, выхода нѣтъ. И политическое возбужденіе будетъ

все расти и расти. Ибо пушечныя ядра, изрѣшетившія стѣны московскихъ домовъ, вѣдь не разрѣшили же тѣхъ жизненныхъ вопросовъ, которые создали революцію. Вопросъ реорганизаціи государства на началахъ народнаго представительства вмѣсто чиновничьей опеки—это вопросъ не только парламента, но проведенія самоуправленія въ губерніяхъ, уѣздахъ и т. д. А мы къ чему пришли? Къ созданію тьмы генералъ-губернаторствъ! Рабочій вопросъ, крестьянскій вопросъ, армейскій вопросъ, финансовый вопросъ. Положеніе все не улучшается, а ухудшается. Въ началѣ года нужно уплатить нѣсколько сотъ милліоновъ по займамъ, ихъ нѣтъ; по заявленію министра финансовъ дефицитъ достигаетъ 500 милліоновъ, а новый заемъ не удается заключить. А тутъ еще надвигаются мѣсяцы самаго страшнаго голода въ неурожайныхъ губерніяхъ. А тутъ еще массами возвращается на родину манчжурская армія, которая своими разсказами, да и всѣмъ видомъ своимъ ужъ, разумѣется, не прибавитъ довольства въ странѣ.

Не прибавится довольства у рабочихъ, оттого что разрушаютъ ихъ организаціи. Не прибавится довольства, у крестьянъ отъ военной расправы. Не прибавится довольства у общества, оттого что сокращаютъ прессу и всѣ формы политической дѣятельности. Не прибавится довольства у торговцевъ и промышленниковъ въ виду финансоваго кризиса, голода въ деревнѣ, политическаго неустройства и продолжающихся революціонныхъ волненій.

Послѣ 17-го октября началась открытая борьба партій. Это для правительства было выгодно, потому что раскалывало революціонную армію на враждующіе между собою отряды. Положеніе правительства было бы еще болѣе благопріятное, если бы оно, созвавъ дѣйствительный народный парламентъ, дало борьбѣ партій разыграться на полной свободѣ. Правительство поступило и поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Взявъ опять всю власть въ свои руки, начавъ опять командовать страной, оно опять взваливаетъ на себя всю политическую отвѣтственность, дѣлаетъ себя виновникомъ всѣхъ бѣдъ и ковцентрируетъ противъ себя революціонныя силы.

Остается одна надежда армія.—Но патріатизмъ арміи не увеличился, оттого что ее мѣсяцъ цѣлый заставляли усмирять народъ. Что же въ томъ, что на этотъ разъ Москва разбита? Опытъ всѣхъ революцій показалъ, что народъ не можетъ осилить армію, но что онъ побѣждаетъ тѣмъ, что армія переходитъ на его сторону. А къ этому попрежнему ведетъ все политическое развитіе и вся тактика правительства.

6.—Что дѣлать рабочимъ?

Дѣло рабочихъ ясное. Они видѣли, какую громадную политическую силу они составляютъ, разъ они связываютъ себя организаціями. Если у правительства было достаточно причинъ разрушить совѣты рабочихъ депутатовъ, то у рабочихъ тѣмъ больше основаній ихъ сохранить и охранить. Конечно, совѣты рабочихъ депутатовъ пока что не могутъ выступать открыто. Но вѣдь, это только центральная организація, основа же всего лежитъ въ связи между рабочими на заводахъ, фабрикахъ и въ мастерскихъ. Разъ эта связь будетъ сохранена, то въ любой моментъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ можетъ снова собраться и будетъ работать дружнѣе, чѣмъ раньше. Такъ вотъ на это рабочимъ надо обратить все свое вниманіе. Они это могутъ провести, каковы бы ни были полицейскія условія.

Совѣты рабочихъ депутатовъ были первыми массовыми организаціями рабочихъ въ Россіи. Теперь дѣло рабочихъ лежитъ въ ихъ собственныхъ рукахъ. Отъ нихъ зависитъ, сохранятъ ли они и упрочатъ свои организаціи, или нѣтъ. Но пролетаріатъ Россіи, навѣрное не отстанетъ отъ своихъ западно-европейскихъ братьевъ. Что было тамъ, то будетъ и здѣсь. Организаціонная связь рабочихъ разрастется и укрѣпится, и когда подымутся снова совѣты рабочихъ депутатовъ, то они оставятъ далеко позади себя, все, что было до сихъ поръ.

На ряду съ депутатской связью на заводахъ и фабрикахъ, разумѣется, необходимо такъ же развивать профессіональныя организаціи. Организація для пролетаріата—прежде всего. Въ этомъ вся его сила. Онъ не можетъ командовать событіями. Борьбу, даже при неравныхъ условіяхъ, ему, какъ мы только что видѣли, можетъ продиктовать правительство. Политическія условія ему продиктуютъ—побѣду.

Реакція и бюрократическій либерализмъ.

Реакція концентрировала силы правительства, но ей не удалось устранить двойственность его политики. Въ своемъ стремленіи обуздать народъ, она не знаетъ предѣловъ и границъ. Тутъ она проявляетъ твердую волю и рѣшимость. Тутъ она оставила позади себя всѣ сомнѣнія и колебанія, не ставитъ ни во что общественное мнѣніе и смѣется надъ всѣми соображеніями гуманности и культуры. Нѣтъ для нея больше революціи, а есть только еще старая крамола, которую нужно уничтожить силой, выжечь огнемъ, разстрѣлять пулеметами. „Бей—руби—стрѣляй!“ Эти дикіе возгласы жандармовъ, съ которыми они набросились на Спиридонову послѣ ея выстрѣловъ, варварскій крикъ, полный жестокости и вмѣстѣ съ тѣмъ животнаго страха—вотъ, если не лозунгъ, то, во всякомъ случаѣ, наилучшая иллюстрація работы умиротворенія страны, происходящей на нашихъ глазахъ. Руби! Стрѣляй! Жги! Насилуй! Надругайся надъ тѣломъ, надъ душой, надъ личностью! „Пусть они сгинутъ на нашемъ веселіи“— гоготали казаки, издѣваясь надъ дѣвушкой, которая, убивая, сама шла на смерть и съ твердостью духа, какую даетъ только высшая нравственная чистота, переносила муки ада. Передъ нами не просто насильственное „водвореніе порядка“, передъ нами бѣшенный разгулъ реакціонныхъ силъ и страстей. Я не стану вникать въ то, насколько реакція выполняетъ, такимъ образомъ, ту задачу, которую она поставила себѣ передъ правительствомъ. Была революціонная агитація, и бурный гнѣвъ народный подымался сердитыми волнами—революціонная агитація не прекратилась, но теперь стонъ стоитъ по всей Россіи. Реакція полагаетъ, что такъ лучше, безопаснѣе для государства. Пусть такъ! Хотя опричина Іоанна Грознаго, по примѣру которой она работаетъ, какъ извѣстно, привела не къ успокоенію страны, а къ смутѣ и разложенію государства. Между тѣмъ тогда еще были времена варварскія, нравы жестокіе, и народъ не такъ еще глубоко и болѣзненно воспринималъ насиліе, какъ въ наши времена

общаго культурнаго подъема личности и сознанія своего гражданскаго достоинства. Хотя не нужно даже быть особенно тонкимъ политическимъ наблюдателемъ, чтобы замѣтить, что не только тяжелый стонъ стоитъ надъ русской землей, но что въ стонѣ народномъ слышенъ скрежетъ зубовный, чтобы усмотрѣть въ искаженныхъ страданіемъ лицахъ судороги злости и въ кровавомъ блескѣ глазъ рѣшимость, доходящую до самоотреченія и самозабвенія. Хотя огненнымъ языкомъ говорятъ факты, хотя пугливый и робкій россійскій обыватель. всю жизнь свою трусившій смерти и потому боявшійся жить и не рѣшавшійся бороться, подъ вліяніемъ кровавыхъ расправъ, давно уже потерялъ страхъ передъ смертью и хотя правительство на военномъ примѣрѣ японцевъ, казалось бы, достаточно убѣдилось, какой могучій нравственный факторъ борьбы составляетъ эта небоязнь смерти. Но пусть всего этого нѣтъ, и реакціи, дѣйствительно, удалось устрашить народъ и этимъ смирить революцію. Что же дальше? Какова политика правительства? Какъ оно будетъ руководить судьбами государства? Тутъ, не въ области полицейскихъ мѣръ, жандармскихъ сысковъ и карательныхъ экспедицій, а въ области тѣхъ задачъ, которыя исторія ставитъ нашей родинѣ, мы на сторонѣ правительства видимъ лишь двойственность и растерянность.

То направленіе, которое стремится къ возстановленію стараго порядка, несомнѣнно усилилось съ торжествомъ реакціи. Концентрація правительственной власти, характеризующая всякую реакцію, придаетъ этому направленію обаяніе силы. Обаяніе это тѣмъ болѣе велико, что либеральный режимъ показалъ себя совершенно безпомощнымъ. Не трудно съ той же точки зрѣнія прикроить и исторію.

Крымская кампанія сдѣлала необходимыми политическія реформы, создавшаяся въ связи съ этимъ либеральная эра 60-ыхъ годовъ ослабила правительство, а послѣдовавшая реакція его усилила. Русско-турецкая война опять таки сильно потрясла государство, но затѣмъ послѣдовательная реакція царствованія Александра III возстановила силу правительства. Почему же не повториться тому же самому и теперь? Значитъ, важно только проявить достаточную твердость духа и переждать, пока волненія, созданныя необычайными потрясеніями неудачной войны, улягутся. Правда, на тоже политическое развитіе можно посмотрѣть и съ другой стороны. Тогда получится совершенно иная картина. Окажется, что уже Крымская кампанія заставила самодержавіе порвать съ крѣпостнымъ порядкомъ, съ которымъ оно срослось политически. Но правительство остановилось на полпути. Лишившись своей старой, общественной опоры, оно не пріобрѣло

новой. Но такъ какъ реформы 60-ыхъ годовъ, по крайней мѣрѣ, дали правительству возможность создать армію на европейскій образецъ, то революціонное движеніе встрѣтило со стороны правительства противодѣйствіе, какого оно не находило въ другихъ странахъ въ соотвѣтствующую эпоху политическаго развитія, напр., во Франціи при Людовикѣ XVI. Но армія, пригодная къ усмиренію внутренняго врага, была въ военномъ отношеніи слаба, благодаря отсутствію въ ней идейной связи съ народомъ. Это показала русско-турецкая война 1877—78 гг. Правительство, при Александрѣ II, старавшееся сохранить связь съ дворянствомъ, а вначалѣ царствованія Александра III, пытавшееся опереться на мужика, потеряло, наконецъ, всякую связь съ народомъ и обществомъ и существовало только еще, какъ оголенная государственная власть, какъ военная сила, командующая завоеванной страной. Такъ создалась та новая, пореформенная бюрократія, съ которой намъ до сихъ поръ приходится считаться. Она—дѣтище новыхъ дней, хотя и родственна по духу дореформенному чиновничеству. Экономическое развитіе за это время значительно преобразовало страну и повело ее на путь капиталистическихъ государствъ, однако правительство увидѣло въ этомъ только новый источникъ государственныхъ доходовъ, или вѣрнѣе—новыя возможности заключать государственные займы заграницей. Но капиталистическое развитіе неразрывно связано съ политическимъ господствомъ буржуазіи, а послѣднее съ парламентаризмомъ и политической свободой. Такъ какъ правительство не давало ходу ни тому, ни другому, то въ Россіи не могло образоваться богатаго и финансами, и арміей буржуазнаго государства, какъ въ Западной Европѣ, и въ результатѣ страна только оказалась подчиненной иностранному капиталу. Правительство израсходовало иностранные милліарды, но сила его не увеличилась,—напротивъ, уменьшилась. Оно построило стратегическія желѣзныя дороги, пріобрѣло пушки, ружья, броненосцы, но въ рѣшительный моментъ у него не оказалось арміи. Такимъ образомъ, противодѣйствуя политическому развитію страны, реакція въ концѣ концовъ подорвала основу своего собственнаго существованія—армію способную поддержать могущество и престижъ государства. Она создала военныя пораженія и послѣдовавшія за ними бури революціи. Такова послѣдовательность явленій, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія ихъ внутренней связи. Но такой взглядъ чуждъ реакціи. Она знаетъ только преемственность фактовъ, Итакъ какъ до сихъ поръ послѣднее слово всегда оставалось за ней, то она слѣпо идетъ по тому же пути, что и раньше.

Преисполненная вѣры въ себя, реакція, однако, не находитъ вѣры у

другихъ. Это ей ни по чемъ, поскольку рѣчь идетъ о собственной странѣ. Она не ищетъ довѣрія у народа. Но дѣло принимаетъ другой оборотъ, такъ какъ довѣріе къ ней потеряла также иностранная биржа, на средства которой въ значительной мѣрѣ живетъ россійское государство. Иностранный капиталъ не вѣритъ больше въ возможность возстановленія и сохраненія самодержавія. Съ политическимъ банкротомъ биржа не хочетъ входить въ фальшивыя сдѣлки. Напрасно реакція воздымаетъ горы труповъ и торжествующе указываетъ на нихъ своимъ заграничнымъ заимодавцамъ. „Вы господствуете надъ мертвыми, мы это знаемъ — ей отвѣчаютъ иностранцы—но вы намъ покажите, что вы въ состояніи управлять живыми“. Денегъ не даютъ. Нечѣмъ оплатить займы. Скоро не будетъ чѣмъ оплатить армію. Какъ же быть? Возникаютъ чудовищные планы: заложить желѣзныя дороги, отдать иностранцамъ въ откупъ налоги, продать на срубъ лѣса. Это значило бы конецъ государства россійскаго и превращеніе страны въ капиталистическую колонію. Передъ такими неожиданностями столбенѣетъ разнузданная фантазія государственныхъ людей реакціи, и они, подобно щедринскому помпадуру-органчику, въ состояніи только еще, свирѣпо ворочая зрачками, произносить нечленораздѣльные звуки — „ООО“, „383“! Нововременскіе литераторы переводятъ это на языкъ обывателя словами: „бей жидовъ!“

На сцену выдвигается фрондирующій правительственный либерализм

Правительственный либерализмъ выросъ изъ бюрократической оппозиціи. Эта оппозиція всегда существовала. Когда одна группа чиновниковъ у власти, другая, стремящаяся стать на ея мѣсто, должна же чѣмъ нибудь оправдать свои вожделѣнія и показать свою государственную необходимость? Поэтому она фрондируетъ —она критикуетъ, недовольна и выставляетъ свои собственные государственные планы. Направленіе государственной мысли этой оппозиціи, ея либеральный или реакціонный характеръ, въ былое время исключительно опредѣлялись сообщеніями придворныхъ л а кеевъ. По мѣрѣ того какъ въ странѣ выдвигались впередъ интересы капиталистической индустріи, а съ ними вліятельныя группы финансистовъ и промышленниковъ, въ особенности же съ развитіемъ финансовой зависимости государства отъ европейской биржи, стало возможнымъ производить на правительство давленіе извнѣ, помимо дворцовыхъ вліяній. Наконецъ революція выдвинула, какъ политическій факторъ, съ которымъ приходится считаться, общественное мнѣніе и рабочую мысль. И вотъ, наряду съ общенародной борьбой противъ правительства, борьба за власть въ правительственныхъ кругахъ принимаетъ особый характеръ, опираясь на

элементы, чуждые правительству. Вліяніе революціи проникаетъ въ самыя правительственныя сферы. Здѣсь борьба принимаетъ характеръ биржевой игры: одни спекулируютъ на самодержавіе, другіе на революцію.

Манифестъ 17-го октября знаменуетъ бюрократическую революцію. Его невѣрно истолковали, какъ побѣду народной революціи. Бюрократическая революція, правда, въ значительной степени опиралась на народную революцію, но ея главной опорой была иностранная биржа.

Послѣ военныхъ побѣдъ японцевъ, государство наше капитулировало предъ биржей въ Портсмутѣ. Закулисная сторона портсмутскихъ переговоровъ не скоро еще будетъ раскрыта. Ясно, однако, что Японія не иначе, какъ въ силу полной невозможности получить контрибуцію, отказалась отъ нея. Невозможность эта заключалась не въ томъ, конечно, что ген. Линевичъ, какъ онъ торжественно засвидѣтельствовалъ, готовилъ японцамъ рѣшительное пораженіе, а въ томъ, что вопросъ уплаты контрибуціи вопросъ биржи. Между тѣмъ какъ пресса печатала горделивыя официальныя заявленія нашихъ представителей, что Россія никогда не согласится на контрибуцію, на самомъ дѣлѣ имъ, очевидно, пришлось смиренно признать, что у насъ нѣтъ средствъ уплатить контрибуцію, а биржа отказалась гарантировать ея уплату въ формѣ займа. Поэтому пришлось согласиться на условія мира, можетъ быть менѣе выгодныя для Японіи, но болѣе позорныя для Россіи. Биржа признала обѣ борющіяся стороны, а по отношенію къ Россіи заговорила тономъ верховнаго правителя. Въ Портсмутѣ представителями банковъ и биржи былъ отданъ приказъ Витте создать въ Россіи конституціонную монархію.

Но этого одного было недостаточно. Витте пришлось публично стать во главѣ либеральной оппозиціи и опереться на революціонное движеніе. Такимъ образомъ, подъ давленіемъ биржи и при помощи всеобщей забастовки, былъ созданъ министерскій кабинетъ Витте и провозглашенъ манифестъ 17-го октября.

Каковъ же былъ планъ бюрократическаго либерализма и его главы Витте? Онъ хотѣлъ правительственную власть освободить отъ дворцовыхъ вліяній, но отнюдь не думалъ подчинить ее парламенту. Правительство министровъ—такова его основная идея. Витте самъ позпровалъ въ роли диктатора всея Россіи. „Вы не довѣряете больше самодержавію, вы правы, но довѣрьтесь мнѣ, я все устрою“, вотъ формула его государственной мудрости. Отъ него ждали немедленнаго созыва дѣйствительнаго народнаго представительства, какъ естественнаго вывода изъ конституціоннаго принципа. Если бы онъ это сдѣлалъ, то создалъ бы политическій оплотъ ли-

берализма, который врядъ ли возможно было бы разрушить. Но вмѣсто того, чтобы рѣшительно дѣйствовать, онъ медлилъ, просилъ подождать и слезливо жаловался на отсутствіе довѣрія къ нему. Правда, демократія не входила въ его планы, но именно поэтому онъ отсталъ отъ однихъ и не пристылъ къ другимъ. Онъ искалъ со всѣми связей, чтобы всѣхъ обмануть. Онъ поддерживалъ реакціонныя мѣры министерства внутреннихъ дѣлъ, репрессіи военнаго положенія и организацію черносотенныхъ набѣговъ, и въ то же время въ союзѣ съ земцами и леберадами составлялъ имъ оппозицію. Онъ организовывалъ фабрикантовъ и заводчиковъ съ цѣлью усмирить голодомъ рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ конспирировалъ съ Гапономъ и давалъ деньги на устройство рабочихъ организацій. Въ результатѣ онъ достигъ того, что реакціонеры его ненавидѣли, а революціонеры презирали.

Помимо полной прочиворѣчій политики нашего премьера министровъ, скоро сказалась общая шаткость либерализма, которая увеличила политическую сумятицу. Между реакціей и либерализмомъ основная разница пріемовъ государственнаго управленія. Реакція опирается на штыки. Значитъ, если армія вѣрна правительству, то большаго ему, повидимому, не нужно. Либерализмъ же ищетъ опереться на общественныя силы, при помощи которыхъ онъ могъ бы вести государство по опредѣленной политической равнодѣйствующей. Либерализмъ, значитъ, прежде всего долженъ считаться съ политической борьбой, какъ она опредѣляется классовыми отношеніями государства. Борьба эта даже тамъ, гдѣ ясно выражено преобладаніе одного класса надъ другимъ, очень измѣнчива въ своихъ перипетіяхъ. Поэтому политика либерализма вездѣ, даже въ развитыхъ парламентарныхъ странахъ, отличается своей шаткостью и нерѣшительностью. А при той путаницѣ борющихся между собой общественныхъ силъ, какая существуетъ въ настоящій моментъ въ Россіи, либерализмъ тѣмъ менѣе въ состояніи найти политическій исходъ или выходъ. Реальное политическое содержаніе образованія самостоятельнаго кабинета министровъ и манифеста 17-го октября было ничтожно, но ихъ революціонный эффектъ громаденъ. Узы реакціи были расторгнуты, и все то, что было ими сравнено, бурнымъ порывомъ выступило наружу. Оказалось, что реакція только сдавливала и суживала проявленія революціоннаго процесса, который, такимъ образомъ, достигъ наивысшаго напряженія.

Событія, разыгравшіяся послѣ 17-го октября, доказали одно съ чрезвычайной ясностью: что революція произошла бы и безъ войны. Оказалось, что ничего не забыто, ничто не прошло даромъ, сказались всѣ упущенія въ прошломъ и вся ломка, происходящая подъ вліяніемъ каши

талистическаго развитія въ настоящемъ. Пролетаріатъ, конечно, уже и раньше достаточно показалъ свою революціонную энергію, но все же не ждали, что онъ проявитъ столько классоваго сознанія и такую политическую самостоятельность. Но еще большей неожиданностью была политическая активность, которую проявило крестьянство, и въ связи съ этимъ жгучесть земельнаго вопроса. Послѣднее превзошло даже всѣ наши ожиданія. Что реформы 61-го года поставили крестьянство въ безвыходное положеніе, давно было извѣстно. Но такъ какъ крестьянство только стонало и умирало съ голоду, то правительство думало, что, съ этой стороны, ему бояться нечего. Оказалось на провѣрку, что наряду съ новыми политическими задачами, которыя выдвигаютъ буржуазія и пролетаріатъ, приходится еще разрѣшить старый крестьянскій вопросъ.

Разыгралась буря революціи. Манифестъ 17-го октября ничтожнымъ листкомъ несся по вѣтру, а кабинетъ министровъ, скучившись въ ладьѣ, управляемой Витте, безпомощно металися въ пучинѣ водъ.

Страхъ охватилъ при этомъ зрѣлищѣ и правительство и правящіе классы. Либерализмъ земцевъ сразу потерялъ всю свою краску, дворянство завопило тономъ крѣпостниковъ, сонная помѣщичья среда затревожилась и стала требовать устраненія, тѣмъ или другимъ путемъ, общественной анархіи, защиты частной собственности или выкупа на государственныя средства ихъ заложенныхъ и обезцѣненныхъ земель. Еще болѣе того перетревожился классъ промышленниковъ. Только что, добровольно оплачивавшіе изъ своего кошелька политическую забастовку рабочихъ, фабриканты и заводчики стали требовать сильной правительственной руки и кровавой бани для рабочихъ, которыхъ они въ октябрѣ посылали на революціонную борьбу.

Съ неменьшимъ энтузіазмомъ проповѣдывала контръ-революцію буржуазная пресса Западной Европы. Этого только и нужно было реакціи, которая, какъ загнанный звѣрь притаилась и, оскаливъ зубы, ждала случая къ новому нападенію.

Бюрократическій либерализмъ сознательно уступилъ ей мѣсто и вотъ проявленія революціоннаго возбужденія снова задушены, но тотъ процессъ общественнаго разложенія, который подготовлялъ внутренній кризисъ съ неменьшей закономѣрностью, чѣмъ кризисъ военный, разумѣется, этимъ не уничтоженъ.

Реакція уперлась въ тупой уголъ безденежья. Первый вопросъ правительственнаго либерализма, готовящагося выступить ей на смѣну, все тотъ же: какъ бы достать денегъ?

Декабрьскіе дни въ Россіи.

Рѣчь въ защиту II-го Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ.

21-го марта 1906 г. я былъ арестованъ по обвиненію въ томъ, что былъ членомъ предсѣдательскаго бюро II-го Исполнительнаго Комитета Совѣта Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ. Я отказался давать показанія. Обвиненіе было возбуждено по статьямъ 101-ой, 102-й и 126-ой новаго Уголовнаго Уложенія 1903 г.

Предстоялъ судъ.

Сидя въ Петропавловской крѣпости, я готовилъ защитительную рѣчь. Но дѣло было производствомъ прекращено. То, что я имѣлъ сказать передъ коронным судомъ, я теперь путемъ печати передаю на судъ народа.

Господа судьи!

Образъ правленія, защищенный статьей 101-ой новаго Уголовнаго Уложенія 1903 года, которая грозитъ подсудимымъ каторгой, этотъ образъ правленія уже не существовалъ въ декабрѣ 1905 года, когда Совѣтъ Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ, по мнѣнію обвиненія, хотѣлъ на него посягнуть насильственно. Этотъ образъ правленія тогда уже былъ ниспровергнутъ и незачѣмъ было его ниспровергать еще разъ. Лозунгъ Совѣта Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ былъ, какъ показываетъ изданный имъ при объявленіи декабрьской забастовки манифестъ, Учредительное Собраніе.

Старый образъ правленія былъ ниспровергнутъ народнымъ движеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ всеобщей политической забастовки въ октябрѣ 1905 года.

Это былъ революціонный актъ. Если считать, что октябрьская заба-

стовка не нарушила статьи 101-го новаго Уголовнаго Уложенія, то ея не нарушила и забастовка декабрьская.

Въ интересахъ исторической правды, важной для будущихъ поколѣній и для другихъ странъ, которымъ, быть можетъ, придется повторить, хотя бы и при измѣнившихся условіяхъ, нашу борьбу, какъ и намъ пришлось повторить при особыхъ условіяхъ нашей родины ту борьбу, которую въ другія столѣтія вели другіе народы, заявляю: переворотъ былъ произведенъ не путемъ насилія. Насиліе было на сторонѣ правительства, а не на сторонѣ народа. Но такъ было всегда, такова исторія всѣхъ революцій, и Великой Французской Революціи 1789 года, и революціи 48-го года, и всѣхъ другихъ: народъ побѣждаетъ не тѣмъ, что убиваетъ, а инымъ, что умираетъ за свободу.

Правительство какой-либо страны можетъ, при помощи оружія, заставить народъ, даже исключительно въ интересахъ какой-нибудь небольшой кучки хищниковъ, повиноваться,—но разъ въ народѣ созрѣваетъ рѣшимость, лучше умереть, чѣмъ подчиняться насилію, правительство, и будь во главѣ его отъявленный негодяй, злой и тупой дуракъ, раньше или позже должно уступить.

Гг. судьи! Если вы хотите опредѣлить, чего хотѣлъ II-ой Исполнительный Комитетъ С. Д. П. Р.,—а это вамъ необходимо, потому что иначе вы не можете судить о его поступкахъ,—то вы должны прежде всего опредѣлить, каково было то революціонное средство борьбы, на которое онъ разсчитывалъ въ своемъ революціонномъ дѣйствіи. И я утверждаю, что онъ разсчитывалъ не на бомбы и револьверы—какъ появилось на сценѣ оружіе и какое оно имѣло значеніе, объ этомъ я еще скажу впослѣдствіи—онъ надѣялся на самоотверженность народа, ту силу, которая побѣдила 17-го октября, которая такъ величественно сказалась 9 января и до того, и послѣ того, многое множество разъ. И вы не поймете декабрьскихъ событій и роли въ нихъ Совѣта Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ, тѣхъ дѣйствій Исполнительнаго Комитета этого Совѣта, которыя поставили его на скамью подсудимыхъ, если вы не отдадите себѣ яснаго отчета въ предшествовавшихъ имъ октябрьскихъ событіяхъ.

Я не стану рисовать предъ вами картину бѣдствій, пережитыхъ народомъ. Старый государственный строй, въ которомъ коренились политическія причины этихъ бѣдствій, отошелъ въ исторію. Страна вступила на путь обновленія. Вниманіе народа обращено впередъ. Старый порядокъ—тотъ самый образъ правленія, который еще изъ могилы грозитъ стоящимъ предъ вами подсудимымъ статьей 101-ой Уг. Улож.—старый порядокъ,

раззоривъ страну, измучивъ народъ, наконецъ, самъ подорвалъ свое могущество. Онъ палъ въ пустыняхъ Манчжуріи, похоронивъ подъ ея снѣгами и въ ея трясинахъ русскую армію. Онъ палъ при Цусимѣ, потопивъ въ Желтомъ морѣ русскій флотъ. Онъ покрылъ государство позоромъ, лишилъ его политическаго вліянія и закабалилъ страну иностраннымъ банкирамъ. Тѣмъ не менѣе, правительство думало, что можетъ править по старому, сохранить прежній образъ правленія. Чѣмъ громче подымалось народное негодованіе, тѣмъ большими насиліями отвѣчало правительство. Вотъ, гг. судьи, въ чемъ корень зла—не въ насильственномъ посягательствѣ на образъ правленія, а въ томъ, что правительство хотѣло сохранить насильственно образъ правленія, установленный основными законами государства россійскаго, но осужденный исторіей на исчезновеніе!

Крестьяне, стонъ которыхъ правительство въ теченіе столѣтій заглушало плетьми, интеллигенція, голосъ которой оно душило на висѣлицѣ и въ тюрьмахъ, рабочіе, пробуждавшуюся политическую мысль которыхъ правительство старалось задержать ружейными залпами, весь народъ, наконецъ, поднялся, оставилъ фабрики и заводы, прекратилъ всю жизнедѣятельность страны и рѣшилъ, лучше умереть, чѣмъ жить лишь для того, чтобы наполнять кассы отечественныхъ и иностранныхъ банковъ, служить ареной полицейскаго разгула и чиновничьяго обирательства и подножіемъ къ возвеличенію генераловъ, обезславившихъ себя на войнѣ.

Правительство уступило. Манифестъ 17-го октября означаетъ капитуляцію стараго образа правленія. Съ тѣхъ поръ его нѣтъ. Онъ не существуетъ, какъ государственный порядокъ. Но только еще отъ него остались тюрьмы и висѣлицы, жандармы и полиція и этотъ залъ суда, въ которомъ мы занимаемъ скамью подсудимыхъ.

Каково же было положеніе послѣ 17-го октября 1905 г.? Въ основѣ новаго образа правленія была поставлена Государственная Дума. Ей передана главная законодательная власть, безъ ея рѣшенія не можетъ быть изданъ законъ, предъ ней происходитъ публичная отчетность по государственному управленію страной, отъ ея рѣшенія зависятъ всѣ государственные расходы и доходы. Но этой Думы нѣтъ, ея не созываютъ и неизвѣстно, когда она будетъ созвана, быть можетъ — никогда! Правительство заявило, что само не будетъ издавать законовъ, а все же издастъ ихъ, подъ видомъ временныхъ правилъ. Исполнительная власть передана кабинету министровъ, но рядомъ съ нимъ происходятъ совѣщанія въ Царскомъ Селѣ, и ни для кого не секретъ, что оттуда исходятъ главныя распоряженія. Витте во главѣ министерства съ формальными полномочіями, дѣ

лающими его отвѣтственнымъ государственнымъ контролеромъ,—и Дурново дѣйствительный повелитель Россіи. Правительство, распавшееся на фракціи и единицы, тайно подкапывающіяся, открыто агитирующія другъ противъ друга, издающія распоряженія, противорѣчащія другъ другу, политика безпокойная, колеблющаяся, двойственная, неувѣренная въ настоящемъ, полная страха предъ будущимъ и сожалѣнія о прошедшемъ; небольшая, но могущественная группа лицъ у кормила правленія, готовая каждую минуту насильственно посягнуть на новый образъ правленія, насколько онъ опредѣлился манифестомъ 17-го октября.

Послѣ 17-го октября 1905 г. въ странѣ не было больше образа правленія, а были только еще безобразія правительства.

Манифестъ 17 октября, былъ написанъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Но если бы онъ даже былъ совершенствомъ по ясности и точности и если бы каждое слово его было высѣчено въ гранитной скалѣ, онъ самъ по себѣ все же не могъ бы успокоить страну. Что нужно было, это было ясно всѣмъ и правительству не менѣе, чѣмъ другимъ. Нужно было немедленно созвать такую Государственную Думу, къ которой народъ могъ бы отнестись съ довѣріемъ. Но правительство не рѣшалось провести въ жизнь свой собственный манифестъ. Оно не довѣряло тому народному представительству, которое оно обязалось созвать, а въ то же время требовало отъ народа довѣрія къ себѣ.

Глава министерства, графъ Витте требовалъ личнаго довѣрія. Онъ ошибся въ оцѣнкѣ своего политическаго значенія. Онъ пользовался довѣріемъ банковыхъ синдикатовъ, и это не удивительно, потому что они нажили сотни милліоновъ на русскомъ государственномъ долгѣ, когда Витте былъ министромъ финансовъ. Онъ пользовался сочувствіемъ владѣльцевъ русскихъ государственныхъ бумагъ, которымъ ежегодно выплачивается триста милліоновъ рублей, собранныхъ съ трудового пота народнаго. Предъ нимъ преклонялись промышленники и фабриканты, разжившіеся на казенныхъ подачкахъ. Но именно поэтому онъ не могъ пользоваться довѣріемъ ни крестьянскихъ, ни рабочихъ массъ, ни интеллигенціи.

Но коренная ошибка графа Витте заключалось въ самой постановкѣ вопроса. Если бы рѣчь шла просто о томъ, что народъ не довѣрялъ самодержавію, Витте могъ бы сказать: „довѣрьтесь мнѣ!“ и разсчитывать, такимъ образомъ, прекратить смуту. Но не въ этомъ была сущность революціи, а въ томъ, что народъ созналъ необходимость преобразовать весь государственный строй. Эту работу могло сдѣлать только народное представительство при условіи полной свободы обсужденія государственныхъ дѣлъ

и народныхъ нуждъ всѣмъ народомъ. Если до 17-го октября лозунгъ былъ; „долой самодержавіе и да здравствуетъ политическая свобода!“ то послѣ 17-го октября стало лозунгомъ: „Учредительное собраніе и законодательныя гарантіи народныхъ правъ!“ Народъ никому больше не довѣрялъ, какъ только самому себѣ.

Не забудьте къ тому же, что у всѣхъ еще была свѣжа память о манифестѣ 6 августа 1905 года.

Что такое былъ этотъ манифестъ, отъ котораго въ свое время ждали, что онъ сниметъ со страны политическій кошмаръ, давившій ее? Онъ обѣщалъ Государственную Думу только по названію, но безъ содержанія. Парламентъ — безъ парламентарныхъ правъ. Избирательное право — безъ избирателей! Понятно поэтому, что манифестъ 6 августа ускорилъ катастрофу, вмѣсто того чтобы предотвратить ее, какъ надѣялось правительство. Манифестъ 6 августа создалъ октябрьскую забастовку и усилилъ недовѣріе народа послѣ 17-го октября.

Далѣе! Манифестъ 17-го октября обѣщалъ расширить избирательное право, но онъ не давалъ того избирательнаго права, которое, какъ показываетъ примѣръ всѣхъ парламентарныхъ странъ, одно только въ состояніи удовлетворить народныя массы, онъ не давалъ всеобщаго, равнаго, прямаго, тайнаго избирательнаго права.

Гг. судьи! Вы знаете, что еще во время октябрьской забастовки петербургскіе рабочіе по всѣмъ фабрикамъ и заводамъ выбрали своихъ представителей и что эти выбранные болѣе чѣмъ двумя стами тысячъ петербургскихъ рабочихъ на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права представители и составили Совѣтъ Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ.

У этого Совѣта Депутатовъ не было выработанной политической программы, но у него была ясная политическая задача. Эта задача—стоять на стражѣ революціи. А это въ свою очередь значило: слѣдить зорко за дѣйствіями правительства и всѣхъ политическихъ группъ и не давать усиливаться реакціи, не допускать того, чтобы народъ былъ обманутъ; не дать погаснуть революціонной рѣшимости тѣхъ милліоновъ, которые вынесли на своихъ плечахъ историческіе октябрьскіе дни, и прибавить къ нимъ новые милліоны борцовъ; употребить всѣ усилія и средства, чтобы возможно скорѣе собралось народное представительство всей страны на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права съ цѣлью преобразовать государственный строй страны, а затѣмъ поддержать Учредительное Собраніе въ его работѣ. Таковы были общія задачи

Совѣта Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ, поставленныя передъ нимъ политическимъ положеніемъ страны.

Заодно съ этимъ у Совѣта Депутатовъ были особыя задачи, продиктованныя ему особымъ классовымъ положеніемъ рабочихъ. Гг. судьи! Вся страна терпитъ политическій гнетъ, но рабочіе, кромѣ того, еще терпятъ гнетъ экономическій. Поэтому рабочимъ необходима классовая организація. Дайте рабочему всѣ гражданскія права, какія только мыслимы въ самомъ совершенномъ демократическомъ государственномъ строѣ, но поставьте этого рабочаго внѣ связи съ его классомъ, и онъ будетъ безпомощенъ со всѣми своими правами и ничего другого не сумѣетъ придумать, какъ понести свои политическія права вмѣстѣ съ своей рабочей силой на рынокъ и продать ихъ своему господину, оставаясь наемнымъ работникомъ и становясь къ тому еще политическимъ холопомъ капиталиста. Вотъ почему рабочіе соединяются въ классовыя организаціи съ той неудержимой силой, съ какой муравьи собираются въ муравейникъ, пчелы въ улей. И вы видите, гг. судьи, организація Совѣта Рабочихъ Депутатовъ настолько вытекала изъ классоваго положенія рабочихъ, настолько являлась потребностью момента, что въ теченіе какихъ нибудь двухъ, трехъ недѣль вся Россія повсюду, гдѣ только были фабрики или заводы, покрылась совѣтами рабочихъ депутатовъ.

Всего этого обвинительная власть не видитъ. Она знаетъ только „сообщество“, т. е. кучку людей, которые, по ея мнѣнію, вознамѣрились нарушить статью 101-ю Уг. Улож. Но тамъ, гдѣ обвинительная власть ищетъ злую волю, въ дѣйствительности была политическая необходимость. А тамъ, гдѣ она усматриваетъ виновныхъ, она не замѣчаетъ историческаго явленія. Суть не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ томъ могучемъ движеніи, выразителями котораго онѣ являлись, которое никогда еще не удавалось задержать полиціей и статьями уголовныхъ законовъ, какъ нельзя ковшами вычерпать бурно разлившійся потокъ.

Еще болѣе знаменателенъ, чѣмъ повсемѣстная организація совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, тотъ откликъ, который эти совѣты, и въ особенности Совѣтъ Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ, получили въ народныхъ массахъ.

Такъ какъ другого выборнаго представительства народа не было, Государственная Дума еще не была созвана, то народъ сталъ смотрѣть на совѣты рабочихъ депутатовъ — къ которымъ присоединились и другія рабочія организаціи, въ особенности союзы желѣзнодорожныхъ служащихъ и служащихъ почтъ и телеграфовъ, между тѣмъ какъ соціалдемократическая

партія, партія соціалистовъ-революціонеровъ и всѣ національныя соціалистическія организаціи неразрывно связали себя съ ними — какъ на единственное народное представительство. Вскорѣ и Крестьянскій Союзъ соединилъ свои дѣйствія съ Совѣтомъ Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ. И въ той же мѣрѣ, въ какой росли народныя опасенія и безпокойства вслѣдствіе усилившейся реакціи правительства, въ той же мѣрѣ массы народныя все больше собирались вокругъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ. Поэтому, если политическія дѣйствія Совѣта Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ признать преступными, то съ нимъ заодно придется признать виновнымъ весь народъ нашего отечества, безъ различія націи, расы и вѣроисповѣданія, такъ какъ онъ поддерживалъ эти дѣйствія.

Однако, за однимъ исключеніемъ. Исключеніе это составили фабриканты, заводчики, часть дворянъ-помѣщиковъ и богатое купечество.

Промышленная буржуазія принимала участіе въ октябрьскомъ движеніи. Вы знаете, гг. судьи, что предприниматели уплатили рабочимъ дни забастовки. Въ октябрьскомъ возстаніи принимали участіе даже правительственныя лица. Сообщенія иностранныхъ корреспондентовъ о своихъ бесѣдахъ съ графомъ Витте сильно подняли въ глазахъ всего міра значеніе революціоннаго движенія въ Россіи и возбудили его энергію въ самой странѣ. Высказываясь открыто за переходъ къ конституціонному образу правленія, графъ Витте, какъ членъ правительства, конечно, отлично зналъ, что этотъ образъ правленія не предусмотрѣнъ основными законами государства россійскаго, а какъ государственный человѣкъ не могъ не понимать, что такими заявленіями окончательно подрываетъ кредитъ самодержавія и поддерживаетъ революцію. А что сообщенія газетныхъ корреспондентовъ, никогда не могущія претендовать на полную тожественность подробностей и формы, по существу вполнѣ вѣрно передавали высказанныя графомъ Витте мысли, это, гг. судьи, я могу подтвердить документомъ, засвидѣтельствованнымъ самимъ графомъ Витте. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ государю по поводу октябрьскихъ событій графъ Витте въ сжатой формѣ самъ снова повторилъ все то, что раньше говорилъ газетнымъ репортерамъ. Вотъ подлинныя слова премьера министровъ:

„Волненіе, охватившее разнообразные слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устроенія, или только какъ результатъ организованныхъ бѣдствій крайнихъ партій. Корни этого волненія несомнѣнно лежатъ глубже. Они — въ нарушеніи равновѣсія между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни.

Россія пережила форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы".

Гг. судьи! Эти слова, являясь послѣ манифеста 17-го октября офиціальнымъ признаніемъ революціи, до 17-го октября, переданныя на разные лады, но въ одномъ и томъ же смыслѣ газетами, должны были вліять какъ призывъ къ революціонной борьбѣ.

Промышленная буржуазія съ Витте во главѣ боролась противъ самодержавія.

Но борясь противъ образа правленія, установленнаго основными законами государства россійскаго и защищеннаго статьей 101-й Угол. Улож., классъ капиталистовъ отнюдь не хотѣлъ установить государственный строй, основанный на равномѣрномъ народномъ представительствѣ, и стремился къ тому, чтобы всемогущество бюрократіи замѣнить своимъ всемогуществомъ, создать такой образъ правленія, при которомъ вся власть была бы въ рукахъ богатой буржуазіи и земельной аристократіи.

Эти господа, разумѣется, не могли разсчитывать на то, что имъ удастся провести свой предательскій планъ съ согласія народа. Надо было идти противъ воли народа и употребить насиліе. И вотъ эта небольшая, но могущественная и по своему богатству и по своимъ связямъ въ правительственныхъ кругахъ кучка лицъ сейчасъ же послѣ 17-го октября составляетъ заговоръ противъ народной свободы.

Въ то самое время какъ рабочіе организовывались въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ и собирали вокругъ себя революціонныя силы, представители класса капиталистовъ, промышленники, банкиры и крупные землевладѣльцы, сговорились съ представителями реакціи въ рядахъ правительства и составляли заодно съ ними планъ контръ-революціи.

Дѣятельность совѣтовъ рабочихъ депутатовъ была у всѣхъ на виду, совѣщанія же руководителей реакціи происходили тайно и о планахъ ея только со стороны и случайно попадали извѣстія въ газеты. Если бы судебная власть ту изобрѣтательность и массу труда, которыя она, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, употребила на то, чтобы составить обвинительный актъ противъ Совѣта Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ, направила на то, чтобы изслѣдовать, какъ была подготовлена контръ революція, то она, смѣю думать, нашла бы тамъ гораздо болѣе матеріалу для судебнаго слѣдствія съ точки зрѣнія уголовныхъ законовъ.

Насиліе въ планахъ реакціи играло первенствующую роль. Насиліе въ самомъ грубомъ и буквальномъ смыслѣ этого слова—въ смыслѣ „кровавой бани", приуготовленной народу.

Въ первую линію злоба реакціонной группы была направлена противъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ. Она видѣла въ нихъ главную опасность, потому что они были главнымъ оплотомъ революціи.

Реакція ни одной минуты не бездѣйствовала. Еще не успѣла краска просохнуть, которой былъ отпечатанъ манифестъ 17-го октября, какъ уже телеграфъ сообщалъ объ избіеніяхъ и ужасахъ, производимыхъ организованными бандами черныхъ сотенъ.

Кто организовалъ эти шайки убійцъ и разбойниковъ? Ихъ дѣятельность была преступна — не только на основаніи Уголовнаго Уложенія 1903 года, но и на основаніи уголовныхъ законовъ всѣхъ странъ и народовъ. Гдѣ полицейскій сыскъ по поводу ихъ дѣятельности? Гдѣ — судебное слѣдствіе? Гдѣ прокурорская власть, которая должна была бы составить обвинительный актъ, и гдѣ тотъ судъ, который долженствовалъ бы судить эти очевидныя и вопіющія злодѣянія? На истязателей и мучителей, подкупленныхъ и подпоенныхъ агентами клики реакціонеровъ, нѣтъ суда; на агитаторовъ мракобѣсія, подымавшихъ въ темной, огрубѣвшей въ нищенствѣ и рабствѣ толпѣ звѣрскіе инстинкты, нѣтъ суда,—но тѣмъ другимъ, за которыми и вы, гг. судьи, каковъ бы ни былъ вашъ приговоръ, должны признать, что они лучшія силы свои употребили на просвѣщеніе народа и на борьбу за народную свободу, имъ грозятъ каторгой! Герои уличныхъ нападеній на мирныхъ жителей, разгромленныхъ домовъ, грабежа и пожарищъ, совершивъ свое гнусное дѣло, наслаждаются покоемъ, быть можетъ даже пошли въ гору, быть можетъ даже носятъ теперь полицейскій мундиръ, если не носили его еще и до того. Полиція не знаетъ громилъ, но доказано, что громилы были вооружены полицейскими револьверами. Во всей странѣ, изъ города въ городъ, какъ по телеграфу, какъ по заказу, распространились разбойничьи вакханаліи хулигановъ. Избивали интеллигенцію, избивали рабочихъ, избивали всѣхъ, кого ни попало. Грабили жилища, разрушали и занимали дома, убивали, не щадя ни стариковъ, ни дѣтей, насиловали женщинъ и совершали такія непстовства и мучительства, какихъ Европа не видѣла со времени среднихъ вѣковъ.

Будущій историкъ опредѣлитъ, какую роль въ этихъ позорныхъ событіяхъ играло правительство или отдѣльныя лица изъ его среды. Что органы административной власти въ большинствѣ случаевъ не препятствовали громиламъ, во многихъ случаяхъ имъ покровительствовали и ихъ поощряли, въ иныхъ случаяхъ сами принимали участіе въ погромахъ — это установленные факты.

Рабочіе кварталы находились безпрерывно въ осадномъ положеніи.

Здѣсь, въ Петербургѣ были разставлены посты казаковъ, которые неистовствовали не хуже башибузуковъ и курдовъ. Они набрасывались на мирно идущихъ по улицѣ рабочихъ и избивали ихъ такъ, что ихъ замертво приходилось отвозить въ больницы. Здѣсь, въ Петербургѣ казаки среди бѣлаго дня хватали дѣвушекъ-работницъ, шедшихъ съ фабрикъ домой, и насиловали ихъ.

Это было то время, когда обыватель, уходя изъ дому, не былъ увѣренъ, что вернется цѣлъ и невредимъ домой и найдетъ своихъ домашнихъ живыми и не побитыми, не ограбленными; когда редакціи газетъ, извѣстныхъ своимъ отстаиваніемъ народныхъ правъ, со дня на день ждали вооруженнаго нападенія; когда въ Петербургѣ, въ Михайловскомъ манежѣ происходили тысячныя собранія черносотенцевъ, открыто обсуждавшія вопросъ разгрома Петербурга и назначавшія день этого разгрома.

Когда не было больше безопасно выходить на улицу иначе какъ съ револьверомъ въ карманѣ, тогда по всей странѣ раздался крикъ: „вооружайтесь!“

Вы знаете, гг. судьи, что запасы оружейныхъ магазиновъ были на расхватъ раскуплены, что, несмотря на всѣ запреты, городъ пополнился револьверами разныхъ системъ. Я думаю, что и среди судей найдется тотъ или другой, который въ тѣ дни носилъ съ собой смертобойное оружіе въ карманѣ.

Тогда стали вооружаться и рабочіе.

Первая прямая и ясная цѣль этого вооруженія была оборона на случай нападенія черносотенцевъ. Въ этомъ вы можете убѣдиться изъ отчетовъ засѣданій С. Д. П. Р., напечатанныхъ въ газетахъ.

Рабочіе воспользовались своими инструментами въ мастерскихъ и наготовили разнаго рода холодное оружіе—ножи, стальные хлысты, кастеты, и т. п. Все это съ цѣлью дать отпоръ разбойничьимъ нападеніямъ черносотенцевъ, защитить себя, свои семьи и свое имущество.

Разумѣется, рабочіе постарались также запастись огнестрѣльнымъ оружіемъ. Хулиганы получали полицейскіе револьверы, у рабочихъ этой возможности не было. Имъ приходилось собирать между собой деньги и покупать оружіе. Были случаи, когда получившіе даромъ револьверы перепродавали ихъ рабочимъ.

Итакъ, вооруженіе рабочихъ было прежде всего актомъ самообороны, безусловно необходимымъ въ виду жизненной опасности со стороны черныхъ сотенъ, со стороны изверговъ-казаковъ, полиціи и отчасти солдатъ.

Между тѣмъ государство все болѣе разлагалось. Формально страной

управлялъ кабинетъ министровъ. Но этотъ пресловутый Виттевскій кабинетъ министровъ существовалъ только на бумагѣ. Онъ не имѣлъ власти. Самъ глава министерства проявлялъ свою государственную мудрость только еще жалобными стенаніями передъ газетными репортерами. Кабинетъ министровъ не опирающійся на народное представительство, есть ничто. Замѣнить парламентъ правительствомъ министровъ—это чудовищная утопія, которая можетъ возникнуть только въ головѣ, такъ называемаго, „государственнаго человѣка“, воображающаго, что все государственное развитіе беретъ начало у него на языкѣ или у него изъ подъ пера.

Вся политика правительства сводилась къ безсистемной, но безпрерывной травлѣ. Натравливали христіанъ на евреевъ, магометанъ-татаръ на христіанъ-армянъ, крестьянъ на желѣзнодорожныхъ служащихъ, темныя массы на интеллигенцію и рабочихъ.

Кто отвѣтственъ за эту политику? Виновный не сысканъ, его не искали,—но что все это было, мы всѣ знаемъ.

Всѣ общественныя связи были расторгнуты. Шла борьба каждаго противъ всѣхъ и всѣхъ противъ каждаго.

Вотъ въ эту-то пору приняли поражающіе размѣры крестьянскія волненія.

Насталъ конецъ и мужицкому долготерпѣнію. Крестьянинъ сотни лѣтъ копая землю и выносилъ на своемъ горбу желѣзныя горы все разраставшагося военно-полицейскаго государства, и терпѣлъ, пока подъ нимъ была земля, которая родила хлѣбъ. Но земля истощилась и стало ея мало, скота не стало, крестьянинъ изголодался, изболѣлся, обнищалъ. Крестьянскій вопросъ въ нашей странѣ—вопросъ жизни и смерти государства, первый вопросъ, который приходится разрѣшать Государственной Думѣ. И если бы Государственная Дума была созвана, она бы привлекла себѣ вниманіе крестьянъ, собрала бы на себѣ всѣ ихъ надежды. Но Государственной Думы не было, и отчаянное положеніе крестьянина нашло себѣ выраженіе въ мѣрахъ отчаянія. И вотъ сѣрое небо нашей многострадальной родины покрылось кровавымъ заревомъ пожаровъ.

Поднялись всѣ жгучіе вопросы, раскрылись всѣ наболѣвшія мѣста государственнаго организма, какъ язвы на тѣлѣ Іова. Стонъ и скрежетъ зубовный стоялъ по всей Россіи. Поднялись глубины народныя, всколыхнулося море народнаго горя, заходили по немъ грозныя волны, пѣнясь и брызгая кровью и слезами.

Заговорили всѣ разомъ. Каждый классъ, каждый общественный слой оповѣщалъ свои нужды, ставилъ свои требованія.

Все революціонное движеніе составилось изъ отдѣльныхъ теченій, особыхъ требованій различныхъ общественныхъ слоевъ, охваченныхъ вмѣстѣ общей идеей политической свободы и народнаго представительства. Даже у рабочихъ, помимо общихъ классовыхъ требованій, были особыя требованія, желѣзнодорожныхъ служащихъ, почтово-телеграфныхъ служащихъ и особыя требованія на каждой фабрикѣ и на каждомъ заводѣ.

Часть этихъ требованій, въ особенности требованія желѣзнодорожныхъ и почтово-телеграфныхъ служащихъ, могла быть до извѣстной степени удовлетворена немедленно, распоряженіемъ соотвѣтствующихъ вѣдомствъ, Но этого не было сдѣлано—потому возмущеніе, негодованіе на правительство и готовность къ новой забастовкѣ особенно сильны были въ этихъ слояхъ.

Октябрьская политическая забастовка развернулась на вулканической подпочвѣ экономическихъ требованій и эта подпочва продолжала дѣйствовать и послѣ 17 октября.

Свои особыя политическія требованія выставили также солдаты и матросы. Подъ этой политической программой казармы происходили волненія и тѣхъ и другихъ.

Даже городовые и дворники выставили свои особыя требованія.

Во всемъ этомъ разобраться, всему этому дать выходъ и соподчинить его другъ другу — могло только народное представительство. Но Государственная Дума не созывалась, и взбудораженная политическая жизнь страны не находила себѣ другого выраженія, какъ въ газетахъ, въ бурныхъ собраніяхъ, волненіяхъ, сумятицѣ и междуусобной борьбѣ.

Общественное мнѣніе, въ одинъ голосъ, требовало немедленнаго созыва народнаго представительства.

Направленія умѣренныя ждали отъ правительства, что оно созоветъ Государственную Думу, мы же на правительство не надѣялись и искали другихъ путей, чтобы выйти изъ политической анархіи, которая губила страну.

Довѣриться правительству значило бы забыть всю его исторію, забыть событія послѣднихъ двухъ лѣтъ, забыть самую октябрьскую забастовку и закрыть глаза предъ тѣмъ, что происходитъ каждодневно. Это значило бы предаться самому жестокому самообману и вмѣсто того, чтобы укрѣпить завоеванное политическое положеніе и строить дальше на немъ, поступиться и тѣмъ, что было достигнуто.

Если бы даже правительство рѣшило созвать, Государственную Думу на основаніи всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права,

то тогда еще оставалось бы важная забота обезпечить выборы отъ правительственнаго вмѣшательства, отъ полицейскаго и чиновничьяго произвола, отъ давленія со стороны капиталистовъ, помѣщиковъ и другихъ эксплуататоровъ народа, сильныхъ своими богатствами.

Такимъ образомъ, передъ Совѣтомъ Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ стояла слѣдующая задача: 1) добиться немедленнаго созыва народнаго представительства; 2) достигнуть того, чтобы эти выборы состоялись на основѣ всеобщаго прямого, равнаго, тайнаго избирательнаго права; 3) устранить всѣ временныя правила и остатки стараго полицейскаго законодательства, которые мѣшали свободѣ выборовъ и стѣсняли политическую свободу вообще; 4) обезпечить независимость выборовъ—въ первую очередь, отъ правительственнаго вліянія.

Манифестъ, которымъ Исполнительный Комитетъ С. Д. П. Р. впослѣдствіи открылъ декабрьскую забастовку весь лежитъ въ рамкахъ этихъ политическихъ требованій.

Какимъ же путемъ Совѣтъ надѣялся достигнуть своей цѣли? Это я вамъ скажу въ нѣсколькихъ словахъ: собравъ въ революціонную армію всѣ народныя массы, онъ этимъ самымъ отнялъ бы силу у насильствующаго правительства и руководящей имъ реакціонной клики.

Задача была—лишить реакціонное правительство и средствъ и людей. На это была направлена вся дѣятельность Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, къ этому вело все ихъ существованіе.

По мѣрѣ того, какъ расширялся кругъ ихъ вліянія, предъ нами открывались, по направленію къ намѣченной цѣли, все новыя возможности.

Благодаря тому, что вліяніе совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и связанныхъ съ ними организацій и партій захватывало широкіе слои народа и общества, помимо рабочаго класса, стало возможнымъ предпринять эти мѣры, которыя указывалъ, такъ называемый, экономическій манифестъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Какъ вамъ извѣстно, этотъ манифестъ предлагалъ всему населенію отказываться платить подати, требовать размѣна кредитныхъ биллетовъ на золото, брать обратно вклады изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ.

Что касается, въ особенности, отобранія вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ, то это движеніе не было только лишь вызвано Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ. Оно явилось естественнымъ результатомъ общаго безпокойства, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, государственной безтолочи и недовѣрія къ правительству, которое давно уже систематически подмѣняло

золотые вклады кассъ бумажками государственной ренты. Курсъ ренты падалъ съ каждымъ днемъ, а финансовая нужда правительства давно уже превзошла всякія мѣры и степени и росла съ каждымъ днемъ. При такихъ условіяхъ опасенія вкладчиковъ были вполнѣ понятны и слѣдовало только удивляться, что вклады все еще оставались кассахъ. Манифестъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ только придалъ этому движенію политическій характеръ. Онъ сознательно велъ къ тому, чтобы оставить правительство безъ золота и безъ кредита. Поэтому онъ требовалъ также, что бы государственные займы, заключенные правительствомъ послѣ 9 января 1905 г., ужъ во всякомъ случаѣ не были признаны Государственной Думой.

Обратите вниманіе, гг. судьи, что правительство манифестомъ 17 октября обязалось предъ народомъ, при заключеніи государственныхъ займовъ, какъ и вообще въ финансахъ государства, ничего не предпринимать безъ предварительнаго согласія Государственной Думы. Уже изъ одного этого вытекала обязанность правительства немедленно созвать Государственную Думу, тѣмъ болѣе, что въ январѣ долженъ былъ быть утвержденъ государственный бюджетъ на 1906 г., причемъ предвидѣлась неотложная необходимость заключить новый заемъ. Но правительство казалось, даже и думать позабыло о томъ, чтобы созвать Государственную Думу, и въ то же время конспирировало съ банкирами, желая заключить заемъ, условія котораго, насколько они проникали въ публику, были самыя разбойническія, ростовщическія. Это возбуждало даже въ общественныхъ кругахъ, до того державшихъ себя пассивно. сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли правительство серьезно намѣрено привести въ осуществленіе свои обѣщанія, или же манифестъ 17 октября только былъ уловкой съ цѣлью пріостановить забастовку, и что, дезорганизовавъ революцію и запасшись деньгами, правительство со всей силой возьмется за то, чтобы возстановить старый образъ правленія. По меньшей мѣрѣ рождалось подозрѣніе, что правительство потому и отсрочиваетъ созывъ Государственной Думы, чтобы заручиться еще до нея бюджетомъ на 1906 г. и заграничнымъ займомъ.

Вамъ извѣстно, гг. судьи, что оно такъ и вышло. Такимъ образомъ, бюджетное право Государственной Думы было нарушено сейчасъ же послѣ того, какъ оно за нимъ было признано. Исторія россійскаго парламентаризма начинается съ правонарушенія со стороны правительства.

Въ своей финансовой борьбѣ противъ правительства Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ боролся за бюджетное право Государственной Думы.

Помимо интересовъ политическихъ, остановить безалаберную и безразсудную финансовую политику правительства необходимо было въ интересахъ самихъ государственныхъ финансовъ.

Въ теченіе болѣе полусотни лѣтъ бюджетъ нашего государства составлялся, такимъ образомъ: дефицитъ покрывался займомъ, заемъ увеличивалъ дефицитъ, а новый дефицитъ покрывался новымъ займомъ. Одинъ пластъ накладывался на другой, причемъ каждый новый пластъ былъ шире предыдущаго. Когда нибудь все зданіе должно было бы рухнуть. И чѣмъ раньше пріостановить это строительство вавилонской башни нашего государственнаго бюджета, тѣмъ лучше было было бы для государства. Всякій купецъ, дѣла котораго пришли въ разстройство, прежде всего подводитъ итогъ своимъ предпріятіямъ, сосчитываетъ, что у него есть, чѣмъ онъ можетъ обезпечить кредиторовъ, сколько платить ежегодно, а до того не дѣлаетъ займовъ, но напротивъ воздерживается отъ нихъ. Такъ и въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ, которое, очевидно, было на краю банкротства, необходимо было прежде всего провѣрить финансы, подвести итогъ, опредѣлить, чѣмъ покрыть дефицитъ и на какихъ условіяхъ, въ какихъ размѣрахъ мы можемъ заключать государственные займы, оплачивая ихъ изъ дѣйствительныхъ доходовъ государства. Правительство же, наоборотъ, старалось скрыть дѣйствительное положеніе вещей и, прикрываясь фантастическими вычисленіями, ставя въ счетъ не только желѣзныя дороги, не приносящія доходовъ, а производящія дефицитъ, но и лѣсъ, и горы и даже приростъ населенія, вымаливало себѣ все новые займы у европейскихъ банкировъ.

Послѣдніе отнюдь не такъ просты, какъ иной разъ казалось нашимъ государственнымъ людямъ. Они отлично знали, что суть дѣла въ податяхъ, которыя правительство выколачивало изъ народа, и на этомъ основаніи давали деньги, которыя къ тому же принадлежали не имъ, а покупателямъ русскихъ фондовъ—выговаривая только на покрытіе риска все большій и большій процентъ, а себѣ за комиссію неслыханныя суммы.

Распоряжаясь податями, правительство открыло себѣ кредитъ за границей и заключало тамъ займы на тысячи милліоновъ рублей; проходя черезъ подвалы Государственнаго Банка—и предварительно перечеканенное на монетномъ дворѣ—иностранное золото составило, такъ называемый, золотой запасъ Государственнаго Банка; опираясь на этотъ золотой запасъ, правительство—ужъ не говоря о предыдущемъ—выпустило кредитныхъ билетовъ и краткосрочныхъ свидѣтельствъ казначейства на сумму, значительно

превосходящую стоимость золота, т. е. сдѣлало внутренній заемъ; для той же цѣли внутренняго займа оно воспользовалось вкладами сберегательныхъ кассъ, въ которыхъ министерство финансовъ распоряжалось, какъ если бы это было государственное казначейство; собранныя средства служили правительству, чтобы оплачивать армію,—а армія служила для того, чтобы усмирять народъ, стремящійся выйти изъ этого заколдованнаго круга. Сообразно съ этимъ опредѣлилась и тактика революціи: помѣшать притоку золота изъ-за границы, отнять у правительства то золото, которое было внесено въ сберегательныя кассы, возвратить ему его кредитные билеты, прекратить податные взносы, на которыхъ покоилась вся финансовая система и соединить народъ съ арміей, которые замыкая кругъ, стояли лицомъ другъ къ другу.

Совѣты рабочихъ депутатовъ самымъ своимъ существомъ помимо всякой агитаціи привлекали къ себѣ солдатъ. Соціалдемократія и партія соціалистовъ-революціонеровъ вели обширную агитацію въ арміи. Но главными агитаторами и здѣсь, какъ въ народѣ, были: экономическая нужда, государственное разстройство, насилія правительства и постыдная война, раскрывшая всю несостоятельность старой системы, стараго образа правленія.

Пока въ Россіи не было гражданъ, солдатъ былъ въ полномъ смыслѣ слова военнымъ рабомъ: имъ командовали при помощи зуботычинъ, человѣческое достоинство его ставили ни во что, обращались съ нимъ, какъ съ скотомъ безсловеснымъ, держали въ казармѣ, какъ арестанта, при томъ же и одѣвали и кормили плохо, межъ тѣмъ какъ обиралы разнаго рода наживались на солдатскомъ пайкѣ. Возникши на почвѣ казармы, гдѣ старый государственный порядокъ проявлялъ всѣ свои скверныя стороны въ самой грубой и жестокой формѣ, солдатскія волненія впадали въ общій революціонный потокъ; а такъ какъ армія, собранная на основѣ всеобщей повинности, никогда не теряетъ вполнѣ своей связи съ народомъ, то и солдаты и матросы поставили во главѣ своихъ требованій общія политическія требованія всего народа.

Чѣмъ чаще правительство употребляло армію на кровавую расправу съ народомъ, тѣмъ больше оно бередило кровную связь арміи съ народомъ. Нужно было все то презрѣніе къ простому народу, къ человѣческой личности крестьянина и рабочаго, которыми были переполнены представители стараго образа правленія, чтобы предполагать, что „спасибо“ со стороны начальника да чарка водки въ состояніи заглушить голосъ крови въ душѣ солдата, напоминавшій ему его братьевъ и отца въ родной деревнѣ или

родномъ городѣ, кровь которыхъ, быть можетъ, вскорѣ обагритъ такой же, какъ и его, ружейный штыкъ!

Послѣ каждой „побѣды“, одержанной тѣмъ или другимъ полкомъ надъ революціей, въ немъ происходилъ слѣдующій процессъ: часть солдатъ, уже раньше сочувствовавшихъ революціи, въ сильнѣйшемъ возбужденіи и негодованіи, готова была, хоть сейчасъ, стать на сторону народа; другая часть проникалась сочувствіемъ и сожалѣніемъ къ народу, мучаясь угрызеніями совѣсти и, разумѣется, въ тиши казармы, въ средѣ товарищей давала исходъ своему настроенію, критикуя и правительство и начальство, или просто жалуясь на свою проклятую солдатскую судьбу; еще одна часть находилась въ смущеніи и смятеніи и готова была присоединиться къ предыдущей; отдѣльныя единицы и группы, наоборотъ, звѣрѣли, въ нихъ просыпались дикіе инстинкты, они съ безстыднымъ нахальствомъ хвастались своими жестокостями и мечтали вслухъ о новыхъ побоищахъ; у всѣхъ вмѣстѣ пропадали послѣдніе слѣды военной дисциплины. Это разложеніе не ограничивалось той частью войска, которая непосредственно только что принимала участіе въ кровопролитіи, а переносилось на всю армію. Такъ росло политическое броженіе въ казармѣ, а эта атмосфера раздраженія, недовольства, возмущенія въ свою очередь легко разряжалось солдатскими волненіями.

И вотъ правительству уже приходилось вести одну часть войска противъ другой, солдатъ противъ матросовъ, матросовъ противъ солдатъ, наконецъ, солдатъ противъ солдатъ, одни полки противъ другихъ.

Суровое усмиреніе волненій солдатъ и матросовъ, которые наряду съ общими политическими требованіями народа, выставляли требованія, общія всѣмъ солдатамъ и всѣмъ матросамъ и глубоко затрагивавшія ихъ нужды, разумѣется, еще только подливало масла въ огонь.

Пошли побѣды правительства надъ собственной арміей, какъ оно раньше, да и потомъ, непрестанно побѣждало собственный народъ своей страны.

А солдатскія волненія пожаромъ перекидывались во всѣ концы Россіи и разростались и принимали все болѣе внушительные размѣры.

А такъ какъ волновавшіяся массы солдатскія инстинктивно искали революціонныхъ пунктовъ сосредоточія, то они и стали собираться вокругъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, какъ готовыхъ организацій народныхъ массъ, основанныхъ на выборной системѣ.

Совѣты рабочихъ депутатовъ со своей стороны стали обращаться со

своими воззваніями къ солдатамъ. Но и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, чисто агитаціонная дѣятельность совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, а въ частности Совѣта Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ, была очень незначительна.

Агитацію и пропаганду среди рабочихъ массъ вела почти исключительно соціалдемократическая партія, которая къ тому же одна только располагала необходимымъ для этой колоссальной работы по всей странѣ литературнымъ и организаціоннымъ аппаратомъ. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ своими рѣшеніями и манифестами только давалъ выраженіе тому, что происходило, а сильны они были тѣмъ, что объединяли рабочія массы и были ихъ выборнымъ представительствомъ.

Благодаря соціалдемократіи во многихъ мѣстахъ происходили смѣшанныя собранія солдатъ и рабочихъ. Здѣсь въ Петербургѣ это было въ то время еще неосуществимо. Зато здѣсь велась болѣе усиленная пропаганда въ арміи при помощи газетъ.

Вамъ извѣстно, гг. судьи, что въ различныхъ мѣстахъ образовались особые выборные солдатскіе комитеты, и что комитеты эти становились въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ совѣтами рабочихъ депутатовъ. Приближался моментъ, когда рабочіе, крестьяне и солдаты составили бы одно политическое цѣлое съ цѣлью установить, упрочить и защитить народное представительство, выбранное на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Если бы это было достигнуто, тогда гг. судьи, не зачѣмъ и не противъ кого было бы употреблять оружіе!

Тогда, просто вапросто, оружіе не было бы больше въ рукахъ насильниковъ-реакціонеровъ и не могло бы быть употребленно противъ народа.

Вотъ все, что нужно было.

Прокуратура и полиція употребили неимовѣрныя усилія, чтобы открыть тѣ склады оружія, которыми по ихъ мнѣнію, располагалъ Совѣтъ Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ. Они ничего не нашли. Я вамъ теперь скажу, гдѣ было это оружіе. Оно было въ казармахъ, въ рукахъ солдатъ.

Реакціонное правительство имѣло на своей сторонѣ ружья, а рабочіе хотѣли получать на свою сторону тѣ головы, которыя распоряжались ружьями. Они хотѣли убѣдить солдатъ отстаивать заодно съ ними тѣ политическія требованія, которыя я уже неоднократно въ продолженіе своей рѣчи излагалъ.

Если въ этомъ видѣть насиліе, если это противорѣчитъ ст. 101 или другой какой-либо статьѣ Угол. Улож.—тогда и избирательное право и всѣ

другія права народа, все вмѣстѣ — одно сплошное насиліе и уголовное преступленіе, потому что всѣ эти права имѣютъ одинъ смыслъ, а именно тотъ, что граждане объединяются для осуществленія опредѣленныхъ политическихъ требованій, стараются привлечь на свою сторону другихъ и дать своимъ требованіямъ законодательную силу.

Идетъ-ли рѣчь о военныхъ или о штатскихъ—все равно. Передъ заборомъ казармы не должна задерживаться политическая свобода. Гражданинъ остается гражданиномъ и тогда, когда онъ въ мундирѣ. Онъ не долженъ терять своихъ политическихъ правъ, отъ того, что онъ становится на защиту отечества. И только гражданское чувство даетъ ту духовную связь арміи, которая создаетъ самоотверженность и высшую дисциплину.

Пользуясь пробуждающимся въ солдатахъ гражданскимъ чувствомъ рабочіе готовились объединиться съ ними политически.

Именно этому старалось помѣшать реакціонное правительство, потому что ему нужны были въ арміи не граждане и даже люди, а только рука, чтобы спустить курокъ.

Рабочіе полагали, что воля народа—высшій законъ, а реакція, наоборотъ, хотѣла провести свои политическіе планы противъ воли всего народа.

Теперь спрашиваю, гг. судьи: на чьей сторонѣ была необходимость въ насиліи, на чьей сторонѣ готовились къ насилію!

Наивысшее проявленіе политической воли народа—это всеобщая забастовка. Вотъ та „послѣдняя борьба“, къ которой готовились совѣты рабочихъ депутатовъ.

Рабочіе знали, что реакція постарается потопить забастовку въ морѣ крови. Они надѣялись, что это ей не удастся, потому что солдаты станутъ на сторону народа. Но пока это произойдетъ, а отчасти и для того, чтобы оно произошло, нужно было, чтобы забастовка имѣла время разростись. А для этого необходимо было, чтобы народъ имѣлъ хоть нѣкоторую возможность защитить себя отъ казацкихъ ордъ и отъ нападеній отдѣльныхъ армейскихъ отрядовъ спеціально подобранныхъ правительствомъ для устройства кровавой бани. Вотъ въ какомъ смыслѣ нужно понимать зарождавшуюся не только у рабочихъ, но еще болѣе того въ революціонныхъ кругахъ „общества“, идею „вооруженнаго возстанія“.

Въ Петербургѣ не было вооруженнаго возстанія, но если бы оно произошло, то оно произошло бы въ защиту главнаго политическаго права народа—права забастовать, чтобы провести свои политическія требованія.

Какъ бюджетное право составляетъ основу правъ парламента, такъ

право политической забастовки — составляетъ основу всѣхъ народныхъ правъ.

Если правительство поступаетъ противъ воли парламента, то послѣдній, отказывая ему въ бюджетѣ, лишаетъ его средствъ существованія. Если народъ недоволенъ государственнымъ устройствомъ или по какому-нибудь особому поводу намѣренъ провести самъ свою политическую волю, то онъ пріостанавливаетъ свой трудъ, на которомъ зиждется все производство, и, такимъ образомъ, лишаетъ государство средствъ существованія.

Но если желѣзнодорожныхъ служащихъ, служащихъ почтъ и телеграфовъ, рабочихъ фабрикъ и заводовъ за то, что они вступили въ политическую забастовку подвергаютъ разстрѣлу,—какой же это тогда свободный народъ? Это—рабъ, прикованый къ тачкѣ!

И если отнять у народа его право политической забастовки—мы можемъ его назвать правомъ революціи — тогда и парламентъ лишается своей силы.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что правительство, несмотря на то, что парламентъ отказалъ ему въ бюджетѣ, продолжаетъ собирать подати и дѣлать противозаконныя распоряженія. — какъ тогда поступить парламенту? Ему ничего другого не остается, какъ обратиться къ народу. А у народа единственное средство поддержать свою политическую волю— всеобщая политическая забастовка.

Такъ, гг. судьи, стояли другъ противъ друга народъ и правительство послѣ 17 октября и такъ развивались событія.

Полиція и прокуратура полагаютъ, что мы раздули тотъ революціонный ураганъ, поверхъ котораго мы носились.

О, если бы мы обладали такой чудодѣйственной силой—мы и тѣ тысячи лучшихъ людей нашей родины до насъ, которые послѣднюю каплю крови своего сердца, послѣднее напряженіе своего ума, послѣдній вздохъ свой отдали за дѣло народной свободы и счастья народнаго! Тогда мнѣ не пришлось бы здѣсь стоять передъ вами и оправдывать народъ, защищающій свои политическія права, и о томъ, что происходитъ теперь, только бы еще разсказывали въ школахъ, въ назиданіе дѣтямъ, какъ о гибельномъ заблужденіи прошедшаго времени!

Не странно ли, подумайте! Народъ, это всё, внѣ его — ничего и вотъ изъ среды народа выдѣляется кучка людей, подгребаетъ подъ себя горы золота, окружаетъ себя тучей штыковъ и говоритъ: „Повинуйтесь намъ— мы сила, мы законъ, мы справедливость!“

Но исторія народовъ идетъ своими путями, и нельзя ею управлять, какъ нельзя управлять прибоемъ волнъ, морскимъ приливомъ и отливомъ, Самое большее, чего можетъ достигнуть отдѣльная личность, это— быть наиболѣе полнымъ выразителемъ своего времени.

Но со стороны тѣхъ, которые полагаютъ, что штыками могутъ загородить путь исторіи, вполнѣ логично думать, что другіе могутъ руками разметать государство.

Въ дѣйствительности совѣты рабочихъ депутатовъ были только глашатаями классовой борьбы пролетаріата и въ силу этого стояли въ передовыхъ рядахъ революціи.

Пролетаріатъ готовился къ новой борьбѣ, видя ея неминуемость, но онъ не хотѣлъ ея. Да и какъ же иначе, когда чѣмъ бы ни кончилась борьба, для рабочихъ она во всякомъ случаѣ была связана съ неимовѣрными жертвами!

Правда, газетные приспѣшники богатой буржуазіи, эти подлые холопы, которые слизью своего песьяго языка стараются затереть кровавые слѣды своей госпожи, писали и, вѣроятно, продолжатъ писать, что рабочіе съ легкомысленнымъ задоромъ напрашивались на борьбу.

Это вздоръ и нелѣпица. Только капиталистъ цѣнитъ жизнь рабочаго дешево, а самому ему она не менѣе дорога, чѣмъ всякому другому. И хотя жена и дѣти рабочаго не наряжены въ шелкъ и бархатъ, они не менѣе близки его сердцу. Но именно потому, что рабочему жизнь дорога и дорого счастье своей семьи, онъ хочетъ жить по человѣчески.

Сила капитала въ богатствѣ: деньги ему даютъ власть—что ему политическія права! деньги даютъ ему господство — что ему политическая свобода! Тѣмъ не менѣе капиталисты требуютъ для себя и того и другого, чтобы увеличить свое богатство, а съ тѣмъ вмѣстѣ свою власть и свое господство. Для рабочихъ, которые не властвуютъ и не господствуютъ а наоборотъ, служатъ капиталисту, умножая его богатство, для нихъ политическая свобода и политическія права единственное спасеніе, единственный выходъ изъ нужды и рабства.

Вотъ почему рабочій готовъ поставить на карту все, что имѣетъ, все, что дорого ему, и самую жизнь свою, чтобы завоевать политическія права и политическую свободу.

Если бы было возможно избѣжать риска, рабочіе бы это сдѣлали съ величайшей радостью.

Но не было другого пути. Цѣною крови была куплена свобода, но эта была свобода безъ правъ, безъ той единственной связи, которая даетъ ей

крѣпость безъ народнаго представительства. И каждый часъ грозилъ этой временной свободѣ новой опасностью, и видно было, что цѣна еще не вся оплачена, что силы реакціи требуютъ еще жертвъ, еще крови.

Реакція, направляемая группой капиталистовъ-промышленниковъ, и землевладѣльцевъ, руководимая представителями стараго образа правленія, съ каждымъ днемъ выступала все рѣшительнѣе и опредѣленнѣе. Народъ протестовалъ, но терпѣлъ.

3-го ноября петербургскіе рабочіе устроили всеобщую забастовку въ видѣ демонстраціи. Сотни тысячъ народу сложили работу, а желѣзныя дороги только потому не прекратили своей дѣятельности, что на засѣданіи С. Д. И. Р. рѣшено было не дѣлать этого, такъ какъ пріостановка движенія по желѣзнымъ дорогамъ остановитъ производство во всей странѣ не на дни, а на недѣли, что выходило далеко за предѣлы демонстраціи.

Смыслъ массоваго движенія 3-го ноября былъ ясенъ и рѣшителенъ. Если правительство серьезно хотѣло мирнаго политическаго развитія, то оно должно было съ этимъ считаться. Рабочіе заявляли и свидѣтельствовали на дѣлѣ слѣдующее: „Силы революціи отнюдь не исчерпаны октябрьской забастовкой. Октябрьскіе дни могутъ повториться и повторятся неизбѣжно, если не прекратятся насилія реакціи и не будетъ осуществлено на дѣлѣ, а не на бумагѣ только народное представительство. Еще есть время. Зная, какія тяжелыя послѣдствія для жизни всей страны влечетъ за собой всеобщая забастовка мы только показываемъ ея возможность, но не проводили ея на самомъ дѣлѣ. Мы даемъ правительству срокъ. Оно можетъ воспользоваться имъ, чтобы завоевать себѣ довѣріе народа и, такимъ образомъ, сдѣлать политическую забастовку ненужной, а, слѣдовательно, и не возможной. Въ то же время мы продолжаемъ готовиться къ борьбѣ. Ибо мы не довѣряемъ правительству и ясно видимъ, что оно собираетъ силы реакціи, чтобы попробовать насильственно возвратить потерянное и возстановить старый образъ правленія. Мы сдѣлаемъ все что въ нашихъ силахъ, чтобы это готовящееся со стороны реакціи нападеніе застало народъ возможно болѣе подготовленнымъ и чтобы эта новая борьба была, наконецъ, послѣдней борьбой революціи“.

Но реакція, намѣренія которой, такимъ образомъ, были вполнѣ раскрыты рабочими, въ отвѣтъ на это только умножила свои насилія и поспѣшила ускорить развязку.

Во главѣ реакціи стояли представители класса капиталистовъ, а главные удары ея были направлены противъ рабочихъ. Но капиталисты, къ которымъ я, какъ и раньше въ своей рѣчи, причисляю также богатыхъ

землевладѣльцевъ, были не одни. Они собрали вокругъ себя всѣхъ, кто только былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы возстановить старый образъ правленія или, по крайней мѣрѣ, заградить путь политической свободѣ и народному представительству.

Это было не большое, но избранное общество. Верхушки аристократіи ясно сознававшія, что подломались тѣ общественныя подпорки, на которыхъ воздвигалось ихъ величіе. Къ нимъ присоединилось значительное число чиновниковъ, полицейскихъ, военныхъ и другихъ начальниковъ, которые чувствовали, что не годятся для новыхъ порядковъ и должны будутъ уступить мѣсто другимъ, что при образѣ правленія, основанномъ на народномъ представительствѣ и политической свободѣ, ихъ должна постигнуть та же участь, какая послѣ реформъ 60-хъ годовъ, постигла старыхъ стряпчихъ и приказныхъ. Отставленные отъ дѣлъ, они превратились въ сбродъ и сволочь. Тотъ же конецъ предвидѣлся всей административной и судейской братіи только что низвергнутаго образа правленія. Такъ вотъ, эта сволочь будущаго, съ своей стороны, притянула въ реакціонный союзъ дѣйствительную сволочь и сбродъ настоящаго — отъ воровъ и убійцъ по профессіи до истязателей по своимъ противоестественнымъ наклонностямъ, по своему душевному уродству и звѣрскимъ наклонностямъ, вродѣ получившихъ въ послѣдствіи столь печальную извѣстность Лужановскаго, Абрамова и т. п. Очень пригодились тоже тѣ офицеры, которые, хоть и не научились на войнѣ сражаться, но научились кровь пролить и теперь на русскій народъ смотрѣли не иначе, чѣмъ на манчжурцевъ и китайцевъ.

Разумѣется, все это вмѣстѣ было ничтожное меньшинство въ сравненіи съ тѣми многомилліонными массами, которыя стояли на сторонѣ революціи, но у этого меньшинства были запасы оружія и взрывчатыхъ веществъ и оно командовало арміей. Оно не могло погнать назадъ ходъ историческихъ событій, но оно могло устроить кровавую баню.

Реакція не только организовала контръ-революцію, она выработала подробный точный и стратегическій планъ ея, который и стала систематически и послѣдовательно приводить въ исполненіе.

Вся страна была раздѣлена на небольшіе участки, вродѣ шахматной доски. Въ каждомъ такомъ участкѣ былъ назначенъ или предполагался къ назначенію особый начальникъ съ полномочіями военнаго диктатора. Такимъ образомъ, государственный аппаратъ былъ упрощенъ до своей первобытной формы—административныя, судейскія, воинскія дѣла все это было свалено въ одно — и въ тоже время была достигнута возможность повсемѣстной, единовременной и быстрой расправы.

Приготовленія реакціи были настолько очевидны, что, наконецъ, всѣмъ стало ясно: мы стоимъ передъ новой борьбой, безъ которой не будетъ въ Россіи ни народнаго представительства, ни политической свободы. Это было то время, когда даже среди офицеровъ образовался всероссійскій союзъ, поставившій своей задачей провести въ арміи политическую забастовку, чтобы не дать правительству воспользоваться вооруженной силой въ цѣляхъ реакціи, и поддерживать революціонную борьбу всѣми мѣрами, пока не будетъ осуществленно Учредительное Собраніе.

Изъ телеграммы Дурново губернаторамъ, заблаговременно попавшей въ печать, стало извѣстно, что въ планъ дѣйствій реакціи входило внезапно арестовать всѣхъ лицъ, болѣе или менѣе выдвинувшихся въ рабочихъ организаціяхъ или въ соціалдемократическомъ движеніи. Гг. судьи, эта телеграмма историческій документъ. Если министръ внутреннихъ дѣлъ приказываетъ произвести аресты по всей странѣ, безъ судебнаго постановленія, безъ указанія какой-либо вины, не зная даже тѣхъ лицъ, которыя должны быть арестованы,—то какіе же тутъ законы, какой образъ правленія?!! Это, очевидно, насиліе, попирающее всякіе законы и всякія права съ единственной цѣлью овладѣть своимъ политическимъ противникомъ. Это показываетъ также, въ свою очередь, что нападающей стороной въ разыгравшейся впослѣдствіи борьбѣ не были рабочіе и народъ, а было правительство, связавшее себя съ перечисленными мною выше общественными группами.

Планъ дѣйствій реакціи былъ выполненъ въ точности. Первымъ долгомъ правительство направило свои удары противъ централизованныхъ организацій, противъ Союза желѣзнодорожныхъ служащихъ, противъ Крестьянскаго Союза, противъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, въ особенности противъ С. Д. П. Р., который хотя и не былъ почти связанъ съ остальной Россіей, но благодаря тому, что находился въ политическомъ центрѣ страны, сталъ передовой организаціей революціи и до извѣстной степени былъ для провинціи показателемъ, по которому она опредѣляла направленіе борьбы. Реакція вполнѣ вѣрно расчитала, что разгромивъ эти центральныя организаціи и упрочившись въ столицѣ, она сумѣетъ тѣмъ большія силы двинуть на окраины и тѣмъ легче съ ними справиться. Такъ оно и произошло.

Гг. судьи! я уже сказалъ вначалѣ своей рѣчи: рабочіе стали на стражѣ революціи. Они не переставали призывать народъ и общество къ политическому бодрствованію. Они неустанно готовились дать отпоръ реакціи. Они не вѣрили въ мирный исходъ, но они знали, что чѣмъ дальше отсро-

чить борьбу, тѣмъ больше будетъ сила народа, тѣмъ меньше сила реакціи. Но когда реакція двинула противъ народа всѣ свои силы и тѣ политическія права, которыя необходимо было защитить, уже не существовали больше, свобода печати, свобода слова, свобода собраній и свобода союзовъ были уничтожены и каждый новый день приносилъ не ростъ революціонныхъ организацій, а разгромъ ихъ, тогда уже не о чемъ было разсуждать и нечего было ждать—тогда рабочіе приняли борьбу.

Совѣтъ Депутатовъ Петербургскихъ Рабочихъ объявилъ забастовку на 8 декабря. За одно съ Петербургомъ поднялась Москва и поднялась вся Россія.

Борьба разлилась по всей странѣ. Сообразно особымъ условіямъ и смотря также потому, насколько установилась связь между народомъ и арміей, она въ разныхъ мѣстахъ приняла разный характеръ. Но всздѣ рабочій классъ сдѣлалъ все, что могъ, для защиты политической свободы и для завоеванія народнаго представительства.

Болѣе трехъ мѣсяцевъ правительство вело войну въ своемъ собственномъ государствѣ и со своимъ собственнымъ народомъ, болѣе трехъ мѣсяцевъ лилась кровь ручьями, горѣли деревни и бѣшенная опричина разоряла страну хуже, чѣмъ во времена Іоанна Грознаго. Въ результатѣ правительство завоевало страну, но не покорило народа.

Правительство назначило, наконецъ, выборы въ Государственную Думу. Если бы оно ихъ назначило до декабрьской забастовки и не урѣзывало хотя бы той политической свободы, какая временно установилась въ странѣ, то и забастовки, вѣроятно не было бы. Но правительство намѣренно постаралось предварительно разгромить революцію, надѣясь, потомъ при выборахъ подобрать себѣ такую Думу, которая работала бы на руку реакціи.

Вышло какъ разъ наоборотъ. Какъ раньше такъ и теперь: военная побѣда правительства надъ народомъ превратилась въ политическое пораженіе правительства. Если при выборахъ въ Государственную Думу народъ дружно сталъ въ защиту революціи, то это не въ послѣднемъ счетѣ дѣло декабрьской забастовки, результатъ самоотверженности рабочихъ, которые рѣшили, лучше пасть подъ ударами, чѣмъ отступить безъ борьбы.

Рабочіе, за исключеніемъ нѣсколькихъ выборныхъ округовъ, не принимали участія въ выборахъ, потому что при существующемъ избирательномъ правѣ ихъ голоса въ большинствѣ округовъ не идутъ въ зачетъ. Но если есть въ Россіи хоть капля политической свободы, то рабочіе кровью

своей завоевали ее. И если есть въ Россіи хоть тѣнь народнаго представительства, то рабочіе кровью своей завоевали его.

* * *

Перехожу теперь къ другому пункту обвиненія. Статья 126-ая Угол. Улож. грозитъ наказаніемъ за стремленіе ниспровергнуть существующій въ государствѣ общественный строй".

Но поскольку рѣчь идетъ о С. Д. П. Р., то я уже сказалъ, что у него не было готовой политической программы, а тѣмъ болѣе программы соціальной. Вамъ извѣстно гг. судьи, что С. Д. П. Р. формально отвергнулъ предложеніе заявить себя соціалдемократической организаціей. С. Д. П. Р. стоялъ на точкѣ зрѣнія классовой борьбы пролетаріата — это такъ. Это онъ открыто признавалъ и доказалъ на дѣлѣ. Это онъ показалъ также своимъ отношеніемъ къ организаціямъ стремившимся занять серединное положеніе между рабочими и предпринимателями къ ушаковцамъ и гапоновцамъ съ одной стороны, и къ союзамъ либеральныхъ профессій инженеровъ, адвокатовъ и т. п., съ другой стороны. Правда, мы соціалисты твердо убѣждены, что классовая борьба должна была бы неминуемо привести Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ къ соціалистической программѣ — однако, пока этого не произошло, этого нельзя, конечно, ставить въ зачетъ организаціи.

Итакъ, гг. судьи, С. Д. П. Р. вамъ приходится оставить въ сторонѣ.

Но я лично и тѣ мои друзья, которые принадлежатъ къ соціалдемократической партіи и къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ мы охотно заявляемъ вамъ: да мы хотѣли и хотимъ измѣнить существующій общественной строй.

Хотимъ ли мы его „ниспровергнуть", я не знаю, потому что долженъ признаться, что значеніе этого слова мнѣ не вполнѣ понятно.

Законодатель представлялъ себѣ общественный строй вродѣ какъ бы карточнаго домика, который можно сдунуть. Я же думаю иначе. По моему пониманію развитія людскаго общества исторически сложившіеся устои каждаго общественнаго строя такъ прочны, что ихъ нельзя ниспровергнуть, а можно только видоизмѣнить.

Не знаю я также, насколько въ понятіе ниспровергнуть входитъ насиліе.

По ст. 101 намъ, по крайней мѣрѣ, должны доказать, что мы хотѣли „насильственно посягнуть"; здѣсь же, по ст. 126 и этого не требуется. Достаточно, что мы хотѣли „ниспровергнуть",—а что значитъ ниспроверг-

нуть, неизвѣстно. Больше это „насильственнаго посягательства“, или меньше? Одно, очевидно, разнится отъ другого, но чѣмъ они разнятся?

Далѣе, я не могу опредѣлить: гдѣ въ развитіи государства кончается право и начинается насиліе—кончается насиліе и начинается право?

Я не знаю этого, потому что этого не знаетъ и сама наука права. Въ доказательство сошлюсь на авторитетъ, признанный въ юриспруденціи всего міра, на знаменитаго нѣмецкаго профессора Іеринга. „Право—говоритъ Іерингъ — это Сатурнъ, пожирающій своихъ собственныхъ дѣтей, оно можетъ обновиться, только покончивъ со своимъ прошлымъ“.—„Все великое, чѣмъ можетъ гордиться исторія права, все это плоды тяжелой вѣковой борьбы, сплошь и рядомъ оставлявшей за собой потоки крови и попранныя права“.—„Конкретное право, которое народившись, претендуетъ на вѣчное существованіе, подобно дитяти, которое посягаетъ на свою мать,—это поруганіе идеи права, къ которой оно взываетъ, ибо сущность права — это вѣчное новообразованіе — образовавшееся должно уступить мѣсто нарождающемуся“.—Далѣе: „Право въ хаотической пучинѣ человѣческихъ стремленій и интересовъ вынуждено безпрерывно ощупью искать, чтобы направиться по вѣрному пути, и, найдя его, повергнуть долу противника, загородившаго ему путь“. Итакъ, гг. судьи, право образуется въ борьбѣ съ закономъ; законъ, карающій новообразовавшееся право, становится насиліемъ, а насиліе, ниспровергнувшее этотъ законъ, становится правомъ. Вотъ что юриспруденція на основаніи изученія правовыхъ основаній всѣхъ странъ и всѣхъ временъ въ послѣднемъ результатѣ даетъ намъ, какъ основу и сущность права.

А если вы не будете считаться съ наукой права, т. е. тѣмъ, что является результатомъ вѣковыхъ споровъ, вѣковой работы мысли въ вопросахъ права и суда, тогда, гг. судьи, откуда же вамъ взять объясненіе и обоснованіе какъ законовъ, такъ и вашей судебной дѣятельности? Тогда нѣтъ совершенно права, а есть только насиліе. Но тогда, гг. судьи, чѣмъ же будетъ отличаться это засѣданіе суда отъ—сборища дикарей въ Центральной Африкѣ, рѣшающаго судьбу забранныхъ ими въ плѣнъ европейцевъ, — разумѣется, если не обращать вниманія на внѣшнюю сторону: на мундиры, чины и употребленіе носовыхъ платковъ?

Я бы могъ привести еще и другія, не менѣе авторитетныя ссылки, если бы Департаментъ Полиціи, помѣстивъ меня въ Петропавловскую крѣпость, не лишилъ меня средствъ подготовиться къ защитѣ.

Мы въ Петропавловской крѣпости были отрѣзаны отъ внѣшняго міра, какъ въ закупоренной бутылкѣ, гораздо болѣе, чѣмъ это требовалось инте-

ресами судебнаго слѣдствія. И вотъ, въ то время какъ прокуратура при помощи Жандармскаго Управленія и Департамента Полиціи, пустивъ въ ходъ громадный аппаратъ и людей и средствъ, составляла противъ насъ обвинительный актъ, мы были лишены самыхъ обыкновенныхъ юридическихъ пособій, и я напримѣръ, такъ какъ мнѣ не давали свиданій и не доставляли моихъ писемъ адресатамъ, не могъ даже получить новаго Уголовнаго Уложенія не говоря уже о другой юридической литературѣ. Вотъ вамъ кстати, изъ области частнаго права, живой примѣръ тому, какъ трудно отдѣлить и отличить насиліе отъ права.

Въ области государственнаго права самый процессъ нашъ является наилучшимъ доказательствомъ того, насколько правъ знаменитый нѣмецкій ученый въ своихъ сужденіяхъ.

Была въ Россіи неограниченная власть монарха. На этомъ основывался старый образъ правленія, а защищала его ст. 101 Угол. Улож. Теперь власть монарха ограничена и образъ правленія основанъ на народномъ представительствѣ. Но ст. 101 существуетъ и сажаетъ всѣхъ на скамью подсудимыхъ, кто борется противъ неограниченной власти монарха,—она является насиліемъ по отношенію къ новообразовавшемуся праву.

Ибо, если вы признаете новый парламентарный образъ правленія, это новообразовавшееся право, то вы должны признать за нами не только право, но даже кровную обязанность защищать его всѣми находящимися въ нашемъ распоряженіи средствами, хотя бы даже и насильственномъ въ полномъ и формальномъ значеніи этого слова.

Это отнюдь не мой субъективный выводъ изъ правовыхъ положеній, установленныхъ Іерингомъ—нѣтъ, что выводы, къ которымъ пришелъ самъ авторъ въ своемъ переведенномъ на всѣ языки цивилизованныхъ государствъ сочиненіи „Борьба за право“, откуда я и взялъ приведенныя мною выше ссылки. Онъ доказываетъ, что каждый обязанъ защищать свое право не только въ своихъ собственныхъ интересахъ, но въ интересахъ всего общества, а тѣмъ болѣе народъ долженъ всѣми мѣрами отстаивать то, что сознанъ своимъ правомъ, даже если бы ему стояли на пути существующіе законы и существующій государственный строй, — иначе говоря, выражаясь словами нашего уголовнаго законодательства: „насильственно посягнуть на установленный основными законами государства образъ правленія“.

Необходимо это по мнѣнію всемірно признаннаго представителя современной науки права въ интересахъ самаго государства. Вотъ слова Іеринга: „Всякое постановленіе, несправедливое съ точки зрѣнія народа и

ставшее ему ненавистнымъ, вредитъ національному правознанію и могуществу". — „Воспитать національное правосознаніе значитъ заботиться о здоровьѣ и крѣпости государства... Внѣшнимъ механизмомъ права тутъ нельзя отдѣлаться. Законъ и порядокъ были и въ крѣпостномъ правѣ, и въ предохранительной пошлинѣ съ евреевъ, и во многихъ другихъ нормахъ прошлыхъ временъ; но всѣ онѣ стояли въ крутомъ противорѣчіи съ требованіями здороваго, крѣпкаго правосознанія и государство принесло себѣ ими больше вреда, чѣмъ крестьянамъ и евреямъ, надъ которыми все это тяготѣло".

Въ связи съ этимъ знаменитый юристъ въ 1872 г., т. е. 34 года тому назадъ, написалъ слѣдующія слова, ставшія пророческими и для нашей злополучной родины: „И никто не хочетъ понимать того, что тѣ же ворота, черезъ которыя врываются деспотизмъ и произволъ, открыты и для внѣшняго врага; только тогда, когда врагъ уже подъ носомъ, начинаютъ сознавать, хотя уже и поздно, что нравственная сила націи была бы самымъ вѣрнымъ защитникомъ государства противъ внѣшняго врага".

Если бы правительство наше сумѣло во время стать на эту точку зрѣнія, то мы избѣжали бы печальнаго опыта послѣднихъ лѣтъ.

Гг. судьи! Рудольфъ фонъ-Іерингъ нисколько не соціалистъ; наоборотъ, онъ принципіальный противникъ соціализма и проповѣдуетъ борьбу съ нимъ всѣми средствами—за исключеніемъ, однако, тѣхъ, которыя находятся въ противорѣчіи съ правосознаніемъ народа.

Народъ — первоисточникъ всякаго права. А если это такъ, то народъ въ своемъ цѣломъ не можетъ произвести никакого правонарушенія. Чего народъ хочетъ, это и есть право. Воли народа—высшій законъ. Признайте это, и тогда вы должны будете признать, что задача государства только въ томъ и состоитъ, чтобы дать волѣ народа возможно полное и вѣрное выраженіе и осуществить ее на дѣлѣ. Вотъ почему, гдѣ нѣтъ народнаго представительства, тамъ нѣтъ права, а есть только, если употребить слова Іеринга:—„деспотизмъ и произволъ". И вотъ почему народное представительство должно быть основано на такомъ избирательномъ правѣ, которое не даетъ преимущества одному классу, одному общественному слою передъ другимъ. Вотъ почему, наконецъ, избирательное право должно быть всеобщее, равное, прямое и тайное. А если этого нѣтъ и народъ это созналъ, то все то, что стоитъ на пути этому народному правосознанію должно быть разрушено. Революція создаетъ право; поэтому главное право народа есть право на революцію. Это, гг. судьи, отнюдь не идеи будущаго, это меньше всего—соціализмъ, это правовыя идеи современнаго общественнаго строя,

защищаемы официальными представителями науки права въ современныхъ государствахъ.

Ст. 126 Уг. Улож. запрещающая измѣнять или „ниспровергать“ общественный строй, это именно одинъ изъ тѣхъ законовъ, стремящихся оградить „вѣчное существованіе“ того, что существуетъ въ данный моментъ, о которомъ Іерингъ говоритъ, что онъ является „поруганіемъ идеи права“.

Но это еще не все. Законодатель такъ торопился оградить навѣки существующій строй, что забылъ дать намъ указанія, какъ опредѣлить этотъ общественный строй.

Что такое существующій въ государствѣ общественный строй? Что составляетъ его неотъемлемыя части?

Мы знаемъ, что такое образъ правленія. Онъ установленъ Основными Законами Государства Россійскаго. Но кто устанавливалъ общественный строй? Гдѣ намъ взять указанія о его существованіи, чтобы не сбиться?

А межъ тѣмъ сбиться очень не трудно. Я это покажу на примѣрахъ.

Законъ караетъ воровство. Но это не мѣшаетъ тому, чтобы тюрьмы были переполнены ворами. Еще больше ихъ, конечно, находится внѣ острога. Гдѣ частная собственность, тамъ и воровство—онѣ нераздѣльно связаны другъ съ другомъ. Итакъ, воры и воровство существуютъ, они составляютъ неотъемлемую часть современнаго общественнаго строя. Они питаютъ въ очень значительной мѣрѣ правительственный организмъ. Вы знаете, гг. судьи, что чуть ли не девять десятыхъ, всѣхъ преступленій касаются нарушенія права частной собственности. Итакъ, на девять десятыхъ суды, полиція и тюрьмы существуютъ только благодаря тому, что существуютъ нарушенія права собственности. Судьи питаются на счетъ воровъ и мошенниковъ, которые, въ свою очередь, питаются на счетъ общества. Воры работаютъ на судей, извлекая для нихъ средства изъ народныхъ кошельковъ,—ибо и правительство изъ ничего не можетъ создать, вѣдь, даже тѣхъ бумажекъ, которыя оно пускаетъ въ оборотъ вмѣсто денегъ.

Если сосчитать все, что украдено воровами за годъ по всей странѣ, и противопоставить этой суммѣ то, что государство тратитъ ежегодно на судей, полицію и тюрьмы, то будутъ поражены, насколько послѣдняя цифра превосходитъ первую.

Вы скажете, воровство существуетъ, но оно существуетъ, какъ болѣзнь, которую необходимо излѣчить? На это отвѣчаю вамъ: въ современномъ общественномъ строѣ нарушеніе права частной собственности существуетъ,

какъ смерть, которая неразрывно связана съ жизнью и можетъ быть уничтожена только, если прекратить самую жизнь. А кромѣ того, я утверждаю, что тѣ общественныя отношенія, которыя въ настоящее время покоятся на частной собственности и всего больше требуютъ защиты ст. 126 Уг. Улож., сами развились путемъ нарушенія собственности—частной и общественной.

Затѣмъ, такую же неотъемлемую часть современнаго общественнаго строя, какъ воровство, составляетъ проституція. Точно также нищенство.

Однако, никто не станетъ утверждать, что стремиться уничтожить или „ниспровергнуть“ воровство, проституцію, нищенство есть поступокъ, достойный наказанія.

Но все это входитъ въ общественный строй, который весь цѣликомъ, какъ онъ есть, со всѣмъ, что въ немъ, защищенъ статьей 126-ой.

Гдѣ линія, опредѣляющая въ существующемъ въ настоящее время въ государствѣ общественномъ строѣ то, что можно ниспровергнуть, отъ того, что не разрѣшается ниспровергнуть? Ея нѣтъ. Но ст. 126-ая существуетъ и грозитъ каторгой или чѣмъ-то въ этомъ родѣ—я не запомнилъ ея мѣры наказанія.

Отъ кого же зависитъ ея толкованіе? Отъ судьи, который ее прилагаетъ на практикѣ. Но ст. 126-ая охватываетъ все и вся—слѣдовательно, она ничто иное, какъ петля въ рукахъ судьи, которую онъ можетъ набросить на всякаго, на кого ему захочется ее набросить, и наброситъ, конечно, на того, кого ему укажетъ правительство или кого ему подскажутъ понятія и страсти того класса, въ средѣ котораго онъ родился, и получилъ воспитаніе. А такъ какъ судьи выходятъ изъ среды имущихъ классовъ или находятся подъ ихъ вліяніемъ, то и ст. 126, формально берущая подъ свою охрану весь общественный строй, въ дѣйствительности только защищаетъ богатыхъ противъ бѣдныхъ, хозяевъ противъ рабочихъ.

Мы, соціалисты, того мнѣнія, что бѣднота трудящагося человѣка, рабочаго или крестьянина еще худшее зло, чѣмъ нищенство людей, неспособныхъ къ труду. Мы утверждаемъ и основываемся при этомъ на научныхъ изслѣдованіяхъ, что ничтожная заработная плата дѣвушекъ на фабрикѣ создаетъ проституцію. Мы полагаемъ, что, если рабочій, проработавъ вѣкъ свой и создавъ трудомъ своимъ значительное состояніе фабриканту, заводчику или помѣщику, къ концу дней своихъ не имѣетъ куска хлѣба и не имѣетъ куда приткнуться, то это худшее воровство, то это значитъ, что у него украли плоды трудовъ всей его жизни. Но найдется ли въ современномъ обществѣ судья, готовый стать на эту точку

зрѣнія? Если да, то онъ прежде всего долженъ будетъ устранить статью 126 нашихъ законовъ, потому что обезпечить за рабочимъ и крестьяниномъ плоды ихъ труда, а заодно съ этимъ избавить работницу отъ проституціи, уничтожить проституцію вообще, уничтожить нищенство, воровство и тѣмъ самымъ сдѣлать излишнимъ чудовищный и дорогостоющій аппаратъ судей, тюремъ и полиціи этого общественнаго полипа, который растлѣваетъ нравы болѣе, чѣмъ кто-либо или что-либо можно только если ниспровергнуть, или скажете лучше, въ самыхъ основахъ видоизмѣнить существующій въ настоящее время въ государствѣ общественный строй.

. . . . . .

Библиотека
Института В. И. Ленина